

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИИ»**

Международная научно-практическая конференция

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОГРЕССА:
РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(25-27 апреля 2016 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЧАСТЬ 4

Москва – 2016

УДК 008+009+159.9+330

М 82

Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 4 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. – 301 с.

В сборник включены статьи участников конференции: профессорско-преподавательского и научного состава, аспирантов российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских учреждений. Статьи отражают широкий спектр основных направлений исследований в современной гуманитарной и общественной сфере.

Ответственные редакторы:

В.С. Белгородский (Москва, Россия), О.В. Кашеев (Москва, Россия), В.В. Зотов (Москва, Россия), И.В. Антоненко (Москва, Россия).

Редакционный совет: Г.В. Акопов (Самара, Россия), А.А. Аникин (Москва, Россия), Н.Г. Артемцева (Москва, Россия), О.А. Артемьева (Иркутск, Россия), Г.А. Горбань (Запорожье, Украина), Д.Д. Дуйсенбеков (Алматы, Казахстан), О.А. Запека (Москва, Россия), А. Ишикава (Токио, Япония), И.Н. Карицкий (Москва, Россия), М.М. Кашапов (Ярославль, Россия), Л. Кеверески (Битола, Македония), О.В. Ковалева (Москва, Россия), А.Ф. Корниенко (Казань, Россия), А.А. Костригин (Нижний Новгород, Россия), О.М. Краснорядцева (Томск, Россия), Т.Ю. Нечаева (Москва, Россия), М.Д. Няголова (Велико Тырново, Болгария), В.Н. Панферов (Санкт-Петербург, Россия), Е.Г. Страчкова (Москва, Россия), И.А. Сусоколова (Бремен, Германия), П.Т. Тюрин (Рига, Латвия), А.А. Федоров (Новосибирск, Россия), Н.П. Фетискин (Кострома, Россия), М.Д. Чабаркапа (Белград, Сербия), В.А. Янчук (Минск, Беларусь).

ISBN 978-5-87055-352-8
ISBN 978-5-87055-358-0

© Московский государственный университет
дизайна и технологии, 2016
© Обложка. Дизайн. Николаева Н.А., 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

<i>Антоненко И.В., Карицкий И.Н.</i> Предприниматель как пассионарий, культурная традиция и технологический прорыв.....	6
<i>Антипин Л.Н.</i> Социальное партнерство – важнейшее условие развития России.....	13
<i>Архарова А.М.</i> Исследование проблемы получения общего образования детьми с ограниченными возможностями здоровья.....	18
<i>Благовещенский А.В., Зимина Л.С., Калинина Н.В.</i> Проблемы формирования гражданского общества, правового и социального государства в России.....	21
<i>Боженова Е.В.</i> Реформирование ответственности журналистов и СМИ в условиях становления гражданского общества в России.....	25
<i>Горбачева Е.И.</i> Индивидуальные варианты развития гражданской идентичности у молодых россиян.....	31
<i>Горяева Г.С.</i> Гражданское общество и «третий сектор».....	37
<i>Грудинин Н.С.</i> Стабильная избирательная система на выборах депутатов Государственной думы РФ как условие поступательного развития гражданского общества в России.....	42
<i>Грызлова В.П.</i> Правовое регулирование политических институтов гражданского общества.....	47
<i>Джавадов Т.А., Топильская А.Ю., Садовников В.С.</i> Роль студенческого самоуправления в общей системе гражданского общества.....	51
<i>Дроздов С.В.</i> Российский либеральный опыт прошлого на службе современности.....	55
<i>Жигун Л.А.</i> Структура ожиданий населения противодействию коррупции.....	61
<i>Колпина Л.А., Денищик А.Ю.</i> Профсоюзы глазами молодежи: социологический анализ.....	67
<i>Котовская М.Г.</i> Интеграционные процессы в молодежной среде: проблема адаптации мигрантов.....	72
<i>Криворотова Т.А.</i> Социальные смыслы функциональных трансформаций этнокультурной составляющей современного социума.....	79
<i>Колесникова И.А., Лиликталь И.Е., Ярмашова К.В.</i> Задачи развития личности в системе непрерывного образования.....	83
<i>Кузьмина Н.В.</i> Девиантность в этническом поведении: понятие, формы и социальные причины.....	87
<i>Кукель М.В.</i> Ордена Российской Федерации.....	93
<i>Ледовская Т.В., Прудников О.Е.</i> Роль исполнительной власти при разрешении конфликтов на муниципальном и федеральном уровнях...	95
<i>Майкова Э.Ю., Верпатова О.Ю.</i> Особенности региональной	

идентичности жителей Тверской области.....	100
<i>Макарычев В.Н.</i> Гражданское общество, общественные организации в воспитании патриотизма.....	107
<i>Мартинкус П.П.</i> «Сад земных наслаждений»: антропное измерение технологических инноваций.....	111
<i>Москвитина О.А.</i> К вопросу о формировании социальных представлений об устройстве общества на уроках обществознания в контексте реализации ФГОС ООО.....	117
<i>Немцов А.А.</i> Некоторые аспекты политической социализации современной студенческой молодежи.....	123
<i>Назарова К.А.</i> Исследование человека современного антропологического типа.....	130
<i>Назарова К.А.</i> Антропометрические и эргономические измерения функционального состояния человека.....	134
<i>Нечаева Т.Ю.</i> Особенности функционирования политических партий в Российской Федерации и перспективы партийного строительства....	139
<i>Объедков И.В.</i> Ральф Паркер: журналист или разведчик?.....	146
<i>Пипия К.Д.</i> Ксенофобские настроения россиян как вызов бесконфликтному развитию страны.....	153
<i>Ухалова А.О.</i> Способы определения «молодости» пользователями социальной сети Instagram.....	157
<i>Фролова Е.В.</i> Взаимодействие местных органов власти и населения как фактор развития гражданского общества.....	165
<i>Цумарева Е.П.</i> Деятельность либеральной прессы по формированию гражданского общества в Российской империи (1905-1914 гг.).....	169
<i>Чирков П.А., Каишковский В.В.</i> Педагог в уголовном правосудии – проводник интересов гражданского общества.....	175
<i>Вайнер Е.С.</i> Некоторые юридические проблемы, возникающие при раздельном проживании родителей.....	179
<i>Лейния Л., Мартинсоне К., Левина Е.</i> Культурные дименсии и использование интернета в постсоветских странах.....	182
<i>Булков А.А.</i> От интернет-зависимости к киберфилии: социально-психологический анализ характеристик участников социальных сообществ в интернете.....	189

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ»

<i>Алексейчикова Н.Н.</i> Концепции идеальной семьи в трудах Платона..	195
<i>Андреева Л.А.</i> Роль культуры в модернизации личности.....	200
<i>Аполлонов И.А.</i> Проблема личностной идентичности в контексте философии постмодернизма.....	205
<i>Зорина Е.В.</i> Преподавание философии как средство конструирования социального опыта.....	211

<i>Ильюшенко Н.С.</i> Развитие «симметричных онтологий» как способ преодоления противоречий конструктивистского подхода в социально-гуманитарных науках.....	216
<i>Ковалева О.В., Добрякова О.Б.</i> Гуманитарные риски и роль философского образования в их нейтрализации.....	222
<i>Коржановская Л.Г.</i> «Модель человека» современной эпохи.....	228
<i>Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г.</i> Органицистские представления о развитии общества в российской духовной культуре.....	234
<i>Кузьмина Г.П., Антюшев И.И.</i> Органический принцип в цивилизационных концепциях исторического развития общества.....	240
<i>Михайлова Е.Е.</i> Многофакторная модель социокультурного развития и ее рецепция в современности.....	245
<i>Паниотова Т.С.</i> Утопия как фактор социальных изменений: модель V S функция.....	252
<i>Пурынычева Г.М.</i> Об основаниях социальности.....	258
<i>Пухир В.М.</i> Перспективы нравственного прогресса в постсовременном мире.....	261
<i>Соколов А.В.</i> Традиции и историческое развитие.....	267
<i>Ташлыкова Н.Ю.</i> Сравнение социологического, психологического и философского подходов к исследованию семьи.....	272
<i>Федотова Ю.А.</i> К вопросу о критериях социального развития.....	278
<i>Цибизова Л.А.</i> Социальная идентичность в XXI веке.....	282
<i>Шестакова М.А.</i> Социальные науки и социальная реальность. Проблема дисциплинаризации мышления.....	286
<i>Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е.</i> Теологические истоки гуманизма: Бог есть любовь.....	290
<i>Якушкина Н.В.</i> К вопросу о философских смыслах русской социальности.....	295

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК ПАССИОНАРИЙ, КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

Антоненко И.В., Карицкий И.Н.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

Предприниматель является типичным проявлением пассионарной энергии. Предприниматель характеризуется двадцатью основными психологическими признаками. Россия осуществляет фазовый переход в этногенезе со стадии надлома к стадии инерции, в результате чего в ней снижается качество и количество пассионариев. В России объективно необходим технологический прорыв и инновационные изменения. Этот процесс может быть осуществлен только предпринимателями (пассионариями).

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, пассионарность, предприниматель, психологические характеристики предпринимателя, инновации, культура, доверие, психологическое общество.

ENTREPRENEUR AS PASSIONARIAN, CULTURAL TRADITION AND TECHNOLOGICAL BREAKTHROUGH

Antonenko I.V., Karitsky I.N.

Moscow state university of design and technology, Russia

Entrepreneur is a typical manifestation of passionate energy. The entrepreneur is characterized by twenty major psychological features. Russia carries out a phase transition in the ethno genesis from the fracture stage to the stage of inertia, whereby it reduces the quality and quantity of passionarians. In Russia it is objectively necessary to provide a technological breakthrough and innovative changes. This process can be carried out only by entrepreneurs (passionarians).

Keywords: L.N. Gumilyov, passionarity, entrepreneur, psychological characteristics of entrepreneur, innovation, culture, trust, psychological society.

В своей диссертации «Этногенез и биосфера Земли» (1965-1973) Лев Николаевич Гумилев ввел понятие пассионарности (Гумилев, 1973; 1989). Пассионарность – это свойство некоторых людей внутри популяции обладать повышенной тягой к действию, это непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленное на осуществление каких-либо целей,

личная предприимчивость. Пассионарность, по Гумилеву, является групповой биологической мутацией, обусловленной разовым космическим воздействием (или другими, пока неизвестными, факторами). Эта мутация дает пассионарный толчок, в результате которого в этносе рождается повышенное число активных людей, пассионариев, что, в свою очередь, запускает процесс этногенеза, который со всеми фазами длится около 1200-1500 лет. На первых этапах этногенеза пассионариев много, постепенно на последующих этапах их число снижается. Пассионарность имеет ряд уровней проявления. Примерами высших уровней проявления пассионарности, по Гумилеву, являются: Александр Македонский, Люций Корнелий Сулла, Чингисхан, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, Наполеон Бонапарт.

По данным Льва Гумилева и его учеников и последователей, Россия сейчас переживает фазовый переход со стадии надлома к стадии инерции. Проблема в том, чтобы этот процесс шел с наименьшими издержками. Число пассионариев в стране уменьшается, они имеют более низкие уровни проявления энергетики, но они есть, и их относительно больше в провинции, чем в столицах.

Лев Гумилев в своем исследовании подробно останавливается на классификации пассионарности, выделяя девять–двенадцать ее уровней. Более общая, базовая классификация пассионарности содержит три уровня (Гумилев, 1973; 1989):

- Пассионарность выше нормы (пассионарность в узком смысле) проявляется в поведении как предприимчивость, готовность нести жертвы ради идеала, желание и способность изменять мир, в частности, свой ландшафт;
- Пассионарность на уровне нормы (гармоничность) означает, что ее носитель будет пребывать в равновесии с окружающей средой;
- Пассионарность ниже нормы (субпассионарность) означает склонность к лени, пассивности, паразитизму и предательству.

Специальное внимание хотелось бы обратить на пассионарность на уровне нормы, ею характеризуются люди и этносы, стремящиеся к гармонии с окружающей средой, другими людьми, народами, государствами. Когда завершается период «бури и натиска» и снижается уровень пассионарности этноса, приходит время людей с гармоничной пассионарностью и целые народы могут характеризоваться этим уровнем проявления активности. Особое значение это имеет на стадии инерции этноса.

С нашей точки зрения, типичным пассионарием является предприниматель – человек, создающий нечто принципиально новое в той или иной социальной сфере, обычно его деятельность связывают с областью экономики (предприниматель в узком смысле слова, т.е. собственно предприниматель). Предприниматель может характеризоваться разным уровнем пассионарности, но всегда выше нулевого.

В эпохи Возрождения и Нового времени пассионарность европейских этносов вызвала становление экономической формации капитализма и колонизацию значительной части земного шара европейскими народами. В этносах западноевропейских государств появилось множество людей с повышенной активностью. Они образовали слой предпринимателей, которые в разных социальных сферах совершили процесс преобразования системы средневековых отношений в капиталистические, в том числе путем социальных революций.

Не считая фаз подъема и акматической (по Л.Н. Гумилеву), которые пришлось на период с XII по начало XIX века, в России предпринимательская активность во всех сферах, как экономики, так и науки, искусства, социальных и политических преобразований особенно сильна была в конце XIX – начале XX веков (Антоненко, 1995).

Предпринимательство представляет собой феномен создания нового дела, формирования нового ресурса, которого раньше в обществе не было. Предприниматель преобразует социальную и ментальную реальность, выстраивая в ней новые связи, обогащая ее новыми идеями и продуктами.

Профессор В.Г. Яроцкий в конце XIX – начале XX веков выделил три характерных признака и необходимых элемента предпринимательской деятельности (Яроцкий, 1890/91):

- риск (технический и экономический),
- успешность деятельности самого предпринимателя,
- капитал.

В середине XX века к ним стали добавлять 4-й элемент:

- новаторство.

Австро-американский ученый И. Шумпетер, считающийся родоначальником современного понимания предпринимателя как новатора, писал: «Задача предпринимателей – реформировать и революционизировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле – через использование новых технологических возможностей для производства новых товаров или прежних товаров, но новым методом, благодаря открытию нового источника сырья или рынка готовой продукции – вплоть до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности» (Шумпетер, 1982).

Современный американский ученый Р. Хизрич определяет предпринимательство как «процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью», а предпринимателя как человека, «который затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение достигнутым» (Хизрич, Питерс, 1992).

Таким образом, предприниматель – это всегда пассионарий, человек действия, творческая личность, готовая к риску. Предпринимательская деятельность в сфере экономики – это инициативная, новаторская деятель-

ность субъектов собственности на свой риск по формированию организационных и экономических условий производства товаров и услуг с целью получения прибыли. Она приводит в движение весь производственный потенциал, соединяя средства, труд, материалы и т.д. таким образом, что их совокупная стоимость возрастает.

Но правильно говорить о предпринимательской деятельности не только в сфере экономики, в сфере производства товаров и услуг, но и в более широком ключе – о предпринимательстве в науке, искусстве, социальной и политической деятельности. Предприниматель в любой области вносит ветер перемен, развивая и совершенствуя эту область деятельности, внося в нее принципиально новые элементы, качественно, иногда радикально меняя ее структуру и содержание.

По данным наших эмпирических исследований, к специфическим психологическим характеристикам российского предпринимателя относятся следующие двадцать черт: наличие предпринимательской философии, честность, культура, деловитость, оптимизм, вера, образованность, интуиция, активность, воля, умение контактировать с людьми, жизнелюбие, индивидуализм, способность рисковать, новаторство, адаптивность, воображение, смелость, способность развиваться, самокритичность. Кроме того, в процессе исследования было выяснено, что данные личностные предпринимательские характеристики обладают тремя видами направленности: конструктивной, консервативной и авантюрной (Антоненко, 1995; 2006; 2015).

Определенное соотношение этих направленностей у конкретного предпринимателя обуславливают его большую или меньшую успешность. Несколько округленно предпринимательской деятельности наиболее адекватно следующее соотношение направленностей: 50% – конструктивная, 25% – консервативная и 25% – авантюрная. Это делает его деятельность наиболее успешной.

Количество пассионариев в обществе во все времена, на всех стадиях этногенеза невелико. Лев Гумилев пишет: «Как ни велика роль пассионариев в этногенезе, число их в составе этноса всегда ничтожно» (Гумилев, 1989). Но они определяют направление исторического процесса. В то же время в ходе этногенеза относительное число пассионариев все время снижается. При этом надо иметь в виду, что роль пассионариев в истории не всегда позитивна. Гумилев пишет: «Возможны "перегревы", когда пассионарность выходит из-под контроля разумной целесообразности и из силы созидательной превращается в разрушительную. Тогда гармоничные особи оказываются спасителями своих этносов, но тоже до определенного предела» (Гумилев, 1989).

Уже не первый десяток лет, в том числе и в Советском Союзе, а не только в современной России, руководители страны говорят о необходимости технологического прорыва и инновационных изменений. Это не столько их субъективное желание, сколько объективная потребность. И

при этом мало что делается в государстве, чтобы этот процесс был действительно запущен (кроме бесконечного количества слов и пожеланий). Создается впечатление, что сама государственная система на всех уровнях жестко противостоит инновационным преобразованиям. Психология людей, формирующих иерархию государственной системы, не соответствует стратегии кардинальных изменений. Эти люди консервативны и инертны, они лишены пассионарности даже в малой степени, имея ее на нулевом или отрицательном уровне.

При этом понятно, что технологический прорыв и инновационные изменения могут быть осуществлены именно людьми, имеющими определенный, достаточно высокий уровень пассионарности. Но система с ними борется, выдавливая их из себя, поскольку пассионарии не могут дышать затхлым воздухом консервативности и неподвижности. Таким образом, мы наблюдаем явное противоречие между собственным «пожеланием» системы к прогрессивным изменениям и ее реальным «нежеланием» меняться. Если это противоречие не будет разрешено, ни о каких технологических прорывах и инновационных изменениях речи быть не может.

В то же время, число пассионариев в современной России достаточно малое (Россия осуществляет переход от стадии надлома к стадии инерции, как говорит Гумилев: «к золотой осени цивилизации» (Гумилев, 1989)). Пассионариев буквально надо беречь и создавать особые условия для их проявления, формировать специальную социальную подсистему для деятельности пассионариев, чтобы соседние (и не только соседние) этносы не экспансировали российские территории (и не только территории) в силу в целом ослабленной российской пассионарности.

Значит, встает вопрос о том, какими должны быть эти социальные и политические условия, чтобы открыть дорогу конструктивной пассионарной энергии потенциальных социальных, политических, экономических, культурных, научных и т.п. предпринимателей?

Как показывает история, Россия представляет собой гармоничное единство различных этносов, прежде всего русского, угро-финского и тюркского, образуя евразийский суперэтнос. Гумилев пишет: «Россию правильнее называть суперэтносом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеванию» (Гумилев, 1989).

Во всех регионах России имеются пассионарии, и во всех случаях они невольно борются с консервативной государственной и социальной системой, пытаясь создать в обществе что-то новое. Энергия пассионариев в значительной степени уходит на борьбу с системой, а не на реальное создание инновационных продуктов. Часть из них просто покидает территорию России, уезжая в более благоприятные страны, часть осуществляет свою деятельность на грани законного и криминального.

На наш взгляд, решением вопроса является перемещение пассионариев в руководящие структуры государства на всех уровнях. В этом случае

они не будут выступать в роли бедных просителей, обращающихся к субпассионариям в государственных структурах за разрешениями осуществлять свою предпринимательскую деятельность, а будут сами определять активную и действенную государственную, социальную, культурную, научную политику. Естественно, они должны быть ограничены законом в своих действиях и их деятельность должна носить конструктивный характер.

Понятно также, что мы живем в очень сложном многомерном мире, и сам человек представляет собой сложное многомерное создание. Ни к миру, ни к человеку не применимы односторонние и однозначные оценки. Направленность деятельности пассионарной личности может носить как позитивный, так и негативный характер. Надо привыкать к многомерным и относительным оценкам человека (а не однозначным и абсолютным), в которых пассионарность только один, хотя часто и ключевой момент.

В то же время недостаточный уровень культуры или знаний пассионарной личности, неадекватное понимание рабочей ситуации могут принести больше вреда, чем пользы. Это указывает на необходимость тонких оценок и общего роста культуры российского этноса в плане многомерного видения человека.

Тем не менее, как общая тенденция, в том случае, когда пассионарии будут иметь реальную власть, все насущные вопросы будут:

- во-первых, решаться,
- во-вторых, решаться в несколько раз быстрее (а может быть, и быстрее на несколько порядков),
- в-третьих, их действующие агенты (т.е. пассионарии) будут сами предельно заинтересованы в решении этих вопросов и будут делать все для их решения, изыскивая способы решения даже «нерешаемых» вопросов,
- в-четвертых, пассионарии готовы осуществлять свою деятельность ради идеи, ради поставленной цели, а не ради материального богатства, а это означает резкое снижение коррупции в государстве,
- в-пятых, несомненен рост реальной инновационной активности во всех сферах общества и реальный прогресс, когда Россия не будет, как обычно, догонять более развитые страны, а будет идти своим и перспективным путем.

Это также означает формирование новой культуры российского суперэтноса со значительным увеличением психологической составляющей. Только люди, которые адекватно разбираются в своих психологических свойствах: в характере, темпераменте, мировоззренческой направленности, своих способностях, акцентуациях, других личностных особенностях, в уровне своей энергетики, а также в особенностях психологического склада, способностях и энергетике других людей, могут адекватно оценивать себя и других людей в отношении возможности исполнения ими той или иной деятельности, с профессиональным пониманием выдвигать конкрет-

ных людей на соответствующие их энергетике и способностям должности и следовать за пассионарными руководителями.

По сути, речь идет о формировании психологического общества как особой формы организации социума, в котором практическая психология выходит на первый план, а одной из ключевых компетентностей личности становится психологическая компетентность (Карицкий, 2007; 2009; 2011; Сироткина, Смит, 2008). В таком обществе люди оценивают друг друга по хорошо отрефлексированным психологическим критериям, имеют адекватное представление друг о друге и выстраивают особые социально-психологические технологии функционирования общества на всех уровнях его организации. Человек в нем занимает место, соответствующее его реальным компетенциям. В таком обществе высок уровень социального доверия, а значит низки нерациональные затраты на выстраивание систем безопасности, поскольку позитивная личная репутация становится существенной ценностью (Антоненко, 2006; 2015).

Литература

Антоненко И.В. Личностный аспект деятельности предпринимателя: Дисс... канд. психол. наук. М., 1995.

Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М., 2006.

Антоненко И.В. Сущность доверия как социально-психологического явления // Вестник Университета Российской академии образования. 2015.– №3. – С.34-43.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Дисс... доктора геогр. наук. Л., 1973.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Карицкий И.Н. Теоретико-методологический анализ психологической практики // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. / Отв. ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М: ИП РАН, 2007.– С.223-247.

Карицкий И.Н. Россия как психологическое общество в отражениях Интернета // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. – №28. – С.52-59.

Карицкий И.Н. Системогенез психологической практики // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. – №22.

Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. – Вып. 3. – С.73-90.

Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. Вып. 1: Предприниматель и предпринимательство. М., 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

Яроцкий В.Г. Политическая экономия. СПб., 1890/91.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО – ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Антипин Л.Н.

Московская городская академия ветеринарной медицины и биотехнологии
им. К.И.Скрябина, Россия

В статье показана необходимость единения народов, наций, проживающих на территории Российской Федерации в связи с усилением угроз, исходящих как изнутри нашей страны, так и извне. Большое внимание уделено проблемам социального расслоения общества, вопросам социальной ответственности государства.

Ключевые слова: консолидация, угрозы, социально-экономическая дифференциация, смертность, пенсионер, налоги, социальное государство, Ближневосточный политический узел, социальная ответственность.

SOCIAL PARTNERSHIP – AN IMPORTANT CONDITION OF RUSSIAN DEVELOPMENT

Antipin L.N.

Moscow City Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology im. K.I.Skryabina,
Russia

The article shows the need for unity of the peoples, the nations living on the territory of the Russian Federation in connection with the intensification of threats from inside and outside of our country. Much attention is paid to the problems of social stratification, social responsibility of the state.

Keywords: consolidation, threats, socio-economic differentiation, death, retired, taxes, social state, the Middle East political knot, social responsibility.

В последнее время президент В.В.Путин в своих выступлениях говорил о тех угрозах, с которыми может столкнуться Россия. Без консолидации, хотя бы вокруг базовых общенациональных ценностей и задач, противостать этим угрозам будет невозможно. Необходимость единения народов, наций, проживающих на территории единого государства, подтверждается всей историей развития человечества, в том числе, разумеется, и России. Особое значение эта аксиома приобретает в экстремальные периоды существования государства. Вот лишь один пример, подтверждающий это. В годы Великой Отечественной войны в июле 1943 года И.В.Сталин, бывший тогда председателем ГКО и главой советского правительства, с целью еще большей консолидации советских людей для борьбы против фашистской Германии и ее сателлитов, встречался с тремя высшими иерархами Московского патриархата. Признав, по существу, вину советской власти за гонения против церкви, имевшие место в предше-

ствующие годы, заключил с православной церковью, а, косвенно, и с другими религиозными конфессиями, союз о дружественных отношениях между государством и верующими.

Наша страна находится сегодня на одном из сложнейших и опасных этапов своего существования. По-видимому, не будет преувеличением утверждение о том, что вопрос стоит так: быть ли России самостоятельным великим государством или же она окажется на периферии мирового развития, превратится в зависимую, управляемую внешними силами страну.

К счастью, растет, хотя и не так быстро, как того хотелось бы, число граждан, осознающих эту угрозу. Со всей очевидностью можно говорить о двух главных опасностях, подстерегающих нашу страну. Во-первых, это те угрозы, которые исходят изнутри нашей страны, во-вторых, угрозы извне.

Важнейшей внутренней угрозой является колоссальная социально-экономическая дифференциация, сложившаяся между людьми, которой нет ни в одной европейской стране. По существу, в России в настоящее время сложились две страны и два народа – чрезмерно богатые и чрезмерно бедные. Так, если децильный (десятичный) коэффициент неравенства доходов (отношение средней величины доходов 10% наиболее состоятельной части населения к среднедушевому доходу 10% беднейшей части) в СССР равнялся 3,5-4,5, а по сей день он равен в Швеции, Дании, Норвегии – 4-5, в Германии, Австрии, Франции, Белоруссии – 5-7, в США – 10-12, то в Российской Федерации – 18. Если доходы бедных и богатых различаются в 14,2 раза, в стране возникает реальная опасность социальных волнений. К примеру, революции 1917 года в России начались, когда этот показатель превысил 25 (Зайцев, Викулин, 2013).

На одном полюсе кучка долларовых миллиардеров, две трети из которых получили свое богатство в наследство от бывшего СССР. Каким образом они получили богатство, хорошо известно. На другом полюсе – вымирание бедного населения. Население России, предположительно через поколение, уменьшится почти в два раза, так как, на фоне экономического спада, уменьшается рождаемость и растет смертность от самоубийств и алкоголизма. К 2050 году российское население может сократиться со 143,5 млн. человек до 80 миллионов. По данным, опубликованным Министерством здравоохранения, за первые шесть месяцев 2015 года смертность поднялась на 5,2% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

Заметно повысилась смертность в возрасте от 30 до 45 лет. Министр здравоохранения Вероника Скворцова считает причиной многих из этих смертей алкоголизм. При вскрытии погибших пациентов в 70% случаев выявляется алкоголь в крови. В 40% случаев детская смертность в возрасте до одного года вызвана тем, что пьяные матери придавливают детей во сне. Треть смертей российских мужчин связана с алкоголизмом. С пьянством связан рост числа самоубийств. В некоторых частях Сибири, по дан-

ным экспертов из главного российского центра судебной психиатрии, отмечается 60 самоубийств на 100 000 жителей. Это втрое выше уровня, который ВОЗ считает критическим. Для страны также характерен самый высокий в Европе уровень самоубийств среди подростков. По официальной статистике 23 миллиона россиян (на 3 миллиона больше, чем в прошлом году) живет за чертой бедности (Через поколение..., 2015).

Особенно в тяжелом положении находятся пенсионеры. Правительство сегодня заявило об отказе от обязательств перед пенсионерам по предстоящей индексации их страховой пенсии по фактической инфляции. Следует заметить, что страховая пенсия – это не пособие, это обязательство государства, возникающее вследствие уплаты страховых взносов, которые в интересах будущего пенсионера выплачивает его работодатель.

Подобного отношения к правам пенсионеров не позволяла себе ни одна развитая страна мира. Нет примеров, когда при высокой, тем более двухзначной инфляции, в развитых странах проводилась бы заморозка индексации пенсий. К изменению пенсионного законодательства в развитых странах относятся крайне осторожно. Там правящий класс давно усвоил, что поспешные односторонние действия в этой сфере чреватые дестабилизацией общества. Например, в Великобритании сейчас обсуждается реформа пенсионной системы, которая в полном объеме будет касаться лишь граждан, выходящих на пенсию в 80-х годах нашего века. В Великобритании трудовая пенсия индексируется ежегодно из трех величин: инфляция, рост средней зарплаты и постоянная величина – 2,5% (Кашин Б.С., 2015).

В России взимание с граждан налогов стало чуть ли не главным источником наполнения госбюджета. Их количество и размер постоянно растут, платят в равной степени и богатые, и бедные. Это налог на доходы физических лиц 13% по плоской шкале; единый социальный налог – 30% от заработка наемного работника. Его платит работодатель в социальные фонды – пенсионный (22%), медицинский фонд (5,1%), фонд социального страхования (2,9%). Налог на добавленную стоимость - 18% - закладывается в цену товаров. Его платят не только производители, оптовики и посредники, но и каждый покупатель продуктов, одежды, бытовой техники и т.д.; акцизы - налоги на бензин, алкоголь, табак. Последнее февральское 2016 года повышение подняло на 2 рубля за литр акциз на автомобильный бензин и на 1 рубль за литр – на дизельное топливо, транспортный налог – за владение автомобилем. Его размер устанавливают в регионах. С прошлого (2015 г.) колеблется на уровне 10-25 рублей и выше за лошадиную силу, зависит от мощности автомобиля, его стоимости. Налог на недвижимость (квартиры, загородные участки земли, постройки и т.д.) рассчитывается, исходя из кадастровой стоимости этой собственности, и с 2015 года резко увеличивается.

С 2015 года введены новые налоги: «ПЛАТОН» - плата за проезд по федеральным дорогам для большегрузных машин весом свыше 12 тонн.

Первый тариф – 1,53 руб. за километр. Со временем будет повышаться плата за проведение капитального ремонта в многоэтажных домах. Ее размер устанавливается субъектами РФ. В Москве – 15 руб. с 1 кв. м жилплощади. Есть еще ОСАГО, КАСКО, штрафы, платные парковки – за все вынуждены платить россияне (Платова Г.Ф., 2016).

В СССР методично, без помпы советское руководство принимало решения в пользу народа. Так, 25 декабря 1972 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении взимания налогов с заработной платы рабочих и служащих в размере до 70 рублей в месяц и снижения ставок налогов с заработной платы до 90 рублей в месяц» (Советская Россия. 1973, 2016).

В ст.7 Конституции говорится: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (Конституция Российской Федерации, 2016, ст.7). Уровень социальной ответственности государства можно лично проверить, если сравнить ее с другими развитыми странами, например, с такими монстрами капитализма, как США и Германия. Так вот, в структуре бюджетных расходов 2010 года социальные расходы в США, Германии и России составляли соответственно 50%, 60% и 30%. Данное сравнение явно не в пользу России. К тому же доля социальных расходов у нас с годами сокращается. Так в бюджетах 2015-2016 годов доля социальной сферы стала еще меньше – 27%.

Не менее опасную угрозу, на этот раз нравственному здоровью народа, представляет разрушение традиционных нравственных начал и насаждение чуждого российскому менталитету принципа «Жить для себя». К этому надо добавить навязывание обществу сознанию культа насилия, сексуальной распущенности, вседозволенности под видом свободы и прав человека. Итогом, в том числе этих «внушений», является небывалый рост преступности, наркомании, насилия и жестокости, жертвами которых стали миллионы и миллионы человек.

Немало опасностей представляют для нашей страны угрозы извне. Речь идет, прежде всего, о расширении НАТО и его приближении вплотную к нашим границам. Если в 1991 году в НАТО входило 19 государств, то сегодня – 28.

Большую угрозу для мира и для нас представляет Ближневосточный политический узел. Россия просто пришла на помощь дружественному народу Сирии в критический для него момент – за несколько дней до взятия Дамаска и свержения правительства Башара Асада иностранными наемниками всех мастей. Результаты работы российской авиации превзошли все ожидания – формирования ДАИШ (ИГИЛ), «Джабхат-ан-Нусра» и прочие детища США, Турции, Саудовской Аравии, Катара перешли к обороне, залезли в щели, а кое-где обратились в бегство. И на этом фоне сформированная американцами (якобы для борьбы с террористами) коали-

ция из 63 государств явила жалкое зрелище. Для США это геополитическое поражение, для крупного капитала – потеря миллиардных прибылей, падение престижа американского доллара, расшатывание мировой финансовой системы, сидящей на долларе (Ивашов Л.Г., 2016).

Следует заметить, что человечество, как и все сущее во Вселенной и на Земле движется не в линейном исчислении исторического времени, а циклично, повторяясь на новом этапе развития. С учетом складывающихся условий для безопасного, спокойного существования нашего государства и поступательного развития нам необходимо, как никогда раньше, достижение единства всего населения, проживающего в нашей стране. В качестве первоочередных задач, способствующих выполнению этой цели, могли бы быть следующие:

- восстановление и расширение роли государства в регулировании экономики в интересах всех ее граждан;
- разработка и реализация государственных целевых программ, направленных в первую очередь на ликвидацию бедности и создание достойных условий жизни для всех граждан;
- целенаправленная борьба против коррупции, преступности, распространения наркотиков и алкоголизма;
- широкое использование государственных СМИ для пропаганды традиционных национальных ценностей, высокой духовности и нравственности, воспитание в духе патриотизма;
- обеспечение прав и свобод личности как основы гражданского общества;
- постоянная забота об укреплении обороны страны.

Литература

Зайцев Л.Н., Викулин Я.Н. В сейфах богачей и «народной казне»//Советская Россия. 2013.28 октября.

Кашин Б.С. Угроза дефолта в социальной сфере// Советская Россия. 2015. 22 октября.

Конституция Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 2016 год. М.: Эксмо-Пресс, 2016.

Ивашов Л.Г. Петля анаконды. Приметы надвигающейся большой войны //Советская Россия. 2016. 16 февраля.

Платова Г. РФ - страна налогов // Советская Россия. 2016. 17 марта. Советская Россия. 1973. 21 июля; СССР: взимания отменить и снизить// Советская Россия. 2016. 17 марта.

Через поколение нас станет вдвое меньше. Демография. Прогноз// Советская Россия. 2015. 29 октября.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Архарова А.М.

Московский городской психолого-педагогический университет, Россия

На современном этапе развития общества обозначилась реальная тенденция ухудшения здоровья детей и подростков, увеличение числа детей с ограниченными возможностями здоровья. Даная тенденция социально обозначена и зависит от таких факторов, как экономическое положение в обществе, состояние окружающей среды, условия жизни и воспитания в семье, в образовательном учреждении, наследственность и здоровье родителей.

В условиях модернизации системы образования складывается практика комплексной помощи ребенку со специальными образовательными потребностями, которая с учетом потенциала развития ребенка и индивидуальных образовательных запросов, должна обеспечивать каждому ребенку право на получение качественного образования. Ребенок с ограниченными возможностями здоровья вполне может стать отличным специалистом и приносить экономическую пользу обществу, если он хорошо адаптирован к условиям социума.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с ОВЗ, современное исследование.

A STUDY OF THE PROBLEMS OF OBTAINING GENERAL EDUCATION CHILDREN WITH DISABILITIES

Arkharova A.M.

The Moscow State University of Psychology and Education, Russia

At the present stage of development of society delineated the real trend of deterioration of children and adolescents' health, quantity of children with disabilities increased. This tendency is socially marked and depends on factors such as the economic situation in the society, the environment, living conditions and upbringing in the family, in an educational institution, heredity and health of the parents.

In conditions of the modernization the system of education appears the practice of comprehensive care for a child with special educational needs, which, taking into account the capacity of the child's development and individual educational needs, should provide every child the right to receive a qualitative education. A child with disabilities can be an excellent specialist and bring economic benefits to society, if he is well adapted to the conditions of society.

Keywords: inclusive education, children with HIA, modern research.

Сейчас в России 4,5% детей относятся к категории лиц с ограниченными возможностями здоровья, это 570 тысяч детей-инвалидов. Конституция же гарантирует, что образование должно быть доступно для всех детей без исключения.

Объективная необходимость для современной системы образования для детей с ОВЗ - это получение доступного и качественного образования, в том числе в рамках инклюзии, то есть совместного обучения детей с ограничениями физического развития и детей без инвалидности в обычных общеобразовательных школах (Егорова, 2013).

В апреле 2012 года в Госдуме прошли парламентские слушания по проблеме инклюзивного образования, там были выработаны рекомендации, содержащие ключевые идеи. Эти рекомендации не противоречат сохранению в России системы коррекционного образования. Но на практике оказывается, что некоторым детям инвалидам отказывают в обучении в обычной школе, но и в коррекционной школе обучение невозможно, так как их расформируют. По последним данным, 30% детей с ОВЗ нигде не получают образования (Акатов, 2014).

Целью настоящего исследования была оценка степени удовлетворенности инклюзивным обучением детей с ОВЗ. Исследование проводилось в семи общеобразовательных школах. В четырех школах дети, имеющие статус детей с ОВЗ, обучались в классах совместно со здоровыми детьми, одна школа являлась интегративной (в каждой параллели имелись один или два специализированных класса для детей с ОВЗ), две школы были обычными общеобразовательными. Было опрошено 40 педагогов и 40 родителей (из них 21 родитель имел ребенка со статусом "ОВЗ").

Использовались следующие методы исследования: наблюдение, беседа, изучение документации, а так же был разработан опросник для родителей и работников школ. Респондентам предлагался опросник закрытого типа, состоящий из 15 вопросов, направленных на выяснение их отношения к инклюзивному обучению детей с ОВЗ в целом, а также выявление проблем, с которыми они сталкиваются, при обучении детей с ОВЗ.

В данных школах среди детей с ОВЗ не было детей с нарушениями психического развития, расстройствами аутистического спектра, значительными когнитивными или поведенческими нарушениями, расстройствами внимания и гиперактивностью. Как сказала одна из обследованных мам: "Такое впечатление, что учреждение «фильтрует» поступающих на обучение детей".

Складывается впечатление, что не программа и деятельность школы подстраивается под детей с ОВЗ, а сами дети подстраиваются под учреждение. Так же, хотелось бы отметить, что школы сильно различались по уровню материально-технического обеспечения потребностей детей с ОВЗ. Если в Центральном округе более развита инфраструктура и рядом находятся главенствующие учреждения, что говорит и об оснащенности школ

нужным оборудованием и о финансировании, то в Восточном округе дела обстоят не так: школа принимает детей с ОВЗ, но она уже стоит, она уже построена и меняться может исключительно внешне. При этом на конкретном примере мальчика с детским церебральным параличом видно, как именно приходится бороться с трудностями: главный вход школы имеет лестницу. А лестница, оснащенная пандусом и специальным подъемом, находится на другой стороне школы, т.е. каждое утро ребенок заходит не через главный вход, а обходит всю школу и специально для него охранником открывается дверь.

Большинство педагогов (80%) были полностью удовлетворены инклюзивной формой школьного обучения. В результате опроса работников школ оказалось, что большинство из них оценивают инклюзивную систему образования достаточно хорошо, половина респондентов считает, что имеющиеся педагогические методы для работы с детьми с разными потребностями разработаны достаточно хорошо. Но почти все работники школы считают, что в данное время функционирует недостаточное количество школ с инклюзивным образованием. Большая часть респондентов отметили улучшение ситуации относительно дискриминационных воззрений о лицах с особыми потребностями и улучшения отношений между учениками после внедрения инклюзивного обучения.

Родители были настроены менее оптимистично. Значительных улучшений и изменений они не заметили. Хотя для них уже большой удачей было то, что ребенок может посещать учреждение не закрытого типа. Опрос родителей детей с особыми потребностями и детей с нормальным развитием подтвердил результаты, полученные после опроса педагогов: более половины родителей отметили, что не все дети имеют равный доступ к возможности получать и поддерживать приемлемый уровень знаний, не во всех школах есть нормальный доступ для детей с особыми потребностями, а количество инклюзивных школ недостаточно.

Большинство отмечает, что за последние 5 лет изменились дискриминационные воззрения в обществе относительно лиц с особыми потребностями, а инклюзивное обучение способствует налаживанию социальных связей их детей. Практически все родители хорошо информированы о происходящих изменениях в школах и отмечают, что такая система образования способствует повышению толерантности к людям с особыми потребностями в обществе. Родители, также как и работники школ, видят эффективность инклюзивного образования, в сравнении с другими подходами.

В качестве вывода данного исследования, можно сказать о положительной динамике развития инклюзивного образования. Но существуют также определенные потребности школ, педагогов в модернизации своей деятельности. Если игнорировать данные потребности, то это может привести к необратимым потерям в достижении возможного уровня реабилитации ребенка.

Литература

Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы. М., 2014.

Егорова Т.В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями. М., 2013.

Инклюзивное образование в России. М., ЮНИСЕФ, 2015.

Краснокутская Е.Н., Морозова Н.С. Психолого-педагогическая реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья в детско-родительских группах // Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья. М., 2015.

Rachel Janay, Marta E. Snell Inclusive practice training: change and adaptation of school curricula. USA, 2014.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Благовещенский А.В., Зими́на Л.С., Калинина Н.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассматриваются проблемы формирования гражданского общества и социально-правового государства в России, в частности проблемы, имеющие негативное влияние на процессы демократизации и формирования основ гражданского общества, способы развития гражданского общества. Формирование гражданского общества в России является основой успешного развития демократии. Целью гражданского общества является обеспечение достойного существования граждан. Развитие гражданских свобод позволяет активизировать творчество членов общества, включая активную политическую жизнь, предпринимательство и малый бизнес.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, правовое государство, развитие государства.

PROBLEMS OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY, CONSTITUTIONAL AND SOCIAL STATE IN RUSSIA

Blagoveschensky A.V., L. Zimina S., Kalinina N.V.

Moscow State University of Design and Technology,, Russia

The paper analyzes problems of formation of civil society and the social constitutional state in Russia, in particular, problems having negative influence on process of democratization and formation of bases of civil society, ways of development of civil society. Formation of civil society in Russia is a basis of successful development of democracy. The purpose of civil society is to ensure decent the existence of citizens. The development of civil liberties allows

strengthening the creativity of members of society, including active political life, business and small business.

Keywords: civil society, democracy, legal state, social state.

Гражданское общество – одно из важнейших ключевых понятий. Значительность теоретических и практических аспектов этого понятия обусловлена повышением роли граждан и их добровольных объединений во всех сферах жизнедеятельности человеческого общества — экономической, политической, социальной, духовной.

В трудах многих ученых прошлого и современности вот уже более двух тысячелетий гражданское общество пристально рассматривается, анализируется и описывается все более и более всесторонне, детально и достоверно. Соответственно понятие "гражданское общество", включает в себя различные общечеловеческие ценности, приобретает все большую смысловую значимость.

Возникнув во времена античности, идеи о гражданском обществе прошли долгий эволюционный путь реформ и преобразований. Однако многие исследователи говорили о неразрывной связи гражданского общества и права, которое закрепляло бы основы частной собственности, свободы личности, и гарантировало осуществление прав и свобод человека. По выражению Цицерона: «Закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, обязательное для всех» (Цицерон, 1966, С.24).

Проблемы гражданского общества, связанные с взаимодействием личности, социальных групп, общественных формирований и государством находятся в центре внимания ученых, журналистов и политиков. И это обусловлено тем, что формирование гражданского общества связано с развитием демократии, рыночной экономики и становлением правового государства - иначе говоря, с основополагающим социальным переустройством, в ходе которого должны были бы возникнуть структуры общественного контроля, гарантирующие обратную связь между человеком и обществом.

Если раньше основы гражданского общества были обозначены на идеологическом уровне, то в настоящее время на себя эту функцию взяла Конституция РФ. В Конституции РФ закреплены необходимые элементы гражданского общества. В ст.1 Россия определяется как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (Конституция РФ, ст.1). И хотя в Конституции прямо указывается, что правовое государство уже есть в России, думается, что это скорее пока цель, к которой необходимо стремиться.

В то же время гражданское общество является неконтролируемым продуктом демократии. Оно включает в себя практически все сферы отношений и имеет соответствующие институты гражданского общества. В

качестве институтов выступает система общественных структур, в дела которых государство не вмешивается, но может сотрудничать для непосредственного решения тех или иных проблем.

Существует два способа развития гражданского общества. В первом способе гражданское общество возникает на ранних этапах зарождения государства, оказывая обоюдную поддержку в учреждении государственных органов и их деятельности. При втором способе развития гражданского общества, государство проводит политику поощрения формирования институтов гражданского общества.

Трудности, возникающие при формировании гражданского общества в России, обусловлены историческими условиями. В результате этого формирование гражданского общества в России развивалась вторым способом.

Для успешного существования гражданского общества требуется несколько факторов.

Во-первых, наличие демократического политического режима. Как показывает действительность, независимые от государства СМИ и бизнес проекты не способны вести самостоятельную политику, так как находятся под контролем бюрократии. Что уже говорит о низком этапе развития гражданского общества в России (Лысенко, 2004).

Взаимосвязь между демократическими преобразованиями и формированием гражданского общества является настолько необходимой, что последнее нередко считают неким общим знаменателем подлинной демократии и эффективной рыночной экономики (Бобылев, 2001, С.70-79).

Большое значение для гражданского общества имеет общественный потенциал, а именно формирование различных многопрофильных специалистов как основы новейшего развития российского общества, что позволит России занять достойное место в мировом сообществе наряду с другими государствами. Продвижение по этому пути напрямую зависит от того, какой процент социально активных людей будет затрачивать свои усилия не только на повышение личного благосостояния, сколько на деятельность, связанную с общественным достижением и, в частности, с развитием гражданских структур.

Выступая на открытии Гражданского форума 21 ноября 2001 г. в Кремлевском Дворце, В.В. Путин отметил, что о государстве "судят не только по политическим успехам и развитию экономики, но прежде всего, по людям, по уровню их личной свободы. По тому, насколько влиятельно там гражданское общество". Он обратил особое внимание на то, что в России "гражданское общество нельзя пока считать окончательно сформированным. Но думаю, что вряд ли найдутся страны вообще, где можно сказать, что общество окончательно сформировано. В условиях демократии этот процесс является неперенным и постоянным. А для России, надо признать, этот процесс только начинается". Он считает "абсолютно непро-

дуктивным, практически невозможным и даже опасным пытаться создавать гражданское общество «сверху». Его вообще невозможно создать "по указке"... Оно вырастает самостоятельно, имеет свою собственную корневую базу и питается духом свободы. И только тогда оно становится действительно гражданским (Путин, 2001).

Во-вторых, определенный уровень гражданской культуры, а так же высокий образовательный уровень и высокая гражданская активность населения. Социальная свобода дает простор для самореализации, но при условии высокого уровня информирования. Эти явления под весом бытовых проблем и отступают на дальний план.

В-третьих, параллельное развитие правового государства, обеспечивающее соответствие нормативно-правовой базы современным реалиям. Закрепление принципов современного гражданского права и гарантий их соблюдения на законодательном уровне формально реализует модель правового порядка.

Отсюда вытекающим последствием является необходимость наиболее полно обеспечить права и свободы человека. А это возможно, если суды отделены от других ветвей власти (исполнительной и законодательной) и изолированы от внешнего давления, существуют гарантии справедливого судебного разбирательства. А, следовательно, исполнительные структуры должны быть поставлены под контроль общественности.

В-четвертых, наличие частной собственности и защита прав собственника, что подкрепляет развитие экономических интересов. Развитие малого бизнеса способствует повышению уровня личной ответственности перед обществом. Государство, защищая права, сокращает потребность гражданина в бюджетном финансировании.

Для осуществления максимально конструктивной деятельности гражданское общество должно находиться в состоянии оппозиции к государству для более выгодного и быстрого решения возникающих задач. Это позволяет эффективно воздействовать на органы власти и направить их деятельность в позитивное русло.

Большие сложности вызывает попытка объединить большие массы людей, неспособных дать отчет о своих интересах, что говорит о качественном уровне общества.

Слабые институты гражданского общества, низкий уровень активности граждан в социальной и политической сферах, малая гражданская компетентность, отсутствие готовности большей части населения к освоению демократических институтов и эффективным коллективным действиям с целью отстаивания своих интересов способствуют доминированию организованных, привилегированных групп интересов, представляющих элиту российского общества в системе социально-политического взаимодействия.

Гражданское общество – это очень сложная, многоплановая категория, процесс создания его зависит от множества факторов, условий, как внутригосударственных, так и внешних.

И, все же, перспективы развития гражданского общества в России есть. Об этом говорит и рост числа и объема деятельности структур гражданского общества, формирующихся в России, и создание властью условий для их свободного самостоятельного развития и формирования гражданского сознания свободного человека, которое обеспечивает возрастание самопроявлений личности и повышение гражданской активности россиян.

Литература

Бобылев А.И. Общество, гражданское общество, личность, государство, право: их взаимодействие на современном этапе // Право и политика. 2001. – № 3.

Конституция Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 2016 год. М.: Эксмо-Пресс, 2016.

Лысенко В. Гражданское общество в России не усиливается, а ослабевает// Независимая газета. 2004. 3 сентября.

Путин В.В. Выступление на открытии Гражданского форума 21 ноября 2001 года. [Электронный ресурс] //Президент России. Официальный сайт.

Цицерон. Диалоги. М., 1966. – С. 24.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ И СМИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Боженова Е.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В работе раскрываются обратная специфика деятельности СМИ, посредством которой могут быть нарушены права и свободы непосредственно граждан, организаций и иных участников информационных правоотношений непосредственно от деятельности самих СМИ, в части злоупотребления массовой информацией, опубликовании клеветы и иных сведений, не соответствующих действительности, либо грубо нарушающих чьи-либо права и свободы.

Ключевые слова: средства массовой информации, профессиональная деятельность журналиста, общественное мнение, ущемление законных прав и интересов гражданина, юридическая ответственность, законодательство.

REFORMING THE LIABILITY OF JOURNALISTS AND MEDIA IN THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Bozhenova E. V.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The paper reveals the inverse specificity of activity of mass media through which can be violated rights and freedoms directly to citizens, organizations and other participants in information relationships directly from the activities of the media themselves, in terms of abuse of mass information, publishing libel and other information that is untrue or grossly violate person's rights and freedoms.

Keywords: media, professional activities of journalists, public opinion, denial of the legitimate rights and interests of citizens, legal liability legislation.

Следует признать, что сегодня СМИ получили негласный статус четвертой ветви власти и играют важную роль в формировании правового сознания граждан, концентрируют общественное мнение. В этом положении СМИ кроется опасность, поскольку их влияние на сознание граждан Российской Федерации имеет преимущественно деструктивный характер, наносит вред обществу из-за отсутствия морали, культуры, качества и уважения к зрителю.

Российская Федерация существует как демократическое и независимое государство уже около двадцати пяти лет. Согласно статье 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а в соответствии со статьей 29 «каждому гарантируется свобода мысли и слова» (Конституция РФ, ст.2, 29).

Тем не менее, именно из-за деятельности и качества отечественных СМИ больше всего страдают права граждан.

Существенно отставая от мировых стандартов, мы относительно недавно отказались от рекламы спиртных напитков и сигарет на каналах телевидения. На некоторых телевизионных каналах вопросы нравственности передаваемого материала вообще не рассматриваются. Достаточно вспомнить, что существующие в российском законодательстве пробелы, позволили в дневном эфире транслировать такие программы, как «Дом-2». Только под давлением общественности было возбуждено судебное разбирательство, и программа была перенесена в ночной эфир.

Но это только один из примеров негативного влияния СМИ на общественность. Отсутствие должного правового регулирования породило и у нас такую разновидность фоторепортеров, как «папарацци», которые видят своей основной целью «охоту» за знаменитостями, при этом непрестительно пренебрегают их конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (Конституция РФ, ст.23). Мировая практика защиты интересов личности пошла по пути возможного при-

влечения папарацци к крупным штрафам, а также к ограничению или лишению их свободы, однако отечественное правосудие не стремится создать даже видимость защищенности прав граждан от буквального давления СМИ.

От непрофессиональной деятельности СМИ могут пострадать и рядовые граждане. Достаточно вспомнить безграмотное освещение операции спецслужб при освобождении заложников во время террористического акта на Дубровке в Москве в 2002 году или разжигания потребительского ажиотажа и, как следствие, дефицит гречневой крупы в 2010 году.

К огромному сожалению, таких примеров множество, поэтому сегодня одним из приоритетных направлений реформирования и совершенствования федерального законодательства в области регулирования деятельности СМИ в России – установление ответственности СМИ перед обществом за характер распространяемой информации.

Вопрос о юридической ответственности СМИ актуален еще и потому, что, как справедливо отмечает А.Н. Арнин, СМИ способны нарушить правопорядок или расшатывать социально-политическую и государственную стабильность (Арнин, 2002, С.75). Специфика и значение СМИ приводят к тому, что тон, особенность и характер преподнесение информации может как породить, так и предотвращать конфликты как на локальном, так и на государственном уровне.

Согласно исследованиям Н.Г. Храмцовой, использование в информационно-коммуникативных процессах манипулятивного воздействия, ориентированного на различные категории граждан России, достигло таких масштабов, что начало представлять угрозу безопасности не только личности, но и российского общества и государства. По прогнозам ученых, в XXI веке деструктивные манипуляции человеком, общественным мнением и массовым сознанием могут наряду с социальными конфликтами, экологическими катастрофами и демографическими бедствиями превратиться в глобальную мировую проблему. В последнее время в законодательных и исполнительных органах власти все чаще обсуждаются вопросы защиты от негативных информационно психологических факторов, масштабность и мощность воздействия которых на психику людей выдвигают необходимость обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне общенациональной проблемы (Храмцова, 2006, С.168).

Все обозначенные выше доводы говорят в пользу необходимости усиления мер юридической ответственности СМИ за информацию и способы ее распространения.

Ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» провозглашает недопустимость злоупотребления свободой массовой информации, а именно указывает на недопущение использования СМИ «в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну,

для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань» (Закон РФ № 2124-І, ст.4).

Закон также запрещает использование «в радио-, теле-, видео-, кино-программах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок и иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье, а равно распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена» (Закон РФ № 2124-І, ст.4).

Запрещаются распространение в СМИ, а также в информационно-телекоммуникационных сетях сведений «о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами» (Закон РФ № 2124-І, ст.4).

Только в 2006 г. закон был дополнен положением, согласно которому при освещении контртеррористической операции запрещается распространение в СМИ «сведений о специальных средствах, технических приемах и тактике проведения такой операции, если их распространение может препятствовать проведению контртеррористической операции или поставить под угрозу жизнь и здоровье людей. Сведения о сотрудниках специальных подразделений, лицах, оказывающих содействие в проведении такой операции, выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии террористического акта, и о членах семей указанных лиц могут быть преданы огласке в соответствии с законодательными актами Российской Федерации о государственной тайне и персональных данных» (Закон РФ № 2124-І, ст.4).

По способам воздействия можно выделить юридическую ответственность компенсационную, направленную на возмещение вреда, и репрессивную, реализующуюся в применении наказания. К компенсацион-

ной ответственности относится, в частности, обязанность возместить причиненный вред. Она предусмотрена нормами гражданского и административного права. К репрессивным видам относится, например, административная, уголовная, дисциплинарная ответственность.

Наиболее часто злоупотребление свободой массовой информации путем использования средств массовой информации для осуществления уголовно наказуемых деяний выражается в:

- **клевете (ст. 128.1 УК РФ)**, то есть распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содержащихся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации;

- **нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ)**, то есть незаконном собирании или распространении сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространении этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации;

- **нарушении авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ)**, то есть присвоении авторства (плагиате), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю;

- **возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)**, то есть действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично или с использованием средств массовой информации;

- **ряде преступлений против правосудия, предусмотренных главой 31 УК РФ** (клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя; разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса);

- **оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ)**, то есть публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением;

- **разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 320 УК РФ)**, то есть разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких, если это деяние совершено в целях воспрепятствования его служебной деятельности;

- **публичных призывах к развязыванию агрессивной войны (ст.**

354 УК РФ).

При этом в части привлечения к уголовной ответственности представителя СМИ, судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ по запросу о порядке применения ст. 4 Закона «О средствах массовой информации» вынесла следующую рекомендацию: необходимо различать уголовно-правовую ответственность физического лица за совершение преступления с использованием средств массовой информации и особую форму ответственности, к которой привлекают редакцию средств массовой информации в порядке ст. 16 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» при нарушении ею ст. 4 этого Закона (Тимошенко, Смушкин, 2008).

Привлечение виновного к ответственности осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, которое осуществляется в строго регламентированной процессуальной форме, обеспечивающей установление объективной истины по делу и наказание действительно виновных.

Поскольку преступления представляют собой наиболее опасные для общества деяния, то и меры наказания за них устанавливаются наиболее строгие: обязательные, исправительные работы, конфискация имущества, ограничение свободы, арест, лишение свободы.

Здесь следует отметить, что за ущемление прав и законных интересов граждан могут отвечать как редакция, если она юридическое лицо, так и журналист и главный редактор, в зависимости от того, кто является по действующему законодательству лицом, отвечающим за данный вид правонарушения.

Как отмечают В.В. Быков и С.И. Земскова, пишущие журналисты чаще становятся мишенью для исков и преследований в судебном порядке, чем их снимающие и говорящие в микрофон собраты... Причина - большая доступность печатной продукции для оценки и анализа (Быков, 2004, С.6). Возможно и контроль материалов, идущих в эфир, осуществляется более тщательно и строго.

Приходится признать, что каждый журналист и каждое СМИ не застрахованы от нарушения законодательства, но, безусловно, знание своих прав и обязанностей значительно сократит число правонарушений, судебных разбирательств, число исков к СМИ.

Таким образом, можно констатировать, что факты столкновения интересов СМИ и других социальных институтов обуславливают не только низкий гражданский и правовой уровень журналистов, но и формирование у общества негативного отношения к СМИ, способных диаметрально исказить факты в целом. Профессиональная деятельность журналиста на современном этапе нуждается в действенном механизме правового регулирования с целью пресечения любых злоупотреблений, как в отношении журналиста и его деятельности, так и в отношении нарушения прав граждан.

Литература

Арнин А.Н. Права и свободы человека и эффективное развитие России // Общественные науки и современность. 2002. – № 1.

Быков В.В. Судебные грабли. Проблемы юридической безопасности работников СМИ /В.В. Быков, С.И. Земскова; под ред. А.К. Симонова. М., 2004.

Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. №2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2008.

Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года 363-ФЗ (в ред. от 13.07.2015).

Федеральный закон от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Храмцова Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. №1. Изд-во ТюмГУ, 2006.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЫХ РОССИЯН

Горбачева Е.И.

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, Россия

Обсуждаются основания дифференциации процесса развития гражданской идентичности в современном российском социуме. В качестве таких оснований рассмотрены осознанность и внутренняя согласованность принимаемых гражданских ценностей, активность в реализации практик гражданского участия. Соотношение степени принятия определенных видов гражданских ценностей, характера социальной активности, уровня интеллектуального развития обеспечило требуемую верификацию индивидуальных варианты гражданской идентичности у молодых россиян.

Ключевые слова: нормативы гражданской сферы; гражданская идентичность; гражданские ценности; практики гражданского участия, индивидуальные варианты развития гражданской идентичности.

INDIVIDUAL OPTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIC IDENTITY AMONG YOUNG RUSSIANS

Gorbacheva E.I.

Kaluga State University of K.E. Tsiolkovskiy,, Russia

Discusses the reasons of the differentiation of the process of the development of civil identity in modern Russian society. As such grounds are considered

awareness and internal consistency of accepted civil values, active in implementation practices of civic engagement. Establishing the degree of acceptance of civic values the nature of social activity, level of intellectual development has provided the required verification of individual civil identity among young Russians.

Keywords: standards of the civil sphere; civil values, civil identity; practices of civic engagement; individual options for the development of civic identity.

С вступлением современных обществ в постиндустриальный период понятие «гражданин» претерпевает существенные изменения в связи с запросами и потребностями глобализированного и высоко конкурентного информационного общества (Беляева, Семенова, 2010; Pfau-Effinger, Geissler, 2005). В такой перспективе развитие гражданской идентичности предполагает освоение форм солидарности, способных включить принятие различий в типах поведения, целях и потребностях людей. Речь в данном случае идет о рефлексивной солидарности, которая выражает поддержку других в их отличиях и признание их гражданских прав (Siim, 2004). Гражданская идентичность в данном случае правомерно рассматривать как самоопределение личности в ценностях и практиках гражданской сферы, члены которой «символически представлены в виде лиц, индивидуально ответственных за свои действия, но одновременно чувствующих себя связанными коллективными обязательствами с другими индивидами» (Масловская, 2010, С.72).

Принятие нормативов гражданской сферы предполагает обращение к особому социуму «граждан», не имеющему четко очерченных границ. Ведь с позиции понимания норматива равенства граждан как носителей универсальных гражданских прав, следует отказаться от доступного обыденному суждению заключения, что люди не равны друг другу и не могут рассматриваться изолировано друг от друга (Резник, 2010). Поэтому рецепция и присвоение личностью гражданских ценностей индивидом всегда осуществляется в соответствующей интеллектуальной системе. В ней происходит обоснование принципов совместной жизнедеятельности, осознание себя и других как причину общественных процессов, соотнесение нормативных образцов и поведенческих моделей с собственными ценностями и способами действия (Копосов, 2003). Подобное самоопределение требует применения особых интеллектуальных процедур – концептуализации гражданских прав и свобод в качестве культурно детерминированных универсалий – нормативов гражданской сферы (Акимова, Персиянцева, 2015; Горбачева, 2014).

Эти нормативы представляют собой хотя и желаемый, но труднодостижимый на уровне повседневных практик образ гражданина. Даже в странах с богатыми гражданскими традициями индивиды в свои идентификации включают скорректированные ценностные образцы граждан-

ственности. Хотя в западной социологии и отмечается определенное сходство ценностных выборов и поведенческих практик граждан разных демократических стран, все же признается, что и классическая и модернистская нормативная модели «активного гражданина» не отражают процессы реально складывающейся гражданской идентичности (Геллнер, 2004; Даль, 1994). В действительности, гражданская идентичность представлена преимущественно в виде так называемой «факультативной гражданственности». Он характеризуется тем, что люди, погруженные в семейные и профессиональные роли, время от времени считают возможным сделать нечто «гражданское», например, присоединиться к местной экологической инициативе, внести добровольные пожертвования, подписать петицию в адрес властей против неразумной культурной или образовательной политики и др. Такое выделение согласуется с указанием Б.С. Тернера на необходимость различать активное и пассивное принятие гражданских прав и их реализацию в виде практик (Turner, 2000).

Соотношение принимаемых гражданских ценностей, их согласованности, уровня интеллектуального развития и активности в реализации практик гражданского участия легло в основу выделения индивидуальных вариантов развития гражданской идентичности в современном российском социуме.

Опора на абстрактные понятия, тяготеющие к рациональному пониманию действительности, являются одной из важнейших индивидуальных когнитивных характеристик, опосредствующих интерпретацию и принятие гражданских ценностей. При этом велика роль источников знаний, запечатленных в культуре общества и различных его групп. Нормативопринятие в гражданской сфере может соотноситься с этими источниками в большей степени, чем с собственной интеллектуальной активностью индивида. В ситуации ценностной неопределенности и когнитивного дефицита по поводу воспринимаемых ситуаций гражданского действия установки, присвоенные в доступных для индивида средовых условиях, могут активизироваться в качестве средств житейской интерпретации правовых, нравственных, политических ценностей гражданской сферы.

Поэтому в рассмотрении вариантов развития гражданской идентичности необходимо учитывать, что выражающие ее ценности формируются и актуализируются под влиянием обыденных форм житейского опыта, закрепленных социокультурной средой. Усваивая транслируемые ею ценности, человек, по словам Г.В.Пушкаревой, становится их «заложником», так как они «изнутри» начинают влиять на его мышление и поведение. Поэтому рациональность ценностного выбора ограничена рамками той социокультурной среды, в которой проходит социализация индивида (Пушкарева, 2015).

Ценности активного гражданства не равнозначны, и некоторые из них обладают более значительным потенциалом в плане формирования

гражданской идентичности, чем другие. Например, таким развивающим потенциалом характеризуются ценность личной свободы. Вместе с тем эта ценность в наибольшей степени может быть подвержена искажению в общественном сознании в направлении приписывания ей смыслов эгоистического самоутверждения и обособления. Эта тенденция «негативной конверсии», при которой элементы негативной идентичности становятся господствующими, в то время как позитивные ценностные образования в гражданском сознании размываются, особенно характерна для современной России (Лапкин, Пантин, 2000).

В условиях обогащенной и наполненной гражданскими смыслами социокультурной среды индивид приучается использовать гражданские ценности как своего рода «символический капитал», воспринимая их как «полезную» и «хорошую традицию. Такие случаи имел в виду П.Бурдье, когда отмечал, что «что практики, порожденные габитусом и управляемые прошлыми условиями формирования порождающего их принципа, заранее адаптированы к объективным условиям всякий раз, когда условия, в которых функционирует габитус, идентичны или похожи на условия, в которых он сформировался. Соответствие объективным условиям достигается наилучшим и непосредственным образом, порождая при этом полнейшую иллюзию целенаправленности или, что сводится к тому же, иллюзию саморегулирующегося механизма» (Бурдье, 2001, С.121). Ценностный выбор здесь является фактически реактивным и безальтернативным, поскольку он базируется на нерелефлексивной установке, которая субъективно воспринимается как единственно возможная в данной ситуации. Тогда как подлинный выбор и рациональная интерпретация гражданских нормативов предполагает целенаправленную оценку различных вариантов социального действия. Только включение интеллекта создает проблемное поле гражданских действий и смыслов, индивид начинает не только замечать явления и объекты гражданской сферы, но и осуществлять практики взаимодействия с ними.

Первый, выделенный нами вариант гражданской идентичности, базируется на взаимосвязи взаимосогласованных принимаемых гражданских ценностей и средневысокого или высокого уровня интеллекта. Каждый из указанных показателей положительно соотносится с общественной, гражданской направленностью реализуемых практик социальной активности. Он получил условное название «рефлексивная гражданская идентичность».

Второй вариант, под условным названием «латентная гражданская идентичность», представлен согласованным и относительно высоким принятием гражданских ценностей, ситуативной включенностью в гражданские практики. И степень принятия гражданских ценностей, и качество реализуемой социальной активности не связаны положительно и значимо с уровнем интеллекта. Принимаемые гражданские ценности в этом случае

функционируют в форме так называемого «габитуса», который неосознанно актуализируется в соответствующем социокультурном контексте. Позитивно оцениваемые гражданские нормы легитимизируют социальную позицию молодого человека в соответствующем культурном «поле». При этом следует учесть, что идентификацию с гражданскими ценностями и практиками, осуществляемую без интеллектуальной проработки социальных проблем и рефлексивной ориентации в ситуациях гражданской сферы, нельзя признать устойчивой.

Третий индивидуальный вариант гражданской идентичности – «гибридная идентичность» - базируется на несогласованном и противоречивом отношении к ценностям гражданской сферы. Например, на фоне выраженного признания необходимости уважать свободы личности в получении информации, в распоряжении своим временем и средствами, в выборе страны проживания проявляется позиция превосходства по отношению к «инородцам», низкий уровень доверия к правовым институтам, благотворительным организациям, признание западной цивилизации как «враждебного» мира. Невысокий уровень принятия ценностей гражданской сферы в данном случае непосредственно не соотносится с величиной интеллектуального ресурса личности. Ценностный выбор здесь основывается на актуализации обыденных форм житейского опыта, закрепленных соответствующей социокультурной средой. Для данного варианта гражданской идентичности также характерно, что эпизодическое участие в общественных практиках, в основном, реализуется посредством информационной активности и обсуждения тех или иных проблем социального характера в социальных сетях в «своих» группах.

Четвертый индивидуальный вариант, названный «антигражданская идентичность», представлен отрицательными отношениями к ценностям гражданского общества, которые соотносятся с низким и средним уровнями интеллекта. Характерна и низкая интенсивность практик социальной активности, которые если и реализуются, то носят мобилизационный характер, поскольку регламентируются транслируемой властными структурами «повесткой дня».

Пятый индивидуальный вариант гражданской идентичности, названный «отчужденной, или отсутствующей идентичностью» характеризуется индифферентным или умеренно негативным отношением к гражданским правам и свободам, избеганием любых форм гражданской активности, и все эти показатели соотносятся с низким уровнем интеллекта.

Проведенный в рамках исследования на выборке студентов московских и калужских вузов (проект 14-06-00658 РГНФ «Ценности и практики гражданского поведения как функция интеллектуальной дифференциации») анализ паттернов корреляционных связей между степенью принятия гражданских ценностей, характером социальной активности и уровнем интеллектуального развития обеспечил требуемую верификацию призна-

ков, дифференцирующих описанные выше индивидуальные варианты гражданской идентичности у современных молодых россиян.

Литература

Акимова М.К, Персиянцева С.В. Взаимосвязь гражданской идентичности с уровнем развития интеллекта // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 3 (5). – С.198-201.

Беляева Л.А., Семенова Ю. А. Толерантность в структуре гражданской идентичности личности // Философия образования. 2010. – № 2 (31). – С.240-246.

Бурдые П. Практический смысл. СПб: Алетейя, 2001.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., Московская школа политических исследований. 2004.

Горбачева Е.И Культурные и интеллектуальные ресурсы развития гражданской идентичности у студентов вуза // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования: материалы V Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Ч.1. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – С.256-264.

Даль Р. Проблемы гражданской компетентности / Р. Даль // Век XX и мир. 1994. – №№ 7-8. – С.164-182.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в России: Россия: экономика и политика // Мировая экономика и международные отношения. 2000. – № 4. – С.54-63.

Копосов Н. Е. Логика демократии // Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. 2003. – № 64(6).

Масловская Е. В. Эволюция западных концепций в социологии права и гражданской сфере // Социологические исследования. 2010. – № 12. – С.70-79.

Пушкарева Г.В. Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Полис. 2015. – № 1. – С.55-70.

Резник Ю.М Человек гражданский: в поисках идентичности // Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. том IV. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С.305-325.

Siim, B. Globalisation, democracy and participation: the dilemmas of the Danish citizenship model // Andersen J., Siim B. (eds) The politics of inclusion and empowerment: Gender, class and citizenship. Basingstoke: Palgrave, 2004.

Pfau-Effinger, B. Geissler, B. Care and social integration in European societies. Bristol: The Policy Press, 2005.

Turner B.S. The Erosion of Citizenship// British journal of sociology.2001. – v.52. – №2. – P.189-209.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ТРЕТИЙ СЕКТОР»

Горяева Г.С.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием в России организаций «третьего сектора», являющихся основой современного гражданского общества. Показываются особенности некоммерческих организаций, которые позволяют им выполнять существенную роль в процессах углубления демократической политической системы. В последнее время гражданская активность смещается от политических партий в сторону неполитических общественных объединений.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческие организации, третий сектор, политическая система, социальная услуга, Общественная палата, общественные объединения, молодежные организации.

CIVIL SOCIETY AND THE "THIRD SECTOR"

Goryaeva G.S.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The issues related to the formation of Russia's "third sector" organizations, which are currently regarded as base of a modern civil society, are discussed in this article. It shows the characteristics of non-profit organizations that allow them to perform a significant role in deepening of the democratic political system. The recent trend is the redistribution of the civil engagement of political parties towards non-political associations.

Keywords: civil society, non-profit organizations, third sector, politic system, social services, Public Chamber, associations and youth organizations.

Статья 30 Конституции РФ признает за гражданами «право на объединение» и гарантирует «свободу деятельности общественных организаций» (Конституция РФ, ст.30). Одной из основных форм реализации права граждан на объединение являются некоммерческие организации, которые могут создаваться в форме общественных, благотворительных организаций, некоммерческих партнерств, автономных организаций и учреждений. Среди общественных объединений особый статус имеют религиозные объединения, политические партии, профессиональные союзы, молодежные и детские организации.

Негосударственные, некоммерческие и добровольческие объединения принято называть организациями «третьего сектора». Идею «третьего сектора» можно назвать относительно новой, поскольку в развитых странах она вошла в научный оборот лишь в начале 90-х годов XX века, когда в мире наблюдался значительный рост количества таких организаций. Од-

нако в России для большинства людей (даже работающих в данном секторе) понятие «третий сектор» остается малознакомым. Его часто путают с «третьей силой», «третьим миром» или «третичным сектором экономики».

«Третий сектор» является сферой реализации частных интересов и проектов граждан. Он образуется по принципу самоуправления в результате активности граждан «снизу». Это сближает его с понятием «гражданское общество». Однако последнее понятие значительно шире, поскольку кроме общественных организаций в структуру гражданского общества входят политические партии и движения, органы местного самоуправления, акционерные общества и другие коммерческие организации (Шашкова, 2001).

Некоммерческие организации (НКО) занимаются оказанием социальных услуг населению, общественно-значимой деятельностью, защитой прав человека, благодаря механизмам общественной экспертизы и контроля способствуют прозрачности и повышению эффективности работы государственных служб и судебной системы (Доклад..., 2013).

От похожих государственных и коммерческих организаций НКО отличается добровольность, независимость, неприбыльный характер деятельности.

«Третий сектор» направлен не только на организацию взаимопомощи граждан путем их объединения с единомышленниками. Он является еще и одним из каналов привлечения внимания органов власти к социальным проблемам общества: нарушениям конституционных прав граждан, углублению социально-экономической дифференциации, росту коррупции, отставанию МРОТ от прожиточного минимума, состоянию здравоохранения, росту преступности и т.д.

В ряде случаев «третий сектор» действует успешнее и экономичнее, чем государственные учреждения, а государству часто оказывается выгоднее передавать средства независимым некоммерческим организациям, чем самому создавать дополнительные организации. Например, в США в 80-е годы в «третий сектор» направлялось более 30% всех расходов на социально-культурные нужды, в том числе более 50% всех федеральных расходов на социальное вспомоществование, культуру, науку и гуманитарные цели. Выгоды бюджетного финансирования независимых НКО особенно велики, когда можно привлечь к работе добровольцев или решаемая задача нестандартна, требуется индивидуальный подход к конкретной категории получателей услуг или глубокая специализация деятельности.

В отличие от политических партий, нацеленных на борьбу за государственную власть, НКО стремятся достичь результата за счет организации действий самих людей и только в крайних случаях прибегают к давлению на органы государственной власти. Недаром на Западе НКО, называемые там «гражданскими инициативами», действуют по либеральному принципу «человек лучше любого правительства знает, что ему нужно» и

видят в действиях государства и других политических институтов угрозу «жизненным шансам» простых людей (Шашкова, С.36).

Таким образом, сотрудничество государства и органов местного самоуправления с организациями «третьего сектора» повышает эффективность использования бюджетных средств, выделяемых на социальные нужды.

Одновременно «третий сектор» нуждается в моральной и материальной поддержке со стороны государства и органов местного самоуправления. В этом секторе в России занято более 828 тыс. человек (1,1% экономически активного населения), но уровень государственной поддержки значительно отстает от развитых стран, что отрицательно сказывается на эффективности его работы.

В каких формах может осуществляться эта поддержка? Это может быть предоставление субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям или передача во владение и (или) в пользование таким организациям государственного имущества (в безвозмездное пользование или в аренду по льготным ставкам арендной платы), в том числе земельных участков. Могут создаваться региональные информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети, предоставляться возможности организациям «третьего сектора» публиковать информацию о своей деятельности.

Органы исполнительной власти могут оказать НКО консультационную поддержку, в том числе путем подготовки методических и аналитических материалов, организации «горячих линий», проведения семинаров и т.д. Ценной будет также помощь в переподготовке и повышении квалификации работников и добровольцев социально ориентированных организаций НКО. Социально ориентированные НКО могут принимать участие в экспертизе нормативных правовых актов, затрагивающих сферу их деятельности.

Органы власти и местного самоуправления могут содействовать повышению прозрачности деятельности социально ориентированных НКО: проводить публичные отчеты НКО, конкурсы, содействовать распространению информации о результатах их деятельности, награждать наиболее активно действующие в социальной сфере НКО и т.д. (Концепция..., 2008).

Деятельность большинства организаций «третьего сектора» нацелена на решение насущных проблем конкретного населенного пункта или региона в целом. Опыт показывает, что там, где представительные и исполнительные органы субъектов Федерации, органы местного самоуправления направляют, поддерживают и стимулируют некоммерческие организации, не вмешиваясь неоправданно в их деятельность, «третий сектор» развивается наиболее успешно.

Обеспечение независимости от спонсоров и учредителей для многих некоммерческих организаций является залогом приобретения, сохранения

и укрепления доверия со стороны спонсоров и лиц, которым некоммерческая организация оказывает услуги. Например, некоммерческие СМИ стремятся завоевать доверие аудитории и уважение коллег, поэтому они заинтересованы в распространении объективной и достоверной информации. Религиозная некоммерческая организация, занимающаяся благотворительностью, не ставят своей целью религиозную пропаганду (по крайней мере явно), чтобы не оттолкнуть возможных спонсоров и не вызвать подозрения у субъектов благотворительности в попытке навязывания им религии.

Чтобы оградить себя от нежелательного вмешательства НКО могут использовать нормативные средства, организационные меры и процедуры независимого надзора и контроля. В частности, учредительные документы, уставы и регламенты организации могут включать положения, исключающие конфликт интересов и обеспечивающие независимость членов попечительских советов и исполнительных органов, соблюдение особых требований к кандидатам на должности в организации, прозрачность финансовой деятельности организации и прочее.

В нашей стране сформирована широкая сеть лидеров «третьего сектора», гражданская инициатива становится важным фактором общественной жизни. Это – социальная база развития нашего гражданского общества. Ответственные активисты взаимодействуют с властью, с Общественной палатой РФ, общественными палатами субъектов РФ, Общероссийским народным фронтом. Палаты и Фронт играют сегодня огромную роль в развитии позитивных гражданских инициатив, они становятся социальным лифтом для гражданских активистов.

Необходимо отметить, что законодательство допускает избыточное количество организационно-правовых форм НКО. Это затрудняет структурирование и контроль за деятельностью некоммерческого сектора. Отсутствует статистический учет «третьего сектора», его экономики, занятости, финансовых потоков. Именно поэтому на определенном этапе развитие некоммерческого сектора было хаотичным, важные для государства и общества инициативы не получали должной поддержки, а деструктивные силы навязывали обществу свою точку зрения.

Политика государства по отношению к структурам гражданского общества, в том числе и к НКО, проявляется в правовом регулировании их деятельности и правоприменительной практике, вкладе в их ресурсное обеспечение и формировании каналов коммуникации между государством и гражданским обществом.

Существенным негативным фактором является неустойчивость человеческих ресурсов: некоммерческие организации имеют малочисленный штат постоянных сотрудников, а доля добровольцев варьируется в зависимости от типа некоммерческой организации. Самыми неустойчивыми являются организации, работающие в сферах здравоохранения и защиты

окружающей среды, более 90% из них характеризуются высокой долей добровольцев (Якобсон, Санович, 2009, С.21-35).

Общественное участие в деятельности НКО остается на низком уровне. Значительная часть россиян не доверяет НКО, а те, кто заявляют о своем доверии, чаще всего упоминают общество защиты прав потребителей, профсоюзы, ветеранские объединения, садовые и дачные товарищества, общества инвалидов. Треть россиян доверяет НКО хотя бы одного вида, лишь 4% россиян доверяют НКО более чем 5 видов (Гражданское общество..., 2011).

Укрепление демократии и развитие местного самоуправления решающим образом зависит от формирования современного гражданского общества, т.е. разнообразных форм цивилизованного взаимодействия граждан, их добровольного участия в общественных делах. В роли основы гражданского общества выступают именно организации «третьего сектора». Чем интенсивнее и результативнее контакты государства с этим сектором, тем лучше взаимопонимание власти и общества, тем менее вероятна дезинтеграция и социальные конфликты.

Хотелось бы, чтобы государственные и муниципальные органы разглядели в НКО серьезного и надежного партнера. К сожалению, политика российского государства к структурам гражданского общества во многом противоречива и еще только формируется.

Литература

Гражданское общество в модернизирующейся России [Электронный ресурс]: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества - CIVICUS» / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

Доклад о развитии институтов гражданского общества в России "Третий сектор" в России: текущее состояние и возможные модели развития. [Электронный ресурс]// Фонд развития гражданского общества. Политические исследования. 15 марта 2013 г. //http://civilfund.ru/mat/20.

Конституция Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 2016 год. М.: Эксмо-Пресс, 2016.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р).

Шашкова Я. Место «Третьего сектора» в структуре общества. // Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью: Материалы круглого стола/ [Под. ред. Ю. Г. Чернышова]. Барнаул: Азбука, 2001. – С.86-87.

Якобсон Л., Мерсиянова И. Гражданское общество в модернизирую-

шейся России. [Электронный ресурс]: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества CIVICUS».

Якобсон Л., Санович С. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения //Общественные науки и современность. 2009.– № 4.

СТАБИЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ КАК УСЛОВИЕ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Грудинин Н.С.

Российский государственный социальный университет, Москва

В статье рассматриваются проблемы развития гражданского общества в современной России во взаимосвязи с реформированием избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Развитие гражданского общества будет более эффективным, если на выборах Государственной Думы будет применяться преференциальное голосование, не будет использоваться технология «паровозов», а сама избирательная система будет закреплена в Конституции России.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, народное представительство, свободные выборы.

STABLE ELECTORAL SYSTEM ON ELECTIONS OF DEPUTIES OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE CONDITION OF FORWARD DEVELOPMENT OF THE CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Grudin N.S.

Russian state social university, Moscow

The article discusses the development of civil society in modern Russia in relation to the reform of the electoral system on elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation. The development of civil society will be more effective if the State Duma elections will be applied to preferential voting, not to be used for technology «steam locomotives» and the electoral system will be fixed in the Constitution of Russia.

Keywords: democracy, civil society, national representation, free elections.

Сегодня о гражданском обществе говорится и пишется столько, сколько не говорится и не пишется, пожалуй, ни об одной из других проблем государственно-политической и общественной жизни современной России. По нашему мнению, гражданское общество представляет собой относительно самостоятельную сферу реализации интересов общества, прав, свобод и законных интересов личности, которые в определенной степени и в определенных моментах противоречат интересам государства.

Представляется, что дальнейшее развитие института гражданского общества в Российской Федерации невозможно без активной жизненной позиции граждан нашего государства. Активная жизненная позиция граждан должна проявляться, в том числе, и при формировании органов государственной власти и местного самоуправления с помощью института свободных выборов. В соответствии с Конституцией 1993 г. и законодательством Российской Федерации в настоящее время непосредственно гражданами России избираются Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, подавляющее большинство высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, депутаты представительных (законодательных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты представительных органов местного самоуправления, а также выборные должностные лица органов местного самоуправления.

Из приведенного нами перечня следует, что основной массив из числа выборов, проводимых на территории Российской Федерации, составляют выборы депутатов представительных органов государственной власти и местного самоуправления. Иными словами, участие граждан в выборах органов народного представительства способствует активизации их жизненной и политической позиции, а, следовательно, оказывает прямое и непосредственное влияние на дальнейшее развитие института гражданского общества в России. Помимо участия граждан в выборах органов народного представительства способствует утверждению института гражданского общества в нашей стране и непосредственное участие самих граждан в работе представительных органов власти в качестве депутатов. Именно поэтому нам необходимо ответить на вопрос, за кого мы голосуем, и как мы голосуем. Иными словами, модель применяемой избирательной системы оказывает прямое влияние на качество функционирования института народного представительства, действующего в системе институтов гражданского общества (Николаев, Грудинин, 2014, С.132-133).

Данная мысль как никогда актуальна в наши дни. Она заставляет задуматься над проблемами вовлечения граждан в политическую жизнь государства, повышения степени представительства их разнообразных политических и экономических интересов в парламентских учреждениях, укрепления их активной гражданской позиции. Решению данных проблем, по нашему глубокому убеждению, должно содействовать дальнейшее раз-

витие гражданского общества в современной России. Развитое гражданское общество должно способствовать проникновению во власть (и, в первую очередь, в ее законодательную ветвь) наиболее достойных, образованных и талантливых граждан, используя для достижения данной цели различные средства, в т.ч. и институт народного представительства.

Поскольку любое современное государство (в т.ч. и Российская Федерация) не является интегральным неделимым целым, можно утверждать, что оно представляет собой совокупность различных групп граждан, которые имеют свои особенные политические, экономические, социальные, национальные, религиозные и другие интересы. Необходимо особо отметить, что данные интересы в определенных ситуациях могут совпадать, а могут и прямо противоречить друг другу. Поэтому для устранения противоречий внутри общества и достижения социального компромисса и единства, государство в силу объективных причин вынуждено считаться с существованием органов народного представительства, в которых различные социальные группы граждан и их объединения имеют возможность выразить свое мнение по ключевым вопросам жизни общества и государства.

Следовательно, развитие гражданского общества и повышение политической активности граждан напрямую зависит от эффективности функционирования института народного представительства. По мнению Б. А. Велихова, только при наличии в государстве органического народного представительства, основанного на использовании пропорциональной избирательной системы, воля парламента будет близка по направлению к равнодействующей воле отдельных народных групп, а сам парламент будет выражать разнообразное и изменчивое содержание народной воли (Велихов, 1917, С.7-8). Иными словами, наличие эффективно функционирующего парламента является неременным условием для формирования и развития полноценного гражданского общества.

Как показывает мировая практика, развитый парламентаризм, т.е. система, при которой обеспечивается и имеет важное значение репрезентативность органа законодательной власти демократического государства, представленность в нем разных социальных слоев и территорий, на сегодняшний день трудно представить без периодических выборов парламента, проводимых на основе всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании, в которых принимает участие наиболее активная часть граждан России, составляющая основу ее гражданского общества (Лысенко, Головин, 2009).

Оценивая избирательное законодательство Российской Федерации и практику проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, необходимо отметить ряд существенных положений, затрагивающих проблемы формирования Государственной Думы Российской Федерации на современном этапе. В-первых, обращает на себя внимание использование на выборах депутатов

Государственной Думы пятого и шестого созывов списочной пропорциональной избирательной системы закрытых партийных списков. Сущность закрытых списков заключается в том, что избиратели отстранены не только от процесса их составления, но и не могут оказать на них никакого влияния в ходе голосования. Основным недостатком данной разновидности списочной пропорциональной избирательной системы является отрыв избирателей от партии: в ходе голосования избиратель имеет возможность отдать свой голос партийному списку в целом, отдать предпочтение тем или иным кандидатам внутри списка он не может.

Нам представляется, что с целью преодоления того недостатка пропорциональной избирательной системы, применяемой в настоящее время на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации, который связан с применением жестких списков, может быть использован шведский опыт. Как известно, на выборах в Риксдаг Швеции используется пропорциональная избирательная система, однако распределение мандатов между кандидатами, включенными в списки политических партий, происходит по правилам, в основе которых лежит преференциальное голосование. Его сущность заключается в том, что наряду с голосованием за политическую партию избиратель знаком может указать фамилию кандидата из избирательного списка политической партии, которого он хотел бы в первую очередь видеть в составе представительного органа. Шведские избиратели обладают только одной преференцией, которую могут отдать только одному кандидату. Если избиратель указывает в бюллетене несколько преференций, такой бюллетень считается недействительным (Орлов, Лейбо, Ракитская, 2007, С.262-266).

По нашему мнению, преференциальное голосование уже в недалеком будущем может быть использовано на выборах депутатов Государственной Думы. При этом оно не должно затрагивать процесс передачи мандатов кандидатам, включенным в общефедеральную часть федеральных списков кандидатов, который должен осуществляться в соответствии с порядком очередности их размещения в списках. Результаты преференциального голосования должны учитываться при распределении мандатов внутри списка между региональными группами кандидатов. Указанная модель пропорциональной системы должна на практике повысить степень взаимосвязи граждан и их депутатов, а, следовательно, привести к повышению электоральной культуры граждан России, степени их политической активности, которая служит залогом успешного развития гражданского общества.

Во-вторых, не может не остаться незамеченным активное применение технологии «паровозов» партийных списков на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации, сущность которой заключается в следующем. Партийные списки на выборах депутатов Государственной Думы возглавляют видные государственные чиновники, регио-

нальные лидеры, часть мест в списке кандидатов резервируется за артистами, спортсменами и лицами, хорошо узнаваемыми и пользующимися широкой поддержкой у избирателей. После выборов чиновники и региональные лидеры, как правило, отказываются от своих депутатских мандатов, которые, в свою очередь, передаются другим кандидатам (как правило, не известным широкому кругу избирателей) внутри данного партийного списка.

По нашему мнению, гражданское общество посредством голосования на выборах депутатов Государственной Думы должно само принимать окончательное решение о том, кто будет представлять его интересы в парламенте Российской Федерации, а также отсекал граждан, недостойных представлять интересы народа в законодательных органах государственной власти.

По этой причине одним из способов решения проблемы «паровозов» партийных списков может послужить введение законодательного запрета отказа кандидатов от полученных мандатов. При отказе кандидата от полученного мандата сразу после выборов этот мандат не должен перераспределяться как внутри данного списка кандидатов, так и передаваться федеральным спискам кандидатов от иных партий. Данный мандат должен оставаться вакантным до следующих выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В-третьих, на выборах депутатов Государственной Думы седьмого созыва, которые состоятся в сентябре 2016 г., распределение депутатских мандатов будет осуществляться по смешанной избирательной системе (как это было ранее, на выборах депутатов Государственной Думы первых четырех созывов). Представляется, что данное решение позволит усилить позиции гражданского общества в России, ибо его наиболее яркие представители получают реальную возможность избираться в Государственную Думу в одномандатных округах. Присутствие депутатов-одномандатников в федеральном парламенте позволит более эффективно отразить интересы гражданского общества и населения конкретных территорий.

Однако, по нашему мнению, указанные изменения должны найти свое отражение не только на уровне федерального законодательства, но и на конституционном уровне. С этой целью необходимым и целесообразным представляется принятие поправки к Конституции Российской Федерации, которая должна закрепить основы избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы. Часть 5 статьи 95 Конституции должна звучать следующим образом: «Государственная Дума состоит из 450 депутатов, 225 из которых избирается в одномандатных избирательных округах и 225 – по федеральным спискам кандидатов в депутаты, выдвигаемым для участия в выборах политическими партиями и избирательными блоками» (Грудинин, 2015).

Таким образом, устранение недостатков избирательной системы, применяемой в настоящее время на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, должно повысить степень эффективности функционирования данного органа государственной власти как органа представительства интересов многонационального народа Российской Федерации – ее гражданского общества. В свою очередь эффективная работа Государственной Думы как органа народного представительства должна повысить степень сопричастности государства и его граждан, повысить их политическую и правовую активность, что, в конечном итоге, является необходимым условием функционирования и развития гражданского общества в России в современном его понимании.

Литература

Николаев А.М., Грудинин Н.С. Реализация принципа свободного волеизъявления граждан на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва // *Права человека: теория, история, практика. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / Под общ. ред. Е.М. Павленко.* Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАН-ХиГС, 2014. – С.127-133.

Велихов Б.А. Сущность и системы пропорциональных выборов. Пг.: Издание журнала «Инициатива и изобретательность», 1917.

Избирательное законодательство и выборы в современном мире / В.И. Лысенко, А.Г. Головин; под общей ред. В.Е. Чурова. М.: МедиаПресс, 2009.

Современные избирательные системы. Вып. 2: Аргентина, Германия, Швеция / А.Г. Орлов, Ю.И. Лейбо, А.И. Ракитская; науч. ред. Ю.А. Веденеев, В.И. Лысенко. М.: РЦОИТ: Норма, 2007.

Грудинин Н.С. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации как орган народного представительства: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2015.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Грызлова В.П.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассматривается проблема правового регулирования политических институтов гражданского общества, что создает возможности и отлаженные механизмы политического участия граждан.

Ключевые слова: правовое регулирование, гражданское общество, политическое участие, гражданская политическая культура.

LEGAL REGULATION OF THE POLITICAL INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY

Gryzlova V.P.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The topic of the article is the problem of legal regulation of the political institutions of civil society that creates opportunities and well-functioning mechanisms for political participation of citizens.

Keywords: legal regulation, civil society, political participation, civil political culture.

Вопросы развития гражданского общества в России находятся в центре внимания научной общественности. Их многоаспектность обусловила большое разнообразие подходов, толкований, оценок. Одной из актуальнейших проблем является анализ состояния правового регулирования функционирования политических институтов гражданского общества.

Гражданское общество представляет собой «сферу частных интересов граждан» (Гегель, 1990, С.228). Вместе с тем оно является важным условием эффективного развития и функционирования демократического государства. Содействие развитию гражданского общества в большинстве программных документов современной России относится к приоритетным направлениям государственной политики (О Концепции, 2008, ст. 5489). При этом гражданское общество невозможно сформировать только путем его правового институционального закрепления. Инициативы со стороны государства должны совпадать с политическими ориентациями и ожиданиями граждан. В своей предвыборной статье «Демократия и качество государства» В.В.Путин акцентировал внимание на необходимость готовности общества к использованию демократических механизмов, так как только практическая реализация предлагаемых государством решений «делает власть народа - демократию – подлинной» (Путин, 2012). Таким образом, необходимо отметить, что объективно существуют два встречных потока: с одной стороны, это государство, выражающее общий, публичный интерес и пытающееся нормами права отрегулировать наибольшее число форм политического участия граждан, которые в результате получают возможности и отлаженные механизмы такого участия. С другой стороны, само гражданское общество, которое должно осознать необходимость формирования и развития гражданской политической культуры не только в стихийном, но и в осознанном, управляемом процессе.

Политическая культура демократии получила свое теоретическое обоснование в концепции гражданской культуры, разработанной американскими учеными Г. Алмондом и С. Вербой в 70-х годах XX века (Алмонд, Верба, 1997). В развитых западных демократиях формирование

гражданского общества и гражданской культуры происходило эволюционно, «снизу» и государство в этом процессе практически не участвовало. Реалии развития современного российского общества таковы, что государство берет на себя обязательства по формированию и развитию гражданской культуры и гражданского общества. Только при взаимодействии и сотрудничестве государства и общества может быть достигнут успех в развитии политической гражданской культуры россиян.

Российское общество находится в состоянии напряженного ожидания такого значимого события как выборы депутатов Государственной Думы, которые состоятся 18 сентября 2016 года. Привлечение населения к активной политической деятельности не является самоцелью развитой гражданской политической культуры. Главное – это поддержание политической стабильности, развивающееся сотрудничество и обратная связь граждан и государства. Гражданское общество в лице своих граждан и институтов должно быть уверено, что власть не будет избегать диалога и сможет учитывать их интересы при принятии решений.

Одним из каналов артикулирования гражданским обществом своих интересов являются собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования. Право на их проведение, закрепленное в ст.31 Конституции РФ, относится к группе политических прав личности.

Б.С.Эбзеев отмечает, что «политические права служат обеспечению участия граждан к ее осуществлению», что они имеют назначением «во-первых, непосредственное участие граждан в управлении государственными делами и местном самоуправлении, во-вторых, способствуют развитию политической активности и самостоятельности граждан и обеспечивают удовлетворение политических интересов граждан; в-третьих, гарантируют гражданам доступ к государственным должностям без каких-либо различий, за исключением специальных требований, установленных законом (Эбзеев, 2005, С.206).

Право собраний понимается как одно из основных прав граждан, согласно которому граждане имеют неограниченную возможность собираться в закрытых помещениях, доступ в которые в принципе может быть ограничен устроителями собрания (Юридический энциклопедический словарь, 2003, С.360). Под свободой манифестаций понимается «возможность проводить демонстрации, шествия, митинги, пикеты и осуществлять любые другие выступления под открытым небом» (Юридический энциклопедический словарь, 2003, С.258).

В ст.2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» законодатель исчерпывающим образом определил, что

собрание – это совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов;

митинг – массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера;

демонстрация – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации;

шествие – массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам;

пикетирование – форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации (Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ., ст. 2485).

В части 2 ст.67 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», (Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ), определяющей условия проведения предвыборной агитации посредством агитационных публичных мероприятий, содержится ссылка на Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

И.С. Колосов отмечает, что, «с точки зрения предметной сущности, реализация права на проведение манифестации может выражаться в виде протеста против политики властей, либо не иметь отношения властям. Смысл права на манифестации больше всего обусловлен так называемыми протестными отношениями, когда люди недовольны политикой властей». Далее указанный автор отмечает, что выходить на манифестации в целях прославления властей и системы было принято в советский период, однако нельзя исключать подобных мероприятий и в наши дни, но не ради этого закреплено данное право в Конституции (Колосов, 2004).

Для общества очень важно, чтобы протестные настроения не принимали форму гражданского неповиновения, не перерастали в публичное и намеренное «нарушение закона ради инициирования изменений законодательства или политики правительства» (Ролз , 1995, С.321). Любое нарушение закона в нашей только развивающемся демократии может непредсказуемо дестабилизировать политическую ситуацию. При любом конфликте интересов власть обязана создавать правовые возможности реализации социальных ресурсов гражданского протестного движения.

Литература

Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ, 21.06.2004, N 25, ст. 2485.

Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.02.2014, N 8, ст. 740.

О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р//Собрание законодательства РФ, 24.11.2008, N 47, ст. 5489.

Алмонд Г, Верба С. Гражданская культура // Антология политической мысли. Т. II. М.: Мысль, 1997.

Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990.

Колосов И.С. Конституционно-правовое закрепление права на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования в Российской Федерации. Ставрополь: СГУ, 2004.

Путин В.В. Демократия и власть государства // Газета «Коммерсантъ». 06.02.2012.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск. 1995.

Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит. 2005.

Юридический энциклопедический словарь / под общ. Ред. В.Е. Кругских. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003.

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Джавадов Т.А., Топильская А.Ю., Садовников В.С.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассмотрена деятельность студенческого самоуправления, на примере Объединенного совета обучающихся Московского государственного университета дизайна и технологии, с точки зрения формирования мини-гражданского общества внутри ВУЗа, путем привлечения самых активных обучающихся в различные студенческие клубы по интересам, что является прямой взаимосвязью с гражданским обществом, взятым в масштабах всей страны.

Ключевые слова: самоуправление, мини-гражданское общество, активные студенты, гражданское общество.

THE ROLE OF STUDENT GOVERNMENT IN COMMON SYSTEM OF CIVIL SOCIETY

Dzhavadov T.A., Topilskaya A.Y., Gardeners V.S.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The topic of the article is the activities of the student government, on the example of the Joint Council of students of the Moscow State University of De-

sign and Technology, from the viewpoint of forming a mini-civil society within the university, by bringing the most active students in various student clubs, which is a direct relationship with civil society, to take in throughout the country.

Keywords: government, mini-civil society, active students, civil society.

Современное состояние российского государства и общества характеризуется активным развитием институтов гражданского общества. Общественные объединения, созданные в различных организационно-правовых формах, иные органы общественного самоуправления граждан все реальнее и настойчивей заявляют о своей важности в выполнении масштабных задач развития государства (Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ).

В настоящее время молодежные общественные объединения выполняют ряд функций: реализация общественно-значимых инициатив молодежи; социализация молодого человека, его становление как личности, как гражданина, способного участвовать в управлении, принимать решения и выполнять поставленные задачи.

Среди молодежных формирований особую роль занимают студенческие общественные организации.

Студенчество включает людей, целенаправленно, систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, занятых учебным трудом (Резник, Черниковская, 2015). По мнению многих исследователей, студенчество – время личностного и профессионального роста человека. Молодой специалист, получив специальные знания, должен быть готовым не только к работе в узкопрофессиональном понимании, но и к профессиональному, интеллектуальному и социальному творчеству. Он должен успешно включиться в различные виды деятельности, обладать мировоззренческим потенциалом, занимать активную гражданскую позицию. Сформировавшись как социально активная личность, студент по окончании вуза будет конкурентоспособен на рынке труда.

Одним из основных институтов социализации студентов является студенческое самоуправление.

В теоретическом плане под самоуправлением понимают самостоятельность какой-либо организованной социальной общности в управлении собственными делами, автономное функционирование какой-либо организационной системы, разрешение ею внутренних проблем, поиск и организация работы исполнителей, которые будут искать выход из имеющихся трудностей.

Особую роль студенческого самоуправления подчеркнул В.В. Путин, в своей телеграмме участникам Всероссийского форума по вопросам студенческого самоуправления. По мнению главы государства, «студенческое самоуправление – это не только решение конкретных задач, но и хорошая

школа, помогающая воспитывать самостоятельность и ответственность, приобретать ценный управленческий и организаторский опыт» (Приветственная телеграмма..., 2006).

Важность студенческих органов самоуправления на современном этапе проявляется во всех высших учебных заведениях России. Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» органы студенческого самоуправления являются обязательными для каждой образовательной организации. Пункт 6 статьи 26 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ гласит: «В целях учета мнения обучающихся <...> и при принятии образовательной организацией локальных нормативных актов, затрагивающих их права и законные интересы, по инициативе обучающихся <...> создаются советы обучающихся (в профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования - студенческие советы)» (Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012, ст.26).

Объединенный совет обучающихся Московского государственного университета дизайна и технологии является органом самоуправления и действует в целях обеспечения реализации прав обучающихся на участие в управлении образовательным процессом, решения важных вопросов жизнедеятельности студенческой молодежи, развития ее социальной активности, поддержки и реализации социально-значимых инициатив.

Целями деятельности Объединенного Совета Обучающихся являются:

- осуществление гуманистического воспитания обучающихся в духе толерантности;
- формирование и развитие гражданской культуры;
- активной гражданской позиции студентов;
- содействие развитию их социальной зрелости и самостоятельности, в духе взаимной требовательности, чувства социальной справедливости, здорового морально-психологического климата, способности к самоорганизации и саморазвитию;
- укрепление нравственных основ общества;
- обеспечение реализации прав на участие студентов и аспирантов в управлении вузом;
- оценке качества образовательного процесса;
- формирование у обучающихся умений и навыков самоуправления, подготовка их к компетентному и ответственному участию в жизни общества (Проект Положения об Объединенном совете обучающихся МГУДТ, 2013).

ОСО – это ребята, которые любят то, что делают, развиваются, мыслят креативно, готовы всегда активно работать во благо университета и быть частью истории великой страны.

В руководство ОСО МГУДТ входят: председатель Объединенного совета обучающихся Университета, председатели студенческих советов институтов, общежитий, а также руководители студенческих клубов. Многие важные вопросы решаются на собрании, которое правомочно при условии участия в нем 2/3 от числа состава членов руководящего органа. Решения принимаются простым большинством голосов от числа присутствующих на собрании.

Процесс принятия решения в ОСО МГУДТ производится следующим образом:

1. Вопрос выносится на всеобщее обозрение;
2. Проводится обсуждение вопросов всеми членами ОСО;
3. Вносятся корректировки (при необходимости);
3. Проводится голосование членов совета;
4. Принимается окончательное решение, закрепляемое протоколом.

Обсуждение вопросов и предложение новых идей, отстаивание своих мнений и позиций, а также их аргументация активными студентами говорит о формировании мини-гражданского общества внутри ВУЗа, что является прямой взаимосвязью с гражданским обществом, взятым в масштабах нашей страны. А под мини-гражданским обществом подразумевается сфера самопроявления свободных граждан, в данном случае обучающихся, и добровольно сформировавшиеся общественные движения и организации внутри ВУЗа, независимые от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны администрации университета.

Во многих высших учебных заведениях благодаря разносторонней деятельности активистов создаются новые проекты, открываются новые направления, которые имеют определенную структуру, обладают индивидуальностью и неповторимостью. Именно оригинальность каждого направления является отправной точкой к возрастанию числа участников, каждый из которых старается усовершенствовать свой клуб по интересам, предложив новую стратегию и ряд интересных мероприятий, способствующих всестороннему развитию личности.

В рамках студенческого самоуправления реализуются работы студентов по следующим направлениям:

- Студенческое научное общество;
- Спортивный клуб;
- Волонтерский центр;
- Культурно-массовый сектор;
- Студенческий пресс-центр
- Сектор по работе с общежитиями;
- Дирекция Студенческого совета;
- Историко-патриотический клуб «Феникс»;
- Студенческая ассоциация народов мира.

Итак, благодаря разносторонней деятельности студенческой организации многие обучающиеся получают возможность приобрести бесценный опыт, который направлен на обогащение мировоззрения и становления гражданского самосознания и самосовершенствование личности во всех ее проявлениях.

Как показывает практика, выпускники средних и высших заведений, принимающие активное участие в жизни ВУЗа и студенческого самоуправления, легко включаются в процесс управления учебным заведением, коллективом или группой людей, легче адаптируются в новых условиях труда. Они находят общий язык с людьми, обладают коммуникабельными способностями, грамотно организуют мероприятия, успешно осуществляют свои творческие замыслы, воплощают идеи. Участие в жизни органов студенческого самоуправления обогащает жизненный опыт, интегрирует получаемые знания, способствует более глубокому пониманию законов развития группы, коллектива и отдельного человека, позволяет найти средства для повышения эффективности коллективной деятельности. Все это доказывает, что студенческое самоуправление способствует развитию гражданского общества, оказывает влияние на профессиональное и личностное совершенствование молодежи.

Литература

Приветственная телеграмма В. В. Путина участникам Всероссийского форума по вопросам студенческого самоуправления, 2006.

Резник С.Д., Черниковская М.В. Организационная культура российского студенчества в условиях изменений социально-экономической среды: Монография. М.: ИНФРА-М, 2015.

Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 31.01.2016) «Об общественных объединениях».

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Проект Положение об Объединенном совете обучающихся МГУДТ, 2013.

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРОШЛОГО НА СЛУЖБЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Дроздов С.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье, на основе исторических источников и научных трудов ведущих специалистов по русскому либерализму, рассматривается первый опыт создания и функционирования российских либеральных партий в начале XX века (Конституционно-демократической партии и Союза 17

октября), а также делается попытка понять причины трагической судьбы либерализма в России.

Ключевые слова: либерализм, кадеты, октябристы, революция.

THE LIBERAL EXPERIENCE OF RUSSIAN PAST AS APPLIED TO MODERNITY

Drozdov S.V.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The paper focuses on the first Russian liberal parties' (the Constitutional Democratic Party and the Union of October 17) experience at the beginning of the XX century and aims at understanding the reasons of their tragic fate in Russia. The paper is based on historical sources and treatises by the leading specialists on Russian liberalism.

Keywords: liberalism, Kadets, Octobrists, revolution.

2016 год – юбилейный для России. Четверть века назад у нас произошли изменения, коренным образом преобразившие весь облик страны. После семидесяти лет однопартийной диктатуры Россия встала на путь демократического развития. Такие атрибуты демократического государства как парламентаризм, многопартийность, рыночная экономика стали достоянием всех российских граждан.

Однако, если оглянуться назад, то мы увидим, что однажды наша страна уже имела подобный опыт. В начале XX века в России произошли события, в значительной мере изменившие ее политическую систему. В государстве с самодержавной формой правления, исключавшей какие бы то ни было проявления демократии, не допускавшей образования политических партий, вдруг появляется парламент в лице Государственной Думы, а многопартийность становится нормой жизни. Поэтому сейчас наша прямая обязанность рационально использовать этот опыт прошлого в нашей современной жизни и извлечь из него максимальную пользу.

Толчком к подобным изменениям тогда послужили события Первой русской революции 1905-1907 гг. Начавшись с кровавого воскресенья 9 января, революция постепенно набирала обороты, и осенью 1905 г. разразилась всероссийской политической стачкой, парализовавшей жизнь огромной страны. Стояли заводы, фабрики, железные дороги, не работали почта, телеграф, многие государственные учреждения, в университетах были отменены занятия. Рабочие, служащие, студенты по всей России выходили на улицы с одними и теми же лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует конституция!». Руководство страны было в шоке. «Что делать?» – с таким традиционным для России вопросом российский самодержец обратился к одному из умнейших членов правительства –

С.Ю.Витте. И тот ответил, что у императора есть два пути: либо подавить все это силой, но тогда будет очень много крови, либо пойти на уступки и дать ИМ то, что ОНИ хотят получить. И стоит отдать должное Николаю II, который еще не мог оправиться от крови, пролитой 9 января: он выбрал второй путь. 17 октября 1905 г. был издан царский манифест, дававший гражданам России основы конституции, и было дано обещание в ближайшие месяцы провести демократические выборы в первый российский парламент.

После выхода манифеста политические партии в России начали расти, как грибы после дождя. Если левые, революционные организации, не требовавшие специального разрешения на свое создание, уже существовали (хотя и незаконно), то законопослушные партии стали создаваться, начиная именно с 17 октября. Так в России возникли две ведущие либеральные партии: Союз 17 октября (октябристы) и Конституционно-демократическая партия (кадеты).

Российский либерализм, пройдя за сто лет своего существования довольно непростой путь, на рубеже XIX-XX веков вошел в качественно новый этап своего развития. В нем возникло и стало набирать силу новое течение, представленное интеллигенцией, в котором высветились имена таких известных ученых и общественных деятелей как Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, В.И.Вернадский, Ф.Ф.Кокошкин, В.А.Маклаков, П.Н.Милюков, С.А.Муромцев, П.И.Новгородцев, Л.И.Петражицкий, И.И.Петрункевич, П.Б.Струве, А.И.Шингарев и др.

Первым серьезным шагом в деле организационного оформления нового либерализма стало издание П.Б.Струве нелегального журнала «Освобождение», выходившего в Штутгарте с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. К осени 1903 г. в России появились две организации либералов – Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов, на базе которых впоследствии и были созданы партии октябристов и кадетов. Образование сразу двух либеральных партий свидетельствовало о невозможности русских либералов договориться между собой.

Союз 17 октября был образован сразу же после выхода манифеста, и дату его появления использовал в своем названии. Союз представлял собой правый фланг российского либерализма и занимал промежуточное положение между кадетами и крайне правыми. Это было можно понять уже из его социального состава, который определяли дворяне-землевладельцы, крупные промышленники и торговцы, а также высокопоставленные государственные чиновники, т.е. люди с солидным общественным и имущественным положением. Сами о себе октябристы говорили: «Мы господская партия» (История политических партий России, 1994, С.91). Лидером Союза 17 октября был потомственный почетный гражданин Александр Иванович Гучков (1862-1936), происходивший из семьи известных московских предпринимателей. Октябристы планировали также привлечь в свою пар-

тию и демократические слои населения, в первую очередь рабочих и крестьян, но этого им сделать так и не удалось.

Появление манифеста 17 октября октябристы расценили «как величайший переворот в судьбах нашего Отечества». «Отныне, - писали они в своем программном воззвании, - наш народ становится политически свободным, наше государство – правовым государством, а в наш государственный строй вводится начало конституционной монархии» (Российские либералы, 1996, С.58).

Будущее России октябристы представляли в виде наследственной конституционной монархии. В то же время они были активными противниками парламентского строя, считая его неприемлемым для России как с исторической, так и с политической точек зрения. В сохранении монархии они видели залог связи с прошлым и «ограждения государственного корабля от ненужных бурь и шатаний» (Политическая история России, 1993, С.111). При этом октябристы выступали за всю полноту демократических свобод, включая свободу совести и вероисповедания, свободу слова, собраний, союзов, а также неприкосновенность личности и жилища.

Большое внимание октябристы уделяли социальным вопросам. Они признавали справедливость требования крестьян об увеличении земельных наделов, а удовлетворить запросы крестьян собирались за счет государства, путем раздачи им пустующих казенных земель, а также путем покупки крестьянами земель у частных владельцев. «Даром же отбирать землю, - считали октябристы, - несправедливо, да и к добру не приведет» (История..., 1994, С.94).

В рабочем вопросе октябристы делали упор на повышение культурно-образовательного уровня рабочих и улучшение их жилищно-бытовых условий. Октябристы готовы были признать свободу рабочих организаций, собраний и даже стачек, но только на почве их экономических, профессиональных и культурных нужд. В вопросе о продолжительности рабочего дня октябристы исходили из интересов русской промышленности. Они выступали против сокращения рабочего дня до 8 часов, аргументируя это тем, что в условиях технической отсталости России, а также огромного количества религиозных праздников сокращение рабочего дня приведет к резкому удорожанию русских товаров и их неконкурентоспособности.

Октябристы не скрывали своего неприятия революции. В прокламациях Союза 17 октября говорилось: «Союз ненавидит революцию как величайшее зло и величайшую помеху в установлении в России порядка». В революции 1905-1907 гг. Союз выступил на стороне правительства.

Гораздо более демократичной была партия кадетов. И хотя партию в народе называли «профессорской», ей как раз удалось привлечь на свою сторону некоторую часть рабочих и крестьян. В основном же партия состояла из трудовой интеллигенции: служащих, преподавателей вузов, учителей, врачей, приказчиков и т.п. Хотя в ней активно работали и предста-

вители русской аристократии, такие как князья Павел и Петр Долгоруковы, князь Д.И.Шаховской, и крупные ученые, такие как академик В.И.Вернадский. Лидером партии и ее главным теоретиком на протяжении всего периода ее существования был профессор истории Павел Николаевич Миллюков (1859 – 1943).

Конституционно-демократическая партия была образована сразу же после выхода манифеста 17 октября 1905 г. и заняла свое место на левом фланге российского либерализма. С целью привлечения в свои ряды демократических слоев населения в январе 1906 г. к основному названию партии было добавлено еще одно, более понятное простому русскому человеку: Партия народной свободы.

Являясь идеологами либерализма нового типа, кадеты считали капитализм наиболее оптимальным вариантом общественного прогресса. Они были противниками революции и выступали за эволюционное развитие общества. Кадеты считали, что революция явилась бы «подлинным несчастьем для России». Политическим идеалом кадетов была парламентарная конституционная монархия английского типа. Они выступали за введение в России всеобщего избирательного права, осуществление всего комплекса демократических свобод (слова, печати, собраний, союзов и т.д.), настаивали на строгом соблюдении гражданских и политических прав личности. Кадетам удалось создать такую модель устройства правового государства, которая могла бы стать образцом для любого демократического государства (Наше Отечество, 1991, Т.1, С.274).

Большое внимание в программе кадетов уделялось решению социальных проблем. При этом наиболее обстоятельно был разработан аграрный вопрос. Кадеты считали, что без частичного принудительного отчуждения помещичьей земли решить крестьянский вопрос в России невозможно. В аграрной программе партии кадетов было записано: «Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян, а также и других разрядов мелких хозяев-землевладельцев, государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке» (Программы..., 1995, С.331).

На упорядочение производственных отношений была направлена программа кадетов по рабочему вопросу. Рабочим, по их мнению, следовало предоставить свободу собраний, стачек и союзов. Программа предполагала введение законодательным путем восьмичасового рабочего дня, запрещение ночных и сверхурочных работ, кроме технически и общественно необходимых, развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда мужчин во вредных производствах, учреждение примирительных камер для нормировки всех отношений найма, обяза-

тельное страхование на случай старости и потери трудоспособности (Программы ..., 1995, С.331).

Февральская революция, свалившаяся как снег на голову на функционеров всех российских политических партий, изменила расстановку сил и в либеральном лагере. Союз 17 октября прекратил свое существование, хотя отдельные его члены продолжали активно работать и в изменившейся обстановке. Для партии же кадетов настал поистине звездный час. В сформированном 2 марта 1917 г. Временном правительстве все ключевые посты заняли представители Партии народной свободы. Правительство возглавил также кадет – князь Г.Е.Львов.

Представители кадетской партии разрабатывали и осуществляли программу Временного правительства. Однако в условиях ослабления исполнительных функций власти реализовать эту программу было практически невозможно. Вместо столь необходимой политической стабильности в стране стремительными темпами развивались дестабилизационные и дезинтеграционные процессы. Росла инфляция, безработица и, как следствие, нужда и отчаяние масс (Шелохаев, 1996, С.255). В то же время, опьяненные революцией массы, хотели получить от нее все и сразу. Они не понимали, что из войны нельзя выйти в одночасье. Они не хотели понимать, что земельный вопрос нельзя решать, пока большинство сельского населения находится на фронте. Они не хотели ждать созыва Учредительного собрания для решения важнейших вопросов российской действительности. В результате авторитет партии кадетов начал резко падать, а на этом фоне стали приобретать популярность дешевые обещания большевиков решить все вопросы сразу, как только они придут к власти. В итоге осенью 1917 г. революция перетекла в свою следующую фазу, когда демократы были отстранены от власти и во главе страны встали левые экстремисты. Судьба партии кадетов была предрешена. Декретом СНК от 28 ноября 1917 г. конституционно-демократическая партия была объявлена партией врагов народа, ее деятельность была запрещена, а ее члены поставлены вне закона.

Трагедией российских либералов явилось то, что находясь между двумя полярными политическими лагерями, реакции и революции, они не только не смогли предотвратить столкновение между ними, но и сами оказались перемолотыми этими жерновами. И хотя в своем окончательном виде кадетская модель являлась для своего времени образцом демократического переустройства России, кадетам, получившим власть в экстремальной политической ситуации, эту модель так и не удалось реализовать. Дело в том, что даже самые хорошие теоретические модели могут оказаться невостребованными или даже отторгнутыми исторической средой, если она внутренне не созрела для их восприятия. В этом смысле можно сказать, что идеи русских либералов начала XX века опередили свое время. И до тех пор, пока в России не сформируется адекватная среда восприятия,

русскому либерализму будет угрожать та же участь, которая выпала на его долю в начале XX века (Шелохаев, 1996, С. 263).

Литература

История политических партий России. /Под ред. А.И. Зевелева. М.: Высшая школа, 1994.

Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1991.

Политическая история России в партиях и лицах. Под рук. В.В. Шелохаева. М.: ТЕРРА, 1993.

Программы политических партий России. Конец XIX - начало XX вв. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995.

Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). Сост. Д.Б.Павлов, В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996.

Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996.

СТРУКТУРА ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Жигун Л.А.

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва

Проведено исследование структуры ожиданий населения по противодействию коррупции двенадцатью институтами власти и общества. Применен метод анализа по общим компонентам. Установлено, что спектр представления респондентов образован восемью основными направлениями противодействия коррупции. Выявлено, что ожидания населения формируются на 89,4% двумя факторами: идеалистическими и рациональными представлениями соответственно - 30,8% и 58,6%. Доля вклада рациональных ожиданий в общее представление респондентов в 7,7 раза превышает вклад эмоциональных ожиданий.

Ключевые слова: ожидания, представление, коррупция, противодействие, институты власти и общества.

STRUCTURE OF EXPECTATIONS OF THE POPULATION ABOUT THE CORRUPTION COUNTERACTION

Zhigun L.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The research of the structure of expectations of the population about the corruption counteraction by twelve institutes of the government and society was conducted. The analysis method on the general components was applied. It was established that the range of representation of respondents is formed by eight

main directions of counteraction of corruption. It was revealed also that expectations of the population are formed for 89,4% by two factors: idealistic and rational representations respectively - 30,8% and 58,6%. The share of a contribution of rational expectations to the general idea of respondents by 7,7 times exceeds a contribution of emotional expectation.

Keywords: expectations, representation, corruption, counteraction, institutes of the government and society.

На сегодняшний день вопросы противодействия государства и общества коррупции стали одной их актуальнейших тем в России. Анализ характера и направлений проявления коррупции сделан в большом количестве публикаций (Жигун, 2015; Жигун, 2015; Журавлев, Юревич, 2014; Камнева, 2015; Мирошниченко, 2010).

Всего за десять последних лет из 24 проблем, тревожащих население, острота проблемы коррупции сместилась с девятого на четвертое место (при этом побывав в 2013 году на третьем месте), встревожив 37% населения (Проблемы и тревоги россиян, 2013, 2014). Согласно статье 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции", одним из основных принципов противодействия коррупции является принцип «сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами».

Для реализации приведенного принципа органам власти и общества необходимо знание мнения и оценку представлений населения о том, какие конкретно из существующих властных и общественных институтов должны бороться с коррупцией. Знание об отношении населения к органам в борьбе с коррупцией и приписываемых им социальных ролей позволит властным и общественным органам определять социальный эффект осуществляемых мер противодействия коррупции и делать адекватные корректировки в применяемых мерах.

Вместе с тем, по нашему мнению, такие знания недостаточны, разрозненны и бессистемны. Профессиональное изучение такого мнения в масштабах России проводилось ВЦИОМом только в 2004 и 2006 годах объемом общей выборки в 1600 человек со всех субъектов (%) (ВЦИОМ, 2005, 2006):

	15.10.2004 г.	15.11.2006 г.
1. Правоохранительные органы	47	40
2. Все общество	29	37
3. Лично президент Путин	27	27
4. Суды	15	13
5. Специальные комиссии, созданные президентом и правительством	14	14
6. Национальный антикоррупционный комитет	13	14
7. Правозащитные и другие общественные		

организации	11	12
8. Налоговые органы	10	9
9. Местные органы власти	10	8
10. СМИ	4	7
11. Счетная палата	3	3
12. Комитет по финансовому мониторингу	2	3
13. Затрудняюсь ответить	5	5

Приведенные результаты опроса населения ВЦИОМом позволяют определить спектр из восьми основных направлений, по которым население считало в 2004-2006 годах желательным проведение борьбы с коррупцией: а) пресечение коррупции, б) формирование политики противодействия коррупции, в) предотвращение коррупции, г) общественные акции против коррупции, д) выявление условий коррупции, е) наказание за коррупцию, ж) создание антикоррупционных условий в местах проживания, з) журналистские расследования и организация *общественных антикоррупционных дискуссий*.

В частности, наибольшие ожидания население возлагало на властные институты, пресекающие коррупцию: 40-47% (правоохранительные органы). Вторым по значимости в борьбе с коррупцией население видело органы, формирующие и направляющие политику противодействия коррупции: 41% (лично президента Путина 27%, *специальные комиссии, созданные президентом и правительством 14%*). Третьим по важности в борьбе с коррупцией (вероятно в части ее профилактики) население считало все общество (29-37%).

Суммарно значительные ожидания населением возлагались на общественные организации, проводящие общественные акции против коррупции: 24-26% (Национальный антикоррупционный комитет 13-14%, правозащитные и другие общественные организации 11-12%).

Весьма существенные ожидания население возлагало на органы, выявляющие факты коррупции: 14-16% (Налоговые органы 9-10%, Счетная палата 3%, Комитет по финансовому мониторингу 2-3%). Не менее значимыми были ожидания населения по *обеспечению неотвратимости наказания за коррупцию: 13-15% (суды)*. С меньшей степенью население уповало на поддержание антикоррупционных условий в местах проживания: 8-10% (местные органы власти).

Наименьшие надежды население возлагало на *журналистские расследования, организацию общественных антикоррупционных дискуссий* пропаганда нетерпимости к проявлениям коррупции: 4-7% СМИ.

Из наиболее последних опросов о том, какие среди властных и общественных организаций должны участвовать в борьбе с коррупцией, известны данные от жителей Уральска (Казахстан). Как выяснилось, 32,5% опрошиваемых жителей Уральска не знают, кто борется с коррупцией; 33%

полагают, что финансовая полиция («финпол»), 8% считают, что прокуратура, 7% - Комитет национальной безопасности (КНБ), 5 % - Департамент внутренних дел (ДВД), 4% - госструктуры; 1,5 знает о существовании антикоррупционного комитета, а 8 % считают, что никто в Казахстане не борется с коррупцией (Давлетова, 2014).

За прошедшее с 2004-2006 годов время масштабы борьбы в России с коррупцией неизмеримо расширились. Это должно было определенным образом отразиться на представлениях населения о том, каковы масштабы коррупции и результативность борьбы с ней различными институтами власти и общества. Для выявления текущих представлений и ожиданий населения о том, в какой мере органы власти и общественные организации должны бороться с коррупцией, в феврале 2016 года нами в г. Москва были опрошены 130 человек различных социальных групп в возрасте от 20 до 55 лет.

Полученные в результате опроса данные были подвергнуты компонентному анализу, который показал, что 89,4% различий населения во мнениях характеризуются всего двумя факторами: фактор 1 (58,6%) и фактор 2 (30,8%). Распределение значений факторных нагрузок в пространстве этих двух факторов (рисунок) послужило основанием выявления структуры представлений населения о том, какие из институтов власти и общества и в какой мере должны бороться с коррупцией. Полученная структура факторных нагрузок позволила классифицировать представления населения. При этом нумерация факторных нагрузок на рисунке соответствует нумерации институтов власти и общества по опросу ВЦИОМ, приведенному выше.

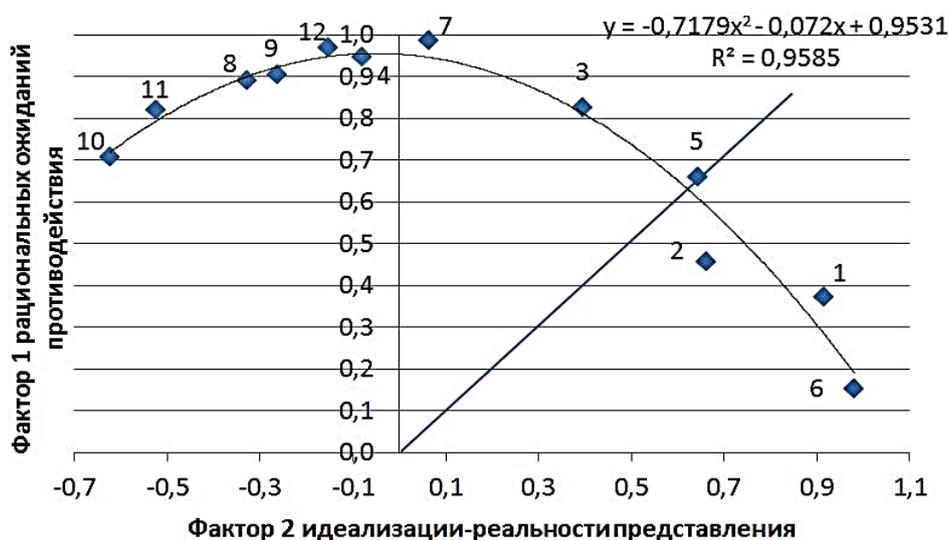

Рисунок 1. Расположение институтов власти и общества в пространстве факторов представлений и ожиданий населения

Из рисунка следует, что оценки представлений населения о месте государственных, муниципальных и общественных институтов в противодействии коррупции, во-первых, размещены в I-м положительном и II-м

отрицательном координатных квадрантах, образованных фактором 1 и фактором 2. Во-вторых, выявленная зависимость с высокой степенью адекватности ($R^2 = 0,9585$) подчинена закономерности вида $y = -0,7179x^2 - 0,072x + 0,9531$. Такое расположение оценок указывает на деление населением всех институтов противодействия коррупции на две основные группы: положительную, состоящую из шести институтов (1-3 и 5-7 институты) и отрицательную, включающую оставшиеся 6 институтов (4, 8-12 институты). Кроме того, I-я положительная группа еще подразделяется на нижний (1-2 и 6 институты), тяготеющий к фактору 2 и верхний (3, 5 и 7 институты), тяготеющий к фактору 1 подквадранты. В результате, к максимуму значений фактора 1 тяготеет девять, а по фактору 2 - только три института. Таким образом, пространство фактора 1 и фактора 2 образовано тремя классами (1, 2, 6; 3, 5, 7 и 4, 8-12) властных и общественных институтов.

Выявленные по квадрантам пространства фактора 1 и фактора 2 три класса позволяют провести их смысловую интерпретацию. Так, в нижнем положительном подквадранте с 1-2 и 6 институтами, тяготеющими к максимуму значений фактора 2 наибольшая факторная нагрузка (0,98) приходится на «6.Национальный антикоррупционный комитет». Дело в том, что такой комитет фактически не функционирует, однако у респондентов нашего опроса он имеет самый высокий средний балл - 8,89 из 10 возможных баллов. По нашему мнению, это факт демонстрирует идеализм респондентов: они желаемое выдают за действительное. Вторыми по силе притяжения к фактору 2 являются «1.Правоохранительные органы» с факторной нагрузкой, равной 0,92. При этом они занимают второе место по среднему баллу: 8,42 балла. К этим двум институтам примыкает «3.Все общество» с факторной нагрузкой по горизонтальной оси, равной 0,67 и занимающее третье место с 6,84 баллами. Участие этих двух институтов со второго и третьего мест в борьбе с коррупцией весьма противоречиво и результаты их борьбы в сознании населения более идеализированы, чем реалистичны. На основании изложенного о 1-м, 2-м и 6-м институтах, положительная часть фактора 2 нами интерпретируется как область идеализированных, а часть, расположенная в отрицательной области – реалистичных представлений. В целом фактор 2 назван фактором идеализации-реальности представлений.

Оставшиеся девять институтов (4, 8-12) тяготеющих к максимуму значений фактора 1 характеризуются тем, что отражают максимальные значения вклада (справа налево: 7,65%, 9,53%, 11,33%, 10,88%, 11,11%, 10,37%, 10,22%, 9,35%, 8,06% соответственно для 5, 3, 7, 4, 12, 9, 8, 11 и 10 институтов) в ожидания борьбы с коррупцией от них. Суммарно их вклад в ожидания респондентов составил 88,5%, тогда как оставшаяся часть (11,5%) вклада идеализированных институтов распределена следующим образом справа налево: 1,83%, 4,35% и 5,32% соответственно для 6-го, 1-го и 2-го институтов. Проведенный анализ по фактору 1 служит нам основа-

нием интерпретировать его как фактор рациональных ожиданий противодействия коррупции.

В целом выполненное исследование представлений жителей г. Москва о том, в какой мере различные властные и общественные институты должны бороться с коррупцией позволило установить следующее: 1) *спектр представления образован восьмью основными направлениями противодействия коррупции*; 2) *структура общего представления о том, какие властные и общественные институты должны бороться с коррупцией формируется на 30,8% идеалистическими представлениями и на 58,6% – рациональными, осмысленными в части фактической возможности удовлетворения ожиданий*; 3) *доля вклада рациональных ожиданий в общее представление респондентов в 7,7 раза превышает вклад эмоциональных ожиданий*.

Литература

ВЦИОМ, 12.01.2005. Пресс-выпуск № 150. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=21&q_id=1786&date=15.10.2004 (Дата обращения 10.03.2016).

Давлетова Ж. Кто должен бороться с коррупцией - сами коррупционеры. Регион Евразия //Региональная общественно-информационная газета. 13.12.2014. URL: <http://region-eurasia.com/index.php/society/item/2183-kto-dolzhen-borotsya-s-korrupsiyey-sami-korrupsionery> (Дата обращения 10.03.2016).

Жигун Л.А. Различия восприятия коррупции социальными группами в России. В сборнике: Экономико-психологические проблемы принятия экономических решений в условиях глобальных изменений. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: 2015. – С. 36-40.

Жигун Л.А. Разработанность теории коррупции: направления, представления, элементы, модели. // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. – № 8 (80). – С. 38.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // СОЦИС. 2014. – № 7. – С. 63–71.

Камнева Е.В. Психологические предпосылки коррумпированного поведения. Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 15-16 октября 2015 года). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С.329-334.

Мирошниченко Д.В. Коррупция в структуре моделей нравственного поведения // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. – №4. – С.116-119.

Проблемы и тревоги россиян. Левада-центр, 2013. URL: <http://www.levada.ru/03-09-2013/problemy-i-trevogi-rossiyan> (Дата обращения 21.06.2015); URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/03/13/6627> (Дата обращения 10.03.2016).

ПРОФСОЮЗЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Колпина Л.А., Денищик А.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия

В статье на основе эмпирических данных авторского массового опроса, проведенного методом анкетирования в 2014-2015 году в Белгородской области, анализируются оценки профсоюзной молодежи относительно работы профсоюзов. Исследование показывает, что работающая молодежь Белгородской области принимает активное участие в работе профсоюзов и использует ресурсы профсоюзов для решения своих социально-экономических проблем. Слабые места в работе с молодежью более всего связаны с недостаточным ее информированием о профсоюзной работе. Кроме того, молодежью недооценивается роль участия в управлении предприятием, организацией, как способа защиты своих социально-экономических интересов.

Ключевые слова: профсоюзы, молодежь, социально-экономические интересы.

TRADE UNIONS THROUGH THE EYES OF YOUNG PEOPLE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Kolpina L.A., Denishchik A.Yu.

Belgorod State National Research University, Russia

On the base of original mass survey which has been fulfilled by the questionnaire in 2014-2015 in the Belgorod region, the authors of the article analyze how young people from trade unions estimate trade unions activity. Research shows that young workers of Belgorod region take an active part in the trade unions activity and use trade union resources to solve social and economic problems. Most weaknesses in working with young people are conditioned by lack of their awareness of trade unions activity. Besides, young people underestimate the role of participation in managing enterprises and organizations as a way to protect their own social and economic interests.

Keywords: trade unions, youth, social and economic interests.

Современное состояние России, характеризующееся общественно-экономической и политической нестабильностью, обостряет проблемы различных групп населения. Одной из таких групп является молодежь, которая, обладая значительными внутренними ресурсами, не только не имеет достаточного опыта реализации этих ресурсов, но и адекватной надежной

внешней системы защиты от неблагоприятных социальных явлений (Лига, Павлова, Щеткина, 2016). Эти и другие подобные проблемы молодежи находятся в поле зрения общественных институтов, среди которых существенное место занимают профсоюзы, уделяющие этой группе особое внимание. Являясь добровольной общественной организацией, объединяющей работников согласно их сферам деятельности для защиты трудовых, социальных и экономических интересов участников (Смоленский, 2011, С.58), они совместно с работодателями и государством являются равноправными исполнителями трудового законодательства.

Однако современные российские профсоюзы не рассматриваются населением в качестве субъекта защиты его социально-экономических интересов. По данным ФОМ об участии в их деятельности сообщает всего 5% населения малых и средних городов (Фонд общественное мнение, 2014). Данные различных социологических служб показывают, что профсоюзы уже многие годы являются одними из лидеров в рейтингах недоверия (Моргунова, 2012). Результаты исследования ВЦИОМ показывают, что 68% респондентов низко оценивают роль профсоюзных организаций в защите прав трудящихся в нашей стране, а 42% отмечают заметное ослабление значимости профсоюзов за последние 3–5 лет (Известия, 2016). Судя по индексу одобрения деятельности общественных институтов, среди аутсайдеров профсоюзы конкурируют только с судебной системой (ВЦИОМ, 2016).

Молодые люди, в сравнении с населением среднего возраста, менее критично настроены в отношении профсоюзов (Известия, 2016), выражая готовность участвовать в мероприятиях в защиту прав и интересов трудящейся молодежи (Орлов, Чилипенко, Клочкова, 2010). В том числе и потому, что значительная роль в деятельности профсоюзной организации отводится молодежи, что зафиксировано в Концепции молодежной профсоюзной политики (Концепция молодежной профсоюзной политики, 2011). Последнее обусловлено не только тем, что молодежь является стратегическим ресурсом общества, и защита ее социально-экономических интересов является общественно важной задачей, но и значимостью этой социально-демографической группы для развития профсоюзов: от готовности молодежи к участию в профсоюзной работе зависит их будущее. Но вопреки многолетней работе региональных профсоюзов, положительный сдвиг в привлечении молодежи к профсоюзной работе, к защите своих социально-экономических интересов в рядах профсоюзов, невелик.

С целью изучения реализации профсоюзами молодежной политики нами был проведен массовый анкетный опрос (2014-2015 годы), где в качестве респондентов выступили представители всех отраслевых профсоюзных организаций Белгородской области в возрасте от 14 до 35 лет (N=1008 человек).

Наше исследование показало, что в глазах молодежи профсоюз - в первую очередь, это институт по защите прав и интересов трудящихся,

связующее звено между работником и работодателем, с чем согласилось абсолютное большинство опрошенной профсоюзной молодежи (58.47%), второе место по популярности занял ответ - это элемент самоорганизации работников для отдыха и корпоративного развлечения (20.63%). Согласились с тем, что профсоюз это формальная организация, созданная для имитации гражданского общества лишь 13,29%, что пережиток прошлого - 4.32%. Таким образом, у молодежи, в целом сформировано вполне адекватное представление о данном институте гражданского общества.

Молодежь демонстрирует достаточно высокие показатели доверия профсоюзам. В той или иной мере доверяют и скорее доверяют им в сумме 67% молодых людей (19.21% - доверяют полностью, 47.68% - скорее доверяют, чем не доверяют), тогда как в разной мере не доверяют 24% (скорее не доверяют, чем доверяют - 18.87%, не доверяют - 4.97%). Как указывалось выше, исследования, проводимые на национальной выборке, на протяжении многих лет демонстрируют низкие показатели, как доверия, так и оценки эффективности данного социального института: профсоюзы устойчиво занимают позиции аутсайдеров. Тем не менее, оценки молодежи обычно несколько выше, хотя и не в такой мере, как показало наше исследование. В Белгородской же области одни из самых высоких показателей работы по ЦФО, чем также, отчасти, может быть объяснено высокое доверие, оказываемое молодежью профсоюзам.

В целом, анализ ответов показывает, что высокие показатели доверия профсоюзам вполне адекватны представлениям молодежи о выполнении профсоюзами своих задач. Так, среди тех, кто доверяет полностью профсоюзам, абсолютное большинство (61,11%) - обратившихся к ним за помощью; 67,57% тех, у кого в результате обращения за помощью в профсоюзы, проблемы были решены полностью; 74,07% тех, кто принимает участие в профсоюзных мероприятиях. Сообщая о причине, по которой молодые люди являются членами профсоюзов, 26,26% говорят о том, что профсоюз защищает или в случае необходимости защитит их социально-экономические права, 25,25% - поскольку профсоюз – это часть корпоративной культуры, по 12% - по привычке, потому что там большинство коллег опрошенных и «на всякий случай» и 11,78% - поскольку профсоюз это способ объединиться с другими работниками, чтобы бороться за свои права.

Молодые люди, судя по данным анкетного опроса, достаточно активно участвуют в профсоюзной жизни. 67,0% молодых людей принимали участие в мероприятиях, организованных профсоюзами: 26,6% из их числа - 3-4 раза в год, 27,94% - 1-2 раза в год. По 12-13% - пару раз за несколько лет и ежемесячно и чаще. Наиболее часто молодежь участвует в таких профсоюзных мероприятиях как митинги, шествия, акции протеста (54.19%), затем - спартакиады и спортивные соревнования (42,29%), собраниях профсоюзных комитетов по различным вопросам (36.56%). Почти каждый пятый (19.38%) участвовал в профсоюзных школах, тренингах,

семинарах. Причем, 46,12% опрошенных, сообщили, что принимали участие по собственной инициативе, а 40,9% - когда как. Только 9,05% утверждают, что их обязали к такому участию. 30,3% опрошенных входят в молодежный совет. Те, кто не входят в него, в качестве причины чаще всего называют то, что у них нет проблем, которые необходимо решать с помощью молодежного совета (38.61%) и что не знают, для чего он необходим, чем занимается (24.05%).

44,48% молодых людей утверждают, что им приходилось за помощью и консультацией обращаться в профсоюзы. По четверти опрошенных сообщают, что такие обращения бывали единожды или 1-2 раза в год, 16,46% - пару раз за несколько лет, 10,37% - 4 раза в год и чаще, и 6,71% - ежемесячно и чаще. Среди тех, кто обращался в профсоюзы, 43,93% сообщают, что проблема была решена полностью, и 31,79% - решена частично, что в целом, также позволяет оценивать профсоюзную работу скорее положительно. Наиболее распространенная помощь, получаемая от профсоюзов молодежью, - консультации по социально-трудовому вопросу (35.88%) и получение материальной помощи (45.29%). Кроме того, 15,29% респондентов была предоставлена скидка на приобретение путевки. По 11,8% опрошенных сообщили, что им была оказана помощь в оформлении правовых документов (иски, ходатайства, заявления и т.д.), дана юридическая консультация; 14,7% - была предоставлена информация о социальных программах региона по поддержке молодежи, 11,18% - оказана помощь по оздоровлению детей, 4,12% - обращались для медиации в решении трудового конфликта, по 3,53% - сказали, что была организована проверка в связи с моим обращением по вопросу соблюдения трудового законодательства на предприятии, и была проведена экспертиза локальных нормативных актов предприятий и организаций.

Среди тех, кто не обращался ни разу в профсоюзы за помощью и консультацией, наиболее важной причиной явилось незнание, по каким вопросам к ним можно обращаться, чем они могут им помочь в конкретной жизненной ситуации (33,16%) и 28.95% затруднились ответить на этот вопрос. О том, что не верят в то, что профсоюзы могут помочь, заявили всего 15,79%, что в целом, подтверждает высокий уровень доверия профсоюзам и, скорее свидетельствует о том, что основная проблема - в низкой информированности молодых людей о возможностях профсоюзов. Следует также отметить, что 10% высказались, что стесняются туда обращаться, что отражает некоторую отдаленность профсоюзов от молодежи.

Большинство опрошенных считает, что их социально-экономические интересы в той или иной мере защищены: в полной мере - 16,44%, скорее защищены, чем не защищены - 47,99%; 70,76% знакомы с коллективным договором, действующим на их предприятии. Между тем, 62% молодых людей затруднились ответить на вопрос о том, сталкивались ли они лично с ситуацией или слышали, когда профсоюз в их организации (предприя-

тия) решил какую-либо значимую социально-экономическую проблему. 14,47% сообщили, что такое случалось 1-2 раза в год.

По мнению основной массы молодежи (52,17%), наиболее эффективное мероприятие для защиты их социально-экономических интересов - заключение и выполнение коллективного договора между профсоюзной организацией и руководством предприятия (организации). Некоторой популярностью пользуются и обращения к профсоюзным депутатам, избранным в органы законодательной власти (19,06%), деятельность комиссий по разрешению трудовых споров (22,07%) и выездные профсоюзную юридические приемные (17,39%).

На вопрос «Занимается ли профком Вашей организации (предприятия) работой с молодежью», 66,78% молодежи ответили утвердительно. Тем не менее, постоянно интересуются профсоюзной жизнью в области лишь 16,84% опрошенных, и более чем по трети – изредка интересуются и не интересуются. Основную информацию о жизни профсоюзов области молодежь получает от членов профкома (35,0%) и коллеги по работе (28,75%). В меньшей мере - из профсоюзной газеты (20,00%), на профсоюзном собрании (20,83%), из профсоюзного стенда - (19,58%), с помощью телевиденья и радио (17,92%). Минимально - благодаря профсоюзному сайту (12,50%), профсоюзной учебе (9,58%), из профсоюзного бюллетеня (2,92%). Основная доля профсоюзной молодежи оценивает свою информированность о работе профсоюзов как среднюю (35,88%) и ниже средней (26,58%), и лишь 11,63% - как хорошую и 17,28% - выше средней.

Молодые люди считают наиболее полезной для них следующую информацию: возможность санаторно-курортного оздоровления (59,73%), права и гарантии члена профсоюза (48,32%), программы защиты и поддержки социально-экономических интересов молодежи, действующие в Белгородской области (37,58%), гарантии и возможности, предоставленные членам профсоюза (34,90%), профсоюзные конкурсы (27,18%), мероприятия молодежных профсоюзных структур (24,83%). Менее всего молодежь интересуют новости от других профсоюзных организаций (10,74%) и возможности участия в управлении предприятием, представляя интересы работников (16,11%).

Несмотря на столь позитивные, в целом, оценки работы профсоюзов, их работу эффективной считают только 18,86% молодых людей и 19,53% – скорее эффективной, чем нет. Основная доля опрошенных считает их работу скорее неэффективной - 41,75%. По-видимому, это связано с тем, что основная проблема, с которыми приходится сталкиваться молодым людям - низкая зарплата (50,84%) и несоответствующая ее индексация (23,23%) - аспекты социально-экономических интересов, на которые профсоюзы практически не влияют.

Таким образом, профсоюзная ситуация в плане работы с молодежью, в целом, в Белгородской области выглядит вполне благополучной. По

крайней мере, с точки зрения молодежи. Она активно и добровольно участвует в разнообразных профсоюзных мероприятиях, получает востребованную помощь – в большинстве случаев, в полном объеме. Недостатки в работе с молодежью более всего связаны с предоставлением ей информации о профсоюзной работе. Наиболее проблемными у молодежи являются вопросы размера заработной платы, ее индексации, возможности получения образования. Кроме того, следует обратить внимание на то, что молодежью недооценивается роль участия в управлении предприятием, организацией, как способа защиты своих социально-экономических интересов.

Литература

ВЦИОМ: россияне больше не верят в профсоюзы // Известия. 2016, 16 февр. Одобрение деятельности общественных институтов (январь, 2016). ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov.

Концепция молодежной профсоюзной политики: URL: www.msfnp.ru/1/24/4.html.

Лига М.Б., Павлова Н.С., Щеткина И.А. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение. М.: «Академия Естествознания», 2012. URL: <http://www.rae.ru/monographs/161>.

Моргунова А. Профсоюзы: доверие как основа и фактор успешности / Центр социально-трудовых прав / 26.12.2012. URL: <http://trudprava.ru/expert/article/651>.

Орлов М.Б., Чилипенко Ю.Ю., Клочкова Т.Н. Молодежь и профсоюзы: проблемы и перспективы взаимодействия. // Труд и социальные отношения. 2010. – Вып. 6 (72). – С. 21-28.

Смоленский М.Б. Трудовое право Российской Федерации. Ростов н/Д.: Феникс. 2011.

Участие в НКО в малых и средних городах. Репрезентативный опрос жителей малых и средних городов 18 лет и старше в режиме face-to-face. 17 февраля – 3 марта 2014. 51 субъект РФ. // Фонд общественное мнение. 25 мая 2014 г. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11521>.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Котовская М.Г.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

Акцентируется внимание на специфике адаптационных процессов в среде детей-мигрантов. Анализируются формы интеграции детей в московское полиэтническое пространство.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, миграция, дети-мигранты.

**INTEGRATION PROCESSES IN THE YOUTH ENVIRONMENT:
MIGRANTS ADAPTATION PROBLEM**

Kotovskaya M.G.
Moscow State University of Design and Technology, Russia

The attention is focused on specificity of adaption processes of children-migrants. Expert's analysis of integration of migrants in Moscow poliethnic region.

Keywords: adaptation, integration, migrants.

Мы рассматриваем социальные и культурные аспекты адаптации детей из семей мигрантов на материалах авторского исследования, проведенного в 2012 учебном году в общеобразовательных школах г.Москвы с использованием метода анкетного опроса. Анкетирование проводилось в 3 школах г. Москвы, в Западном административном округе. Всего участие в опросе приняли 100 детей, из них 33% (33 чел.) – дети мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья; 21% (21 чел.) – дети, приехавшие из других регионов России; остальные 46% (46 чел.) – это дети, родившиеся в Москве и прожившие здесь всю жизнь. Выборка исследования неслучайная, носила целевой характер и не претендует на строгую репрезентативность в отношении генеральной совокупности, в качестве которой выступают все учащиеся-мигранты 6-10 классов. Реализация требования репрезентативности затрудняется тем, что довольно трудно выявить точные характеристики такой генеральной совокупности как дети мигрантов. Однако численный состав опрошенной совокупности достаточен для того, чтобы сделать качественные выводы и дать количественные оценки по основным требуемым параметрам.

Для проведения исследования были отобраны именно общеобразовательные школы, потому что здесь проблема взаимодействия этнодоминирующего населения и мигрантов стоит гораздо острее, чем в национальных школах. Там многие трудности оказываются сглаженными, благодаря ответственному этническому составу учащихся, и потому что именно общеобразовательные школы сегодня берут на себя основной поток прибывающих детей-мигрантов. В школах с этнокультурным компонентом в основном обучаются дети, родители которых уже довольно долгое время проживают в Москве, это чаще всего дети мигрантов второго и третьего поколений, имеющие налаженные социальные связи. В общеобразовательных школах, по результатам нашего исследования, мигранты первого поколения, проживающие в Москве до 5 лет, составляют заметную долю среди учащихся.

Включение в выборку учащихся подросткового и раннего юношеского возраста (12-16 лет) обуславливается тем, что данный период жизни характеризуется формированием этнической идентичности и связан с желанием быть принятым сверстниками и взрослыми, со стремлением соответствовать требованиям и нормам общества. К этому возрасту человек обладает уже сравнительно высоким образовательным уровнем, активно погружен в культуру, у него развивается познавательная мотивация - все это дает основание предполагать, что период обучения в средней и старшей школе является весьма благоприятным для вхождения в новую социокультурную среду, усвоения норм и ценностей принимающего сообщества.

Наличие в выборке детей с разным сроком пребывания в новом социуме сделало возможным решить такую задачу нашего исследования как изучение процесса социальной и культурной адаптации детей-мигрантов в его динамике, а также выявить адаптивные барьеры, с которыми сталкиваются эти дети в иноэтнической образовательной среде в разные периоды. Кроме длительности пребывания нас также интересовала динамика процесса адаптации по возрастам, поэтому участие в опросе приняли учащиеся в возрасте от 12 до 16 лет (что соответствует 6-10 классам общеобразовательной школы).

Мы намеренно включили в выборку русских детей, чтобы решить такую задачу как изучение особенностей поведения и структуры социального взаимодействия учеников из семей мигрантов по сравнению с детьми принимающего населения. Две эти группы «мигранты» и «не мигранты» обобщенно задают разные параметры социальной дистанции, позволяющей охарактеризовать своеобразие отношений «свои-чужие». Иноэтнические мигранты определяют собой полюс «чужого» на шкале культурной дистанции, поэтому отношение к ним со стороны местных детей предполагает особую фиксацию этнокультурных, нормативных и ценностных различий.

Другой задачей было выявление степени адаптированности детей-мигрантов на различных этапах социального взаимодействия: на уровне макросреды, микросреды и на индивидуальном. Также изучалось влияние социального окружения на характер и стратегии адаптации детей, понимание ими собственной этнической идентичности.

Для решения задач анкета для учащихся разбита на тематические блоки. Социально-демографический блок, помимо традиционных, включал вопросы о составе домохозяйства, где проживают дети-мигранты и его характеристиках. Вторая группа вопросов касалась социального самочувствия учащихся-мигрантов в новой этнокультурной среде, т.е. его адаптированности на индивидуальном уровне. Третий блок касался языка и этнической идентичности ребенка, а также отношения к традициям и обычаям. Также анкета включала в себя вопросы, направленные на изучение адап-

тации на институциональном, т.е. макроуровне (взаимодействие со школьной системой, отношение к учебе, планы на будущее) и на микроуровне (социальные сети школьника, взаимоотношения со сверстниками). Особое внимание при разработке анкеты мы уделили вопросам о взаимоотношениях мигрантов и местного населения.

Социально-демографические характеристики изучаемой группы оказались весьма разнообразными: это дети выходцев из крупных городов (72%), из маленьких поселений (13%) и сельской местности (15%); различаются по уровню владения русским языком, материальному положению и образовательному статусу родителей. Большинство детей происходят из семей с невысоким уровнем дохода, мало у кого родители имеют высшее образование (частично это можно объяснить тем, что в Москве традиционно высока доля трудовых мигрантов, установки которых на высшее образование несколько ниже, чем среди других групп мигрантов, что вполне может быть связано с установками, распространяющимися только на их детей). Кроме того, высока доля тех, чьи семьи испытывают серьезные трудности с жильем (более 65% снимают квартиры и комнаты, другие живут у родственников или знакомых).

Социально-бытовые условия говорят о весьма ощутимой дезадаптации среди представителей изучаемой группы. Ответы многих детей из числа мигрантов на вопросы анкеты свидетельствуют о том, что они испытывают серьезные языковые и психологические трудности как в процессе обучения, так и в общении со сверстниками. Нельзя выпускать из виду влияние распространенных антимигрантских настроений в современном российском обществе, которые транслируются в учебные заведения, затрагивая детей-мигрантов, отражаются на процессе их школьного обучения и социальном самочувствии. Исследование выявляет факторы дезадаптации детей-мигрантов и их социальное самочувствие в новом для них обществе и культуре.

Традиционно, в миграционных исследованиях наиболее красноречивым фактором адаптации/дезадаптации мигрантов и индикатором их самочувствия в принимающем сообществе является желание вернуться в страну выезда (Дробижева, 2011, С.78).

По нашим результатам, о своем желании вернуться на родину по тем или иным причинам заявило около трети опрошенных (35%), и большее число затруднилось с ответом (20%). Среди причин вернуться чаще всего называется чувство отчужденности и отсутствие перспектив на новом месте. Некоторые испытывают ностальгию, в том числе по природе и климату родных мест, а среди мигрантов старшего возраста многие объяснили желание вернуться назад тем, что их будущие дети должны вырасти на родной земле. Нет заметных корреляций между возрастом мигрантов и их желанием вернуться, однако обращает на себя внимание зависимость от длительности пребывания в принимающем обществе. Самый высокий

процент детей, выразивших желание вернуться на родину, фиксируется в группе приехавших 2 – 5 лет назад (49%) и 5-7 лет назад (42%), в то время как среди приехавших недавно (до 2 лет) и более 7 лет назад желающих вернуться меньше - 28% и 24% соответственно.

Такие результаты лишь на первый взгляд могут показаться парадоксальными, однако, если вспомнить теорию циклов адаптации, предложенную К. Обергом, то многое встает на свои места. Им была предложена концепция U-образной кривой адаптации, описывающей этот процесс как состоящий из трех последовательных этапов. Первый этап характеризуется энтузиазмом и приподнятым настроением. На втором этапе наступает фрустрация, депрессия, замешательство, «культурный шок». На третьем этапе они медленно сменяются уверенностью и удовлетворением. Реадаптация к собственной культуре повторяет эти этапы, поэтому кривая реадaptации имеет уже W-образную форму.

Еще одно подтверждение нелинейности процесса адаптации среди детей-мигрантов мы находим, анализируя ответы на вопрос: «Чувствуете ли Вы, что теряете связь со своим народом, живя в Москве?». Оказалось, что острое чувство потери и депривации характерно в большей мере не для приехавших 1- 2 года назад, а для тех, кто приехал еще раньше и живет в Москве уже 3-5 лет. Если в первой группе о потере связи с родиной говорили 30% детей-мигрантов, то во второй уже 36%. Но здесь уже очень заметен возрастной фактор: у учеников 10 классов переживания, связанные с разрывом со своей этнической группой заметно острее, чем у младших школьников-мигрантов (6- 9 класс). Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, при ответе на вопрос о желании вернуться возрастной корреляции практически не наблюдается, а с другой – фиксируется сильная зависимость между возрастом и чувством потери связи со своим народом. Ответ здесь кроется в том, что к старшим классам актуализируется этническая идентичность подростка, принадлежность к этнической группе осознается более остро и изменение или даже потеря этнического статуса переживается сильнее. «Желание вернуться» - категория с гораздо менее выраженным этническим окрасом и скорее переживается на эмоциональном уровне, нежели на рациональном, поэтому воспринимается схожим образом разными возрастными группами, что может являться признаком диаспорального поведения.

В контексте анализа социального самочувствия мигрантов в принимающем обществе важной характеристикой является представление мигрантов о своем будущем - изучение этих представлений может помочь выявить степень их адаптированности и оценить перспективы их интеграции в Московский социум.

Возможно, что уверенность и оптимизм в оценке своего будущего свидетельствует о нацеленности мигранта на личностное развитие и углубление социальных связей в новом обществе, а также о свершившейся

первичной адаптации: едва ли ребенок будет заявлять о позитивной оценке своего будущего, если на данный момент времени он чувствует себя чужим и дезадаптированным. Безусловно, при ответе на вопрос об оценке своих жизненных перспектив, определенную роль играет характер (оптимист/пессимист) или сиюминутное настроение ребенка, но общие тенденции все же можно проследить. В некоторых подвыборках количественно подростков-мигрантов, «с уверенностью и оптимизмом смотрящих в будущее», оказалось даже несколько выше, чем среди московских подростков. Это характерно для тех приезжих, которые проживают в Москве достаточно долго (более 5 лет) и для младшей возрастной группы. Среди старшеклассников и детей, приехавших 2-5 лет назад, наоборот, фиксируется наибольший уровень тревоги по поводу будущего: около 3% отмечают, что «у них есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно», еще 7% выбрали наиболее крайнюю позицию: «я со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня».

Причиной распространения подобных настроений, скорее всего то, что многие старшеклассники-мигранты слабо представляют свою жизнь после окончания школы, испытывают сомнения в возможности получить высшее образование, устроиться на работу.

Для анализа жизненных стратегий детей-мигрантов необходимо рассматривать их ценностные ориентации и цели. Мы исходили из следующей гипотезы: чем выше роль традиционных ценностей своих народов, таких как воспитание ребенка, счастливая семейная жизнь, самопознание, приобщение к культуре и религии своего народа, и чем ниже адаптивный потенциал этих детей и труднее интегрироваться в новый социум. Безусловно, традиционные ценности (семья, дети, национальные традиции и познание себя) относятся к категории универсальных, среди детей-мигрантов играют главную роль, а ценности, маркирующие успешную интеграцию в новый социум, не на главном месте (Тишков, 2013, С.35).

Среди девушек-мигранток более 60% отметили приоритетными счастливую семейную жизнь и воспитание детей, тогда как среди их сверстниц-москвичек эти позиции выбрали только 48%. Более половины ответивших ориентированы на традиционные ценности среди детей-мигрантов средней и младшей возрастной группы (6-9 классы). К 10 классу во всех рассмотренных нами возрастных когортах традиционные ценности, в том числе семейные, уже перестают доминировать, хотя все равно остаются более значимыми, чем для детей этнодоминирующей группы (Савинов, 2009, С.14).

Такой вывод подтверждается ответами респондентов на вопросы анкеты, касающиеся отношений к культуре, традициям и обычаям своего народа. Среди учащихся-мигрантов 6-8 и даже 9 класс интерес к культуре своей этнической группы проявляют очень немногие или только время от времени. Их старшие товарищи проявляют интерес к родной культуре в

36% случаев, еще для 40% характерен средний уровень вовлеченности в родную культуру. Но этот интерес часто носит достаточно пассивный характер: только 10% мигрантов регулярно читают книги и/или журналы о своей истории и культуре, еще 21% – время от времени. Очень мало, кто назвал среди своих любимых книг произведения национальной литературы (9%), еще меньше тех, кто при ответе на вопрос «Назовите 2-3 героя фильмов или книг, на которых Вы хотели бы быть похожим», вписал в анкету героев своих национальных эпосов, рассказов и фольклора (7%). На вопросы о любимых фильмах, книгах и их героях мигранты и немигранты отвечали во многом схожим образом. Однако это не является достаточно убедительным свидетельством высокой степени адаптированности детей-мигрантов к русской культуре. Скорее это показатель низкой культуры мигрантов и коррелирует с данными об образовании их родителей. Ответы на вопросы респондентов детерминируются также гендерным и возрастным факторами. Лидеры «рейтинга» фильмов: «Гарри Поттер», «Звездные войны», «Властелин колец». Мальчики часто указывали «Крепкий орешек», «Форсаж», «Люди X», а девочки выбирали «Титаник» или «Унесенные ветром». Примерно та же ситуация с книгами, где лидируют произведения, ориентированные на подростковую или молодежную аудиторию и те литературные произведения, которые включены в школьную программу (Вендина, 2009).

Вопрос: «Интересуетесь ли Вы историей и культурой своего народа?» задавался не только учащимся-мигрантам, но и москвичам. Среди последних интерес к своей культуре и традициям был меньше 30% против 70%. Мы видим, что трансляция культурного и этнического опыта происходит среди мигрантов более интенсивно и их этническая идентичность выражена более четко. Возникает резонный вопрос о способах трансляции этого опыта: по результатам видно, что национальные журналы, литература и кинематограф не являются важнейшими каналами этнокультурной коммуникации для детей-мигрантов. Поэтому важнейшим источником знаний и опыта о культуре своего народа выступает семья (Ривз, 2013).

Литература

Дробижева Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет / Россия реформирующаяся. 2011. №10.

Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

Савинов Л.В. Концепт нации, конституция и этнополитика. / Ценности и смыслы. 2009. – №3.

Вендина О.Н. Культурное многообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве / Иммигранты в Москве / Институт Кенана; М., 2009.

Ривз М. Как становятся «черными» в Москве: практики власти и существование мигрантов в тени закона //Гражданство и иммиграция; Концептуальное, историческое и институциональное измерение: Сб. статей. М., 2013.

СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Криворотова Т.А.

Нижегородский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

Статья посвящена проблеме изменения культуuroобразующего начала этноса в условиях трансформации социальных систем при переходе к постиндустриальной эре. Автор обращает внимание на изменение социального смысла понятия этносистема в рамках развития полиэтнического социума.

Ключевые слова: этническая культура, региональная этносистема, полиэтничный социум, этнокультурные трансформации, социальные СМЫСЛЫ.

SOCIAL MEANINGS OF FUNCTIONAL TRANSFORMATIONS OF THE ETHNOCULTURAL COMPONENT OF MODERN SOCIETY

Krivorotova T.A.

Nizhny Novgorod institute of management of a RANEPА, Russia

The article is devoted to a problem of change of the cultural beginning of ethnos in the conditions of transformation of social systems upon transition to post-industrial era. The author pays attention to change of social sense of concept ethnosystem within development of multiethnic society.

Keywords: ethnic culture, regional ethnosystem, multiethnic society, ethnocultural transformations, social meanings

В последнее десятилетие качественной стороной социального мира является непреодолимое стремление субъектов социальной среды к обновлению. Вызванный глубинным погружением в постиндустриальную эпоху происходящий процесс носит объективный характер, порождая новые значения социальных систем и отношений, жизненного пространства индивидов и групп.

Одной из наиболее значимых характеристик современного социума, отражающей в полной мере неоднозначность происходящих процессов является его этнокультурная составляющая. Общество, при пристальном его рассмотрении, представляет собой совокупность этнических групп и их отдельных представителей, вовлеченных в систему социальных взаимосвя-

зей, взаимодействий и культурного обмена. Специфика жизнедеятельности такого социального организма неоднократно отмечалась исследователями как «полиэтнический социум» с обозначением, казалось бы, всех возможных характеристик (Трофимова, 2003; Кокомбаев, 2012; Максименюк, 2014). Однако детальное изучение культурообразующей детерминанты позволяет выделить ряд трансформаций *системного* и *функционального* свойства.

Социальная среда полиэтнического социума последних лет представляет собой интерактивный динамичный организм, где скорость социальных интеракций растет под влиянием постоянных импульсов извне (будь то политические события, увеличение миграционных потоков, изменения правового поля в отношении представителей этнических меньшинств и др.). Это приводит к появлению множества социальных новообразований, внутри пульсирующего полиэтнического пространства. В своем многообразии это явление предстает социальной системой нового порядка, внутри которой сталкиваются, трансформируются и развиваются этнические культуры, являя собой нечто новое - *поликультурную региональную этносистему*.

Согласно традиционному пониманию, феномен этносистемы, как неоднократно подчеркивалось в работах Л. Н. Гумилева, П. В. Чернова, Л. Берталанфи, Б. Малиновского и других исследователей, следует толковать как устойчивую единицу исторического развития отдельного этноса. Однако, векторы современного социального развития, требуют иной трактовки данной дефиниции. Обладая четко выраженной пространственно-региональной принадлежностью, этносистема в современном понимании представляет собой совокупность коренных этносов, находящихся между собой в определенной культурно-исторической взаимосвязи, которая определяет детерминанты этносоциального взаимодействия и развития на основе различной этновалентности и культурной кодификации входящих в ее состав элементов (Криворотова, 2012, С.13).

Это весьма сложное, неоднородное социальное явление носит развивающийся характер. Свойственные современной эпохе открытые перемещения людей и групп создают прецедент трансформации этносистемы, преобразуя ее в многомерный полиэтнический конструкт, содержащий в основе своей множественные этнические группы, образующие ядро т.н. «этнического поля» этносистемы, которое определяет динамику развития конкретного социума (Криворотова, 2013, С.38).

В новых условиях как нельзя ярко проявляется двойственность этноса: с одной стороны, стремление стать частью нового социокультурного пространства, с другой стороны проявить свою уникальность посредством культивирования этнической идентичности.

Совершенно отчетливо встает вопрос столкновения культурных традиций, свойственных определенной этнической группе, влияющих на ценностные начала и уровень напряженности этнического поля.

Рассматривая культуру как индикатор стабилизации функционирования региональной этносистемы, следует подчеркнуть, что культура является неотъемлемым элементом жизнедеятельности этноса на протяжении этногенеза, который происходил довольно неоднородно в различных этнических группах. Это своего рода культурный опыт, обретаемый, продуцируемый и изменяемый этносом в зависимости от среды обитания, имеющих стереотипов поведения, а также ценностно-смысловых ориентиров полноценного бытия.

В пространстве полиэтнического взаимодействия функциональное значение этнической культуры меняется, превращаясь из «относительно замкнутой, локальной... в открытую» с возрастающим удельным весом «интеграционных элементов, развивающихся толчками», резонируя с глобальными изменениями социальной среды (Узлов, 2009).

Для многих исследователей абсолютно очевидным является факт постепенной утраты примордиальных свойств этнической культуры в стремлении освоить традиции нового мира. Однако не все так однозначно, как кажется на первый взгляд.

В своем стремлении освоить новые культурные пространства представители этнического сообщества культивируют стремление обозначить свою уникальность посредством сохранения этнической идентичности. Как показывает анализ материалов исследований по Нижегородскому региону, это стремление более отчетливо выражено у городских жителей, нежели чем у сельских; у детей мигрантов, в том числе родившихся в пределах региона, нежели чем у их родителей, переживших миграцию.

Стремление адаптироваться к новым условиям существования в пространстве полиэтнического социума порождает необходимость стратегического выбора культуuroобразующего начала. Это выступает объективной предпосылкой функциональных трансформаций социальных смыслов этнической культуры (табл.).

Таблица. Трансформация функциональных свойств этнической культуры

Функции культуры	Традиционное содержание	Вектор трансформации в этнической культуре
Человекотворческая	Гуманизм по отношению к окружающему миру, формирование гуманистического мировоззрения, основанного на синтезе рационального и иррационального, т.н. «духа человека»	Осмысление содержание гуманизма с учетом среды выживания, осознание того, <i>какой</i> «дух» необходим; преобладание рационального над иррациональным
Трансляционная	Накопление и передача культурно-исторического опыта	Рациональная избирательность культурно-исторического опыта

	будущим поколениям; критическое осмысление нового на основе усвоенного опыта; обеспечение преемственности	в контексте «мы и они»; критерий избирательности – <i>успешность/неуспешность</i> социального взаимодействия и социальной коммуникации
Познавательная	Концентрация лучшего опыта настоящего	Попытка создания равновесной модели в системе « <i>социокультурная адаптация - этнокультурная индивидуализация</i> »
Регулятивная	Выбор материальных или духовных ценностей для построения на их основе нормативно- правовой модели для регулирования различных сторон жизни	Стремление к сохранению консервативных традиций, хотя бы в рамках микрогруппы, опора на традиционность, обрядовость
Семиотическая	определенная знаковая система в культуре на основе владения языком мышления и коммуникаций представителей конкретной культурной общности	Ориентация на изучение языков, многоязычие как попытка узнать иной образ жизни
Аксиологическая	отражает важнейшее качественное состояние культуры в контексте устоявшихся правил	Желание, потребность или насущная необходимость узнать новый образ мира

Опираясь на данные социологического опроса, а также анкетирования представителей различных этнических групп, проживающих на территории Нижегородской области на протяжении 3-5 лет, нам удалось выявить направления трансформации этнокультурной составляющей.

В условиях изменения этнокультурной картины региона, увеличения индекса полиэтничности, неизбежность функциональных трансформаций ведет к превращению традиционных культурных универсалий в многоуровневые смысловые понятия, отражающие интенсивность, направленность, скорость и длительность протекания социокультурных процессов. Детальное изучение подобных изменений дает возможность более глубокого осмысления природы и последствий происходящих процессов.

Литература

Криворотова Т.А. Этнокультурная специфика социальной коммуникации в условиях развития региональных этносистем//Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции.- Изд-во НГТУ им. Р.Е. Алексеева, Н. Новгород, 2012. – С.13-16.

Криворотова Т.А. Этносоциальная динамика в эволюции современных обществ.- Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. – № 4(32). – С.38-44.

Кокомбаев К.С. Полиэтнический социум и проблемы образа жизни народа [Электронный ресурс]//http://www.terrahumana.ru/arhiv/12_04/12_04_21.pdf.

Максименюк М.Ю. Преодоление этнонациональных конфликтов как фактор развития культуры полиэтнического социума // Культура и образование. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. // <http://vestnik-rzi.ru/2014/01/1258>.

Основные функции культуры [Электронный ресурс] //http://www.gumfak.ru/kult_html/lecture/lect13.shtml.

Трофимова Г.А. Полиэтнический социум региона как объект социологического анализа : на примере Республики Мордовия. Автореф. дисс...канд. соц. наук: 22.00.04. Самара: СГАУ им. Акад. С.П. Королева. Самара 2003 [Электронный ресурс]//<http://www.dissercat.com/content/polietnicheskii-sotsium-regiona-kak-obekt-sotsiologicheskogo-analiza-na-pri-mere-respubliki-m#ixzz43T2RYNR9>.

Узлов Ю.А. Этнокультура и ее трансформация в современном мире [Электронный ресурс] // http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/1/uzlov.pdf.

ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Колесникова И.А., Лилиенталь И.Е., Ярмашова К.В.

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

В статье рассмотрена проблема реализации идей непрерывного образования в обществе, показана роль образования как социального института, определены основные проблемы непрерывного образования, задачи развития личности в системе непрерывного профессионального образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, социокультурная сфера, образовательные ценности, задачи непрерывного профессионального образования.

OBJECTIVES OF THE PERSON IN THE SYSTEM OF CONTINUING EDUCATION

Kolesnikova I.A., Lilienthal I.E., Ermashova K.V.

North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

In the article the problem of implementing the idea of lifelong education in society, shows the role of education as a social institution, the basic problems

of continuous education, the development objectives of the individual in the system of continuing professional education.

Keywords: continuing education, socio-cultural sphere, educational values, the problem of continuing professional education.

Проблема непрерывного профессионального образования на современном этапе развития общества является приоритетной, определяемой новым периодом научно-технического развития и политическими, социально-экономическими и культурологическими изменениями. Образование как общественный институт связано с историческим прошлым и теми условиями, которые определяют уровень гуманитарного развития общества и направления его дальнейшего движения (Иванова, 2011).

История развития отечественного образования последнего столетия свидетельствует, что ее образовательная парадигма многократно и существенно изменялась в соответствии с исторически преобладающими в обществе идеологическими установками и экономическими условиями его существования. В различные периоды государственного развития отношение общества к просвещению и образовательным ценностям было разным и полностью зависело от тех представлений и аксиологических стереотипов, которые доминировали в обществе и активно стимулировались властными приоритетами, существующей идеологической догмой, государственными проектами в той или иной области знаний и т.п.

На сегодняшний день проблема непрерывного образования носит комплексный междисциплинарный характер. Научные интерпретации непрерывного образования представлены многообразием концепций, зависящих от того, в рамках предмета какой науки или парадигмы эта проблема рассматривается, в науке отсутствует четкое определение понятия «непрерывное образование».

Под непрерывным образованием мы понимаем образование, непрерывное в пространстве и времени, представляющее собой системно организованный процесс образования человека на протяжении всей жизни (Колесникова, Тапешкина, 2015), представляющий возможность каждому человеку получать, обновлять и расширять знания, необходимые для эффективного выполнения различных социально-экономических ролей в социуме, выбрав для этого такую образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует и отражает потребности личности и образовательные потребности общества.

Анализ литературных источников позволяет нам отметить некоторые проблемы развития системы непрерывного профессионального образования в России:

- неразвитость/отсутствие сформированной современной системы непрерывного образования на национальном уровне, позволяющей опера-

тивно реагировать на потребности рыночной экономики и социальной сферы и конкурировать в мировом пространстве;

- недостаточность масштабов системы непрерывного профессионального образования;

- линейный характер повышения квалификации (дополнительное профессиональное образование нацелено на наращивание уже имеющихся у работника компетенций, а не на их постоянное развитие и смену в соответствии с быстро меняющимися потребностями рынка труда и потребностями развития техники и технологий;

- неравномерное распределение и сочетание процессов обучения и воспитания;

- низкое качество образования в системе дополнительного профессионального образования;

- низкий уровень профессиональной квалификации учителей, преподавательского состава;

- увеличение требований к преподавателям (освоение информационных технологий, инновационного содержания новых учебных дисциплин, интерактивных форм обучения, учебно-методического сопровождения учебных курсов, знание иностранных языков);

- массовость высшего профессионального образования;

- возрастание роста образования на платной основе;

- на мировом образовательном рынке конкуренция в сфере образования взрослых быстро растет, поскольку этот рынок является наиболее динамично развивающимся;

- организация внутрифирменной системы переподготовки и повышения квалификации на современном уровне доступна только крупным компаниям, что негативно сказывается на конкурентоспособности российской экономики;

- перевес в количестве специалистов, выпускающих по «модным» направлениям подготовки;

- проблемы здоровьесбережения и здоровьеразвития обучающихся и обучающихся;

- низкая оплата труда педагогических работников;

- копирование западного опыта, разрушение отечественных традиций высшего образования;

- слабое сопряжение государственной политики на федеральном и региональном уровнях системы профессионального образования с предпочтениями населения;

- превалирование традиционных форм и методов получения образования;

- отсутствие мобильности учащихся и педагогов;

- преобладание институционализированных формы непрерывного образования;

- трудности обеспечения целостности и преемственности образовательных программ;

- в РФ не обеспечена сертификация знаний и компетенций, получаемых в системе внутриорганизационной подготовки, отсутствует их официальное признание работодателями, что снижает мотивацию работников к получению дополнительных знаний;

- слабое финансовое обеспечение и материально-техническое оснащение школ, вузов;

- непродуманность и неподготовленность реформы образования;

- снижение ценности русского языка, национальных традиций;

- не сформирована система независимой оценки конечных результатов обучения в н системе непрерывного образования и т.д.

Образование в социально-культурной сфере выполняет важную задачу формирования и развития социокультурной личности на всех этапах ее жизнедеятельности; ее реализация осуществима только в условиях непрерывного образования, являющегося важной составляющей системы всего российского образования.

Образование генерирует ценностные модальности, национальные идеи, выступает их транслятором, но и само по себе выступает самооценностью, главным элементом в системе управления ценностями, что задает тон обществу, отдельным индивидам в установлении приоритетности тех или иных ценностных ориентаций и установок.

Образовательные ценности (Лодатко, Лукьянова 2014), действуя как моральные императивы, эволюционируют совместно с социокультурным и технико-информационным развитием общества.

Ценностные регуляторы считаются смысловыми компонентами мировоззрения, отражающими социальную динамику, улавливающими и закрепляющими значимые для субъекта тенденции, что дает основание считать, что совокупность проблем, сопряженных с ценностными ориентирами и социокультурными основаниями современной образовательной парадигмы, определением содержания образования и постановкой образовательного дела в современных условиях, остается весьма актуальным.

Роль непрерывного образования в жизни общества определяется той ролью, которую играют в общественном развитии знания людей, их опыт, умения, навыки, возможности развития своих профессиональных и личностных качеств.

Задачами современного образования в русле развития личности являются: максимальное развитие индивидуальности, способностей; формирование навыков, позволяющих освоить определенную профессию; овладение культурой, моралью, ценностями, системой знаний, выработанных человечеством; воспитание гармонично развитой личности, способной к творческому мышлению; воспитание носителя русского языка, национальных ценностей; воспитание гражданина и патриота своей страны; воспитание гражданина мира, самостоятельного, легко адаптирующегося к меня-

ющимся социально-экономическим условиям; развитие образованной, здоровой, мобильной личности, успешной в плане карьеры и материального благополучия.

Таким образом, главной задачей современного образования является подготовка члена общества и работника (Колесникова, Лилиенталь 2015), способного самостоятельно решать широкий спектр профессиональных задач, обладающего креативными и исследовательскими умениями и способностями, стремящегося к постоянному личностному самосовершенствованию и т.д.

Литература

Иванова И.А. Профессиональное становление будущего специалиста / И. А. Иванова // Современная наука: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2011. –Т.3. – С. 215-219.

Колесникова И.А., Лилиенталь И.Е. Подготовка современного специалиста в системе многоуровневого профессионального образования // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2015. – № 2(3). – С.90-95.

Колесникова И.А., Тапешкина С.А. Непрерывное образование в сфере сервиса и туризма / Проблемы непрерывного профессионального образования в России: состояние и перспективы/ Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д.: Изд-во РостГМУ, 2015. – С. 172-183.

Лодатко Е.А., Лукьянова М.И. Современное образование: социокультурный контекст // Фундаментальные исследования. 2014. – №11-8. <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obrazovanie-sotsiokulturnyy-kontekst>.

ДЕВИАНТНОСТЬ В ЭТНИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Кузьмина Н.В.

Костромской государственной технологической университет, Россия

Статья посвящена социально-правовому анализу девиантного поведения этнических групп в обществе. Настаивается на необходимости использования системности, междисциплинарности и других подходов при исследовании форм девиантного поведения этнических групп. Решается вопрос об отнесении этнических деликтов и преступлений к самостоятельному виду правонарушающего поведения. Изучаются социальные причины данного поведения.

Ключевые слова: этническое, поведение, девиантность, причины, формы.

DEVIATIONS IN THE ETHNIC BEHAVIOR: CONCEPT, FORMS AND THE SOCIAL REASONS

Kuzmina N.V.

The Kostroma state technological university, Russia

The article is devoted to the social-lawful analyze of the ethnic groups deviational behavior in the society. The author insists on the need of systematization, interdisciplinary and other approaches using during the study of the forms of the ethnic groups deviational behavior. The question about the reference of ethnic torts and crimes to the independent form of the illegal behavior is solved. The social reasons for this behavior are studied.

Keywords: ethnic, behavior, deviations, reasons, forms.

В современной России применяются различные социально-правовые и политические механизмы по разрешению и предупреждению этнических конфликтов. Вместе с тем, они представляются не достаточно эффективными. Безусловно определяющее место в регулировании конфликтов отводится правовым механизмам. Устранение противоречий юридической теории и практики в области правового регулирования национально-этнических и национально-государственных отношений видится в создании комплексной теории этнического поведения в правовой системе общества. Особенности правомерного этнического поведения целесообразно изучать в рамках, например, этнической легалистики, а этнического правонарушающего поведения – в рамках нового формирующегося направления социально-правового содержания, которое можно назвать «этническая девиантология».

Основная научная проблема этнической девиантологии – это изучение этнических процессов и явлений, имеющих место в современной России и мире, с точки зрения их соответствия или несоответствия социально-правовым нормам через выявление и анализ форм девиантного, делинквентного и преступного поведения этнических групп и отдельных представителей этноса.

Начальное развитие методологических основ и принципов этнической девиантологии происходит преимущественно в рамках юридической конфликтологии и этнокриминологии как специальной социально-правовой теории. Принципиально важно разрабатывать теорию этнических девиаций и деликтов на стыке социологии, теории государства и права, криминологии и уголовного права. Социологические исследования позволяют изучить причины отклоняющегося поведения этнических групп. Теория государства и права разрабатывает концептуальные положения девиантного поведения этнических групп и отдельных их членов в правовой системе общества, изучая его в срезе проблем правонарушения и юридиче-

ской (административной, уголовной) ответственности, юридической антикультуры, практики становления правового государства, самоопределения наций и народов. Криминология создает учение об этнической преступности как наиболее опасном проявлении этнического девиантного поведения, изучает причины этнической преступности, личность и ее роль в генезисе преступного деяния национально-этнического характера.

Особая актуальность и практическая значимость становления и развития этнической девиантологии видится в ее направленности на разработку новых социально-правовых и организационных технологий предупреждения этнических конфликтов, проявлений воинствующего национализма и ксенофобии, сепаратизма.

В процессе становления этнической девиантологии нуждается в разработке ее методология. Проблемы, изучаемые этнической девиантологией, могут быть глубоко и достаточно полно исследованы только на основе диалектики как всеобщего метода познания. Законы диалектики лежат в основе теоретико-правовой характеристики структуры этнических девиаций и деликтов, сущности и классификации их причин, выработке предупредительных мер. При изучении личности и социальных групп, осуществляющих этнодевиантное и этноделинквентное поведение, диалектический метод является основой комплексного анализа системы их жизнедеятельности и мотивационной сферы.

Системный подход связан с изучением объекта этнической девиантологии как целостного единства, с познанием степени и характера взаимосвязи элементов (подсистем: этнических девиаций, этнических деликтов, этнической преступности), входящих в системное образование. Достоинством данного подхода является и то, что он позволяет использовать всеобщий метод как отправную точку научного познания отклоняющегося этнического поведения в правовой системе общества, а общенаучные и частнонаучные методы – как способы решения конкретных исследовательских задач.

Общенаучные методы включают формальную логику, т.е. анализ и синтез, индукцию, дедукцию, обобщение, абстрагирование, выдвижение гипотез и др.

Этническая девиантология должна использовать и применять в своих целях такие частнонаучные социологические методы, как наблюдение, анкетирование, интервьюирование и анализ документов, а также методы уголовной статистики.

Что же следует понимать под этническими девиациями, деликтами и преступностью?

Под этническими девиациями автор понимает «полное или частичное неприятие (отрицание) со стороны отдельных этнических групп, этносов и народов (народностей) морально-этических, правовых, корпоративных, традиционных, религиозных и иных норм и правил, регулирующих

жизнедеятельность государствообразующего этноса (нации), выражающееся в этноконфликтном поведении, проявлениях ксенофобии и национализма, а также в сепаратизме» (Кузьмина, 2010, С.516). Девиантность в межличностных или этногрупповых взаимоотношениях, этническом самосознании в целом проявляется не в наличии негативных гетеростереотипов («образов» других этносов), противоречий во взаимоотношениях между представителями различных этносов или этногрупп по поводу территории, традиций, культуры, религии, политической власти и других, а в способах преодоления этих противоречий вне рамок морально-этического и правового полей.

К девиантным формам этноповедения следует отнести ксенофобию, сепаратизм, этнические конфликты.

Ксенофобия в своих отдельных проявлениях граничит и даже пересекается с национализмом и шовинизмом. Сущность ксенофобии состоит в присутствии естественного страха перед чем-то неизвестным, особенно в условиях взаимной информационной изоляции сообществ среди не знающих чужих обычаев людей. Этим способом возникает мнение о варварских нравах этих «чужих». На почве агрессивной ксенофобии могут совершаться нападения на лиц как славянской, так и неславянской национальности, массовые драки на межнациональной основе, вандализм, нападения на культовые здания.

Сепаратизм является особой формой политико-правовой девиации и представляет собой отклоняющееся от общепринятых, получивших закрепление в правовых нормах и одобряемых большинством населения принципов и норм взаимного сосуществования и совместного проживания на единой территории. С правовой точки зрения девиантный характер сепаратизма выражается в таких его качествах, как нелегитимность и противоправность.

Нелегитимность сепаратизма обуславливается неприятием ценностных детерминант и целевых установок сепаратистского характера большей частью населения страны. В данном случае необходимо согласиться с мнением академика М.С. Джунусова, по словам которого под сепаратизмом следует понимать «стремление части населения к политическому и экономическому обособлению вопреки реальным интересам народа, вплоть до создания самостоятельного государства или национально-государственной автономии» (Джунусов, 1998, С.233).

Сепаратизм – это сложная форма социальной девиации, включающая идеологический, политический, экономический, культурный и множество иных аспектов. Юридический аспект проблемы сепаратизма, предполагает выделение еще одного немаловажного фактора, характеризующего данный феномен, а именно фактора противоправности. В связи с этим представляется возможной оценка сепаратизма в качестве формы «девиантного поведения, т.е. поведения, отклоняющегося от действующей юридической

нормы, судебной практики или прямо такую норму нарушающего» (Гревцов, 2001, С.252).

Под этническим конфликтом как формой девиантного поведения этноса в данном контексте следует понимать вид юридического конфликта, который представляет собой противоборство двух или более сторон – субъектов права с противоположными потребностями, интересами, ценностями и целями, проходящее по линии этнической общности. Именно этническое в данном противоборстве становится фактором социально-правового размежевания. Этнический конфликт связан с правовыми отношениями и может завершаться с помощью юридических средств.

Этнический конфликт – древнейшая форма социальных конфликтов. Этничность является наиболее ранней формой социальной организации общества, появившейся задолго до классов, сословий, политических объединений. Как замечает В.А. Авксентьев, «...мировая история – это продукт глобальных этнодвигов на поверхности планеты» (Авксентьев, 1996, С.43).

Этносы выступают территориально организованными структурами, в силу чего этнические конфликты приобретают особую остроту, если их объекты имеют территориальный характер или территориальное происхождение (владение территорией, землей, богатством ее недр).

Следует отметить такую характеристику этнических конфликтов как способность вовлекать в свою орбиту самые разные фрагменты социальной реальности: экономические, классовые, правовые, политические и другие. Поэтому в практике чисто этнических конфликтов практически нет. Среди видов факторов, детерминирующих этноконфликтные процессы, этнический фактор стоит практически на последнем месте.

Криминолого-правовой анализ этнических конфликтов показал, что большинство из них обнажают усиливающиеся противоречия между этносом и политико-правовой системой общества, в силу чего политические и юридические детерминирующие факторы играют значительную роль в зарождении этнического конфликта.

Под делинквентным поведением понимается поведение этнических групп или отдельных их членов, имеющее признаки правонарушения, закрепляемые действующим законодательством государства, и влекущее за собой юридическую ответственность. Мы склонны выделять такие формы этнического делинквентного поведения, как административные деликты, криминальную миграцию, внеправовые обычаи этносов. В качестве критерия разграничения девиантного и делинквентного поведения этнических групп выступает степень общественной опасности действий, поступков и деятельности этнической группы или ее представителя (Кузьмина, 2010, С.517).

Преступность является крайним видом негативного отклонения от нормы, представляя собой подсистему девиантности. В то же время в гос-

ударстве этническую преступность следует признать относительно самостоятельной подсистемой. Это в первую очередь относится к организованным формам этнической преступности. Кроме организованной этнической преступности в политико-правовой системе наиболее активно проявляет себя политическая этническая преступность и, в меньшей мере, общеуголовная.

Разрабатывая содержание понятия «этническая преступность», следует указать на несовпадение мнения автора с теми научными кругами, которые считают использование данного понятия политически некорректным. Понятие этнической преступности в течение нескольких последних лет используется в практике политического процесса, зарубежными и отечественными криминологами. Это обстоятельство вызывает необходимость его научно-практического уточнения (Кузьмина, 2010, С.25-28).

Еще один нерешенный вопрос состоит в возможности отнесения этнических деликтов и преступлений, совершенных по мотиву национальной ненависти и вражды к самостоятельному виду правонарушающего поведения.

Говорить о деликтах и преступлениях на почве национальной ненависти и вражды как о самостоятельном виде правонарушений возможно лишь в том случае, если они имеют признак, отличающий их от других типов правонарушений. Таким признаками, несомненно, являются мотив национальной или религиозной ненависти или вражды, имеющий особую общественную опасность, и принадлежность лица (группы лиц) к определенной этнической группе. Типология здесь фиксирует то главное, что характеризует специфику определенного типа, вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и их проявлениями в конкретном правонарушении, совершаемом по мотиву национальной ненависти и вражды. Мотив национальной и религиозной ненависти или вражды как отличительный признак правонарушений и преступлений в наибольшей степени выделен и осмыслен законодателем в российском уголовном и административном законодательстве.

Литература

Кузьмина Н.В. Криминология этнического девиантного и делинквентного поведения: к постановке проблемы // Материалы междун. науч.-практ. конфер. «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)»: сб. тезисов. М.: Элит, 2010. – С.516-521.

Джунусов М.С. Национализм. М., 1998.

Гревцов Ю.И. Социология права: курс лекций. СПб., 2001.

Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. – №12. – С.43.

Кузьмина Н.В. Этническая преступность как предмет криминологического и уголовно-правового изучения: вопросы становления теории // Российский следователь. 2010. – № 5. – С.25-28.

ОРДЕНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кукель М.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассказывается об орденах Российской Федерации, их эмблематических и художественно-композиционных особенностях, материалах из изготовления. Статья рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся наградной системой Российской Федерации.

Ключевые слова: ордена, знаки отличия, награды, государственная система наград.

AWARDS OF RUSSIAN FEDERATION

Kukel M.V.

Moscow State University of design and technology, Russia

This article is told about awards of Russian Federation, their emblematic and art and composite features, materials from production. The Article is intended on the most wide range of the readers who are interested in prize system of the Russian Federation.

Keywords: awards, distinctions, awards, state system of awards.

Успешное становление и развитие современного гражданского общества возможно лишь в высокоразвитом государстве, важным атрибутом которого являются государственные награды, выражающие признание высокой значимости проявленных гражданами заслуг.

Эмблематические и художественно-композиционные особенности орденов Российской Федерации, материал их изготовления – свидетельство процесса формирования российской государственности, развития общественных отношений и технико-экономического уровня страны.

В российской орденовой системе отсутствует широкий спектр разнообразных символов и эмблем. С начала 1990-х гг. основой новой отечественной орденовой эмблематики является крест. Из разнообразных форм крестов был избран георгиевский крест. Композиционной основой ордена Святого апостола Андрея Первозванного является косой Андреевский крест; ордена Мужества – крест, вписанный в круг, - крест Рупперта; ордена «Родительская слава» - т.н. византийский крест. Исключение составляет орден Дружбы, который имеет форму пятиконечной звезды. Наградные знаки орденов «За военные заслуги», Почета имеют форму восьмиконеч-

ных звезд, основу которых составляет два смещенных по оси креста. Такое же композиционное решение имеют знаки ордена Нахимова и «За морские заслуги». В орденские гарнитуры орденов Российской Федерации Святого апостола Андрея Первозванного и «За заслуги перед Отечеством I, II степени» входят восьмилучевые, а ордена Святого Георгия I, II степени – четырехлучевые звезды (Награды..., 1997, С.28-31; 34-41; Государственные символы..., 1999, С.84-86, 94-100, 108-123; Сборник..., 2010, С.60-61, 94, 102, 116).

На большинстве орденов присутствует только изображение главной фигуры Государственного герба современной России – двуглавого орла, а также универсальные лавровые или дубовые ветки. Лишь на орденах, посвященных памяти или имени конкретных исторических личностей или святых, наряду с государственными символами и эмблемами на центральных медальонах помещаются их изображения.

Девизами современных российских орденов стало обозначение заслуг, за которые они вручаются или непосредственно названия орденов. Исключение составляет орден Почета.

Для ношения на одежде каждому ордену предназначена лента установленного цвета, что разрешает вместо награды носить ее ленту, укрепленную на специальной орденской планке или в виде орденской розетки. Расцветка лент соответствует основным цветам, тематике, отечественной исторической и наградной традиции знака отличия.

Указами Президента Российской Федерации изменялся способ крепления орденов к одежде. Для всех орденов предусмотрены специальные пятиугольные колодки с булавками, обтянутые орденской лентой, а для высших российских орденов - плечевые и шейные ленты. Кроме того, высший российский орден Святого апостола Андрея Первозванного имеет так же специальную орденскую цепь. Орденские звезды первоначально крепились к одежде при помощи нарезного штифта и гайки. В дальнейшем этот вид крепления был изменен на булавочное крепление. Вместе с тем Положением о государственных наградах Российской Федерации в редакции 2010 г. предусмотрено ношение миниатюрных копий знаков орденов (Сборник..., 2010, С. 27).

При награждении воинских частей, соединений, объединений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов вручается орден и орденская лента, прикрепляющаяся к знамени награжденного воинского коллектива (Сборник..., 2010, С.28).

Установление российского правительства 1994 г. об изготовлении знаков орденов из драгоценных металлов было изменено редакцией Положения о государственных наградах Российской Федерации от 01.06.1995, уточнено и развито в Положении о государственных наградах Российской Федерации от 07.09.2010. Согласно последней редакции Положения все современные государственные ордена Российской Федерации

изготавливаются из серебра 925-пробы или серебра позолоченного, а высший знак отличия ордена Святого Георгия I степени – из золота 950-пробы. При этом только в данном случае соблюдается условие по использованию разных драгоценных металлов для многостепенных орденов. Все остальные 28 орденских знака и орденские символы серебряные: 23 - с золочением отдельных деталей, 5 - без позолоты. Для повышения общественного статуса государственных орденов и их символов при изготовлении применяются не только драгоценные металлы, но и используется целый комплекс различных ювелирных техник: литье, золочение и чернение по серебру, многоцветное эмалирование, художественная роспись, ручная гравировка (Сборник..., 2010, С.13-123).

Изготовление современных российских орденов по-прежнему остается государственной монополией. Заказы на их изготовление распределяются между федеральными государственными унитарными предприятиями «Гознак» и Московский Монетный двор, Санкт-Петербургский Монетный двор и «Русские ремесла» (г. Ярославль) (Большая Российская Энциклопедия. Т. 24, 2014, С.239).

Литература

Большая Российская Энциклопедия. Т. 24. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2014.

Государственные символы и награды Российской Федерации. М.: Книжная палата, 1999.

Музалевский М.В. Ордена и медали Российской Федерации. – М.: «Кавалеръ», 2005.

Награды новой России. СПб.: Всемирный коллекционер, 1997.

Сборник нормативных правовых актов по вопросам государственных наград и государственной наградной политики. М.: Кремль, 2010.

РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ И ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Ледовская Т.В., Прудников О.Е.

**Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Россия**

В статье раскрываются основные теоретические вопросы, касающиеся понятия исполнительная власть, региональный конфликт. Проводится анализ региональных конфликтов на муниципальном и региональном уровне Российской Федерации, предлагаются варианты разрешения региональных конфликтов.

Ключевые слова: региональный конфликт, исполнительная власть, президент, губернатор.

THE ROLE OF THE EXECUTIVE POWER IN CONFLICT'S AT THE MUNICIPAL AND FEDERAL LEVELS

Ledovskaya T.V., Prudnikov O.E.

Yaroslavl state pedagogical University. K.D. Ushinsky, Russia

The article describes the main theoretical issues, concerning the concept of Executive power, regional conflict. The analysis of local conflicts at the municipal and regional level of the Russian Federation, suggests options to resolve regional conflicts.

Keywords: regional conflict, the Executive branch, the President, the Governor.

Изучение роли исполнительной власти в разрешении региональных конфликтов на данный момент времени особенно актуально в связи с тем, что региональные конфликты касаются непосредственно субъекты федерации. Из-за недостаточного участия исполнительной власти в их регулировании народ может пострадать в полной мере, так как региональная политическая стабильность имеет большое значение для развития российской государственности в целом, а возникновение новых очагов региональных конфликтов способно привести к резкой дестабилизации всей политической системы.

В ходе теоретического анализа соответствующей литературы мы можем сказать, что процесс развития исполнительной власти в России уходит вглубь веков. В отличие от европейских государств, где власть развивалась в направлении парламентаризма и демократии, Российская империя на протяжении XV-XIX вв. оставалась оплотом абсолютизма, и власть царя не ограничивалась никакими выборными органами. В первой половине XIX в. Россия оставалась абсолютной монархией, для которой было характерно: разделение власти на уровни, которые обеспечивали решение одних и тех же задач управления, дублирование ответственности правительственных чиновников. Вся политическая система была сориентирована в одном направлении - сверху вниз (Чиркин, 2003).

Правда, В октябре 1905 г. под влиянием революции царизм декларировал ответственность министерств перед государственной Думой. Но фактически министерства оставались в полном подчинении императору. Министры были ответственны только перед царем и им же назначались. Конституция 1906 г. предоставила весьма ограниченные представительные права вместе с декларированным избирательным законом. В 1917 г. Временное правительство подготовило систему почти всеобщего представи-

тельства через выборы в Учредительное собрание. Первым актом процесса образования однопартийности советской политической системы явилось образование Всероссийским съездом Советов однопартийного большевистского правительства. Это временное правительство рабочих, солдат и крестьян получило название "Совета народных Комиссаров". С разгоном Учредительного собрания был перечеркнут вариант демократической республики с широкой социальной опорой, многопартийностью. Монополия РКП/б/ на власть, сращивание партийных и государственных органов привели к отождествлению диктатуры пролетариата и партийной диктатуры. Народные массы, как и прежде, оставались бесправными, отрешенными от реального участия в управлении (Чиркин, 2003).

Только с 1992-1993 российская государственность в своем высшем эшелоне была представлена тремя ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной во главе с Конституционным судом. Таким образом, исполнительная власть на пути своего развития претерпела большие изменения: становление ее как самостоятельного института происходило эволюционным путем (Бельский, 1997).

В наше время ученые, исследующие исполнительную власть, не могут сойтись в одном ее конкретном определении. Мы остановимся на следующем определении исполнительной власти. Итак, исполнительная власть - это деятельность по управлению государством и обществом, подчиненная контролю со стороны других ветвей власти и состоящая в осуществлении специально созданными органами государственной власти особых функций и установленной законом компетенции (Бельский, 1997).

Региональный конфликт - это конфликт, происходящий в обществе, связанный с борьбой за власть, ценности, статус, ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют соперника (Калинкина, Доева, 2009).

Для изучения роли исполнительной власти в разрешении региональных конфликтов, мы проанализировали два конфликта с участием представителей исполнительной власти: один на федеральном уровне (конфликт между М.Ш. Шаймиевым и Д.А. Медведевым), другой - на муниципальном (конфликт между бывшим губернатором Ярославской области А.И. Лисициным и главой Рыбинского муниципального округа Е. Н. Сдвижковым).

Итак, конфликт между М.Ш. Шаймиевым и Д.А. Медведевым, который зародился во время президентства В.В. Путина. Он разрешился в марте 2010 года, когда Д.А. Медведев отправил в отставку главу Татарстана. Конфликт разворачивался следующим образом: при президентстве В.В. Путина татарский президент открыто высказывал недовольство отменой губернаторских выборов, которую он называл "отходом от демократических принципов". А сразу после инаугурации Д. А. Медведева Шаймиев выступил против "громоздкого", по его словам, института полпредов и

вновь призвал вернуться к практике всенародных выборов губернаторов, а также поставил под сомнение право президента распускать местные законодательные собрания. В 2003 году обвинил Совет Федерации в "выталкивании Татарстана из состава РФ". Столь же непримиримым оппонентом политике Москвы Шаймиев выступил и по поводу последних инициатив Кремля. За предложениями об унификации названий субъектов Федерации и об укрупнении регионов татарский президент увидел открытое покушение на принципы федерализма (Самарина, 2010). Стоит отметить, что Татарстан до сих пор считает себя полунезависимым государством (в свое время в республике прошел референдум о независимости). Такое поведение главы Татарстана явно не понравилось главе РФ, ведь это прямая угроза вертикали власти, которую так усердно в последнее время выстраивает правящая партия. Поэтому Д.А. Медведев принял решение об отставке М. Ш. Шаймиева, дабы не потерять один из ведущих регионов нашей страны.

Анализ конфликтной ситуации, возникшей между М. Ш. Шаймиевым и Д.А. Медведевым: *ситуация*: президент республики Татарстан открыто высказывал недовольство отменой губернаторских выборов. Шаймиев выступил против "громоздкого", по его словам, института полномочных представителей президента и вновь призвал вернуться к практике всенародных выборов губернаторов, а также поставил под сомнение право президента распускать местные законодательные собрания. Также тенденция перераспределения полномочий от регионов к центру вызывала сильное возмущение. Также президент республики Татарстан открыто критиковал президента РФ по поводу проводимой внутренней политики. Глава РФ посчитал это недопустимым и снял главу Татарстана с его должности.

Анализ ситуации показывает, что данный конфликт носит вертикальный характер, предметом которого является прямая критика в адрес президента и высказывание недовольства по поводу внутренней политики, проводимой Д.А. Медведевым.

Мотивы участников конфликта: М.Ш. Шаймиев хотел добиться для своего региона особого статуса по сравнению с остальными регионами. Увеличить свои полномочия в Татарстане и стать менее зависимым от федерального центра; ведущим мотивом для Д.А. Медведева было сохранение своего авторитета, сохранение зависимого статуса Татарстана, устранение попыток нанести удар по вертикали власти. Таким образом, представление о конфликтной ситуации сложилось следующее: Д.А. Медведев посчитал недопустимым подобное поведение главы республики Татарстан и снял М.Ш. Шаймиева со своего поста.

Поведение участников конфликта: Можно сказать, что в начале Д.А. Медведев выбрал стратегию «избегание», но потом выбрал «соперничество», М.Ш. Шаймиев сразу выбрал стратегию «соперничество».

Возможность завершения конфликта: Д.А. Медведев мог бы договориться с М.Ш. Шаймиевым, пойти на некоторые уступки, и, тем самым,

показать свою слабость. Это негативно бы сказалось на его авторитете, что в дальнейшем могло бы послужить поводом для других республик или крупных регионов настаивать на перерасмотрении распределения полномочий между центром и регионом.

Исходя из анализа данного конфликта, мы можем сделать вывод о том, что в разрешении региональных конфликтов на федеральном уровне исполнительная власть принимает непосредственное участие, так как представители данного вида власти напрямую участвовали в разрешении конфликта, ведь именно Д.А. Медведев принял решение об отставке главы республики Татарстан.

Для рассмотрения роли исполнительной власти в разрешении региональных конфликтов на муниципальном уровне мы проанализируем конфликт, который возник между бывшим губернатором Ярославской области А.И. Лисицыным и главой Рыбинского муниципального округа Е.Н. Сдвижковым.

Ситуация: в Ярославской области ввели бесплатный проезд для людей, имеющих льготы, но в Рыбинске проезд остался платным, так как плата за него приносила в городскую казну неплохой доход и на эти деньги содержались рыбинские транспортные предприятия. Губернатор ЯО велел главе Рыбинского муниципального округа немедленно ввести бесплатный проезд, но тот, в свою очередь, отказался (2007г.) (Ледовская, Прудников, 2012).

Данный конфликт также является вертикальным, предмет которого - нарушение главой Рыбинского муниципального округа постановления Правительства ЯО о бесплатном проезде для людей, имеющих льготы.

Мотивы участников конфликта: главным мотивом для губернатора являлось желание того, чтобы его постановление о бесплатном проезде для льготников выполнялось беспрекословно во всей области; ведущим мотивом для главы Рыбинского муниципального округа являлось нежелание терять дополнительный источник дохода в виде платы за проезд.

Представление о конфликтной ситуации сложилось следующее: глава Рыбинского муниципального округа нарушил постановление губернатора, именно это и послужило поводом для возникновения конфликта. Поведение сторон в конфликтной ситуации было разным, так как стороны выбрали разные стратегии поведения: стратегией губернатора являлось «сотрудничество», так как он с самого начала хотел устранить этот конфликт путем переговоров, глава Рыбинского муниципального округа, в свою очередь, выбрал стратегию «соперничество», так как он боролся за свои интересы, правда, впоследствии он поменял стратегию на «сотрудничество» и конфликт был разрешен.

Возможность завершения конфликта: губернатор ЯО мог бы снять главу Рыбинского муниципального округа с поста и поставить на его место человека, который выполнял бы все постановления губернатора и Прави-

тельства ЯО, и тем самым завершить конфликт. *Мирное разрешение*. Губернатор ЯО и глава Рыбинского муниципального округа могли бы договориться о дополнительной финансовой поддержке Рыбинского муниципального округа и его транспортных служб.

На примере анализа данной конфликтной ситуации можно сделать вывод о том, что исполнительная власть уделяет должное внимание разрешению конфликтов муниципального характера, так как в разрешении данного конфликта губернатор принимал непосредственное участие.

В заключении можно сказать, что в наше время изучению конфликта и его анализу следует уделять особое внимание, потому что современные конфликты могут нести более тяжелые последствия, нежели раньше. Особенно стоит сконцентрировать свое внимание на конфликтах в обществе, а именно на региональных и политических конфликтах, так как эти конфликты могут приводить к тяжелым общественным потрясениям, кризисам власти и общества, что в свою очередь может деструктивно сказаться не только на населении страны, но и на государстве в целом, а именно, привести к его распаду.

Литература

Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. – № 3. – С. 14.

Калинкина И.В., Доева А.Н. Региональная конфликтология. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009.

Ледовская Т.В., Прудников О.Е. Роль исполнительной власти в разрешении региональных конфликтов // Человек в экономических и социальных отношениях / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова. Москва: Институт мировой экономики и информатизации, 2012. – С.73-76.

Самарина А.А. "Единая Россия" обидела градоначальника // Независимая газета. Москва. 20.01. 2010. – №8. – С.13-23.

Чиркин В.Е. Президент и исполнительная власть в системе разделения властей: реалии современной России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России / отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М., 2003. – С.116-123.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Майкова Э.Ю., Верпатова О.Ю.

Тверской государственный технический университет, Россия

Статья посвящена анализу основных характеристик региональной идентичности жителей Тверской области на основе результатов социологического исследования. В рамках исследования рассмотрены деятель-

ностный, когнитивный и эмоциональный компоненты региональной идентичности. Региональная идентичность лежит в основе осознания и реализации населением региона общности своих интересов, стремления действовать для достижения общих целей. Изучение состояния региональной идентичности позволяет оценить уровень сплоченности регионального сообщества. Результаты данного исследования могут быть использованы в социальном проектировании и реализации социальной и информационной политики, направленной на формирование региональной идентичности.

Ключевые слова: региональная идентичность, деятельностный, когнитивный, эмоциональный компоненты региональной идентичности, стереотипы, миграционные намерения.

FEATURES OF REGIONAL IDENTITY OF RESIDENTS OF THE TVER REGION

Maykova E.U., Verpatova O.U.
Tver state technical university, Russia

Article is devoted to the analysis of the main characteristics of regional identity of residents of the Tver region on the basis of results of sociological research. The study examined the behavioral, cognitive and emotional components of regional identity. Regional identity is the cornerstone of understanding and realization by the population of the region of a community of the interests, aspiration to work for achievement of common goals. Studying of a condition of regional identity allows to estimate the level of unity of regional community. Results of this research can be used in social design and realization of the social and information policy directed to formation of regional identity.

Keywords: regional identity, behavioral components of regional identity, cognitive components of regional identity, emotional components of regional identity, stereotypes, migratory intentions.

В последние годы в рамках региональной социологии активное развитие получили исследования, связанные с изучением региональной идентичности. Данная проблема приобретает особую актуальность в связи с обсуждением роли регионального самосознания как одного из факторов становления гражданского общества в России. Осознание региональной принадлежности не только обеспечивает социальную идентичность индивида, но и предполагает, что осознание интересов группы как своих собственных выступит в качестве побудительного мотива их защиты.

На сегодняшний момент в современной России вопрос формирования и выделения регионального самосознания связан с оформлением регионов РФ как территориальных, социокультурных, экономических и социальных общностей. Кроме того, в условиях современного развития обще-

ства, когда этническая, религиозная идентичности оказываются или размытыми, или неспособными удовлетворить потребности общества и индивида, роль региональной идентичности как наиболее конструктивной альтернативы заметно возрастает (Головнёва, 2013; Назукина, 2011).

Тверская область как региональное образование имеет свою историю, уникальный социальный опыт, а так же ряд экономических и политических особенностей. С этой точки зрения данная общность должна была породить определенный уровень идентичности своих членов. Вместе с тем, анализируя данные об активности населения региона, его участии в политической, социальной, экономической жизни, можно отметить его общую пассивность и даже некоторую апатичность. В связи с этим, актуальным становится вопрос об уровне развития и особенностях региональной идентичности, как мотивационного механизма гражданской активности населения (Майкова, Симонова, 2015).

Прикладные социологические исследования, направленные на анализ особенностей региональной идентичности жителей Тверской области проводились с 2011 по 2014 год. Исследование проводилось методом формализованного интервью, по квотной выборке, объем которой ежегодно составлял 1002 человека, составленной с учетом половозрастной структуры населения Тверской области, а так же типа населенного пункта. В опросе участвовали респонденты г. Твери, Калининского, Калязинского, Торжокского, Ржевского, Вышневолоцкого, Лесного, Нелидовского, Конаковского районов. Полученные в ходе исследования данные проанализированы с использованием метода частотного и корреляционного анализов. При сопоставлении результатов ежегодных исследований были выявлены основные характеристики компонентов региональной идентичности, для их иллюстрации в дальнейшем в работе приводятся показатели последнего исследования.

Результаты исследования позволили проанализировать состояние трех компонентов региональной идентичности: эмоционального, когнитивного и деятельностного.

Одной из основных задач исследования было выявления места региональной идентичности в иерархии других идентичностей населения Тверской области. Для решения данной задачи использовался тест Куна-Макпартленда «Кто я?». Результаты показали, что роль региональной идентичности в самоопределении жителей Тверской области крайне незначительная. Только 0,4 % респондентов выделили себя как жителей Тверского региона или своего населенного пункта. Чаще всего респонденты отождествляют себя со своими семейными ролями (причем как мужчины, так и женщины), а так же со своей принадлежностью к определенному полу. Данные виды идентификации указывают на то, что респонденты стремятся соотнести себя с наиболее устойчивыми группами. Согласно одному из подходов, такая идентичность характерна для периодов социального кризиса, когда ин-

дивиду необходимо соотносить себя с какой-то группой, и одной из таких групп становится, главным образом, семья, поскольку границы остальных размыты, и респонденты не чувствуют себя их частью.

Большинство опрошенных отмечают, что проживают в области более 20 лет (20 %) или с рождения (60 %), что позволяет говорить о том, что представления жителей о своей малой родине уже сформировались. Абсолютное большинство респондентов уверенно ответили, что считают себя местными (90 %). Возможно, именно поэтому 44 % опрошенных считает, что человека можно считать жителем Тверской области только в том случае, если он здесь родился. Однако 33 % респондентов полагают, что жителем региона можно считаться с момента переезда на постоянное место жительства.

Одной из задач исследования являлось выявление уровня интереса жителей к проблемам своего региона и готовность принимать участие в их решении. В этом выражается один из важнейших компонентов социальной идентичности – деятельностный. Его суть заключается в готовности действовать сплочено, исходя из общих групповых интересов, стремлении их отстаивать и достигать. В ходе исследования респонденты не высказали однозначного мнения, разделившись практически поровну на тех, кто считает, что жители Тверской области все-таки могут и отстаивают свои интересы (38 %) и тех, кто полагает, что гражданам не свойственно такое поведение (35 %). Кроме того, довольно высокой оказалась доля тех, кто затруднился ответить на вопрос (28 %). При этом, респонденты, проживающие в поселках городского типа (далее в тексте – ПГТ), считают, что их земляки активно защищают свои интересы (48 %), а вот жители сельской местности (40 %), наоборот, полагают жителей Тверской области пассивными.

Что касается проявления интереса к событиям, происходящим в экономической, правовой, социальной и духовной сферах жизни Тверской области, то около половины опрошенных затруднились ответить на данные вопросы.

Независимо от типа населенного пункта, интерес к политической сфере жители Тверской области проявили, лишь 17 % от общего числа респондентов. При этом, если традиционно политикой больше интересуются мужчины, то в данном случае пол респондентов никак не отразился на ответах. Политическая пассивность респондентов подтверждается так же низкой явкой на выборы разных уровней, в том числе и участием в местном самоуправлении. В вопросах правовой сферы проявляют заинтересованность только 20 % населения. Весьма безразлично опрошенные относятся к состоянию дел в духовной сфере региона: лишь 17 % проявили интерес к событиям, происходящим в этой области. В целом, можно отметить, что заинтересованность в информации о различных сферах общественной жизни в большей степени проявляют жители ПГТ, чем города или села. Следует отметить, что молодежь в меньшей степени интересуется

ся состоянием дел в Тверском регионе, чем люди старшего возраста. Это свидетельствует о проявлении негативной тенденции, поскольку именно молодежь по своей сути является носителем инновационных идей, наиболее энергичной и предприимчивой частью населения. Их пассивность и отсутствие интереса к событиям, происходящим в регионе, отражается на качестве общественных сил, способных внести вклад в развитие региона.

О слабом интересе к состоянию дел в различных сферах жизни Тверского региона свидетельствует и тот факт, что респонденты не стремятся получать информацию о региональных событиях. Только 22 % респондентов отметили, что читают местную прессу постоянно. 38 % обращаются к местным изданиям периодически и 27 % отметили, что обращаются очень редко. Жители сельской местности, так же как и горожане, реже обращаются к местным изданиям. Чаще всего к местной периодике обращаются жители ПГТ (32 % читают их постоянно и 24 % периодически).

При анализе деятельностного компонента идентичности рассматривались ответы на вопрос о готовности жителей отстаивать интересы своего региона и своего населенного пункта. Результаты продемонстрировали высокую степень пассивности населения. Так, большинство респондентов не готовы защищать интересы Тверского региона в целом ни в экономической (47 %), ни в политической (48 %), ни в правовой (49%), ни в социальной (49 %), ни в духовной сферах (50 %). Пассивное отношение одинаково проявилось во всех типах населенных пунктов.

Гораздо активнее респонденты готовы отстаивать интересы населенного пункта, в котором проживают. В этом вопросе большинство отметили, что готовы бороться за интересы своего города, поселка или деревни: граждан волнует собственное благополучие, которое напрямую зависит от ситуации в их населенном пункте. При этом, сравнив результаты на предыдущий и данный вопрос можно отметить, что круг интересов опрошенных сужается до границ их места проживания. Это может свидетельствовать о том, что региональная идентичность для многих в первую очередь предполагает отождествление себя с жителями своего населенного пункта.

Из тех респондентов, кто готов отстаивать интересы своего региона и населенного пункта большинство респондентов выбрали бы такой способ воздействия на власть как митинги, забастовки и демонстрации (36 %), на втором месте обращение к закону (13 %), публикации в СМИ (10 %) и жалобы в вышестоящие инстанции (10 %). Горожане в вопросе защиты своих интересов солидарны в выборе методов с жителями ПГТ. А вот сельские жители не верят в действенность митингов и предпочитают обращение в вышестоящие инстанции (16 %), апелляции к закону или публикации в СМИ (8 %). Таким образом, респонденты, выражающие стремление к защите интересов территории своего проживания, выбирают активные способы достижения цели.

При рассмотрении деятельностного компонента региональной идентичности особое внимание в исследовании было уделено изучению миграционных настроений. Готовность мигрировать свидетельствует об удовлетворенности своим нынешним положением. Большинство респондентов отметили, что хотели бы остаться в том месте, где они проживают сейчас. При этом жители ПГТ более склонны к смене места жительства, в отличие от горожан и жителей сельской местности (остаться на месте хотели бы лишь 21 %). Основные направления миграции схожи во всех трех категориях: горожане и сельские жители больше стремятся уехать в Москву и другие крупные города, чем жители ПГТ, которые в основном выбирают столицу региона (Тверь) или просто крупный город. Кроме того, было отмечено различие в направлении миграции у мужчин и женщин. Женщины склонны остаться в регионе, тогда как мужчины больше настроены на отъезд в Москву или крупный город. Особо активны в желании поменять место жительства опрошенные в возрасте до 40 лет: они стремятся максимально реализовать свой потенциал, но, вероятно, не видят возможности осуществить это в своем регионе (Верпатова, 2015).

В качестве одного из компонентов идентичности выделяют эмоциональный компонент – это те чувства, ощущения и эмоции, которые вызывает ощущение своей принадлежности. На вопрос о том, какие чувства у человека вызывает его принадлежность к жителям Тверского региона, респонденты отметили чувство удовлетворения (27 %) и гордости (21 %), а 18 % опрошенных – равнодушие. Подобная ситуация складывается и в отношении принадлежности к своему населенному пункту.

В ходе исследования респондентам было предложено выбрать те черты характера, которые позволили бы описать жителей Тверской области в целом, жителей их населенного пункта, а так же москвичей и петербуржцев. Две последних группы были включены в анализ с целью определить, какую из референтных групп жители Тверской области считают более близкой по характеру.

Среди черт, присущих жителям Тверской области, опрошенные чаще всего выделяют: религиозность (13 %), пьянство (9 %), патриотизм (7,6 %), храбрость и смелость (7,6 %), искренность (7 %), трудолюбие (7 %), лень (6,7 %), нерешительность и безволие (6,5 %). Таким образом, опрошенным свойственна определенная противоречивость в представлениях о чертах характера, присущих жителям региона.

Среди черт, присущих москвичам, респонденты отметили следующие: самоуверенность (13,4 %), непорядочность (7,4 %), трудолюбие (7 %), а так же тяга к насилию (6,5 %), в меньшей степени им приписывали талант, смекалку (5 %) и патриотизм (5 %). Образ петербуржца имеет больше сходства с представлением о самих себе: патриотизм (9 %), искренность (8,5 %), трудолюбие (6,4 %), талантливость и смекалка (6,6 %), религиозность (6 %) и сентиментальность (5,3 %) (Верпатова, 2015).

Другим важным компонентом региональной идентичности является когнитивный компонент. Он включает в себя знания об общей истории региона, о ее знаменательных событиях, а так же о том, что является гордостью и символом Тверского края. Респондентам было предложено выделить известные им события истории и культурной жизни региона. Большинство респондентов затруднились ответить на данный вопрос (56 %). Остальные респонденты чаще всего упоминают события периода Великой отечественной войны (21 %), среди которых: битва под Ржевом (4 %) и освобождение города Тверь от немецко-фашистских захватчиков (3, 6 %) и другие. Лишь незначительная часть респондентов назвала события, связанные со средневековой историей – поход А. Никитина в Индию (3 %), борьба с монгольским игом (1,7 %), соперничество с Москвой за великое княжение, гибель князя Михаила Тверского (1,5 %). При этом следует отметить, что жители ПГТ лучше, чем горожане и сельские жители знакомы с историей Тверской области и чаще в своих ответах указывают определенные события и имена исторических деятелей.

Респондентам было предложено назвать символ, который воплощал бы образ Тверской области. Большинство респондентов (56 %) затруднились с выбором символа, не высказав никаких предпочтений или идей, что так же можно считать индикатором отсутствия представления об общих, символических чертах региона. Среди тех, кто назвал символ региона, чаще всего встречались названия различных животных и объекты живой природы (лес, цветы, поля и т.д.) центральной полосы России, а так же птиц (40 %). Река Волга была предложена как символ Тверской области 15 % респондентами. Так же среди символов называли Михаила Тверского, серп и молот, солнце, торжокское золотое шитье, теплоход, щит и ряд других символов. Можно отметить, что респондентам оказалось крайне трудно представить свой образ родного края в виде конкретного символа.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Результаты позволили выявить неустойчивость автостереотипов жителей Тверской области и наличие в «Мы-образе» противоположных черт характера. Региональная идентичность жителей Тверской области представляет собой достаточно размытое образование. Все три компонента идентичности: эмоциональный, когнитивный и деятельностный указывают на то, что, несмотря на долгую историю формирования, историческое наследие и ряд других факторов, население Тверского региона не до конца ощущают свою принадлежность к нему, и данная принадлежность играет в их иерархии социальных идентификаций второстепенную роль.

Литература

Вернатова О.Ю. Эмоциональный компонент региональной идентичности населения Тверской области // Сборник трудов IV Всероссийского конгресса молодых ученых Университет ИТМО, 2015. – С.76-79.

Верпатова О.Ю. Деятельностный уровень региональной идентичности населения Тверской области // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. – № 2. – С. 106-111.

Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. 2013. – № 5. – С.42-50.

Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Самоуправленческий потенциал населения российских регионов (на примере Тверской области) // Социологические исследования. 2015. – № 7 (375). – С.80-88.

Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Журнал «Регионология». 2011. – №4. <http://regionsar.ru/node/809> [Электронный ресурс] /

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

Макарычев В.Н.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва

В статье рассматриваются вопросы патриотического воспитания молодежи. Акцентируется внимание на роли государства и организаций гражданского общества в этом процессе. Делается вывод, что, в условиях существования внешних угроз, патриотизм является основой обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: патриотизм, национальная безопасность, гражданское общество, государственная программа, ценности, Россия, молодежь.

CIVIL SOCIETY, SOCIAL ORGANIZATIONS AND THE PATRIOTIC EDUCATION

Makarychev V.N.

The Federation Council of the Russian Federation Federal Assembly, Moscow

The topic of article is the patriotic education of youth. The attention is focused on the role of the state and civil society organizations in this process. It concludes that, in the conditions of existence of external threats, patriotism is the foundation of Russia's national security.

Keywords: patriotism, national security, civil society, the state program, values, Russia, the youth.

«У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Это и есть национальная идея. Нужно, чтобы это вошло в сознание...»

И постоянно об этом надо говорить везде, на всех уровнях, постоянно».

В.В. Путин (3 февраля 2016 года, Московская область, Ново-Огарево)

Патриотизм, т.е. «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» (БСЭ, 2012), всегда рассматривали, как важную составляющую государства. Безусловно, духовно-нравственные ценности в обществе, создают его внутренний стержень. Их формирование немислимо без таких понятий, как государственность, традиции, любовь к Родине. Значима их роль в системе социальных и личностных ценностей каждого человека. Поэтому патриотизм можно характеризовать, как сложный, социально-нравственный принцип и морально-психологическое чувство, имеющее нравственно-психологическую основу. «Патриотизм есть великая школа гражданственности в опасный для Родины час. Зрелость России для мировой жизни и мировой роли будет прямо пропорциональна проявленному ею сознательному гражданскому патриотизму», - так писал Н.А. Бердяев (Бердяев, 1994, С.374).

Патриотизм прошел в нашем государстве этапы развития, подъема, забвения. Сегодня он снова востребован. Его современное понимание не изменило традиционных подходов, но внесло некоторые особенности.

Для достижения названных выше параметров требуется определенный механизм. Название ему - гражданское общество. Его формирование длительный процесс, но другого пути к согласию и миру не существует. Люди учатся договариваться, защищать свои интересы путем создания союзов, объединений, организаций.

В современной России не наблюдается их роста, по причине устоявшейся социально-политической модели, устраивающей большинство граждан. Живучесть политической системы зависит от участия народа в ее управлении, своевременным реагированием на угрозы обществу. Такие предпосылки существуют. В первую очередь со стороны иностранных государств желающих раскочать стабильность российского общества. При этом деструктивные силы традиционно используют существующие противоречия, медлительность или нежелание государственных структур их своевременно разрешить.

Участие граждан в общественных организациях западные социологи (Э. Фромм, Г. Блюмер, С. Липсет) объясняют теориями «коллективного поведения» и «массового общества» (Андронов, 2004). По их мнению, общественные организации создаются по причине отстранения части населения от непосредственного участия в политическом процессе. Изоляция от политических институтов формирует вне институциональную активность представителей отстраненных групп. Развитие электронных комму-

никаций способствует установлению взаимосвязей сетевого типа. Часто такая связь используется в протестных целях.

К середине 70-х годов XX века возник принципиально новый подход к объяснению общественных организаций - теория мобилизации ресурсов (М. Зальд, М. Асим, К. Вильсон и другие). Данный подход социологически анализировал тактику и стратегию движений, проблемы их роста, упадка и изменения. Но разработка истории общественных организаций в России, их анализ, вопреки сложившемуся стереотипу, начались задолго до появления пионерской и комсомольской, партийной историографии. Особенностью российских общественных организаций являлась их патриотическо-социальная направленность. Это общественно-воинские союзы дореволюционной России, общества милосердия и помощи раненым и калекам, фонды помощи семьям погибших при защите Отечества, оказавшимся на чужбине, православные и мусульманские благотворительные фонды. Одним словом, патриотизм всегда был в России социален, имел прямое отношение к людям, улучшением их жизненных условий, прав и свобод. Примером является создание в 1867 году под покровительством императрицы Марии Александровны, супруги российского императора, Общество попечения о раненых и больных воинах, ставшее прототипом созданного в 1879 году Российского общества Красного Креста.

Российское государство сегодня поощряет подобную деятельность общественности путем выделения особых денежных грантов, участие в федеральной государственной программе. В Российской империи крупные государственные чиновники, члены царской фамилии становились попечителями подобных объединений.

Необходимо отметить, что в современных условиях государство выступает в качестве социального института, определяющего специфику деятельности общественных организаций, придающего им социально-значимый статус. Федеральный закон, принятый 19 мая 1995 года, «Об общественных объединениях» определяет их «как добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан...» (Федеральный закон № 82-ФЗ от 19.05.1995, ст.5). Закон определяет их формы, сферы деятельности и меры государственного контроля и регулирования.

В Российской Федерации существует система, направленная на поддержку организаций, занимающихся патриотической деятельностью. Название федеральной государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы», оставляет без комментариев значение вопроса.

В соответствии с данной программой, патриотической темой занимаются исполнительные и законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического

воспитания детей и молодежи», федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве Российской Федерации (Росвоенцентр)», Общероссийская общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество». Итогом патриотической работы в условиях общественно-государственных организаций является личность патриота, готовая и стремящаяся к выполнению своего гражданского долга, во всем многообразии форм его проявления, умением и желанием сочетать общественные и личные интересы, реальным вкладом, вносимым в дело процветания Отечества.

Еще патриотизм служит средством выживания народа, нации, которых объединяет генетическое родство и земля, на которой жили их предки. Приведу меткую мысль Патриарха Всея Руси Кирилла, высказанную на первых Рождественских чтениях в Совете Федерации в 2014 году, как раз о сохранении нации, территории, государственности и о том, что патриотизм является естественным состоянием человека. И еще он сказал, что только у Бога есть вечная правда! Но нам и без Бога больно видеть, когда естественное чувство гордости за свою национальную принадлежность, культурно-исторические корни и традиции называют пережитками и глупостью. С одной лишь целью, сначала посорить народы, а потом их смыть с лица земли.

Потому считаю патриотизм, это тогда, когда есть за что умирать! Граждане вполне добровольно отдают самое ценное, что у них есть. Не единично, а массами встают, как один, грудью на врага. Именно этот порыв народного единения и не обязательно при защите Отечества, называется патриотизмом. Здесь личное совпадает с общественным. По своей природе патриотизм схож с военной присягой, когда молодой человек идет осознанно на компромисс личного с общественным, дает клятву защищать Родину даже ценой своей жизни.

Общероссийский патриотизм является основой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Государства же отвергающие патриотизм или допускающие его девальвацию, в том числе путем провокационной подмены терминами «национализм», «шовинизм, и им аналогичными, как показывает история мировой цивилизации, обречены на упадок с последующим «небытием».

Государственные и общественные организации, занимающиеся патриотическим воспитанием, ставят своей главной целью воспитание гражданина, что, соответственно, способствует становлению гражданского общества.

Литература

Андронов И.В. Концепция гражданского общества в западных теориях. //Вестник ОГУ № 46. 2004.

Бердяев Н.А. Сочинения. М.: «Раритет», 1994.

Большая советская энциклопедия. БСЭ, 2012.

Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в Ново-Огарево на встрече «Клуба лидеров» (неформальное объединение предпринимателей из 40 российских регионов) // Сайт Президента Российской Федерации. 02.03.2016.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы».

Федеральный закон № 82-ФЗ от 19 мая 1995 года «Об общественных объединениях» (в ред. от 31 января 2016 года).

«САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ»: АНТРОПНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Мартинкус П.П.

**Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва,
Россия**

В статье показаны основания для различения двух несовместимых вариантов трансгуманистического движения: либерального и социального. Первый представлен западными трансгуманистами, ориентирующимися на удовлетворение индивидуальных потребностей с помощью технологических инноваций. Вторым - российским движением «Россия 2045», участники которого исходят из необходимости преодоления антропологического кризиса, т.е. трансформации «общества потребления» в общество «совершенных» личностей или даже коллективный сверхразум. Показано, что оба варианта трансгуманизма не решают, а скорее ставят перед человечеством проблему «предсказуемого будущего».

Ключевые слова: трансгуманизм, либерализм, общество потребления, антропологический кризис, титанизм, общественное движение «Россия 2045».

«THE GARDEN OF EARTHLY DELIGHTS»: ANTHROPIC DIMENSION OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS

Martinkus P.P.

National research nuclear university "MEPHI". Russia, Moscow

The article considers the reasons for incompatible distinctions between liberal and social doctrines of transhumanism. The liberal transhumanism's variant is represented by western transhumanists, it focuses on the satisfaction of individual needs by dint of technological innovations. The social transhumanism's variant is represented by the Russian social movement "Russia 2045". Its members base on the need to overcome of anthropological crisis, namely they

want to transform the "consumer society" into "perfection persons" community or collective Superintelligence. It's shown that both variants of transhumanism don't solve, but rather formulate the problem of "foreseeable future" for humanity.

Keywords: transhumanism, liberalism, consumer society, anthropological crisis, titanism, social movement "Russia 2045".

«Трансгуманизм – в его русскоязычном выражении – требует от философа ...серьезного анализа и основанного на внятной методологии прогноза».

А.Ю. Нестеров.

Картины Иеронима Босха неизменно поражают разнообразием фантазмагорий. Даже безобидный, наполненный любовью «Сад земных наслаждений» скрывает пороки и грехи, которые будут вскоре наказаны. Странные люди, странные животные, странные растения – вглядываться в этот карнавал бесчисленных «монстров» можно бесконечно. Однако, детали не должны заслонять целого – перед нами предостережение художника, которому «в первый ...раз в европейской истории... удалось передать кошмары, осаждающие сознание человека Средневековья» (Гомбрих, 2013, С.359). Эти кошмары волнуют автора статьи тем, что становясь образами «дивного нового мира», они могут быть реализованы в эпоху постмодерна.

Противопоставляя себя уходящему Средневековью с его *vita contemplativa*, философы, подобные Ф. Бэкону, рассматривали технологии (в том числе социальные) не столько в рамках «естественного улучшения» жизни людей, сколько в качестве алхимической панацеи. Многочисленные «Новые Атлантиды» вскружили умы, оставшись, впрочем, только на страницах книг. В мире, в котором не знали о способах сохранения куриц (по легенде Ф. Бэкон умер как раз разрабатывая таковой), трудно реализовать утопии. Но уже к концу XIX в. реальность превзошла самые смелые предположения родоначальников научной революции. Технологии заняли ключевое место в жизни людей. Но теперь лишь немногие жители «свободного мира» хотели построить на этой основе действительную утопию, исходя из прагматико-либеральных соображений: вряд ли это принесет наибольшее количество счастья наибольшему количеству людей, которые сами должны о своем счастье заботиться. Тоталитарные же общества могли реализовывать утопические планы только в рамках имеющихся технических средств, которых им явно не доставало. Тем самым утопия была либо недостижима, либо невысказана.

С появлением и развитием технических средств типа машин Тьюринга (ЭВМ), сетей Интернет и современных NBIC-технологий ситуация радикально изменилась. Пока философы затрудняются в решении «трудных проблем» сознания, программисты создают средства моделирования человеческого интеллекта, которые уже прошли тест Тьюринга; пока

общественность дискутирует об этическом измерении клонирования, биоинформатики секвенируют геном человека; пока не вполне ясны онтологические аспекты «квантовых эффектов», физики создают наноматериалы и т.д. Иначе говоря, технологические инновации приходят в противоречие с традиционными теориями, в рамках которых они бы получали не просто свое объяснение, но и легитимацию. Традиционным фактором такого оправдания технологий остается, конечно, само представление о необходимости и бесконечности научного прогресса, в том числе роста технологического знания. Но современная теоретическая наука как стремление к истине не всегда практически применима: теория либо не выливается в практику, либо вообще ее исключает. Технологические инновации, которые обычно рассматривались как следствие существования истинных теорий, становятся совершенно самоценными (технонаука), теряя свой статус «приятных дополнений» к истине. Тем самым, в мире постмодерна, где существование корреспондентской истины все более ставится под сомнение, необходимо связать технологические инновации с чем-то, что было бы важно для человека, который занимается их развитием. В конце концов *только* ради получения прибыли люди не живут, иногда их все же посещает мысль о смысле собственной деятельности. Если таким смыслом не может быть ни истина, ни деньги, то его необходимо найти где-то еще.

Думаем, не случайно именно в эпоху позднего капитализма появляются учения характерные для начального этапа научной революции, когда ученые, зачастую связанные с магико-алхимическими практиками, жаждали трансмутации и самих себя, и Вселенной (Рабинович, 2012). Иначе говоря, основное внимание в современной легитимации технологий направлено на «благоприобретения» субъекта, получаемых в результате их развития. Наиболее ясно подобный способ «технодицеи» выражают сторонники трансгуманистического движения, утверждая что инновации позволят усовершенствовать интеллект, предотвратить старение, болезни и смерть (Transhumanist Declarations, 2013).

Впрочем, путь к будущему трансгуманисты видят в различающихся перспективах, что позволяет говорить о двух течениях, объединенных только методом, но не желательной целью: либеральном и социальном вариантах трансгуманизма. Первый характерен для современных западных мыслителей, второй представлен участниками общественного движения «Россия 2045». Сравнение этих течений позволяет рассматривать их анти-тетически, о чем свидетельствуют противоположные объекты изменений, разное отношение к предыдущему этапу развития человечества, несводимость предъявляемых требований к субъектам трансформаций.

В первой полностью завершенной форме трансгуманистической философии, представленной в 1990 году М. Муром в «Принципах экстропии», были сформулированы положения, которые легли в основу всех последующих ее западных форм. Принципы можно свести к следующему

(Moog, 2013, p.5-6): бесконечный прогресс и само-трансформация, практический оптимизм, разумные технологии, открытое общество, само-направление и рациональное мышление. *Бесконечный прогресс* и *само-трансформация* предполагают такое технологическое развитие, которое не направлено на достижение состояния совершенства (т.е. в будущем нет конечных причин). Тем самым, прогресс не является некой положительной неизбежностью. Западные трансгуманисты полагаются скорее на рациональный подход в оценке минимизации рисков, которые могут приносить новые технологии (*практический оптимизм*). Поэтому технологии оказываются «разумными» только в том смысле, что они направлены на улучшение качества жизни и преодоление ограничивающих свойств нашего биологического наследия, культуры и окружения. *Само-направление* подразумевает важность независимого мышления, личной свободы, персональной ответственности, самоуважения, сочетающегося с уважением к другим. *Рациональное мышление* означает приоритет разума над верой и сомнения над догматизмом. Иначе говоря, *объектом* (точкой приложения) технологических инноваций западный трансгуманизм признает, вслед за классическим либерализмом, не сообщество, а индивида (отказываясь тем самым от коллективистского идеала); *субъектом* развития оказывается независимая личность, которая, исходя из рациональных побуждений, стремится преодолеть собственные ограничения. А поскольку предполагается, что западное общество уже давно идет по пути индивидуальных трансформаций, то трансгуманизм является *продолжением секулярного гуманизма*, т.е. стремления к счастью, а не к совершенству (Humanist Manifesto III, 2003). Развитие современных технических средств, позволяющих преодолеть «естественные» биолого-генетические ограничения человека, приводят к тому, что постчеловеческие существа смогут обладать «морфологической свободой» (Sandberg, 2001) и приспособленностью к различным средам обитания, отличным от текущего земного типа. Они смогут выйти за пределы «человеческой природы», т.е. иметь значительно превосходящие мыслительные способности и эмоции, отличные от таковых у современных людей. Вопросы же связанные с этическими проблемами, возникающими при таких трансформациях, западные трансгуманисты решают в рамках утилитаризма, т.е. консеквенциональной этики.

Содержание статей участников общественного движения «Россия 2045» показывает, что они исходят из противоположных установок (Глобальное будущее..., 2013; Глобальное будущее..., 2014). Анализ этих установок уже был осуществлен автором (Мартинкус, 2015), здесь же мы кратко изложим и дополним полученные ранее результаты.

Движение исходит из постулата о глобальном антропологическом и социальном *кризисе*, а потому его участники обращают внимание не на ближайшие цели (коррекции телесных и интеллектуальных недостатков), а на быстрое и эффективное *изменение миропорядка*. В рамках идеологии

Просвещения, которая сводится к требованию «самопонимания, эволюции самосознания индивида и общества» (Глобальное будущее..., 2013, С.186), участники движения ратуют за приоритет духовных установок, выражающийся в отказе от общества потребления, развитие кооперативного начала и отказ от эгоизма, преодоление экономического редукционизма и восстановление социальной справедливости. Этот призыв служения обществу и государству, конечно, предполагает, что это *не то же самое* общество и государство, которое существует сейчас. Иначе говоря, сторонники движения исходят из необходимости в современных условиях осуществить *разрыв с прошлым*, т.е. изменить существующую матрицу общественных отношений на совершенную, что предполагает превращение «массового человека» с его мировоззрением потребителя в стремящегося к «высоким целям» *неэгоистичного субъекта* (Там же, С. 190). Некоторые из участников в этой связи даже говорят о радикальном преобразовании человеческой природы, ее замене на единый *коллективный сверхразум*. Тем самым кибернетическое бессмертие (проект «Аватар»), достижение которого является ближайшей технической целью движения, может в перспективе перерасти в планетарное сетевое сознание (Там же, С. 220-223).

Но здесь возникает проблема, поскольку необходимость именно таких изменений участниками движения, по сути, просто постулируется. «Точка сингулярности» середины XXI века (связанная с пресловутой кривой Панова-Снукса) скрывает от них будущее за «горизонтом событий». В этой связи остается только мечтать, воображая желательные образы того, что будет после 2045 года. «Глобальное будущее» желательно, а не необходимо! Российский трансгуманизм, жаждущий ненасильственного преодоления капиталистических отношений (или, по крайней мере, его антропологических следствий), можно квалифицировать как *конструктивистский антилиберальный проект*, направленный на создание «нео-человека». Обычные человеческие ценности должны быть доведены до состояния традиционных атрибутов *совершенного божества* («verum, bonum, pulchrum»). Тем самым претензии российского трансгуманизма напоминают известную платоновскую легенду о «круглых людях», посягнувших на статус богов, исходя из своей «силы и мощи» (Plato, Simp., 199b). А потому, думаем, не случайно сравнение некоторыми участниками движения трансгуманизма (и приписывание той же интенции гуманизму) с *титанизмом* (богоборчеством) эпохи Возрождения (Глобальное будущее..., 2013, С.200-201).

Таким образом, западный (либеральный) трансгуманизм является рациональной стратегией (т.е. технологией), позволяющей предвидеть и решать конкретные проблемы использования уже существующих (или ожидающих появления в ближайшее время) инноваций. Тем самым это *технология для использования технологий*, обоснованная только «здоровым смыслом»: техника должна приносить человеку скорее пользу, чем вред.

Российский (социальный) же вариант трансгуманизма изначально занял по отношению к status quo *обличающую* позицию: технологии нужны скорее для трансформации субъекта (и общественных отношений), т.е. для «обо-жествления» человечества.

Мы, конечно, не знаем деталей картины будущего, но думаем, что триптих Босха «Сад земных наслаждений» репрезентирует перед нами их аллегорию. Развитие технологий ради технологий неизбежно приведет к созданию Homo Autofac Sapiens (Лем, 1994, С.173-223): там, где люди обретут возможность бесцельно самоконструировать самих себя, они будут видоизменяться только потому, что существует механизм-для-изменений, тем самым осуществляя свое право получать удовольствие всеми доступными способами. Без действительных целерациональных ограничений, которые и предлагает российский вариант трансгуманизма, индивиды современного общества, получив возможность *потреблять* свое собственное тело и разум, будут это делать неограниченно, как сейчас они потребляют все, что может предложить капиталистическая индустрия *для* тела и разума.

Но куда мог бы завести вариант общественного движения «Россия 2045»? Не думаем, что в «Эдемов сад» (где они сами хотели бы оказаться) или даже в «Сад земных наслаждений» (куда собираются попасть западные трансгуманисты). Эти «сады» закрыты до тех пор, пока «русскоязычные трансгуманисты» ясно не сформулируют не просто свои пожелания по поводу будущей «высокой духовности, высокой культуры, высокой этики, высокой науки, высоких технологий» (Глобальное будущее, 2013, С.189), а покажут, *каким образом* при имеющихся социальных, экономических и экзистенциальных условиях можно преодолеть «общество потребления». Пока теоретической ясности здесь не достигнуто, им остается лишь уповать на то, что технологии сами по себе способны решить эту проблему. Таким образом, пока в рамках трансгуманизма не появится действительно «серьезного анализа и основанного на внятной методологии прогноза», все его благие пожелания могут привести, на наш взгляд, только в «Музыкальный ад».

Литература

Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Д.И. Дубровский. М.: ООО «Изд-во МБА», 2013.

Глобальное будущее 2045. Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 / Д.И. Дубровский. М. «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

Гомбрих Э.Г. История искусства. М.: Искусство-XXI век, 2013.

Лем С. Собрание сочинений. В 10-ти тт. Т.7. М.: Текст, 1994.

Мартинкус П.П. Из пены дней: общественное движение «Россия 2045» как модернистский проект // Образы будущего России. Материалы Всерос-

сийской научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре: АГПУ, 2015. – С.78-89.

Рабинович В.Л. Алхимия. Спб.: Изд-во Ив. Лимбаха, 2012.

Humanist Manifesto III (2003) [Электронный ресурс] // URL: http://americanhumanist.org/Humanism/Humanist_Manifesto_III.

More M. The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader / M. More, N. Vita-More. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013, p. 3-17.

Sandberg A. Morphological Freedom. Why We Not Just Want It, but Need It (2001) [Электронный ресурс] // URL: http://www.nada.kth.se/~asa/Texts/Morphological_Freedom.htm.

Transhumanist Declarations (2013) [Электронный ресурс] // URL: <http://londonfuturists.com/2013/10/14/transhumanist-decalarations>.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УСТРОЙСТВЕ ОБЩЕСТВА НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ОО

Москвитина О.А.

Психологический институт Российской Академии образования, Москва

В статье анализируются вызовы современному обществу и их влияние на формирование социальных представлений школьников. Предполагается, что современный ФГОС ОО является «слабым звеном» в защите национальных интересов нашей страны в информационно-психологической войне.

Ключевые слова: социальные представления, устройство общества, урок обществознания, школьники, ФГОС ОО, информационная война, национальные интересы.

ON OF THE FORMATION OF SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT THE STRUCTURE OF SOCIETY AT THE LESSONS OF SOCIAL STUDIES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE FES BGE

Moskvitina O.A.

Institute of psychology Russian Academy of education, Moscow

The article analyzes the challenges of modern society and their influence on the formation of social representations of students. It is assumed that contemporary of the Federal educational standard of primary general education is the "weak link" in protection of national interests of our country in the information-psychological war.

Keywords: social representations, structure of society, the lessons of social studies, school student, FES BGE, information warfare, national interests.

Последние годы на внешнеполитической арене происходят события, которые свидетельствуют о возвращении Россией своей субъектности, которая была утрачена более четверти века назад. Но «... неполноценная субъектность закрепляется сырьевой специализацией в международном разделении труда неолиберальной внутренней экономической политикой и социальной структурой» (Фурсов, 2016, С.25).

Фраза, ошибочно приписываемая «железному канцлеру» Германии Отто фон Бисмарку, а на самом деле принадлежащая немецкому профессору географии Оскару Пешелю «...Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем» (Энциклопедический словарь..., 2005), свидетельствует о крайней важности образования для национальной безопасности и суверенитета.

Школа реализует усилия, направленные на воспитание гражданственности, т.е. формирование «системы определенных социальных взглядов, представлений, убеждений, установок, идеалов, проявляющихся в деятельности и поведении. Усвоенные социальные представления, убеждения, установки и т.д., позволяют ориентированию человека в сложных общественных отношениях, определению и занятию активной жизненной позиции» (Харпенко, 2004).

С точки зрения А.И.Фурсова мы живем во время иной формы Холодной войны – организационной войны. Целью этой войны является разрушение структур управления общества-мишени: социальных, финансовых, структур психосферы, связанной с сознанием и познанием. Так возникает психоисторическая война. «Психоисторическая война – это целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческая память, эмоции и т.п.) определенной группы... с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему) чуждые цели, задачи, идеалы, картину мира и т.п. как якобы ее (его) собственные (Фурсов, 2016, С.7-8).

В последнее время отмечается интерес со стороны государства и общества к проблемам, связанным с формированием и развитием патриотизма и гражданственности подрастающего поколения, нашедший воплощение в разработке государственных программ, посвященные патриотическому воспитанию граждан РФ на 2011 - 2015 и 2016 - 2020 годы (Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г.; Об утверждении государственной программы, 2015). С одной стороны столь высокая инициатива кажется обнадеживающей, с другой – модернизация образования, предполагающая среди прочего введение новых образовательных стандартов, которые, по мнению О.Н.Четвериковой: «...как и программы и методы обучения задаются извне, при этом главный удар наносится по традиционной системе ценностей, которая заменяется абсолютной терпимостью» (Четверикова, 2015, С.3) – вызывают серьезные опасения и сомнения.

О.Н. Четверикова указывает на то, «Сохранение нашего духовного суверенитета возможно только путем отказа от нравственного и мировоззренческого релятивизма и навязываемой нам «глобальной этики» и утверждения четкой и ясной традиционной системы ценностей (Четверикова, 2015, С.79). Под мировоззренческим релятивизмом понимается «...путь к ценностному соглашательству, путь к размыванию границы между добром и злом. Этот путь ведет либо к превращению человека в калькулирующее, узко прагматическое существо. Либо он ведет к превращению человека в существо равнодушное и безразличное к самому себе, к другим людям и, в конце концов, – к судьбе человечества» (Философия модерна..., 2014, С.103-104).

Важность изучения социальных представлений обосновывается тем, что «Именно ценности и единые социальные представления являются тем смысловым конструктом, который объединяет и скрепляет членов этнокультурной общности, определяет то, как они интерпретируют свое прошлое и будущее» (Почебут, Безносков, 2013).

Современные социальные психологи определяют социальные представления как «...наиболее сложное ментальное образование человека, поскольку соотносится с большим количеством психических явлений: памятью, верованиями, убеждениями, идеологиями» (Почебут, Мейжис, 2010).

Отечественный психолог А.А.Гостев указывает, что существует ряд актуальных проблем изучения социального восприятия: во-первых, анализ взаимовлияния мировоззренческой картины мира и социальных представлений; во-вторых, исследование процессов социального отражения в зависимости от индивидуальных особенностей образной сферы человека; в-третьих, анализ влияния на систему социальных представлений: а) системы коллективных представлений в контексте культурных, социально-политических и экономических традиций общества; б) ближайшего социального окружения, положительно и отрицательно «значимых других»; в) социальной деятельности, духовных ориентаций человека, его «хобби» и пр.; г) представлений людей о смысле человеческой жизни вообще, собственной жизни и ее основных целях; в-четвертых, изучение мифологического и символического компонента в социальных представлениях (Гостев, 2007, С.399-400).

Важность социальных представлений, неразрывно связанных с культурой заключается в том, что «Они сохраняют стабильность сознания в интерпретации фактов, помогают включать новое в существующую у человека картину мира» (Гостев, 2007, С.403).

Еще одной особенностью социальных представлений заключается в их связи с общественным мнением, обществом, тем, что и они и претерпевают изменения созвучные изменениям, происходящим в обществе. «В силу того что развитие общества определяет именно наука, можно сделать

вывод о том, что она же определяет и изменения социальных представлений» (Семьянов, 2015, С.48).

Национальная культура и научные знания взаимосвязаны с социальными представлениями. В свою очередь и культурное и научное наследие передает следующим поколением социальный институт – система образования. Сложившаяся в системе ситуация делает необходимым изучение социальных представлений школьников об устройстве общества и того насколько это соотносится с традиционными ценностями и смыслами отечественной культуры и науки.

Обобщенный предмет «Обществознание» (ранее называвшийся «Обществоведение») преподается в средней школе. В курсе этого предмета рассматриваются разнообразные общественные темы, его сутью является ознакомление школьников с основами общественных наук, а так же с прикладными основами права, психологии, основ духовности (как явления культуры). Базовыми для данного предмета являются философия, социология и политология; дополнительными – экономика, история и право, культурология и социальная психология. Обществознание, преподаваемое в основной школе, базируется на тех знаниях, которые получают дети в начальной школе в рамках школьного курса «Окружающий мир».

Содержание предмета «Обществознание» формирует социальные представления у школьников: понимание ими места человека в обществе, правила поведения человека в общественных местах. Школьники постепенно осваивают такие многомерные и образные понятия как Родина, страна, город, закон, право, правительство и др. Все эти понятия являются основой социального развития общества и государства. Исторические события и явления, наполненные наглядностью и драматизмом, помогают осмысливать важность изучаемого материала, исторических фактов для жизни обычных людей, формируют ценностное отношение к ним, служат своеобразным регулятором собственного поведения школьников.

В соответствии с новым ФГОС выстраивается новая иерархия целей историко-обществоведческого образования в школе: основной целью является воспитание и развитие личности, «осуществляемые на основе овладения школьниками историческими и обществоведческими знаниями, умениями их использовать при ориентированности изучения истории и обществознания на социальную практику. Стремление осуществить гражданско-патриотическое, нравственное воспитание учащихся, помочь школьникам сформировать ценностные ориентаций и убеждения на основе личностного осмысления опыта истории и современной жизни России» (Историко-обществоведческое образование...). Интересным представляется и «акцент на общественного развития, внимание к роли человека, мотивам его деятельности» (там же). Но традиционно для отечественной культуры было свойственно определенное соотношение общественного и индивидуального. А.И.Фурсов указывает, что «... личность — это совокупность всех

общественных связей индивида, обусловленная личным отношением с Абсолютом и к Абсолюту, то примат в этой форме сохраняется за общественным. Это наша русская традиция, да и не только русская. Только в буржуазном обществе, причем особенно в его протестантском варианте, декларируется примат индивидуального над общественным ... не должно быть никаких иллюзий: провозглашение индивидуализма как ценности есть не что иное, как подготовка человека к тому, чтобы определенным группам было максимально удобно его эксплуатировать» (Фурсов, 2014). Есть примечательный пункт – «Ознакомление учащихся с различными точками зрения на прошлое и современный этап развития человечества». Но, к сожалению, нет представления о том, как должно интерпретировать содержание разных точек зрения, например, как однозначно вредоносные, искажающие историческую и культурную память. В этой связи примечательны, например, попытки изменить итоги Великой отечественной войны.

Методисты по подготовке школьников к олимпиадам по обществознанию отмечали, что «интегрированный характер создает значительные сложности при формировании ответов на дискуссионные вопросы (при значительном времени применения предмета в практической работе школы) о соотношении отдельных модулей дисциплины по целеполаганию, содержанию, объему и др. параметрам, принципам взаимосвязи модулей, порядке их изучения и др. вопросам» (С.И.Козленко и др., 2005). В целом школьный предмет «Обществознание» характеризуется теоретической направленностью учебного материала, особая нацеленность на установление межпредметных связей, практико-ориентированный характер. В том же пособии можно прочесть, о том, что современный подход к преподаванию обществознания базируется на таких положениях как нацеленность на создание условий для представления школьника о всей системе общественных отношений, ... ориентированность содержания курса на возможности различных методологических подходов, существующих в современной науке, направленность предмета на раскрытие многомерной картины жизни общества; представление в курсе наряду с научными знаниями социальных норм, способов познавательной и практической деятельности, системы гуманистических и демократических ценностей» (Козленко и др., 2005).

Указанные положения современного преподавания предмета «Обществознание» должны отражаться на содержании социальных представлениях школьников об общественном устройстве. Это может стать своеобразным индикатором для «патриотичности и национальной ориентированности» современного федерального стандарта, хотя конечно во многом качество и специфика социальных представлений зависят и от семьи, и от школьного учителя. Полученные знания могут позволить прогнозировать поведение и отношение современных школьников в условиях информационной и психологической войны к своей стране, к своему будущему, к себе.

Литература

Всероссийские олимпиады школьников по обществознанию. /Под ред. С.И.Козленко. М., 2005. / (URL: <http://gigabaza.ru/doc/111746.html>).

Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Историко-обществоведческое образование в школе / (URL: <http://gigabaza.ru/doc/111746.html>).

Об утверждении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016–2020 годы // (URL: <http://government.ru/docs/21341>).

Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психологический анализ социальных представлений русских //Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. – №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiiy-analiz-sotsialnyh-predstavleniy-russkih>.

Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. Питер, СПб, 2010.

Семьянов С.А. Особенности социальных представлений человека, в контексте этнического восприятия. //Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 11-13 ноября 2015 г.) / [отв. ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015.

Философия модерна и философия постмодерна (коллективная монография). Орел: ООО ПФ «Картуш», 2014.

Фурсов А.И. Когда на кону судьба страны, народа и цивилизации - тут не до сантиментов/ (URL:http://andreyfursov.ru/news/kogda_na_konu_sudba_strany_naroda_i_civilizacii_tut_ne_do_santimentov/2014-07-11-346).

Фурсов А.И. Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер 2. (Серия «Игры мировых элит»). М.: Книжный мир, 2016.

Храпенко И.Б. Психологические основы формирования у школьников социальных представлений: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07: Москва, 2004.

Четверикова О.Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015.

Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 - 2015 годы» (URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99483/#ixzz43Rnyh1IU>).

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. /Автор-составитель В. Серов. Издательство «Локид-Пресс», 2003 (URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov>).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Немцов А.А.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В статье излагаются фрагменты исследования, проведенного на студентах гуманитарного и технического университетов в 2014 г. (до введения экономических санкций и снижения цен на нефть). Анализируются и сравниваются ответы студентов на ряд вопросов, входивших в состав анкеты, изучавшей восприятие студенческой молодежью причин и последствий распада СССР и актуального состояния постсоветской России.

Ключевые слова: студенты технических специальностей, студенты гуманитарных специальностей, страна, народ, великая страна, великий народ, особая историческая роль.

SOME ASPECTS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF MODERN UNIVERSITY YOUTH

Nemtsov A.A.

Russian State Humanitarian University, Moscow

The article presents fragments of the research conducted on the students of humanitarian and technical universities in 2014 (prior to the imposition of economic sanctions and the decline of oil prices). Students' answers to several questions included in the questionnaire that investigated student's perception of the causes and consequences of the dissolution of the USSR and the current status of post-Soviet Russia are analyzed and compared.

Keywords: students of technical specialties, students of humanitarian specialties, country, nation, great country, great nation, great historical role.

Данная статья представляет собой фрагмент исследования, проведенного на студентах гуманитарного (РГГУ) и технического (МГТУ им. Н.Э. Баумана) университетов. В исследовании приняли участие по 75 студентов из каждого университета. Оно было проведено в начале 2014 г. до введения экономических санкций и снижения цен на нефть. Студентам предлагалась анкета, содержащая 50 вопросов, позволявшая оценить их восприятие причин и последствий распада СССР, а также актуального политического и экономического состояния постсоветской России (Немцов, 2015, С.571-577; Немцов, 2011, С.114-119).

Из обобщенных данных ответов на вопрос № 34 видно, что 90% студентов так или иначе считают, что Россия является страной, играющей особую историческую роль. При этом самая многочисленная группа 59,2%

студентов твердо убеждены в том, что Россия – страна с особой исторической ролью. Около 1/3 или 30,8% также придерживаются подобных взглядов, хотя с некоторыми внутренними колебаниями и сомнениями. Только 10% опрошенных студентов так или иначе сомневаются в особой исторической миссии России. При этом лишь 3,2% убеждены в этом. Если сопоставить эти результаты с данными ответов на вопрос № 15, то видно следующее. В той или иной степени готовы согласиться с утверждением о существовании великих стран, играющих особую историческую роль 82,8% опрошенных студентов. Таким образом, студенты склонны признавать Россию великой страной даже в тех случаях, когда вообще не уверены в том, что такие страны существуют. Хотя необходим конкретный анализ ответов и вероятно могут быть обнаружены случаи, когда студент, признавая существование великих стран, отказывается в этом России, несомненно одно – студенты чаще склонны расценивать Россию как великую страну, чем вообще верить в существование великих стран. Таким образом несомненно проявление патриотических чувств и группового фаворитизма по отношению к своей стране как целому. Видно, что число студентов, твердо уверенных в великой миссии России превышает число вообще уверенных в том, что подобные страны существуют – 59,2% против 56,4%. Точно также и число уверенных в заурядности России меньше показателя студентов, не верящих в существование великих стран – 3,2% против 4,8%. В любом случае студенты с большей готовностью склонны верить в то, что Россия является великой страной, поскольку безусловно такие страны существуют.

При сравнении студентов гуманитарного и технического университетов видно, что студенты технари чуть более склонны твердо придерживаться мнения, что Россия является великой страной, играющей особую историческую роль – 62% против 58,5%. При этом мнения технарей более поляризованы, чем мнения гуманитариев. Они более чем в 2 раза чаще гуманитариев уверенно отрицают особую роль России. Если соотнести эти результаты с данными ответов на вопрос № 15, то видно, что студенты технари все же более убеждены в возможности существования великих стран. Следовательно, студенты технари более уверены в том, что великие страны могут существовать и несколько чаще гуманитариев относят к их числу Россию. Если же учесть и результаты ответов на вопрос № 14, то получается, что технари более поляризованы в своих мнениях и при этом чаще гуманитариев склонны считать русский народ великим, а Россию великой страной. Следовательно, патриотические настроения более выражены у студентов технарей, чем у студентов гуманитариев, их позиции по этому вопросу жестче (Немцов, 2008, С.187-192).

Если сравнивать студентов, обучающихся на различных факультетах гуманитарного университета, то в целом данные очень однородны и так или иначе около 90% студентов склонны рассматривать Россию в качестве

страны, играющей особую историческую роль. Чаще всего подобные взгляды встречаются у студентов управленцев – 92%, а реже всего у студентов документоведов – 86%. Однако, как видно, различие между этими крайними значениями очень невелико. Чаще прочих в особой исторической роли России абсолютно убеждены студенты юристы – 64% ответов, а реже всего – студенты управленцы – 52%. Если сравнивать студентов, обучающихся на различных факультетах гуманитарного университета по их отношению к возможности существования великих стран в принципе, то видно следующее. Юристы и управленцы наиболее склонны выражать по этому поводу сомнения. Следовательно, чаще других сомневаясь в возможности принципиального существования великих стран, юристы и управленцы наиболее склонны именно в таком качестве воспринимать Россию. Таким образом, можно говорить об относительно более выраженных у них патриотических настроениях. Наиболее радикальны в этом отношении студенты юристы. Они чаще прочих воспринимают Россию как исключительную страну на фоне других стран (Немцов, 2011, С.153-165).

Из обобщенных результатов ответов на вопрос анкеты № 23 видно, что более половины опрошенных студентов склонны так или иначе оценивать современное положение России как закономерное и естественное – 60,4%. При этом наиболее многочисленной является группа студентов, которая рассматривает текущее состояние России как естественное, но при этом испытывает некоторые внутренние колебания и сомнения – 36%. Следующей по численности является группа тех, кто абсолютно убежден в том, что в настоящее время Россия пребывает в совершенно естественном и закономерном для себя состоянии. 22,8% студентов с некоторыми сомнениями склонны скорее допускать, что в данное время Россия находится в несколько противоестественном положении. Наконец 16,8% студентов твердо убеждены, что актуальное состояние России противоестественно для нее и не может рассматриваться как закономерное. Таким образом, относительно большинство студентов настроено достаточно консервативно и не ожидает каких-либо радикальных перемен во внутренней жизни страны. Напротив, относительно меньшинство опрошенных так или иначе считают современное положение неустойчивым и настроены на его изменение.

При сравнении студентов гуманитарного и технического университетов видно, что студенты технари настроены существенно более консервативно. 70% из них так или иначе вполне готовы признать, что актуальное состояние является закономерным и естественным для России. Среди гуманитариев таких 58%. При этом более контрастно результаты технарей и гуманитариев выглядят в том случае, если сравнивать абсолютно уверенных в закономерности текущей ситуации в России. Среди технарей таких более чем в 2 раза больше, чем среди гуманитариев – 42% против 20%. Соответственно среди гуманитариев чаще встречаются те, кто с некоторыми

колебаниями расценивает текущее состояние России как противоестественное – 24% против 16% у технарей. Наконец и абсолютно уверенных в противоестественности нынешней общественно-политической ситуации в России среди гуманитариев больше – 17,5% против 14% среди технарей.

Подводя итог можно заключить, что студенты гуманитарии настроены более революционно и во всяком случае полагают, что существующая в настоящее время в России ситуация менее устойчива, чем это видится технарям, настроенным достаточно консервативно.

Если сравнивать студентов, обучающихся на различных факультетах гуманитарного университета, то видно, что наиболее поляризованы мнения у студентов документоведов. Среди них только 50% опрошенных придерживаются промежуточных точек зрения, в то время как среди студентов других факультетов этот показатель колеблется от 64% у экономистов до 68% у управленцев и юристов. При этом среди документоведов тех, кто радикально полагает, что состояние современной России является противоестественным даже чуть больше тех, для кого современная Россия представляется весьма естественной и закономерной – 26% против 24%. Наиболее взвешенные позиции по данному вопросу у студентов управленцев и юристов. При этом среди управленцев чуть больше тех, кто с внутренними сомнениями оценивает состояние России как противоестественное, а среди юристов – напротив, колеблющихся охарактеризовать это положение как естественное и закономерное.

В целом среди студентов юристов наиболее высока доля тех, кто так или иначе считает современное положение России естественным – 60%. Ниже всего этот показатель у студентов экономистов – 56%. Но как мы видим различия весьма незначительны и в целом студенты более склонны оценивать современное состояние России как естественное и закономерное. Однако видно, что этот вопрос является для студентов гуманитариев достаточно дискуссионным, а для студентов документоведов – даже, скорее всего, остро дискуссионным.

Из обобщенных данных ответов на вопрос анкеты № 33 видно, что подавляющее большинство опрошенных студентов – 81,2%, так или иначе склонны считать русский народ великим народом, играющим особую историческую роль. Более половины студентов – 56,8% твердо убеждены, что русские как народ играют особую историческую роль. Около $\frac{1}{4}$ - 24,4% студентов с некоторыми колебаниями и сомнениями так или иначе придерживаются аналогичной точки зрения. 10,4% студентов выразили сомнения в том, что русским принадлежит особая роль в мировой истории. 8,4% студентов твердо убеждены в том, что русский народ не имеет никакой особой исторической миссии и является обычным народом в ряду множества других. Таким образом, в среднем 4 из 5 опрошенных студентов считают русский народ особым, выделяя из их общего ряда.

При сравнении студентов гуманитарного и технического универси-

тетов видно, что примерно конфигурация ответов у них совпадает. В целом технари чуть чаще склонны рассматривать русский народ в качестве великого народа, играющего особую историческую роль – 84% против 80,5%. Однако если сравнивать число у гуманитариев и технарей, твердо уверенных в величии и особой роли русского народа, то видно, что у технарей этот показатель заметно выше – 64% против 55% у гуманитариев. Число гуманитариев, испытывающих сомнения при отнесении русского народа к числу великих, несколько больше, чем соответствующее число у технарей – 25,5% против 20%. А вот показатель гуманитариев, которые, пусть с некоторыми колебаниями, готовы отвергнуть тезис о величии русского народа в 3 раза превышает соответствующий показатель технарей – 12% против 4%. И, наконец, у технарей убеждение в том, что русский народ не является великим почти в 2 раза сильнее, чем у гуманитариев – 12% против 7,5%. Таким образом, видно, что мнения технарей существенно более поляризованы, но при этом они все же более склонны считать русский народ великим и играющим особую историческую роль. Гуманитарии в целом более осторожны и сдержанны в своих оценках.

Если сравнивать студентов, обучающихся на различных факультетах гуманитарного университета, то, прежде всего, бросается в глаза относительная однородность показателей. Студенты всех специализаций примерно в 80% ответов так или иначе признают русский народ великим. Все же чуть чаще готовы это делать студенты экономисты – 82%. Студенты юристы дают наиболее поляризованные ответы, а студенты управленцы – относительно наиболее сдержанные и осторожные. Если крайние точки зрения встречаются у юристов в 72% ответов, то у управленцев – только в 56%. При этом юристы чаще других студентов склонны быть твердо убеждены в том, что русский народ не является великим и не имеет особой исторической роли – 14%. Напротив, реже всех так думают управленцы.

Подводя итог можно сказать, что на общем фоне признания за русским народом великой исторической роли, юристы наиболее радикальны в своих ответах, управленцы – наиболее осторожны, а экономисты и документоведы составляют как бы промежуточную группу.

Если сопоставить эти данные с результатами ответов на вопрос № 14, то видно следующее. В целом студенты в 77,6% ответов соглашаются так или иначе с тем, что существуют великие народы, играющие особую историческую роль. Следовательно, общее число тех, кто считает русский народ великим даже немного превышает число тех, кто так или иначе верит в существование великих народов. Это означает, что, по крайней мере, некоторые из студентов, отрицающие возможность существования великих народов с особой исторической судьбой, делают исключение для русского народа. Правда возможно, что более глубокий анализ конкретных ответов может показать, что и наоборот, некоторые студенты, признающие существование великих народов, не считают это верным в отношении рус-

ского народа.

Примерно одинаковое число студентов твердо убеждены в возможности существования великих народов и в том, что русский народ является великим – соответственно 55,6% и 56,8%.

При сравнении студентов гуманитарного и технического университетов видно, что имеет место сдвиг в сторону сомнений относительно возможности существования великих народов у студентов технического университета. По отношению же к русскому народу мнения технарей более экстремальны и они чаще выражают абсолютное убеждение в том, что русский народ является великим.

Если сравнивать студентов, обучающихся на различных факультетах гуманитарного университета, то видно, что студенты управленцы наиболее убеждены в существовании великих народов, но при этом с наибольшей осторожностью делают подобные оценки в отношении русского народа.

Из обобщенных данных ответов на вопрос № 45 видно, что, по мнению большинства студентов – 74%, утверждение о том, что у человека не может быть родной страны, является в той или иной степени ложным. При сравнении студентов гуманитарного и технического университетов видно, что гуманитарии в большей степени склонны так или иначе соглашаться с тем, что у человека не может быть родной страны. Соответственно среди технарей существенно больше тех, кто твердо уверен в том, что понятие «родина» не является неким предрассудком и расхожим стереотипом. Следовательно, гуманитарии в большей степени склонны рассматривать людей в качестве абстрактных «граждан мира», в то время как для технарей человек в большей степени воспринимается как гражданин какой-то определенной, конкретной страны. Мы полагали, и это отражено в вопросах анкеты, что следует различать человека как представителя определенного народа и его как гражданина определенной страны. Оказалось, что для гуманитариев более выпукло выступает принадлежность к народу, а для технарей – принадлежность к стране (Немцов, Кансузян, 2009, С.143-148).

Если сравнивать студентов, обучающихся на различных факультетах гуманитарного университета, то видно следующее. У юристов и экономистов мнения относительно более поляризованы и они чаще не соглашаются с тем, что у человека не может быть родины. Напротив, документоведы и управленцы более осторожны в своих суждениях и чаще испытывают сомнения и колебания в этом вопросе. Следовательно, понятие родной страны относительно более значимо для юристов и экономистов и относительно менее значимо для документоведов и управленцев. Здесь вновь прослеживается некая аналогия экономистов с технарями, для которых принадлежность к стране выступает на первый план по сравнению с принадлежностью к народу. Таким образом технари, а также юристы и экономисты более сконцентрированы на формальных параметрах общности людей, а документоведы и управленцы – на неформальных.

Из обобщенных данных ответов на вопрос № 46 видно, что относительное большинство опрошенных студентов – 63,6% в той или иной степени не согласны с тем, что родиной для человека является то место, где ему хорошо живется. Если сопоставить эти результаты с ответами на предыдущий вопрос № 45, то видно, что студенты более склонны возражать против того, что у человека в действительности не может быть родной страны, чем против того, что родина там, где хорошо живется – 74% против 63,6%. Эта тенденция проявляется и в числе твердо убежденных – 45,6% против 39,6%, и в числе колеблющихся – 28,4% против 24%. Таким образом, студенты скорее склонны соглашаться с тем, что родиной для человека является страна, в которой ему хорошо живется, чем вообще отрицать наличие у человека родной страны.

При сравнении студентов гуманитарного и технического университетов видно, что студенты гуманитарии существенно чаще технарей склонны в той или иной мере соглашаться с тезисом «родина там, где хорошо живется» - 38,5% против 28%. Таким образом гуманитарии существенно охотнее технарей соглашаются с тем, что родиной человека может считаться любая страна, где ему хорошо жить. Если сопоставить эти результаты с ответами на вопрос № 45 то, как уже отмечалось гуманитарии в большей степени склонны рассматривать людей в качестве абстрактных «граждан мира», в то время как для технарей человек в большей степени воспринимается как гражданин какой-то конкретной страны. Следовательно, территориальный признак гражданства, общности людей, для технарей более важен, чем для гуманитариев. Мы уже отмечали, что технари склонны относительно недооценивать реальность такой общности как народ. Можно предположить, что для технарей единство людей по признаку территории оказывается важнее, чем единство по другим параметрам, в частности по происхождению, по крови или религии (Немцов, 2008, С.105-108).

Как известно, 2014 год оказался в определенном смысле переломным для России и привел к существенным как внешне, так и внутривнутриполитическим изменениям. В этом контексте, нам представляется интересным продолжить данное исследование в целях изучения динамики взглядов студентов на проблемы, изложенные в данной статье.

Литература

Немцов А.А. Социальные аспекты обучения и развития студенчества. Обучение и развитие. Современная теория и практика Материалы ХУ1 Международных чтений памяти Л.С. Выготского 16-20 ноября 2015 г. Москва, 2015. – С.571-577.

Немцов А.А. Культурно-исторические установки студентов гуманитариев. Культура информационного общества и проблемы модернизации России. Сборник научных статей. Издательство Московского гуманитар-

ного университета. Москва, 2011. – С.153-165.

Немцов А.А. Особенности интериоризации культурно-исторического содержания в связи с социальной ситуацией развития студентов. Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры. Материалы XI Международных чтений памяти Л.С. Выготского 14-17 ноября 2011 г. Москва, 2011. – С.114-119.

Немцов А.А., Кансузян Л.В. и др. Мировоззренческие позиции в студенческой среде. Высшее образование в России. 2009. – №1. – С.137-142.

Немцов А.А. Социогуманитарные ориентиры и установки студенческой молодежи. Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях. Материалы всероссийской научно-практической конференции (19-20 ноября 2008 года) Москва, 2008. – С.187-192.

Немцов А.А. Особенности понимания культурно-исторического содержания в связи с социальной ситуацией развития студентов. Постиндустриальное общество: новые проблемы и возможности человека. X международный симпозиум «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры». Москва, 2008. – С.105-108.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Назарова К.А.

Научно-исследовательский институт технической эстетики, Москва, Россия

В эргономических исследованиях данные о физической структуре человека и о его функциональных возможностях являются важной составляющей в решении широкого круга задач проектирования и оценки технических средств деятельности. В работе представлен комплекс актуальных методических проблем в антропологическом исследовании, которое состоит из измерений и описаний тела человека в необходимых для деятельности позах, способных дать количественную характеристику их изменчивости.

Ключевые слова: антропометрия, современное общество, социология, антропометрия, эргономика, человеческий фактор.

STUDY OF MODERN MAN ANTHROPOLOGICAL TYPE

Nazarova K.A.

Scientific Research Institute of Technical Aesthetics, Moscow, Russia

The ergonomic research data about the physical structure of men and its functionality are an important component in addressing a wide range of design

tasks and evaluate hardware performance. This paper presents a set of relevant methodological issues in the anthropological study, which consists of measurements of the human body and descriptions required for the activity poses that can be quantified their variability.

Keywords: anthropometry, modern society, sociology, anthropometry, ergonomics, human factors.

Изучение особенностей человека в концепции общечеловеческих категорий знаний о его существовании, жизни и бытии рождает все новые вопросы о способности восприятия человеком определенных воздействий окружающей среды и специфике внутреннего изменения под влиянием данных воздействий. Способность человека к простейшим естественным реакциям на стимулы физико-химического характера, способность отображать поглощаемую среду в чувственных образах и ощущениях, и проецировать новые сигналы во внешнюю среду оказывает существенное влияние на формирование общественной социальной среды, внутри которой создается и осуществляется трудовая деятельность человека. Жизнь человека представляет собой непрерывную деятельность, а, следовательно, важно понимать место человека в картине мира и с данной позиции осуществлять проектирование средств деятельности для субъектов труда.

Проектная деятельность с точки зрения эргодизайнерского подхода направлена на учет психофизиологических возможностей и антропологических способностей человека для обеспечения высокой эффективности труда. Одним из принципиально важных вопросов, который решает эргономика, является проблема развития личности человека, что предполагает комплексное изучение индивидуальных и типологических, антропологических свойств личности.

Современная высокотехнологичная профессиональная среда ставит высокие требования по выполнению трудовой деятельности, а именно: наличие высокой профессиональности; умственного и эмоционального интеллекта; высокой стрессоустойчивости и хорошего физического состояния; наличие ответственности за свою деятельность; осознание себя как объекта социального института, оказывающего определенное влияние на социальную среду путем осуществления собственной деятельности.

Таким образом, при создании современной экзогенной среды деятельности и проектирование новых технических средств требуется анализ современного человеческого фактора и принципиальное изменение стратегии подхода относительно фундаментальных знаний в области психологии труда. Последствием глобализации современного мира явилась проблема культурной и национальной самоидентификации человека, проблема смешения культурных механизмов действия, традиций, языков и морально-этических норм воспитания нового поколения. И, не смотря, на относительное расширение возможностей человека и значительно возросший

спектр возможностей самореализации, глобализация ставит человека в условия искусственного мира. Разрушение исторически сформированного этноса и его ментальных генетических признаков подрывает адаптивные возможности человека в неестественных условиях, необходимых для жизнестойкости и процветания.

Сильно изменился и подход к пониманию классической эргатической системы «человек – техника – среда». Изменение окружающей среды, характеризующееся предпочтением искусственной среды природной, разрушение тысячелетиями формировавшихся традиций, урбанизация, минимальное количество физической нагрузки и физического труда, изменение специфики питания и качества экологии, преобладание негативных функциональных состояний над функциональным комфортом. Но особо важную роль для эргодизайнерской проектной культуры играет модификация человека, которая связана с необходимостью адаптироваться к новым искусственно созданным культурным условиям, что оказывает определенно воздействие на психическую сферу человека, связанных с подрывом основ формирования личности в концепции своей биологической природы (Конча, 1987).

Деонтологизация понимания картины мира приводит к раздвоению мира на надуманный и реально существующий мир. Погружение общества в виртуальный мир и отход от подлинного бытия также внесло значимые изменения в нейрофизиологические структуры человека, которые необходимо изучить и выявить особенности их функционирования. В связи с изменениями эндогенной и экзогенной среды, изменились психосоматические нормы, физиомоторика человека, рабочая поза (Белик, 2009).

Преобладание культа тела над духовной составляющей человека стало новой тенденцией современного мира, что повлекло за собой качественные изменения по отношению к деятельности, досугу и, как следствие, кинестетическим ощущениям. Погоня за красивым телом постепенно становится определяющим фактором в формировании жизнедеятельности человека. Поддержание внешней красоты также двигает современное общество к применению химических средств для более быстрого достижения желанного результата, что наносит определенный вред психофизиологическому здоровью. Нравственные и моральные ценности отходят на второй план, человек изменяет отношение к таким качествам как терпение, выносливость, ответственность, духовный рост. В связи с этим, меняется и рабочая поза: сдержанное поведение на рабочем месте, четкий режим труда, четкие количественные показатели труда и деловая одежда сменяется вальяжной позой, падением осанки как следствие работы за монитором, ненормированным графиком труда, в том числе, и в ночную смену, происходит смена гардероба, изменяется длина одежды, ее покрой, что вносит в позу существенные изменения (Добреньков, Кравченко, 2009).

Все вышеперечисленные свойства оказывают большое влияние на

формирование новой современной эргатической системы и специфику взаимодействия с окружающей средой, отношение к себе и окружающим, отношение к собственной деятельности и восприятию себя как субъекта деятельности. Именно поэтому изучение биологических свойств современного человека является необходимым действием для обеспечения надежности выполнения и цены деятельности.

Анализ сформировавшегося отношения к деятельности ведет к пересмотру нарастающей проблемы с точки зрения человеческого фактора – возможности принятия человеком безответственных, необдуманых решений становится наряду с возможностью принятия алогичных и ошибочных решений. Учет этого фактора при создании новых проектируемых эргономических изделий требует современных антропологических данных, которые может дать измерительная часть антропологии. Антропологические измерения базируются на специально разработанной методике – антропометрии, которая представляет собой комплекс методических средств, состоящий из измерений и описаний тела человека в необходимых для деятельности позах, способных дать количественную характеристику их изменчивости (Бунак, 1941). Вариационно-статистическая обработка данных позволяет делать выводы об особенностях строения тела отдельных групп населения, различающихся по антропологическим признакам – гендерным, возрастным, культурным, этническим и др. (Ермакова, Подставкаина, Строкина, 1977).

Таким образом, для решения измерительных задач проектирования и оценки технических средств деятельности недостаточно использовать классические антропометрические данные. Необходима разработка смежных методических измерений согласно требованиям актуального эргономического обеспечения проектирования.

Основной целью нашей измерительной работы станут линейные: проекционные и прямые, и периметровые антропометрические измерения. Измерения независимо от положения тела следует проводить: 1) в одно и то же время суток (первая половина дня), 2) на обнаженном теле, 3) при постоянстве позы измеряемого. При измерении высоты точек над полом, диаметров и периметров, а также почти всех габаритных размеров в положении стоя корпус измеряемого должен быть выпрямлен, руки без напряжения вытянуты вдоль тела ладонями внутрь, пальцы выпрямлены, пятки сближены, носки развернуты, голова ориентирована в глазнично-ушной горизонтали.

Изучение размеров тела - антропометрических признаков отдельных этнических, половых, возрастных и профессиональных групп населения позволит, с одной стороны, дать общую морфологическую характеристику каждой группы, с другой — характеристику отдельных размеров, особенно эргономических.

Разработанная во ВНИИТЭ унифицированная программа антропо-

метрических признаков представит собой системный проект эргономического исследования справочного типа и представит собой методологическую программу измерений. Итогом данной измерительной программы станет Эргономический атлас, который будет направлен на решение самых разнообразных эргономических задач, в том числе, и на создание инновационных здоровьесберегающих программ оптимизации функционального состояния человека.

Литература

- Белик А.А.* Культурная антропология. М.: РГГУ, 2009.
- Бунак В.В.* Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941.
- Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социальная антропология. М.: Инфра-М, 2009.
- Ермакова С.В., Подставкаина Т.П., Строкина А.Н.* Антропометрический атлас. М.: ВНИИТЭ, 1977.
- Конча Л.И., Сулова Т.А.* Дизайнер и антрополог: пример взаимодействия. //Техническая эстетика. 1987. – №11.
- Конча Л.И.* Рукоятки управления: антропометрические данные. // Техническая эстетика. 1990. – №6.

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЕ И ЭРГОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Назарова К.А.

**Научно-исследовательский институт технической эстетики
Московского технологического университета, Россия**

В статье приводятся результаты апробации Мобильного программно-аппаратного комплекса «БОС-нейрокомфорт», которая проводилась на выборке взрослых (79 человек) и детей (44 человека). Исследование базируется на теории функционального комфорта, в связи с этим регистрировались психофизиологические показатели и биометрические показатели респондентов, а также учитывался внешний фактор – психоакустический дизайн.

Ключевые слова: антропометрические, эргономические, измерения, функциональный комфорт, функциональное состояние, психоакустический дизайн.

ANTHROPOMETRIC AND ERGONOMIC MEASURE OF THE FUNCTIONAL CONDITION

Nazarova K.A.

Scientific Research Institute of Technical Aesthetics
of Moscow Technological University, Russia

The article presents the results of testing of Mobile hardware and software "BOS- neyrokomfort", which was conducted on a sample of adults (79 people) and children (44 people). The study is based on the theory of functional comfort, in this regard, were recorded physiological parameters and biometric indicators of the respondents, and also external factor as a psychoacoustic design considers.

Keywords: anthropometry, ergonomics, measuring, functional comfort, functional condition, psychoacoustic design.

В результате проведенного исследования и полученных результатов в процессе апробации данного метода, можно сделать вывод о том, что по состоянию медленной активности головного мозга и ее реакциям на разные пробы можно судить о состоянии общих адаптационных возможностей головного мозга и организма в целом, поддерживать гомеостаз и обеспечивать оптимизацию функционального состояния.

В результате комплексного прохождения программ «Круг эмоций» и «Биометрический метод диагностики музыкального психотипа» у человека формируется связь аффективной и когнитивной составляющих психики, активизируется рефлексия, что способствует формированию эмоционального интеллекта как базовой основы функционального комфорта личности.

В эргономических исследованиях данные о физической структуре человека и о его функциональных возможностях являются важной составляющей в решении широкого круга задач проектирования и оценки технических средств деятельности. Антропологические измерения базируются на специально разработанной методике – антропометрии, которая представляет собой комплекс методических средств в антропологическом исследовании, состоящий из измерений и описаний тела человека в необходимых для деятельности позах, способных дать количественную характеристику их изменчивости. Вариационно-статистическая обработка данных позволяет делать выводы об особенностях строения тела отдельных групп населения, различающихся по антропологическим признакам – гендерным, возрастным, культурным, этническим и др.

Однако для решения измерительных задач проектирования и оценки технических средств деятельности недостаточно использовать классические антропометрические данные. Необходима разработка смежных мето-

дических измерений согласно требованиям эргономического обеспечения проектирования.

В первую очередь следует детерминировать и выделить необходимые антропометрические признаки, по которым можно судить о взаимодействии человека с техническим средством деятельности, а также установить способы измерения и принципы оценки антропометрических данных. Под термином антропометрические признаки подразумеваются соматические свойства человека (угловые, периметрические, линейные размеры тела, форма грудной клетки, силы мышц и др.), которые имеют внутривидовые, возрастные, этнические, профессиональные различия. Особенности и свойства строения тела человека изучаются согласно специфике его деятельности.

Основной задачей антропометрических измерений является создание оптимальных технических средств для того, чтобы деятельность человека протекала в комфортных условиях и функциональное состояние человека во время деятельности оставалось максимально комфортным.

В эргономике, в рамках которой мы рассматриваем процесс трудовой деятельности, разработана теория функциональных состояний применительно к решению эргономических задач, связанных с оптимизацией различных видов трудовой деятельности.

Для человека, находящего в процессе трудовой деятельности, наиболее типичны состояния напряженности, стресса, утомления. Прочие виды состояний (переутомление, перенапряженность) являются фазами развития данных состояний. Фазы функциональных состояний позволяют ориентироваться в динамике его изменения во время трудовой деятельности. При помощи диагностирования функциональных состояний можно установить стадии нарушения.

В качестве измерительного инструмента функционального состояния человека мы используем разработанный на базе ВНИИТЭ и научной лаборатории Инновационного Центра Саморазвития «Ресурс» Мобильный программно-аппаратный комплекс «БОС-нейрокомфорт», при разработке которого задействованы новейшие биометрические технологии диагностики состояний человека «ВиброМед», «Экспресс портрет» и принцип биологической обратной связи (БОС). Использование концепции функционального комфорта обусловлено основной целью нашей работы. Одним из наиболее доступных средств его достижения является звуковая стимуляция в виде музыкального воздействия. Музыкальные психоакустические средства можно охарактеризовать как способ воздействия упорядоченного множества взаимосвязанных музыкальных характеристик на функциональное состояние человека, направленных на его коррекцию.

Использование функциональной музыки является одним из средств борьбы с негативными состояниями. Проблема человеческого фактора на данный момент является актуальной тематикой для изучения и содержит в

себе критерий физического и психологического состояния человека, его свойства личности и особенности системного функционирования: индивидуальные принципы афферентного синтезирования, принятия решения и дальнейшие субъективные поведенческие акты. Поэтому дифференциация свойств личности при изучении особенностей воздействия внешних факторов на состояние человека, является важным аспектом. В нашем исследовании, в качестве внешнего фактора выступает звуковая стимуляция, или психоакустический дизайн, который представлен как музыкально-акустическое проектирование аудиального профессионального пространства с учетом психофизиологических и социально-эргономических факторов, направленное на достижение функционального комфорта и закона соответствия специфики и условий труда возможностям и потребностям человека.

Апробация данного метода осуществлялась при помощи регистрации психофизиологических показателей, которые включают в себя метод электроэнцефалографии (ЭЭГ); измерение вегетативных параметров (электроэнцефалограмма, кожно-гальваническая реакция, рекурсия дыхания, электроокулограмма, фотоплетизмограмма, электромиограмма), БОС-нейрокартирование, применяемые для установления объективных характеристик функционального состояния человека.

Биометрический метод диагностики музыкального психотипа человека с целью подготовки индивидуализированных программ формирования функционального комфорта основан на связи межполушарной асимметрии, диагностируемой по биометрическим параметрам лица с индивидуально-типологическими реакциями человека на различные паттерны музыки, определяемые по составленным Музыкальным портретам каждого типа личности. Методика направлена на диагностику и коррекцию высших психических функций (восприятия, мышления), с целью выявления музыкального психотипа человека и создания индивидуализированных музыкальных программ в различных жанрах, способствующих формированию функционального комфорта (антистрессорных реакций активации и тренировки высших уровней реактивности) и формирования эмоционального интеллекта личности.

Перед началом подбора наиболее продуктивной музыкальной программы необходимо пройти тренинг по формированию оптимального состояния с помощью рефлексии функциональной асимметрии полушарий головного мозга и уровня реактивности (биологическая обратная связь по уровню постоянных потенциалов УПП).

БОС-нейрокомфорт - это учебный процесс, в котором люди обучаются улучшать свое здоровье и психологическое состояние, наблюдая сигналы, идущие от собственного тела. Этот метод научно обоснован и базируется на многочисленных экспериментах и обширной клинической практике. Это весьма эффективный способ для контроля уровня

напряжения, достижения действительного расслабления и помощи в достижении личных целей.

Апробация Мобильного программно-аппаратного комплекса «БОС-нейрокомфорт» проводилась на двух выборках: выборке взрослых и выборке детей. Численность выборки взрослых составляла 79 человек (43 мужчины и 36 женщин), средний возраст испытуемых - 31.7 (стандартное отклонение - 12.7). Детскую выборку составили 44 учащихся одной из московских творческих школ в возрасте от 5 до 15 лет, 18 мальчиков и 26 девочек. Совокупная выборка: N=123.

В результате проведенного исследования и полученных результатов в процессе апробации данного метода, можно сделать вывод о том, что Мобильный программно-аппаратный комплекс «БОС-нейрокомфорт» является эффективным, доступным и мобильным средством формирования эмоционального интеллекта как базовой основы функционального комфорта личности.

По состоянию медленной активности головного мозга и ее реакциям на разные пробы можно судить о состоянии общих адаптационных возможностях головного мозга и организма в целом, поддерживать гомеостаз и обеспечивать оптимизацию функционального состояния.

Метод биологической обратной связи оказался эффективным инструментом диагностики уровня энергетической активации и уровня напряжения, а также коррекции психоэмоционального состояния как базовой основы эмоционального интеллекта.

В результате комплексного прохождения программ «Круг эмоций» и «Биометрический метод диагностики музыкального психотипа» у человека формируется связь аффективной и когнитивной составляющих психики, активизируется рефлексия, что способствует формированию эмоционального интеллекта как базовой основы функционального комфорта личности.

Литература

Горобец Т.Н., Воронин С.А. Психологический анализ рискованных видов деятельности человека. М.: Изд-во Перо, 2012.

Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. М., 2009.

Назарова К.А., Чайнова Л.Д., Ковалев В.В. Влияние музыкальных стимулов на работоспособность и функциональное состояние человека // Акмеология. 2012. – №4(44). – С.78-82.

Назарова К.А. Влияние субъективной оценки восприятия музыки на функциональное состояние человека // Акмеология. 2013. – №2(46). – С.69-73.

Фокин В.Ф., Пономарева Н.В. Энергетическая физиология мозга. М.: Издательство, 2002. – С.12-15.

Юматов Е.А. Системная психофизиология субъективного состояния человека. М., 2011.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Нечаева Т.Ю.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В работе анализируются особенности партийного строительства в Российской Федерации в конце 90-х годов XX века – начале XXI в., в частности динамика численности политических партий, ее связь с изменениями в правовом регулировании их деятельности, показатели избирательной активности. Выделяются факторы, осложняющие партийное строительство. Делается прогноз возможного развития партийной системы.

Результаты свидетельствуют о недостаточной готовности политических партий стать действенным посредником между государством и гражданским обществом, выполнять в полной мере функции агрегирования и артикуляции разнородных требований и интересов масс, их представительства в органах власти. Дефрагментация политической оппозиции, несогласованность действий, неготовность идти на компромиссы приводит к снижению потенциальных возможностей воздействия на политический процесс.

Ключевые слова: политическая партия, гражданское общество, избирательная кампания, партийная система, Государственная Дума, политическая система.

PECULIARITIES OF THE OPERATION OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA AND THE PROSPECTS OF PARTY CONSTRUCTION

Nechaeva T.Y.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The paper analyzes the characteristics of party building in the Russian Federation in the late 90-ies of XX century - the beginning of the XXI century, in particular, the dynamics of the number of political parties, its connection with the changes in the legal regulation of their activities, electoral activity indicators. The complicating of the parties building are highlighten. The prediction of possible development of the party system is made.

The results indicate a lack of preparedness of political parties to become an effective intermediary between the state and civil society, to perform functions of aggregation and articulation of diverse demands and interests of the

masses, their representation in the government. Defragmentation of the political opposition, lack of coordination, unwillingness to compromise reduce the potential impact on the political process.

Keywords: political parties, civil society, the election campaign, the party system, the State Duma, political system.

Существование и развитие в России гражданского общества невозможно представить без политических партий. Именно они призваны быть действенным посредником между государством и гражданским обществом, выполнять в полной мере функции выражения общественного мнения, агрегирования и артикуляции разнородных требований и интересов масс, действительно защищать их в процессе осуществления власти, определения основных направлений политики государства и т.д. Однако развитие политических партий в России – процесс сложный и противоречивый.

История создания политических партий в России начинается в конце XIX – начале XX века. С самого начала процесс образования партий в России имел некоторые особенности. Во-первых, их создание началось позднее, чем в странах Западной Европы. Во-вторых, образование партий началось с низов, с партий рабочего класса, а партии верхов стали создаваться только в ходе первой русской революции после издания Манифеста 17 октября 1905 года. В-третьих, партии трудящихся в России создавались как революционные, провозглашающие своей главной целью захват власти вооруженным путем.

К 1907 г. в России уже действовало более 50 политических партий. Практически все они были немногочисленными и не оказывали существенного влияния на власть. Революция 1917 г. прервала процесс формирования многопартийной системы. С 20-х годов в стране установилась однопартийная система, просуществовавшая до конца 80-х годов XX века.

В 90-е годы XX века процесс создания политических партий в нашей стране возобновился. Отмена ст.6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС в обществе создала юридические предпосылки для формирования многопартийности. Принятый 9 октября 1990 года Закон СССР № 1708-1 «Об общественных объединениях» закрепил принцип многопартийности. Принцип многопартийности и политического многообразия был подтвержден и в статье 13 Конституции РФ, принятой в 1993 году.

С марта 1991 г. началась регистрация партий и общественных организаций. По данным на 1 января 1992 г. их насчитывалось уже 35. Пик партийного строительства пришелся на 1997-1998 гг. По данным на февраль 1997 г. Минюстом РФ было зарегистрировано в России около 35 000 общественных объединений, в том числе более 2800 партий и общественно-политических организаций (в том числе 86 общероссийских политических партий), а также свыше 12 тысяч религиозных объединений. Затем их количество начало сокращаться. В 1999 г. существовало 139 политических

партий, на 23 января 2003 г. было зарегистрировано 50 партий, на 6 апреля 2004 г. - 48, на 20 августа 2006 г. - 35, а на 26 октября того же года уже 19, на 5 сентября 2007 г. и 20 августа 2008 г. - 15, на 11 апреля 2009 г. - 7, на 26 июня 2011 г. - 7, на июнь 2012 г. - 35, на 19 июня 2013 года - 71, на 4 июня 2014 г. - 77, на 30 декабря 2015 г. - 77.

Такие резкие изменения в российской партийной системе похожи на колебания маятника. Почти 70 лет маятник был неподвижен, так как в стране существовала однопартийная система. В годы перестройки маятник получил сильный толчок и в 1999 г. достиг крайней точки, где количество партий и уровень партийной фрагментации были чрезвычайно высокими. На этом этапе резкий рост числа политических партий рассматривался как, безусловно, положительный момент, как показатель развития демократии.

В 2001 г. маятник пошел в обратную сторону, но, к сожалению, проскочил точку умеренной партийной фрагментации, которая присуща многим современным демократиям. Количество партий сократилось до минимума (до 7 партий в 2009-2012 гг.). Фактически возникла опасность превращения многопартийной системы в двухпартийную с одной доминирующей партией.

В 2012 г. с либерализацией законодательства о выборах, упрощением процедуры регистрации политических партий и сокращением перечня требований для ее создания маятник вновь пришел в движение, хотя пока и не достиг предыдущего пика.

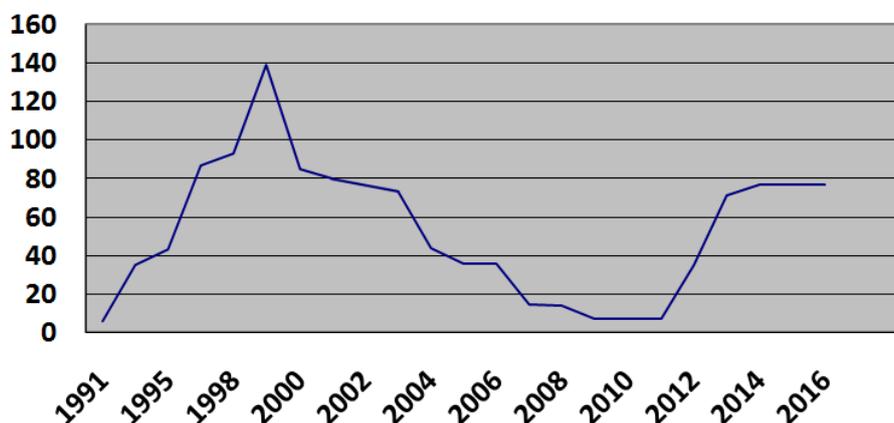

Диаграмма 1. Число зарегистрированных политических партий в РФ в 1991-2016 гг.

Таким образом, резкие колебания количества политических партий связаны не столько с эволюционными процессами в партийной системе, сколько с попытками посредством изменения законодательства оказывать влияние на функционирование партий. Фактически можно наблюдать прямую зависимость: чем выше требования к численности политических партий, тем меньше их число.

Так, по первоначальной редакции Федерального закона «О политических партиях» (2001 г.) численность партии должна была быть не менее 10 000 членов (п.2 ст.3). В 2006 году требования к численности партии возросли до 50000 членов. Выдвигались даже предложения увеличить эти требования до 70000 и 100000 членов. В редакции закона от 2009 г. предусматривалось поэтапное сокращение численности партии: с 1 января 2010 года до 1 января 2012 года в партии должно было состоять не менее 45000 членов, а с 1 января 2012 года - не менее 40000 членов партии.

С принятием Федерального закона № 28-ФЗ от 2 апреля 2012 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»» требуемая численность партии сократилась до 500 членов (с региональными отделениями не менее чем в 43 субъектах РФ). Снижена частота проверок деятельности партий Минюстом РФ с ежегодных до одного раза в три года.

Кроме того, был снижен электоральный барьер на выборах в Государственную Думу с 7 до 5%, осуществлен возврат к смешанной избирательной системе (225 из 450 депутатов должны избираться по одномандатным округам по мажоритарной системе, а остальные – по пропорциональной системе от политических партий).

Однако огромное число политических партий еще не свидетельствует о существовании развитой многопартийности. Скорее о дефрагментации политической оппозиции, ее размывании, несогласованности действий, неготовности идти на компромиссы даже друг с другом, отсутствии единства по ключевым вопросам развития общества. Большое число политических партий отражает не многообразие социальных интересов, существующих в гражданском обществе, а неупорядоченность и бессистемность политических отношений. Так, на сегодняшний день существуют КПРФ, Коммунистическая партия социальной справедливости и Коммунистическая партия «Коммунисты России»; Партия ветеранов России и Российская партия пенсионеров «За справедливость»; Союз труда и Трудовая партия России; Альянс зеленых и социал-демократов и Российская экологическая партия «зеленые»; Аграрная партия России, Объединенная аграрно-промышленная партия России, Российская партия садоводов, Партия возрождения села и партия «Возрождение аграрной России» и т.д., и т.п. Их программы во многом схожи, а, следовательно, возможно и даже желательно объединение и укрупнение партий, поскольку малочисленные политические партии не оказывают и не смогут оказывать сколько-нибудь серьезного воздействия на политические процессы в обществе. Голоса избирателей, отданные за эти карликовые партии, будут просто «пропадать», так как партии не смогут преодолеть даже 5% барьер и пройти в Государственную Думу.

Кроме того, большинству политических партий не удалось добиться устойчивой поддержки избирателей, что демонстрируют различные пока-

затели участия партий в избирательных кампаниях в Государственную Думу и достигнутого на выборах результата (диаграмма 2).

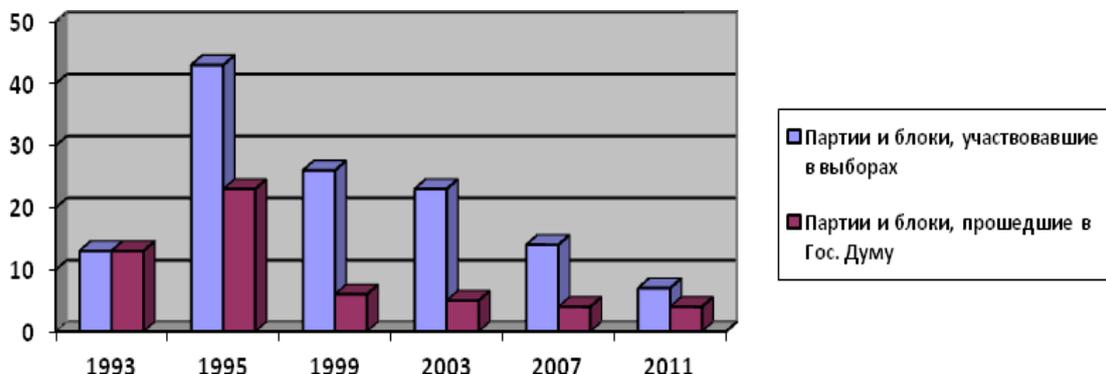

Диаграмма 2. Политические партии и блоки в избирательных кампаниях по выборам в Государственную Думу Федерального Собрания РФ

На выборах 2011 года в Государственную Думу преодолеть 7% электоральный барьер смогли только четыре партии: Единая Россия (315 мест), КПРФ (57 мест), ЛДПР (40 мест) и Справедливая Россия (38 мест). Три партии (Патриоты России, «Яблоко» и Правое дело) не смогли преодолеть заградительный барьер.

Реальное влияние на политический процесс оказывают 5-6 крупных партий. Причем их деятельность фактически ограничивается пределами Государственной Думы. В настоящее время партии ищут новые пути расширения диалога с обществом, в частности, создавая молодежные организации, проводя различные акции, научные конференции, круглые столы, используя активно сеть Интернет и т.д.

Приходится отметить и низкий уровень гражданской активности у подавляющего большинства населения, его скептическое отношение к возможности изменения ситуации в стране посредством участия в выборах.

Пытаясь привлечь на свою сторону как можно больше избирателей, партии «размывают» свою социальную базу. Партии отказываются следовать определенной идеологии, обращаются к общечеловеческим ценностям, идеям согласия, компромисса, социальной справедливости, патриотизма. Однако это приводит не к привлечению голосов избирателей, а к потере индивидуальности. Избиратели оказываются перед сложнейшим выбором одной из 77 партий, чьи программы практически унифицированы.

Кроме того, российские партии, за исключением ЕР, КПРФ, ЛДПР, Справедливой России, не ведут активную планомерную пропагандистскую работу с населением, т.е. со своим потенциальным электоратом. Их работа активизируется только в период избирательных кампаний. Население не ощущает реальной пользы от их деятельности.

Это дополняется отсутствием объективной информации о деятельности политических партий, «заказным» характером публикаций в СМИ, непродуманностью PR-акций и т.п. В результате партию избиратели ассоциируют не с ее политической платформой, а, прежде всего, с ее лидером. В основе их электорального выбора фактически оказываются личные симпатии к лидеру конкретной партии.

Оставляет желать лучшего и работа партий с молодежью. Из 77 политических партий, зарегистрированных по данным Министерства юстиции Российской Федерации на 1 января 2016 г. молодежные организации или имеют только 10 партий (13%): «Единая Россия» («Молодая гвардия»), КПРФ (ЛКСМ РФ), ЛДПР (Всероссийская молодежная организация ЛДПР), Справедливая Россия (Социал-демократический союз молодежи «Справедливая сила»), Российская экологическая партия «Зеленые» (Молодежное направление), Коммунистическая партия Коммунисты России (Комсомол России), Трудовая партия России (Комиссия при Президиуме Центрального совета Трудовой партии по работе с молодежью), Партия ветеранов России (Молодое звено партии ветеранов России), Российский объединенный трудовой фронт (РКСМ(б)), Партия возрождения села (Молодежь за возрождение села) (Политические партии в РФ, 2015).

Согласно исследованию Фонда общественного мнения, степень вовлеченность россиян в общественную деятельность составляет всего 14% (Полякова, 2010, С.24), причем этот показатель был бы еще ниже, если бы не членство в профсоюзах (Сафронов, 2004, С.3).

Большинство россиян не считают, что могут воздействовать на политику посредством участия в деятельности политических партий, а потому и не стремятся вступать в партийные ряды. В сознании среднего и старшего поколений вступление в партию ассоциируется, прежде всего, с регулярной уплатой членских взносов, партийными собраниями, пустыми речами и т.д. Даже если граждане разделяют политические взгляды партии и готовы участвовать в проводимых акциях, они все равно воздерживаются от вступления в ее ряды.

Закон запрещает требовать от граждан указания членства в партии (или отсутствия такового) при предоставлении сведений о себе (п.7 ст.23), однако этот же закон обязывает партии при регистрации региональных отделений предоставлять в территориальный орган Министерства юстиции список членов регионального отделения (п.6 ст.19). Это затрудняет развитие оппозиционных партий, поскольку граждане в ряде регионов могут опасаться вступить в них, если об их членстве станет известно властям. К проверке данных о численности членов партии активно привлекаются правоохранительные органы. В этих условиях граждане зачастую отказываются подтвердить свою принадлежность к политической партии. Поэтому не удивительно, что членами политических партий являются только около 5%

граждан, а это сокращает поступления от членских взносов и создает определенные проблемы в финансировании политических партий.

Практическая монополизация власти одной партией предопределяет исход выборов и также не способствует росту политической активности граждан.

Кроме того, для России характерен обратный порядок формирования политических партий. Обычно создание партии – это ответ на возникающие в обществе групповые и коллективные интересы, требования. Механизм создания партий, предусмотренный в федеральном законе «О политических партиях» предусматривает создание партий не путем постепенного аккумулирования местных инициатив, а путем фактического найма региональных структур федеральными органами партии, т.е. сверху вниз. Сначала возникает руководство партии, которое «условно» регистрирует новую политическую партию, а затем ищет потенциальных сторонников, финансовую поддержку банков и финансово-промышленных структур и избирателей. В течении 6 месяцев партия должна зарегистрировать региональные отделения не менее чем в половине (т.е. в 43) субъектов Федерации, в противном случае она считается не созданной.

Негативным образом влияют на партийное строительство в России недостаточная развитость демократической политической культуры и гражданского общества; особенности избирательной системы и правового регулирования деятельности партий с частой сменой требований к политическим партиям; смешанная (полупрезидентская) форма правления и федеративное устройство страны; историческое и институциональное прошлое страны; стремление исполнительных органов власти к постоянному контролю над общественной жизнью, к управлению партийной системой и т.п.

В результате пока политическим партиям в РФ не удалось стать действенным посредником между властью и обществом, выразителем интересов общества. У партий практически отсутствуют рычаги воздействия на органы власти.

Не находя поддержки в обществе, партии стремятся ее обрести у государства. Формальная многопартийность на деле оборачивается государственным контролем над политическими партиями. Политический процесс замыкается на одной партии. Российские партии больше заботятся о включении своих представителей в государственные структуры, чем о выражении и защите интересов социальных групп и слоев.

В условиях экономического кризиса, инфляции, роста безработицы, растущей социальной дифференциации населения, недовольства проводимыми реформами можно прогнозировать рост количества и численности оппозиционных политических партий, которые отстаивают ценности социальной справедливости, равенства, национальной самобытности, коллективизма, патриотизма. Ограничение возможности выражения общественного мнения может привести к социальному взрыву.

Партиям необходимо вести планомерную работу с избирателями и, прежде всего, с молодежью с целью формирования у них четкого представления о возможностях выражения и отстаивания своего мнения. Хочется надеяться, что оппозиции удастся наладить продуктивный диалог с органами власти и, в обозримой перспективе, благодаря снижению требований к численности партий и облегчению процедуры их регистрации, российские политические партии смогут стать существенным фактором политической и гражданской жизни, ведь эффективное выполнение ими своих функций – это гарантия стабильности и интеграции общества.

Литература

Закон СССР № 1708-1 от 9 октября 1990 г. «Об общественных объединениях».

Конституция Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 2016 год. М.: Эксмо-Пресс, 2016.

Полякова В. Гражданское общество как система отношений. // Журнал о выборах. 2010. – № 6.

Политические партии в Российской Федерации. 1915 год. Справочник. Выпуск 4. М., ЦИК РФ, 2015.

Сафронов В. Социальный капитал и демократия: исследование в Санкт-Петербурге. // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. – № 1.

Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М.: Прогресс-Литера, 1994.

Федеральный закон № 28-ФЗ от 2 апреля 2012 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»».

Федеральный закон от 11.07.2001 года № 95-ФЗ (ред. От 09.03.2006) «О политических партиях» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 13.03.2016).

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной думы// Российская газета. 2008. 31 декабря.

РАЛЬФ ПАРКЕР: ЖУРНАЛИСТ ИЛИ РАЗВЕДЧИК?

Объедков И.В.

Московский городской педагогический университет, Россия

Статья посвящена профессиональной деятельности британского журналиста Ральфа Паркера (1907-1964). В годы Великой Отечественной войны он работал московским корреспондентом газеты «Таймс». В 1949 г. Паркер остался в СССР, где и провел последние годы жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война журналистика, разведка, «Таймс», Ральф Паркер.

RALPH PARKER: JOURNALIST OR SCOUT?

Obyedkov I.V.

Moscow city pedagogical University, Russia

The article deals with professional activities of British journalist Ralph Parker (1907-1964). He was a reporter with The Times in Moscow during the Great Patriotic war. The remainder of his life he spent in USSR since 1949.

Keywords: The Great Patriotic war, journalism, intelligence, «Times», Ralph Parker.

Немногим историкам, изучающим события Второй мировой войны, знакомо имя Ральфа Паркера (1907- 1964). Личность корреспондента, представлявшего в Москве лондонскую газету «Таймс» и американскую «Нью-Йорк таймс» в течение всей Великой Отечественной войны, представляет большой интерес. Его решение остаться в СССР и не возвращаться в Великобританию, принятое в 1949 г., порождает много вопросов, на которые историкам еще предстоит ответить.

В июне 2016 г. Россия отметит 75-летие начала Великой Отечественной войны. Это хороший повод вспомнить журналиста, приложившего в 1941- 1945 гг. много усилий для формирования позитивного образа нашей страны среди английских и американских читателей.

Ральф Паркер родился в английском графстве Ланкашир, в городе Саутпорте, расположенном между Ливерпулем и Блэкпулом на берегу Ирландского моря. Он называл себя сыном местного зажиточного бизнесмена, но о занятиях своего отца Артура Паркера предпочел умолчать. Интерес к России возник у юного Ральфа в годы Первой мировой войны, после общения с ранеными в госпитале, где его мать работала медсестрой. Среднее образование Р.Паркер получил в закрытой школе, а затем, не позднее 1931 года, он закончил колледж Корпус Кристи Кембриджского университета (Английские писатели..., С.208-215).

В том же году, став аспирантом Кембриджа он уехал стажироваться в Восточную Европу. Вскоре редактор «одной из английских газет» предложил ему должность корреспондента и в мае 1934 года молодой человек стал профессиональным журналистом. Осенью 1938 г., после Мюнхенской конференции, его пригласили работать в газету «Таймс». Не позднее марта 1939 г. он стал, по совместительству, сотрудником пражского бюро американской газеты «Нью-Йорк таймс». В марте 1939 г., незадолго до вступления в Прагу немецких войск, Паркер уехал в Белград, откуда его перевели

в Стамбул, а затем вернулся в Англию (Паркер, 1949, С.11-13, 23, 41; Паркер, 1966, С.15).

К моменту нападения Гитлера на СССР Р.Паркер работал в Министерстве информации Великобритании. В сентябре 1941 г. накануне московской конференции представителей СССР, США и Великобритании, Р.Паркер получил предложение редакции «Таймс» поработать корреспондентом в Москве (Паркер, 1949, С.42).

С осени 1941 г. Паркер работал в Советском Союзе. Много раз он побывал и на фронте в ходе сражений под Москвой, Сталинградом, Курском, Корсунь-Шевченковским. Паркер ездил в города, только что освобожденные от немецких захватчиков – Ржев, Киев, Севастополь, Одессу, Таллинн. После снятия блокады он посетил Ленинград. После взятия советскими войсками германской столицы он писал репортажи из Берлина (Паркер, 1949, С.68-70).

К июлю 1949 г. Ральф Паркер опубликовал в Москве просоветскую и антизападную книгу «Заговор против мира», сразу же переведенную на несколько европейских языков. Рецензия на «Заговор» появилась в журнале «Новое время» в октябре 1949 года (Сергеева, С.27-31). Тем самым, по мнению советника американского посольства в Москве Дж.Кеннана младшего, Паркер отрезал себе путь на родину. Еще в мае 1945 г. Кеннан предполагал, что Паркера шантажировали (Кеннан, С.243-244). Возможно, что после запрета Сталиным браков с иностранцами (Мэтлок, С.136), Р.Паркер предпочел в ожидании лучших времен остаться в Москве, не подвергая свою жену Валентину Михайловну опасности ареста за связь с англичанином.

В СССР Паркера и после 1949 г. продолжали называть британским журналистом. По свидетельству Б.Р.Изакова, во время заседаний Верховного Совета СССР англичанин занимал место в ложе для иностранной прессы (Паркер, 1966, С.3-16). Однако, вероятнее всего, в 1950-1960-х гг. Р.Паркеру пришлось ограничиться работой на органы советской внешнеполитической пропаганды и коммунистическую печать Великобритании (Bassow, p.179).

У.Бассоу утверждает, что именно от Ральфа Паркера западные журналисты получили первую конкретную информацию о закрытом докладе Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, сделанном 25 февраля 1956 г. Р.Паркер рассказал о выступлении советского лидера бывшему президенту Франции социалисту Венсану Ориолу 10 марта 1956 г., при встрече во французском посольстве в Москве. Р.Паркер, по мнению У.Бассоу, использовался советским руководством для организации подобных утечек информации (Bassow, p.179).

Неотъемлемой частью жизни Р.Паркера стало сотрудничество с британскими разведывательными службами.

По словам английского историка Ф. Найтли, газета «Таймс» к середине 1930-х годов «давно уже служила поставщиком кадров для С[икрет] И[нтеллиджен]т С[ервис]». Действительно, предшественник Паркера на посту корреспондента «Таймс» в России в годы Первой мировой войны Роберт Уилтон, аккредитованный в Петрограде в 1917 г., работал на английскую разведку (Найтли, С.60, 98).

Деятельность Паркера в Чехословакии выходила за рамки обязанностей журналиста. В обстановке строгой конспирации он встречался с деятелями чехословацкого Сопротивления. Паркер принял участие в вывозе британскими разведчиками через Венгрию инженеров с завода «Шкода» для работы в военной индустрии союзников. Чешская техническая документация позволила англичанам модернизировать пулемет «Брен» (Паркер, 1949, С. 119).

Известный американский дипломат и разведчик Дж.Ф.Кеннан младший писал о существовании причин, не позволявших Р.Паркеру остаться в оккупированной чешской столице. Он помог Р.Паркеру уехать из Праги перед вступлением в город немецких войск, т.е. до 15 марта 1939 г. (Кеннан, С. 157-159).

Перебравшись в Югославию, Р.Паркер оказался в подчинении у корреспондента «Таймс» в Белграде, резидента британской разведки майора Дж.Ханау (Джулиуса Ханнона). В преддверии вторжения немцев в эту страну англичане планировали диверсии на румынских нефтепромыслах и на дунайских гидротехнических сооружениях (Маккензи, С.58, 63, 145, 407).

Паркер побывал в югославской Македонии, и посетил пограничные города, населенные албанцами. Британская разведка нуждалась в свежей информации о положении на границах Албании, оккупированной итальянцами в апреле 1939 г. (Troebst, p. 173). Вспоминая о работе в Белграде, Паркер писал: «Мало кому из моих товарищей журналистов в той или иной форме не предлагали выполнять секретные поручения. ... Не только журналисты, но и многие англичане, работавшие на Балканах, ... были завербованы здесь агентами тайной британской дипломатии» (Паркер, 1949, С.35).

Отъезд Р.Паркера из Югославии скорее всего был связан с высылкой из королевства майора Дж.Ханау и других британских разведчиков по настоянию немецких дипломатов к июню 1940 г. Маршрут возвращения корреспондента «Таймс» на родину через Турцию и Египет напоминал инспекционную поездку или стажировку с посещением обеих штаб-квартир британского Управления специальных операций на Ближнем Востоке – в Стамбуле и в Каире. Прибытие Паркера в Южно-Африканский Союз, родину его шефа Дж.Ханау, совпало с началом формирования в этом регионе британской резидентуры для работы против режима Виши во французских колониях (Там же).

Наличие разведывательной миссии у журналиста, направленного в Москву, также вполне вероятно. Путешествие из Архангельска в Куйбы-

шев выглядело как выполнение задания по ознакомлению с возможностями советской оборонной промышленности. Вывод Паркера звучал откровенно: «К концу моей поездки по Уралу и Заволжью я понял, что Советская Россия обладает достаточной мощью и надлежащим руководством, для того, чтобы победить в войне с гитлеровской Германией, если понадобится, и без посторонней помощи...» (Паркер, 1949, С.48). Недаром британский посол Стаффорд Криппс 9 октября 1941 года написал в дневнике об отношении британских разведчиков к сближению с СССР «как к возможности получать интересующую их секретную информацию о России, которую они не могли собрать в течение двадцати последних лет». «Они повсюду стремятся внедрить своих шпионов», - заметил Криппс, получив информацию о первом внедрении (Криппс, С. 124). Возможно, он имел в виду Ральфа Паркера.

Не подлежит сомнению, что в начале 1930-х гг. Ральф Паркер начал сотрудничать и с советской разведкой. В годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. коммунистическая организация Кембриджского университета стала одной из самых сильных в Англии. Именно в Кембридже учились и были завербованы Э.Блант, Г.Берджес, Ким Филби, Д.Маклин и Д.Кернкросс, вошедшие в историю как «кембриджская пятерка» (Попов, 1995, С.55-66). Р.Паркер вспоминал о постоянном общении «с молодыми людьми, для которых Октябрьская революция была поворотным пунктом в истории человечества». Не называя имен, он писал: «От тех в Кембридже, кто был старше меня, я воспринял их чаяния и мечты, а также их любопытство ко всему, что касалось Советского Союза...» (Английские писатели, С. 215, 226).

Вербовал Р.Паркера, скорее всего, корреспондент газеты «Известия» Борис Романович Изаков, посетивший родину молодого англичанина в графстве Ланкашир (Паркер, 1966, С.15). В начале 1930-х гг. специальные корреспонденты «Известий» представляли Бюро международной информации при ЦК ВКП (б) – новый разведывательный центр с самыми широкими полномочиями, подчиненный лично И.В.Сталину (Позняков, С.61-63).

Таким образом, с самого начала 1930-х гг. Р.Паркер действовал в различных странах Европы в качестве двойного, британского и советского агента. Нельзя исключить содействия Р.Паркера становлению советской резидентуры в Южной Африке, приступившей к работе в Претории в 1942 г. (Давидсон, С.167).

Какие задания советских спецслужб Р.Паркер мог выполнять в Москве? Историкам известно о присутствии в посольстве США информатора Кремля, профессионального журналиста. Действительно, в качестве корреспондента «Нью-Йорк таймс» Р.Паркер мог регулярно посещать посольские мероприятия по связям с прессой. 8 марта 1943 г. секретная сотрудница, оставшаяся неизвестной, сделала сообщение о встрече американского посла У.Стэндли с корреспондентами ведущих американских пе-

риодических изданий. Оценив высказывания посла как антисоветские, она сослалась на свидетельство присутствовавшего там «известного журналиста Ральфа Паркера». Благодаря ему, скандал выплеснулся на страницы американских газет и журналов, поддерживавших укрепление советско-американских отношений, и весной 1943 г. адмирал У.Стэндли оставил свой пост. Его вина заключалась в публичном возмущении отсутствием в советской печати информации об американской военной помощи СССР. Английский посол сэра Арчибальда Кларка Керра, встретив Паркера в «Спасахаусе» после этого инцидента, удивился смелости соотечественника, продолжавшего посещать посольство США (Мальков, С.193-194; Данн, С.268-269).

Возможно, одной из причин решения Р.Паркера остаться в СССР было раскрытие англичанами или американцами неизвестных ранее эпизодов его связей с советскими спецслужбами и с членами «кембриджской пятерки». Ведь вскоре, в 1951 г., политическое убежище в СССР нашли Д.Маклин и Г.Берджес (Попов, С.173-181).

Со многими представителями разведывательных служб, оставивших заметный след в истории, Р.Паркеру довелось общаться лично.

В Праге Паркер познакомился с Полом Дьюксом, успешно работавшим в Петрограде в 1914- 1919 гг. и возведенным за это в рыцарское достоинство (Паркер, 1949, С.32; Найтли, С.70-78).

Воспоминания Р.Паркера оставляют неясным вопрос о его личном знакомстве с разведчиком и дипломатом Брюсом Локкартом. Рассказ о службе в отделе политической разведки британского МИДа в 1939 г. вместе с профессором А.Тойнби позволяет предположить, что Паркер, возглавляя отдел в Министерстве информации, встречался с ними обоими (Паркер, 1949, С. 119).

Во время морского путешествия в Архангельск, Паркер читал мемуары Джорджа Хилла - английского разведчика, работавшего в Советской России во время гражданской войны и даже служившего при Л.Д.Троцком советником по авиации. В 1942- 1945 гг. Хилл вернулся в СССР в качестве представителя британских спецслужб по связям с НКВД. По словам Паркера, посещавшего особняк Хилла в Гранатном переулке, «...это был человек, обладавший всеми необходимыми для разведчика качествами» (Паркер, 1949, С. 63).

В Куйбышеве Паркер нанес визит бывшему русскому военному агенту в Париже генералу А.А.Игнатьеву. Старший брат П.А.Игнатьева, руководившего заграничной службой русской разведки в 1916-1918 гг., был интересным собеседником (Паркер, 1949, С.119; Игнатьев, С.3).

История отвела Ральфу Паркеру место в группе зарубежных журналистов, работавших над созданием благоприятного внешнеполитического имиджа Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Его работа оказалась неразрывно связанной с интересами разведывательных служб двух союзных стран - СССР и Велико-

британии. В связи с этим есть основания утверждать о существовании в годы войны ограниченного сообщества журналистов-международников, работавших в качестве неофициальных каналов передачи конфиденциальной информации между политическими лидерами как союзных, так, возможно, и враждующих стран.

Литература

- Английские писатели о стране Советов. Л.: Лениздат, 1984.
- Давидсон А.Б.* Коминтерн в Африке: документы, события, люди// Новая и новейшая история, 1999, № 4. С.152-168.
- Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М.: «Три квадрата», 2004.
- Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002.
- Игнатъев П.А.* Моя миссия в Париже. М.: Гея итэрум, 1999.
- Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941-1942 гг. С.Криппса// Новая и новейшая история, 1991. – № 3. – С.118-144.
- Найтли Ф.* Шпионы XX века. М.: Республика, 1994.
- Маккензи У.* Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940-1945 гг. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО Транзит-книга, 2004.
- Мальков В.Л.* Разведка союзников в годы войны// Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. – С. 183-213.
- Мэтлок Р.* «Спасо-хауз». Люди и встречи: Записки жены американского посла.- М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2004.
- Паркер Р.* Заговор против мира.- М.: Издательство «Литературной газеты», 1949.
- Паркер Р.* Советский Союз продлил мне молодость. М.: Прогресс, 1966.
- Позняков В.В.* Советская разведка в Америке. 1919-1941. М.: Международные отношения, 2005.
- Попов В.И.* Советник королевы - суперагент Кремля. М.: ТОО «Новина», 1995.
- Сергеева Н.* Записки английского журналиста//Новое время. 1949. – №43.
- Bassow W.* «The Moscow correspondents»: Reporting on Russia from the revolution to glasnost. New York: 1988.
- Troebst S.* Mussolini, Makedonian und die Machte. 1922-1930. Die «Innere Makedonische Revolutionäre Organisation» in der Sudosteuropapolitik des fashistischen Italien. Koln -Wien,1987.

КСЕНОФОБСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН КАК ВЫЗОВ БЕСКОНФЛИКТНОМУ РАЗВИТИЮ СТРАНЫ

Пипия К.Д.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

Статья посвящена изучению ксенофобских настроений в современном российском обществе, которые могут нести в себе конфликтный потенциал. Были выделены основные объекты неприязни среди населения. На данных третьей волны международного исследования The ISSP продемонстрирована высокая степень поддержки жителями России мифов об иммигрантах: об «этнической преступности», о конкуренции за рабочие места с «коренным» населением и о размывании мигрантами культуры страны-приема («культурный расизм»).

Ключевые слова: ксенофобия, этничность, иммигранты, миграция, гендер, религия, ислам, девиация.

XENOPHOBIC SENTIMENTS AS CHALLENGE TO NON-CONFRONTATIONAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Pippiia K.D.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The paper is devoted to research of those xenophobic sentiments in modern Russian society, which can contain some conflict potential. Basic objects of enmity among the population were separated. Analysis of data, which were based on the results of The ISSP third wave, indicates high level of approve myths about immigrants such as 'ethnic criminality', competition for work places with «indigenous» population and cultural diffusion («cultural racism»).

Keywords: xenophobia, ethnicity, immigrants, migration, gender, religion, islam, deviation.

Социология, как и другие науки, вынуждена реагировать на современные вызовы, заставляющие как на эмпирическом, так и на теоритическом уровне переосмыслять последствия современного этапа общественного развития: глобализацию (Гидденс, 2004), миграционные процессы, достижения в сфере биологии и медицины, где одними из самых острых проблем остаются эвтаназия и клонирование, общественное восприятие которых остается негативным. Вместе с тем происходит реактуализация проблем, волновавших ученых социально-гуманитарных наук в недалеком прошлом. Ксенофобия – одна из них, хотя на какое-то мгновение показалось, что проблема ненависти между людьми (в первую очередь на национальной или конфессиональной почве) ослабла, оставив в прошлом ужасы

Холокоста, память о котором сохраняет значительная часть населения (Геноцид..., 2015).

Распад Советского Союза и постсоветская миграция в Россию (приток рабочей силы, встреченной большинством недружелюбно), военные конфликты на российских границах или рядом с ними, внешнеполитическая нестабильность и электоральная борьба, в ходе которой активно используется антимигрантская риторика, внесли или могут вносить в общественное сознание россиян представления, формирующие негативные установки в отношении «Других». Эти установки могут усиливаться на фоне резонансных событий с участием «некоренного» населения. Самый яркий пример последних лет – это беспорядки в Бирюлево в 2013 г., а также убийство ребенка, совершенное няней из Узбекистана, после которого ультраправые силы вновь вернулись к призыву введения жесткого визового режима со странами Средней Азии.

Несмотря на то, что половина населения (51%) не отмечает значительных изменений в отношениях между людьми разных национальностей в России за прошедший год, более трети опрошенных (35%) полагают, что межнациональные отношения в стране ухудшились. Миграционный вопрос в 2015 г. не лидировал в списке проблем, более всего тревожащих москвичей, однако каждый третий житель Москвы уверен, что количество мигрантов из бывших южных республик СССР и с Северного Кавказа чрезмерно для города. Получается, что более трети населения сохраняет негативные представления даже в периоды относительного спокойствия в сфере межнациональных отношений, т.е. положительная динамика общественного мнения по вопросу миграции, межэтнических и межконфессиональных отношений не гарантирует более «мягкой» реакции на происшествия, а, напротив, демонстрирует стремительность изменений в данном вопросе в случае экстраординарных ситуаций.

Если отвлечься от сиюминутной реакции на «Других», то следует обратиться к более устойчивым структурам общественного сознания – тем представлениям, которые укреплены в национальной идентичности. «Национальная идентичность» – это условное обозначение целого ряда привычных представлений о нации, мире и “нашем” месте в нем» (Биллиг, 2007). Эти привычные представления включают и доминирующие образы «Других», задающие социально одобряемые модели восприятия, оценки, а также способы взаимодействия с ними. Сравнительное международное исследование The International Social Survey Programme (The ISSP), посвященное изучению национальной идентичности в разных странах, включало «батарею вопросов», направленных на выявление уровня ксенофобских настроений среди граждан изучаемых стран. Список стран-участников третьей волны исследования в 2012-2013 гг. состоял из 33 государств, включая Россию, полевой этап исследования в которой проводил Левада-Центр.

Респонденты, принимавшие участие от России, продемонстрировали самый высокий уровень одобрения мифов об иммигрантах. Россияне возглавляют список из 33 стран по доле опрошенных, согласных с мнением о том, что иммигранты увеличивают уровень преступности, которого придерживаются 74% респондентов.

Примечательно, что первое место по уровню одобрения мифа об «этнической преступности» россияне разделили с жителями Чешской Республики, руководство которой в настоящее время достаточно жестко реагирует на европейский интеграционный кризис, прямо заявляя, что «интеграция мусульман в европейское общество практически невозможна» (Милош..., 2016). Учитывая, что исследование проводилось в 2012 году, т.е. до начала усугубления кризиса с беженцами в Европе, реакция Чехии, Турции и других европейских стран с высоким уровнем мигрантофобии, идентичным российскому, может рассматриваться как одна из возможных моделей для России, в случае возникновения схожей ситуации.

Более двух третей россиян (68%) поддерживают и представление о том, что иммигранты отнимают рабочие места. Каждый второй опрошенный оказался сторонником «культурного расизма», рассматривая иммигрантов как угрозу размытия культуры страны-приема, тем самым отказываясь от принципа «cultural diversity».

При таком высоком уровне негативизма в отношении инокультурных элементов или лиц, воспринимаемых в качестве таковых, внедрять толерантные установки в общественное сознание (что, например, входит в цели и задачи ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)») кажется непосильной задачей.

Несмотря на то, что основным маркером для проведения границ между принимающим и мигрантским населением выступает этничность (Малахов, 2014), ксенофобия не ограничивается только этнофобией, которая является лишь одной из ее граней. Озабоченность вызывает и проблема религиозной нетерпимости, чтобы особенно значимо для государств с поликонфессиональным составом населения, к которым относится и Россия. По данным опросов, в целом по стране мусульмане составляют 5-7% населения, при этом в 2015 г. каждый второй опрошенный сказал, что относится к мусульманам «нейтрально/безразлично», хотя семью годами ранее преобладало скорее позитивное восприятие (50% относящихся положительно в 2008 г. против только 29% в 2015 г.). Большая часть россиян (74%) категорически не приемлет демонстрацию своей религиозности путем ношения хиджабов в учебных заведениях (а среди жителей Москвы таких подавляющее большинство - 91%).

Религиозная ксенофобия, в первую очередь исламофобия, поскольку, например, проблема антисемитизма, активно артикулируемая в девяностых гг., сейчас вырезана из контекста современной российской реально-

сти, заметно повышается на фоне терактов и войн (Беслан, «Норд-Ост», чеченские войны, военный конфликт в Сирии и пр.), способствующих росту общественного неприятия мусульман и ислама. Многие исследователи рассматривают ксенофобию как результат незнания, из которого проистекает страх «Другого». В 2015 г. четвертая часть населения призналась, что абсолютно ничего не знает об исламской религии и культуре, а большая доля из тех, кто обладает какими-либо знаниями, черпают их из телевидения (33%), что делает его практически единственным источником для формирования среди немусульманского населения России доминирующего образа ислама и его последователей.

Отрицательной остается и динамика восприятия населением групп, поведение которых рассматривается как «девиантное». Причем, как правило, преобладает именно негативное, а не индифферентное отношение, криминализирующее представителей «отклоняющегося» поведения и требующего для них особых действий, наказания. Среди их числа представители ЛГБТ-сообщества, к которым более двух третей россиян испытывают такие отрицательные чувства, как настороженность, раздражение отвращение и страх. Вызывают неприязнь и добровольно бездетные женщины - «чайлдфри», в репродуктивном поведении которых отсутствует социальная польза с точки зрения большинства (утилитаристская точка зрения на акт и последующую реакцию в понятии П.Сорокина), поэтому 45% россиян относятся к ним с осуждением, из которых большая часть респондентов объясняет свой негатив к ним невыполнением общественного долга и эгоизмом. Треть населения считает, что необходимо ликвидировать или изолировать от общества людей, больных СПИДом, а также «бомжей» и бродяг.

Таким образом, в настоящее время в России сохраняются противоречия по многим осям общественной жизни. Во-первых, это этнокультурная сфера с фиксируемым высоким уровнем мигрантофобии и религиозной нетерпимости среди населения. Во-вторых, гендерные отношения, касающиеся в первую очередь желательных/табуированных репродуктивных и сексуальных моделей поведения, а также проблемы прав женщин – на аборт и т.п. Продолжается поиск бесконфликтных основ национальной идентичности, устанавливающих консенсусные границы «своих» и «чужих», (в настоящее время – «раскол» по поводу присоединения Крыма или фигуры Сталина).

Литература

Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.

Представления о морали: границы допустимого поведения. Пресс-выпуск Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/2012/09/14/otkaz-ot>

svoih-detej-samoubijstvo-i-gomoseksualizm-moralno-nepriemlemo-dlya-bolshej-chasti-rossiyan.

Геноцид армянского и еврейского народов. Пресс-выпуск Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/2015/06/15/genotsid-armyanskogo-i-evrejskogo-narodov>.

Биллиг. М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. 2007. – №2. – С.34-71.

Милош Земан посоветовал странам Европы высылать экономических мигрантов. URL: <http://www.interfax.ru/world/494451>.

Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «МОЛОДОСТИ» ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Ухалова А.О.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Статья посвящена анализу способов определения «молодости» пользователями социальной сети Instagram. Основным является утверждение об искусственности концепта «молодости» и возможности его применения пользователями вне зависимости от возраста, гендера и социального положения.

Ключевые слова: социальная сеть, концепт, «молодость», самоидентификация, возраст.

WAYS OF DEFINITION THE “YOUTH” BY THE USERS OF SOCIAL NET INSTAGRAM

Ukhalova A.O.

Russian State University for the Humanities

The article is dedicated to the analysis of the methods applied by users of social media Instagram to define the concept “youth”. In the article is proved the statement that the concept “youth” is constructed and intentionally used in order to create the “image” despite the real age, gender and social state.

Keywords: social media, concept, “youth”, self-identification, age.

Социальные сети, такие как Instagram – ресурсы, предназначенные для обеспечения связи между пользователями, создания групп и сообществ, размещения информации о пользователе. В определении «социальная сеть» используется широкий подход, подразумевающий социальную систему, основанную и функционирующую за счет непосредственного взаимодействия пользователями с другими. Социальные сети – сложные

информационные платформы, на которых представлен комбинированный комплекс визуальных, текстовых, аудио- и видеоматериалы.

Визуальность стала основным принципом функционирования социальных сетей. Так, анализ Instagram показал, что формой новой коммуникации могут быть «визуальные образы». И вследствие «системного изменения практик взаимодействия между людьми» (Мясникова, Дроздова, 2014) Instagram превратился в элемент повседневной жизни, фиксирующий микро изменения в жизни пользователя, выкладывающего любительские фото, сделанных в самых разных ситуациях – еда, потребление, семейные отношения, путешествия, праздники. Таким образом, общение пользователей при помощи визуальных образов замещает обмен речевыми единицами текста, экономит речевые усилия и позволяет мгновенно зафиксировать повседневное.

В действительности, массмедиа оказывают влияние на мнения и настроения в обществе. Именно в Интернете происходит процесс изменения паттернов социального сознания и моделей поведения пользователей по причине того, что социальный мир уже определенным образом «обозначен средствами массовой информации» (Бондаренко, Комарова, 2012).

Изначально социальные сети мыслились как ресурс для нахождения человеком «своего круга», состоящего из друзей прошлого – периода обучения в школе, в университете, бывших коллег и так далее. Интерес к социальным сетям российского сегмента – Одноклассники.ру, В Контакте, Мой Мир, Мой Круг – диктовался тем, что пользователи стремились посмотреть на те изменения, которые произошли с их друзьями и знакомыми с того момента, когда они в последний раз виделись и закончили школу или университет. В профиль, который заполнялся на сайте той или иной социальной сети, помещалась текстовая и визуальная информация о семье, работе, о тех достижениях, которые сопутствуют взрослению, становлению, развитию человека. При этом в социальных сетях перед пользователем предстával некий образ, который пользователь хотел бы создать и показать другим. То есть создавался виртуальный образ «себя», или своеобразный автобиографический «медиатекст»: Интернет дал «возможность человеку говорить и быть чем-то большим, чем просто потребителем информации» (Зверева, 2003), быть «творцом» «себя».

Пользователю социальной сети дается возможность создать образ «себя» разными способами – вербальным, через комментарии, и невербальным, через фотографии, анимацию, видео. Так, пользователи вовлечены в коммуникацию, которая характеризуется через индивидуальное и психологическое восприятие образа «себя» и окружающего мира.

В социальных медиа возраст не подчиняется привычным биологическим и физическим законам реальности, он является носителем целого комплекса смыслов. Молодость, как возрастной категорией – искусственное образование, которое создается пользователем с ориентиром на общепри-

нятые и негласные правила, с оглядкой на реакцию виртуального сообщества и своей социальной группы.

Представления о возрасте, соответствующем жизненным установкам и ценностям современного российского общества, подвергается изменениям с 2010-х годов со стороны все увеличивающегося «вплетения» в реальную жизнь виртуального пространства (Зверева, 2012). С появлением индивидуализированных пользовательских гаджетов, смартфонов с персональным выходом в Интернет, произошло размывание границ реального и виртуального миров (Там же).

Изменения в представлении «молодости» как возрастной категории и отход от ее традиционного восприятия происходят по причине «вброса» информации в социальные сети в виде тенденций и внешних импульсов. Эти потоки стимулируются заинтересованными в успешном Интернет-маркетинге крупными производителями (одежды, косметики, фитнес оборудования и др.), основной задачей которых становится провокация потребителя на ответную реакцию – принятие или отказ от предлагаемой стратегии поведения. В. Куренной высказывает о навязывании: «... в сообщениях, транслируемых с помощью СМИ, раскрывается искусственный символический мир, посредством которого культивируются определенные образцы, эталоны поведения, нормы морали, художественные вкусы, ориентирующие личность в том, что важно и существенно, что хорошо и плохо, что правильно и неправильно, что благородно и низменно, что с кем и каким образом взаимосвязано...» (Куренной, 2003). Основным акцентом этих информационных потоков служит призыв к сохранению молодости, омоложению и поддержанию «молодого образа» жизни. Так, притягательную для пользователей силу приобретает концепт «молодость», в него целый целый комплекс смыслов и возможностей.

В данной статье для анализа источников был использован конструктивный подход, который предполагает определение содержательных вопросов по отношению к материалу, разработке показателей и их систем в поиске ответов на вопросы. Первоначально была произведена выборка источников, которые отвечали бы заданным условиям: русский язык, проживание в России (крупных городах – Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Волгоград, Пермь и др.), использование хештегов и определяющих материал слов (например, #возраст, #молодость, #молодой, #зрелость), постоянное обновление контента, возраст от 18 до 45 лет, реакция на комментарии под фотографиями и видео, расширенные описания постов. Период 18-45 лет был выбран на основе нескольких исследований в области геронтологии (Москвина, 2010) и психологии, которые утверждают, что наибольшую активность проявляют пользователи этого возрастного порога.

Выборка профайлов осуществлялась с помощью «хештегов» (#) – одного из основных принципов работы сети Instagram для любой аудитории пользователей, который предполагает, что под каждым из хештегов

(например, «#возрастчастья», «#молодостьуходит», «#взрослеюнаглазах», «#возрастнепоказатель», «#молодежныйстильжизни») можно найти множество фотографий с комментариями и описаниями. Так, хештег, или тег, играет объединяющую роль, собирая под одной символической фразой-высказыванием множество постов авторов, вкладывающих свой смысл в это краткое выражение-символ. Кроме того, он позволяет отобрать те самые информативные и знаковые посты, которые и послужили материалом для анализа репрезентации «молодости».

Использование хештегов способствует объединению пользователей в группы тех, кто вкладывает в него свой смысл и с его помощью описывает новый пост с фотографией. Однако стоит оговорить, что поиск первоначального смысла и первого использования хештега зачастую является безрезультатным и бесполезным.

Актуальные профайлы пользователей, выбранные для анализа: @stepashkanevalashka (18 лет), @copyright_adel (19), @butusofa (20), @ddanexx (21), @aleshin_dmitry (22), @oh_marianna (24), @aminatetova (26), @filatkins (26), @nastyaliskina (26), @olyaslovo (27), @fedorovskaya (28), @snejana_sam (29), @lapovaevgeniya (30), @mashadaff (32), @veroholmova (34), @belonika (45).

Далее был выстроен алгоритм анализа материала: мониторинг изменений профайлов пользователей за период сентябрь 2015 - февраль 2016 с помощью тегов-маркеров, объединение пользователей в подгруппы по схожим поведенческим стратегиям, выявление общих способов конструирования «молодости».

Исследовательский интерес заключается в выявлении способов, описывающих особенности образа «молодости» и его определения российскими пользователями социальной сети Instagram. При этом объект исследования рассматривается как продукт конкретно-исторической ситуации, поэтому за основу берется период публикации материала в Instagram - от сентября 2015 года по настоящее время.

Согласно принятому в данной работе утверждению, все материалы являются инструментом формирования образа пользователя и представляются способом конструирования возраста, гендера и других управляемых формирующих признаков. Более того, вследствие того, что «процесс расширения сферы возможного в медиакультуре вызвал ряд перемен в габитусе, стилях жизни и способах взаимоотношений со средствами информации и коммуникации» (Зверева, 2012), то конструирование «себя» пользователями в виртуальном пространстве происходит на нескольких уровнях – языка, гендера, возраста.

Следует отметить, что полноценных исследовательских работ, раскрывающих понимание «молодости» и вообще возраста через анализ материалов социальных медиа российского сегмента Интернета найдено не было. В результате были обнаружены несколько исследовательских работ, в

которых объясняются основные принципы функционирования пользователя в социальной сети. Эти работы были взяты в качестве опорной исследовательской литературы: «Репрезентация и реальность» и «Сетевые разговоры» В. Зверевой, «Человек потребляющий» Т. Хагурова, «Медиа: средства в поисках целей» В. Куренного.

Молодость, с точки зрения психологии, определяется как период жизни человека с 21 года до 29 лет. Ее относят к первому взрослому периоду, и в социальном представлении она является наиболее интересным и ценным возрастом. Молодость – заключительный период юности, как бы промежуточная ступень между детством и зрелостью, и в русской культуре этот период обозначен с 21 до 30 лет (Курочкина, Филиппова, 2014). Для молодости характерны здоровье, энергичность, социальная активность, уверенность в себе, постоянное проявление желания чего-либо. Для представителя молодого возраста важно показать, насколько он автономен и независим, то есть насколько далеко он отошел от детства. В то же самое время, наблюдается тенденция, которую можно интерпретировать как боязнь «взрослости» и всех проблем, связанных с ответственностью и процессами старения.

Пользователи осваивают и присваивают социальную субъектность, статус молодых и идентифицируют себя как молодых с помощью распространенных в социальной группе молодежи тезаурусов, принятых норм, отражающих их символический и предметный мир. Анонимность коммуникации в Интернете дают возможность экспериментировать с собственной самопрезентацией, в частности, с показателями, маркирующими возраст.

Таким образом, любой пользователь социальных сетей может присвоить себе «молодость» через маркеры «молодости». Маркерами «молодости» являются следующие составляющие: приоритеты и цели, физическое и духовное развитие, эмоциональное развитие.

Важно отметить, что пользователи разного возраста (от 18 лет до 45 лет) совпадают в определении «молодости», поскольку оперируют схожими инструментами в построении образа молодого человека или молодого образа жизни. Инструменты, можно предположить, заимствованы из схем маркетинга и рекламы в Интернете.

Молодость обладает огромной значимостью для пользователей, поскольку подразумевает включение во все виды социальной, профессиональной, семейной жизни.

Во-первых, ощущение молодого возраста передается через статус пользователя, который может позиционировать себя как студента, как начинающего предпринимателя, как молодую мать: «молодой ученый», «молодой отец», «молодой учитель», «молодой предприниматель», «молодой педагог», «молодой художник», «молодой ведущий», «молодая учителька», «молодые дизайнеры».

Действительно, для представителей этой возрастной категории важны позиция и социальный статус. Основными приоритетами данного периода являются построение семьи, карьеры, заработка: «молодой папаша», «молодая мамочка», «молодая мать», «молодая мама», «молодая бабушка», «молодая жена», «молодая хозяйка», «молодые родители». Обозначенная позиция снимает вопрос о самоидентификации пользователя и демонстрирует социальную активность и развитие.

Учитывая то, что вместе с распространением Интернета российское общество вступило в качественно новый этап развития, когда подвергаются изменению глубинные механизмы социализации члена общества, ранее действовавшие автоматически, обеспечивая «межпоколенческую трансляцию базисных ценностей» (Левичева, 2012, С.323) – семья, образование, труд, – статусные обозначения могут быть навязаны модой, общественным порядком или принятыми нормами в определенной социальной группе.

Статусные обозначения всегда поддерживаются с помощью «занятия», избранного и отраженного пользователем на своей индивидуальной странице. В Instagram эта особенность прослеживается благодаря систематически обновляемому отчету о результатах избранной деятельности. Например, пользователи @mashadaff и @nastyaliskina регулярно «отчитываются» в том, насколько постоянна их позиция «молодой мамы», какие произошли изменения с их «делом» за определенный промежуток времени. Активность и деятельность пользователя относительно выбранного занятия поддерживается постоянно с помощью вбросов информации и фото-, видео-, аудио-материалов.

Во-вторых, «молодость» и принадлежность к молодежной культуре показана через целый комплекс взаимосвязанных смыслов – молодое ухоженное тело, любовные отношения и любовный опыт.

Пользователь социальной сети Instagram, в большей мере ориентированной на Запад, чем другие, связывает «молодость» с обязательными элементами – совершенством тела, физической подготовкой, соответствием всех параметров тела принятым по умолчанию и пропагандируемым социумом установкам: «Современные медиаобразы – тиражируемые, мобильные, иммерсивные, обращенные непосредственно к телесности человека, к его чувственному опыту. Само тело в эпоху новых медиа стало своеобразным интерфейсом, «живым медиа» (Мясникова, Дроздова, 2014).

Пользователи, определяющие свой возраст через телесность, используют соответствующие маркеры. В их качестве выступают хештеги: «молодое тело», «в здоровом теле здоровый дух», «молодость красота здоровье».

С показом тела связаны мотивы вуайеризма и использования фото тела как проявления сексуальности, что выражается в повышенно эмоцио-

нальной реакции подписчиков в комментариях к фотографиям пользователя, а также волне «лайков», одобряющих этот контент.

В-третьих, «молодость» показана в профилях и постах пользователей социальных сетей через предметы, свойства которых автоматически переходят на их владельца.

Так, например, молодости присуще, с точки зрения большинства выбранного круга пользователей, внимание к внешнему виду и гардеробу: демонстрируются в таком случае шоппинг, покупки, магазины, новые косметические товары и продукты по уходу за телом: «молодость кожи», «молодость и красота», «молодость лица», «молодость кожи лица», «молодая мама худеет», «молодость это постоянный уход за кожей».

Фактически, «молодость», согласно выбранному кругу источников, – это определенный «набор» вещей: в культуре потребления вещи выбирают человека и свидетельствуют о нем (Бодрийяр, 2006), поскольку пользователь от потребления продукта переходит к потреблению знака. Вещи выполняют задачу самопрезентации пользователя, а также формируют понимание пользователем своего возраста (Хагуров, 2011). Кроме того, желания пользователя трансформируются и репрезентируются через демонстрируемые на индивидуальных страницах вещи.

Возможно, свою роль играет тот факт, что поколение 2000-х годов сейчас является самым активным пользователем социальных сетей, предварительно познав «потребительскую революцию», сформировав достаточно высокую планку требований к себе и внешнему миру.

В-четвертых, «молодость» присваивается пользователями через поведенческие стратегии, которые выявляются с помощью эмоциональности, активности в коммуникации, даже агрессивности (например, участие в дебатах и спорах), а также событийность, отраженная на личной странице в виде отчета с фотографиями и заметками к ним.

Фактически, такая виртуальная жизнь подразумевает постоянную реакцию и рефлексию. Хештеги, определяющие этот способ освоения «молодого» образа жизни: «молодость это состояние души», «молодость это навсегда», «молодой еще», «молодость это все что у нас есть», «молодость это наше все», «молодость это энергия», «молодость это заразно», «молодость это диагноз», «молодость это не возраст», «молодость это не спать», «молодость в душе», «молодость шальная», «молодость не уходи», «молодость зелена», «молодость проходит», «молодой талант», «молодой красивый», «молодой зеленый».

Перечисленные выше инструменты для целенаправленного формирования пользователями своего «молодого» возраста и определения своей возрастной группы показывают, что можно говорить о некоем коллективном психологическом портрете человека переходного подросткового возраста, независимо от того, сколько лет авторам: эмоциональность, чрезмерная забота о визуальном восприятии «себя» другими, ежедневная ре-

флексия состояния и изменения «себя», поиск и апробирование образа «себя» в рамках своей социальной группы.

Соппротивление «взрослости», отказ от показа старости и осознания процессов старения являются признаками доминирования концепта «молодости». Многие характеристики, описывающие «молодость», строятся на противопоставлении этого концепта («молодость одна») «старости» («становлюсь стар»).

Преобладающий характер использования концепта «молодости» оставляет «старости» чрезвычайно мало пространства для формирования и развития в рамках социальной сети. В результате чего «старость» приобретает черты субкультуры (Ташева, 2003), то есть замыкается в себе (Лемиш, 2006) и с минимальным уровнем коммуникации существует внутри очень узкого круга пользователей.

Как результат, «молодость» помогает пользователю уйти от пессимистического и отрицательного в виртуальном пространстве. В то время как «старость» сосредотачивает внимание пользователя на психологическом и физиологическом аспектах старения и процесса взросления. «Молодость» стимулирует позитивность мысли и самого сообщения, а также способствует максимальной эстетизации мира Instagram. Симуляция радости и позитивного отношения к проявлениям жизни разного характера говорят об искусственно существующем приеме «обезболивания» в социальных сетях.

Можно заключить, что популярность и притягательность концепта «молодость» оправдывают использование социальных сетей средним и взрослым поколением пользователей, от 18 до 45 лет.

Литература

Бондаренко В.Ф., Комарова А.А. Роль средств массовой информации и коммуникации в формировании социальной идентичности молодежи / Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». Выпуск 7, 2012.

Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с франц. М., 2006.

Зверева В.В. Репрезентация и реальность [Электронный ресурс] В. Зверева; ред. Т. Малкиной. Электронный журнал. Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2003. No 4 (13). URL: <http://www.strana-oz.ru?numid=13&article=612>.

Зверева В.В. Сетевые разговоры. Культурные коммуникации в Рунете. Slavica Bergensia 10. Department of foreign languages University of Bergen, 2012.

Куренной В. Медиа: средства в поисках цели [Электронный ресурс] В. Куренной; ред. Т. Малкиной. Электронный журнал. Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2003. No 4 (13). URL: <http://www.strana-oz.ru?numid=13&article=577>.

Курочкина Е.А., Филиппова О.В. Лингвокультурологический аспект концепта «молодость» на материале русского и английского языков // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции (15 апреля 2014 г.). Пермь: Perm University Press, 2014. – С.38-45.

Левичева В.Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. – № 2. – С.322-324.

Лемин В.В. Феномен геронтокультуры: проблемы исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. – № 6 (14).

Москвина В. Пользователи социальных сетей. Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 2, 2010. Спб, 2010. Мясникова Л.А., Дроздова А.В., Архипова Ю.В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. – № 19.

Тащева И. Проблема старости: социокультурный феномен / Сост. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Хрестоматия. Психология старости и старения. Для студентов психологических факультетов высших учебных заведений. М.: АСАДЕМА, 2003.

Хагуров Т. Человек потребляющий. Антропологическая девиантология массовой культуры. Германия, Стаарбрукен: LAMBERT Academic Publishing, 2011.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Фролова Е.В.

Российский государственный социальный университет, Москва

В статье рассматриваются основные проблемы взаимодействий местных органов власти и населения. Выделены такие факторы низкой общественной активности граждан, как низкий уровень доверия к власти, имитационный характер основных форм участия в местном самоуправлении, информационная закрытость органов власти.

Ключевые слова: местные органы власти, муниципальное управление, общественный контроль, общественная активность.

INTERACTION OF LOCAL AUTHORITIES AND THE POPULATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

Frolova E.V.

Russian State Social University, Moscow

This paper examines the main issues of interaction between local authorities and the population. The following factors of low social activity of citizens: the low level of trust in the authorities, imitating the character of the main forms of participation in local government, lack of information.

Keywords: local authorities, municipal management, public control, public activity.

Взаимодействие местных органов власти и населения позволяет не только определять вектор социально-экономического развития территории, выбор приоритетных стратегических направлений данного процесса, но и способствует формированию социальной ответственности граждан за состояние и развитие своей территории, делая его полноправным участником социально-экономических преобразований, включая в процесс управления в продолжительные периоды времени, а не только во время выборных компаний (Bondaletov, 2014).

Как показали результаты исследований, сегодня почти половина опрошенных респондентов не доверяют органам местного самоуправления (31,8% скорее не доверяет, 12,4% полностью не доверяет). Еще 12% затруднились дать ответ (Местное самоуправление в России..., 2009, С.86).

Анализ опросов населения выявил достаточно ограниченный спектр практик проявления общественной активности граждан. Так, только каждый десятый опрошенный (11,6%) принимал участие в сходах граждан, 4,2% респондентов принимали участие в работе общественного совета, 4,3% - в собраниях жителей, 3,5% опрошенных подавали обращения в органы местного самоуправления. При этом публичные слушания, деятельность общественного совета нередко воспринимается как формальная норма взаимодействия с гражданами, имитация демократических процедур (Условия..., 2008).

Только каждый десятый опрошенный считает, что местная власть достаточно интересуется мнением своих жителей по наиболее важным вопросам обеспечения жизнедеятельности, еще меньший процент (4,1%) уверены, что руководители местных органов власти хорошо знают проблемы и потребности жителей. Более половины опрошенных респондентов считают, что местная власть ориентирована только на вышестоящее руководство, чувствуя перед ним ответственность, в то время, как только каждый десятый признает наличие у них ответственности перед населением. Только 2% опрошенных респондентов считает, что население является од-

ним из субъектов, которые оказывают влияние на социально-экономическое развитие муниципального образования. Создание по инициативе жителей ТСЖ, участие в деятельности территориального общественного самоуправления – достаточно редкая практика, настороженность и отсутствие энтузиазма населения является отражением низкого уровня доверия к власти в целом. Население считает такие формы низкоэффективными, только 1,1% опрошенных принимали участие в территориальном общественном самоуправлении. Участие в процессах благоустройства носит нерегулярный, краткосрочный характер. Так, каждый пятый опрошенный респондент принимал участие в субботниках и других акциях благоустройства территории. Среди причин низкой активности назывались: отсутствие времени, низкий уровень организации данных мероприятий, отсутствие предпосылок для подобной деятельности (Местное самоуправление в России.., 2009).

Одной из причин недостаточного уровня общественной активности населения является информационная закрытость органов местного самоуправления, индуцированная рядом причин, таких как отсутствие финансовых средств на реализацию эффективной информационной политики, особенности менталитета руководителей органов местного самоуправления. Исследование показало крайне низкий уровень информированности населения о возможных формах участия в местном самоуправлении. При ответе на данный вопрос, более половины респондентов затруднились с выбором варианта. Наиболее известными формами участия оказались муниципальные выборы, сходы и опросы граждан. Рубеж в 10% (процент респондентов, осведомленных о такой форме участия) не прошли такие варианты ответа, как коллективные и индивидуальные обращения граждан в органы местного самоуправления, собраниях и конференции, участие в территориальном общественном самоуправлении (3,2%), публичные слушания (2,1%). Информированы о такой форме, как голосование по отзыву депутата, выборного должностного лица оказались только 2,1% опрошенных респондентов (Условия.., 2008).

Только каждый седьмой оценивает свою осведомленность о перспективах развития поселения, как высокую, 44% опрошенных респондентов посчитали, что они ничего не знают, но хотели бы обладать данной информацией. Информацию о местных вопросах жители получают, прежде всего, в беседах друг с другом. Более надежные источники используются гораздо реже, примерно каждый пятый получает сведения из местных средств информации. Отчеты руководителей, ответы на запросы, сходы и собрания граждан упоминаются крайне редко (Условия.., 2008).

Таким образом, взаимодействие местных органов власти и населения характеризуются в настоящее время фрагментарностью, эпизодичностью, отсутствием системы и четкого алгоритма, что подтверждает необходимость создания условий нормативно-оценочной, контрольной деятельно-

сти местной общественности, моделирования паритетных отношений между ней и органами власти (Фролова, 2015).

Нормативно-оценочная деятельность может быть обеспечена за счет формирования информационно-мониторинговой системы муниципального образования. Основной задачей информационно-мониторинговой системы является сбор и обработка информации по основным вопросам развития муниципального образования, анализ оценок населения качества и доступности предоставляемых услуг в сфере социальной инфраструктуры, определение объектов первоочередного финансирования. Достижение данной цели предполагает деятельность в следующих направлениях:

- целенаправленный, плановый сбор и анализ информации посредством проведения анкетных опросов населения;
- создание информационно-коммуникационной среды, стимулирующей оценочную деятельность жителей (использование информационно-коммуникационных ресурсов, активизация Интернет-участия, сходы граждан, общественные слушания, обращения граждан).

Таким образом, эффективное взаимодействие общества и власти является предпосылкой социально-экономического развития муниципального образования, повышения уровня и качества граждан (Ветрова, 2013).

Еще более значимым является формирование системы общественного контроля в целях развития социальной инфраструктуры муниципальных образований РФ. Общественный контроль является единственным условием развития местных инициатив, становления подлинной демократической модели местного самоуправления. Сложившийся в нашей стране огромный дистанционный разрыв между населением и местной властью детерминирован отсутствием реальных практик взаимодействий местных органов власти и населения, их имитационным характером. В современных условиях стандартные односторонние формы взаимодействия местных органов власти и населения, ориентированные на предоставление формальной отчетности в рамках таких статических форм, как публичные слушания, отчеты руководителей не могут удовлетворить растущие ожидания граждан. Информационные технологии позволяют получить любую отчетную информацию в максимально короткие сроки. Соответственно, те формы участия, которые предусматривают не дистанционное, а прямое взаимодействие, должны иметь иную результативность.

Условия, позволяющие реализовать общественный контроль в современных муниципальных образованиях:

- информационная открытость органов власти;
- создание организационных структур, обеспечивающих артикуляцию и агрегирование интересов граждан, выполнение реальной контрольной деятельности;
- привлечение экспертов, осуществляющих научную оценку управленческих решений;

- просветительская работа, направленная на повышение уровня информированности граждан о возможных формах участия в системе общественного контроля;
- грантовая поддержка деятельности инициативных граждан, общественных организаций (Фролова, 2014).

Литература

Ветрова Е.А. Управление инновационным развитием региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 11 (127). С.36-40.

Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. Итоговый доклад. М.: Экон-Информ, 2009.

Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем. - Аналитический отчет о проведении количественного и качественного исследования. Исполнитель: Всероссийский Совет местного самоуправления. М., 2008. // Всероссийский Совет местного самоуправления: сайт. <http://vsm.info.ru>.

Фролова Е.В. Взаимодействие органов местного самоуправления с государственной властью и населением в целях модернизации социальной инфраструктуры муниципальных образований РФ: основные проблемы и перспективы. Материалы Афанасьевских чтений. 2013. Т. 1. № 11. С.251-257.

Фролова Е.В. Модернизация социальной инфраструктуры муниципальных образований в Российской Федерации. автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.08 / Институт социально-политических исследований Российской академии наук. Москва, 2014.

Фролова Е.В. Социальная инфраструктура современных российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации. Социологические исследования. 2014. – № 12 (368). – С.51-58.

Bondaletov V.V., Medvedeva N.V., Senicheva L.V., Frolova E.V., Santos E. Local politics, business, people: issues and cooperation strategies. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. – Т. 5. – № 2. – С.63-73.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1905–1914 гг.)

Цумарева Е.П.

Белорусско-Российский университет, Могилев, Беларусь

В статье исследуется деятельность средств массовой информации (СМИ) либерального лагеря по развитию основ гражданского общества в Российской империи в 1905–1914 гг. Осуществлен анализ законодатель-

ства в сфере печати как условия функционирования СМИ. Приведена характеристика деятельности СМИ по отстаиванию свободы слова, развитию гражданской активности населения, критике политики властей, решению национального вопроса, изменениям в системе образования, рабочему вопросу.

Ключевые слова: либеральная пресса, гражданское общество, власть, свобода слова.

ACTIVITIES OF THE LIBERAL PRESS ON FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN EMPIRE (1905–1914)

Tsumareva E.P.

Belarusian-Russian University, Mogilev, Belarus

The article examines the activities of the mass media of the liberal camp on developing the foundations of civil society in the Russian Empire in 1905-1914. We carried out an analysis of the legislation in the field of print media as a condition for functioning of mass media. We provide a characteristic of the activities of media in upholding freedom of speech, development of civic engagement of the population, criticism of the position of the authorities, national question, changes in the education system and the labor question.

Keywords: liberal press, civil society, the power and freedom of speech.

Процесс построения гражданского общества требует изучения трансформации взаимоотношений власти, общества и прессы. В начале XX в., в условиях революции 1905-1907 гг. и последующей политической реакции, либеральные СМИ играли первостепенную роль в отстаивании свободы слова, идеи социального и национального равенства, прав, свобод и обязанностей граждан. Либеральная идеология основывалась на убеждении: «чтобы государство состоялось, в него должны быть включены все, кого это дело касается», что соответствует пониманию гражданского общества как общества, основаниями которого являются «свобода и права человека... достижимость минимума социальных и природных благ; наличие социального порядка» (Капустин, 2010, С.393-395; Федотова, 2010, С.550).

Центральную проблему статьи составляет анализ деятельности либеральной прессы в формировании гражданского общества в Российской империи н. XX в.

В отечественной историографии исследование обозначенной проблемы началось в 80-х гг. XX в. и является актуальной темой на современном этапе. Изучение роли либеральной печати в общественной жизни и ее влияния на проводимую в Российской империи политику было проделано

историками печати В.В. Шелохаевым, С.Я. Махониной (Шелохаев, 1994; Махонина, 1991).

Актуальной темой в зарубежной историографии является исследование взаимоотношений власти и прессы. Дж. Дейли, Дж. Хоскинг рассматривали прессу как элемент гражданского общества, который «наиболее угрожал» устоям абсолютизма, произволу «высшей бюрократии» (Дейли, 2001). По мнению историков, в результате деятельности прессы, гражданское общество в России в 1905 г. «шагнуло далеко вперед», т.к. были подняты вопросы свободы печати и ответственности властей перед народом (Хоскинг, 2001, С. 459-461).

Разделяя мнение исследователей, отметим, что в н. XX в. печать играла центральную роль в развитии зачатков построения гражданского общества.

Ведущими столичными СМИ либерального толка, уделявшими значительное внимание вопросам построения гражданского общества, являлись ежедневная газета «Наша жизнь», выражавшая взгляды Союза освобождения; буржуазно-либеральная газета «Русское слово»; либеральная газета московской профессуры «Русские ведомости»; органы Конституционно-демократической партии газеты «Речь», «Биржевые ведомости»; газета «Слово», объявившая себя органом партии центра; газета «Утро России», издававшаяся в Москве на средства предпринимателей во главе с П.П. Рябушинским. На либеральных позициях стояли вестник политики «Виленец», газеты «Весь Северо-Западный край», «Северо-Западный голос», «Двинская мысль», «Kurjer Litewski». На материалах этих газет базируется данное исследование.

Взаимоотношения власти и прессы строились, прежде всего, на основании законодательства, от которого зависела коммуникативная функция прессы, возможность выявления интересов граждан и трансляции их власти в форме требований или поддержки. До революции 1905–1907 гг. законодательство в сфере печати характеризовалось высокой степенью цензуры, ответственности редактора, издателя, автора.

Первостепенную задачу либеральные СМИ видели в отстаивании свободы слова, которая, по их мнению, являлась гарантом других гражданских свобод. Например, газета «Наша жизнь» призывала общество не допустить, чтобы пресса «подневольно молчала» и писала «эзоповским языком» (Бередников, 1905). Широкие права и свободы печати были закреплены в законодательстве 1905 г.

Со спадом революционных выступлений, роспуском I и II Государственных дум, уже к 1906 г. многим либеральным газетам в столице «пришлось... понизить тон», а в провинции «почти замолчать» (Васюков, 1905). Но даже в этих неблагоприятных условиях, газета «Биржевые ведомости» убеждала общество, что свободу печати необходимо отстаивать, т.к. она являлась сдерживающей силой «неограниченной реакции» (Бир-

жевые ведомости, 1913). Введение военной цензуры 20 июля 1914 г. по мнению члена редакции газеты «Русские ведомости» В.А. Розенберга, имело характер общей цензуры и повлекло прекращение свободы слова.

Таким образом, динамика изменений законодательства о печати характеризуется либерализацией и закреплением прав в 1905 г., а с 1906 г. поворотом к официально-охранительной политике и стремлением власти усилить контроль над печатью, ее деятельностью по отстаиванию гражданских свобод, реформированию власти и общества.

Прежде всего, либерально-демократическая пресса стремилась развить гражданскую активность населения. В отличие от власти, которая выстраивала вертикальную систему взаимоотношений, пресса стремилась к расширению горизонтальных связей в обществе, вовлечению в процесс обсуждения общественности, научных организаций, партий и политиков, национальных и религиозных деятелей. В либеральных СМИ авторитетными становились комментарии Императорской Академии наук, профессоров кафедр, ученых, представителей не только русского, но и других народов, населявших империю.

Пресса создавала информационное пространство, где важную роль играла обратная связь с обществом. Каждая газета публиковала письма, аналитические статьи, обзоры, полученные от читателей. В печати существовали разделы «Письма в редакцию», «Известия из России», «Провинция», «Местная жизнь», «Очерки провинции», «Нам пишут», «Из Северо-Западного края», «Обозрение событий и окраинная жизнь».

Либеральные СМИ стремились сделать политический процесс более открытым, содержащим возможность критики власти, прямого обращения к официальным лицам. Достаточно прозрачной в этом плане была деятельность Государственных дум, заседания которых предусматривали присутствие журналистов. Однако, участие СМИ в обсуждении и принятии политических решений, на наш взгляд, начало постепенно сворачиваться к 1907 г., с переходом инициативы принятия решений к правительству П.А. Столыпина, т.е. «сверху».

Важным достижением в развитии гражданского общества являлась постановка в газетах вопроса о правомерности действий властей, особенно во время революции 1905–1907 гг. В данной ситуации либеральная печать зачастую выступала в роли арбитра. Например, общероссийское значение приобрело дело губернатора П.Г. Курлова в связи с расстрелом демонстрации 18 октября 1905 г. в г. Минске. Это событие возмутило общественность, т.к. демонстрация была расстреляна на следующий день после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г., гарантировавшего права и свободы граждан. Либеральная пресса поддержала позицию минской прокуратуры, обвинявшей П.Г. Курлова «одновременно и в превышении, и в бездействии власти» (Kurjer Litewski, 1905). Газета «Свободное слово» в статьях «Вильно, 17 октября» и «В годовщину «свобод»» критиковала

власть за политику «отступлений» от Манифеста 17 октября (ЛГИА, л. 10, 10 об.).

Пресса исполняла роль судьи в политических кризисах с участием Правительства и I, II Государственных дум. Например, газета «Газман» знакомила читателей с Выборгским воззванием бывших депутатов к народу, раскрывала неправомерность роспуска I Государственной думы. Пресса выступала арбитром в спорах между бюрократией и народными представителями, публиковала анализ взаимоотношений цензуры и СМИ, обсуждала границы взаимоконтроля светской и духовной власти, отстаивала свободу совести. В сфере образования либеральные газеты поддерживали идею общего просвещения, введения светских школ взамен церковно-приходских, завершения системы высшего образования и, в частности, возобновления ВУЗов в белорусско-литовских губерниях. Либеральные СМИ публиковали требования свободного выбора языка преподавания учениками и их родителями, участия общественности в образовательном процессе.

Политика поддержки верховной властью интересов отдельных групп, а не всего общества, критиковалась в либеральных газетах, которые давали отрицательные оценки приемам депутатий от Союза русского народа у императора. В обращении к органам власти либералы, исходя из международного опыта парламентаризма, требовали продолжить работу по легитимизации прав и свобод.

Пресса стремилась привлечь внимание властей к актуальным проблемам, невзирая на то, что в большинстве случаев сами СМИ в результате испытывали давление администрации.

Либеральная печать информировала население о митингах, забастовках, выступлениях гражданского общества и армии. Например, газета «Виленец» осудила Ленский расстрел 4 апреля 1912 г., произошедший на золотопромышленных приисках. В создавшемся конфликте редакция поддерживала требования рабочих. В статье «На Ленских приисках» были раскрыты злоупотребления местных властей. Несмотря на то, что закон запрещал оплату труда рабочих «не деньгами», они получали зарплату талонами, которые могли отоварить только в приисковой лавке по высоким ценам. Также администрация не стремилась внедрять технические приемы добычи металлов, что удешевило бы и облегчило производство. Это, по мнению газеты, являлось «диким» положением вещей. По мнению редакции, в ходе забастовок рабочие выдвигали «справедливые» требования об организации смешанных работ в разных шахтах: тяжелых и легких, богатых и бедных. Отметим, что за опубликование данной статьи редактор и газета подверглись уголовному преследованию (Виленец, 1912).

Широкий резонанс в обществе вызвало судебное разбирательство над бывшим членом I Государственной думы доктором Г.Я. Бруком, активистом еврейского избирательного бюро в г. Вильно, которого обвинили в

распространении ложных слухов о правительстве в газете «Витебская жизнь». Автор назвал правительство С.Ю. Витте – П.Н. Дурново «злым демоном», т.к. в России расстрелы людей, «унижение целых селений» стали «заурядным» явлением. В борьбе с оппозицией, по мнению редактора, бюрократия ни перед чем не останавливалась и возбуждала «самые темные инстинкты подонков русского народа». Необходимо отметить, что Виленский окружной суд оправдал Г.Я. Брука (Речь, 1907). Полицейские методы в контроле над СМИ, по мнению газеты «Весь Северо-Западный край», ярко проявились в 1908 г. в ходе уголовного преследования редакторов-депутатов I Государственной думы. Среди них были И.Е. Соломко (редактор-издатель газеты «Мысль»), А.Е. Тесля (редактор газеты «Крестьянский депутат»).

Либеральная пресса отстаивала права национальностей, населявших Российскую империю. В связи с этим особо остро обсуждался вопрос о последствиях «националистической травли» евреев; польский, финский, украинский, белорусский и др. национальные вопросы. Например, в ходе разбирательств по «делу Бейлиса», либеральные СМИ освещали давление черносотенцев на судебный процесс, фальсификации и подлог доказательств виновности еврея в убийстве мальчика. Даже газета «Новое время» констатировала «всеобщее полевание в стране» и недовольство «политическим курсом» правительства (Двинская мысль, 1913).

Как известно, взаимодействие государственной власти и СМИ во многом определяет темпы развития общества. Мы можем признать опосредованное участие прессы в принятии политических решений и в проведении политики на этапе выявления социально значимых проблем. Прямое воздействие на принятие политических решений оказывали редакторы-депутаты Государственных дум, члены Государственного совета, а также чиновники государственного аппарата, которые являлись официальными корреспондентами, принимали активное участие в полемике на страницах СМИ. Яркими представителями белорусско-литовских губерний являлись С.Г. Мацеевич, А.Д. Юрашкевич, П.П. Массониус, Г.Я. Брук, Ч.К. Янковский, А.Р. Ледницкий, Э.Ю. Ропп. Зачастую пассионарий изучаемой эпохи был одновременно журналистом, политиком и депутатом, религиозным деятелем.

Таким образом, либеральная печать формировала общественное мнение, создавала среду для дискуссий, альтернативности в принятии политических решений, требовала реформирования сфер общественной жизни, расширения прав и свобод личности, что являлось несомненным достижением в построении гражданского общества.

Литература

Бередников С. Будет ли свободна печать?//Наша жизнь. 1905. 31 января.

- Васюков С.* О провинциальной печати // Слово. 1905. 1 (14) апреля.
Вороти назад – держи около // Биржевые ведомости. 1913. 24 апреля.
Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // Вопросы истории. 2001.– № 10. – С.25-46.
Дело о печати // Речь. 1907. 27 февраля.
Капустин Б.Г. Либерализм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ-научн. фонд; научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. – Т 2. – С.393-395.
Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 1241. Оп. 1. Д. 122. Переписка с Виленским генерал-губернатором по вопросам внутренней цензуры.
Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905-1914). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991.
На Ленских приисках // Виленец. 1912. 13 апреля.
Политическая неделя // Двинская мысль. 1913. 6 октября.
Федотова В.Г. Гражданское общество // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ-научн. фонд; научно-ред. совет : предс. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. – Т.1.
Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1592-1917); пер. С.Н. Самуйло-ва. Смоленск: «Русич», 2001.
Шелохаев В.В. Либералы и массы (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1994. – № 12. – С.46-63.
Wilnie W. Wypadki z dni ubiegłych // Kurjer Litewski. 1905. 23 października. S.2.

ПЕДАГОГ В УГОЛОВНОМ ПРАВОСУДИИ – ПРОВОДНИК ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Чирков П.А., Кашковский В.В.

**Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова,
Ярославский филиал**

В статье рассматривается назначение педагога как важнейшего участника гражданского общества при производстве следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних, предлагается понимать его функцию как воспитателя, как помощника подростка в особой жизненной ситуации, а не помощника стороны обвинения.

Ключевые слова: гражданское общество, уголовный процесс, процессуальные действия, несовершеннолетний, педагог, следователь, судья, государство.

TEACHER IN CRIMINAL JUSTICE – THE CUSTODIAN OF THE INTERESTS OF CIVIL SOCIETY

Chirkov P.A., Kashkowski V.V.

Russian economic University named after G. V. Plekhanov. Yaroslavl branch

The article discusses the appointment of a teacher as the most important participant of the civil society in the production of investigative and judicial proceedings involving minors, it is proposed to understand its function as educator, as assistant to the teenager in special situations, but not the assistant of the prosecution.

Keywords: civil society, criminal procedure, procedural acts, minors, teacher, investigator, judge, state.

Несомненно, что педагоги – это особые участники гражданского общества не только потому, что формируют интеллектуальные и нравственные основы каждого подрастающего поколения, а и потому, что опосредуют отношения молодежи с государством, институтами власти. Представляется важным, с каких позиций педагоги будут выступать в этих отношениях.

В этом аспекте, в частности, нас заинтересовала проблема роли педагога при производстве уголовно-процессуальных действий с участием несовершеннолетних.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее - УПК РФ) в статье 5 (пункт 62) определяет педагога как педагогического работника, выполняющего в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся (Гусар, 2015). Это определение вполне согласуется с ФЗ «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 №273-ФЗ.

К этому определению законодателю стоило бы добавить, что такой педагог должен осуществлять обучение и воспитание несовершеннолетних, поскольку педагогический работник ВУЗа, работающий со студентами, скажем, выпускного курса, может и не обладать достаточными профессиональными знаниями и навыками работы с подростками (Кашковский, Чирков, 2015).

В аспекте представляемой темы уяснение содержания существующего законодательного определения педагога в уголовном процессе важно потому, что тем самым обозначается функционал педагога в уголовном правосудии.

Поскольку закон указывает, что педагог это лицо, которое осуществляет функции обучения и воспитания обучающихся в образовательных учреждениях, то и функции его в уголовном процессе также должны быть основаны на этом назначении педагога.

Но наш законодатель в этом не последователен. В других статьях УПК РФ педагог в своем назначении при производстве процессуальных действий приравнивается к психологу, т.е. назначение педагога сводится к пониманию его как специалиста в сфере возрастной психологии. По нашему мнению, это недопустимое сужение понимания и значения педагога в уголовном процессе.

А еще, тот же УПК РФ, уточняя права и обязанности педагога, указывает, что педагог может с разрешения следователя лишь задавать вопросы допрашиваемому подростку и обеспечить полноту и правильность фиксации следственного действия в протоколе. Собственно это все. Какие это могут быть вопросы, и с какой целью задаваемы? Быть может педагог ввиду наличия функции подтверждения правильности содержания протокола своего рода понятой?

В публикациях юристов на эту тему предлагаются разные подходы к определению назначения и функций педагога при производстве процессуальных действий с участием несовершеннолетних.

Тетюев С.В. цель участия педагога в процессуальных действиях предлагает обозначить как способствование более полному установлению обстоятельств преступления, а основной задачей педагога, также как и психолога, в допросе считает содействие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетнего (Тетюев, 2010).

Скичко О.Ю. вообще предлагает заменить термин «педагог» на «специалист в области возрастной и педагогической психологии» (Скичко, 2009).

Курмаева Н. рассматривает привлечение к следственному действию педагога как альтернативу психологу, который должен помогать следователю полнее учесть возрастные особенности допрашиваемого лица, особенности его психического развития, характера и темперамента (Курмаева, 2009).

Единое в позициях этих авторов то, что они рассматривают педагога как вспомогательную фигуру в процессе, обеспечивающую деятельность дознания и следствия, т.е. стороны, обвинения.

Но есть иные мнения. Макаренко И.А., поддерживая позицию Л.Л. Каневского, считает, что педагога необходимо признавать самостоятельным участником уголовного процесса, а психолога рассматривать как специалиста со всеми вытекающими отсюда последствиями (Макаренко. 2007; Каневский, 1993).

Дощицын А. полагает, что участие педагога необходимо для создания комфортной психологической обстановки для малолетнего, исключения возможности произвольного или непроизвольного давления на ребенка (Дощицын, 2010).

Позиции этих авторов более привлекательны и соответствуют иному принципиальному подходу в понимании уголовного судопроизводства в

отношении несовершеннолетних, который сформулирован в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила).

В пункте 10.3 Пекинских правил записано: «Контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществляются таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ему ущерба, с должным учетом обстоятельств дела». В п. 17.1 однозначно закреплено, что при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос его или ее благополучия должен служить определяющим фактором.

Сравнивая Пекинские правила и наш уголовно-процессуальный закон, Пашин С.А. определяет Российскую модель правосудия как карательную, а Пекинские правила – соответствующими кураторской юстиции (Пашин, 2011).

Понятно, что модель Российского уголовного правосудия должна стремиться к воплощению положений данного документа Организации Объединенных Наций, а, значит, назначение педагога в уголовном процессе должно соответствовать духу и букве Пекинских правил.

Педагог как особый участник гражданского общества должен реализовывать самостоятельную роль в правосудии, проявлять себя активным проводником интересов общества, а не только государства и его властных лиц. Педагог должен быть не только помощником следователя, а и самостоятельным участником процесса, связующим несовершеннолетнего и допрашивающего его лица, реализующим, прежде всего, воспитательную функцию, а также функцию защиты ребенка как формирующейся человеческой личности. Такую роль педагога должен четко определить закон, а сами педагоги должны считать ее единственно правильной и реализовывать ее в каждом конкретном случае.

Литература

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1985 года. //СПС Гарант.

Гусар С.А. Теоретические аспекты управления интеллектуальными ресурсами в интеллектуальном пространстве и интеллектуальном поле предпринимательства //Экономика и предпринимательство. 2015. – №6-1. – С.137.

Дошцын А. Производство следственных действий с участием малолетних и педагога. //Уголовное право. 2010. – №4. – С.79-83.

Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы участия педагога и психолога в судопроизводстве по делам несовершеннолетних //Судебно-правовая реформа и пути повышения эффективности правоохранительной деятельности. Уфа, 1993. – С.60.

Кашиковский В.В., Чирков П.А. Некоторые проблемы тактики производства следственных действий с участием педагога. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. – №5-6. – С.227-230.

Курмаева Н. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. //Мировой судья. 2009. – №5. – С.25-27.

Макаренко И.А. Проблема участия педагога и психолога в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних.// Российский следователь. 2007. – №13.

Пашин С.А. Пекинские правила и некоторые положения Российского уголовного законодательства (сопоставление моделей кураторской и карательной юстиции) //Вопросы ювенальной юстиции. 2011. – №4.

Скичко О.Ю. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в уголовном процессе //Вопросы ювенальной юстиции. 2009. – №6.

Тетюев С.В. Зачем уголовному процессу педагог? //Российская юстиция. 2010. – №6.

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ

Вайнер Е.С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

В статье анализируются проблемы, которые могут возникнуть при определении места жительства ребенка в случае раздельного проживания родителей. Кроме того, предлагаются варианты разрешения данных проблем; приводятся мнения ученых и решения судов по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: семейное право, права родителей, права детей, место жительства ребенка

SOME LEGAL PROBLEMS, WHICH ARISE IN CASE THE PARENTS OF THE CHILD LIVE APART

Vayner E.S.

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

The article is devoted to the problems, which can arise when the parents of the child live apart. In this case at first it is necessary to find out where the child will live and how parents will communicate with him. Ways out of the situation, points of view of different authors and the position of the courts are demonstrated.

Keywords: family law, parental rights, rights of children, the place of the child's residence

According to the Family Code of the Russian Federation, no matter whether parents are married or not, or where their whereabouts is – they enjoy equal rights and discharge equal duties with respect to their children (Семейный кодекс..., 1996. №1. Ст.16).

However, when one of the parents resides apart from the child, the observance of this norm becomes complicated. The right of the child to live and to be brought up in the family, his right to enjoy the care of both parents is becoming difficult to fulfill. That is why such a problem as the place of children's residence is difficult from both points of view of morality and law.

The Family Code of the Russian Federation gives an opportunity to answer this question to the parents themselves, by concluding an agreement. But if conclusion is not reached, the case will be judged by the court. Today, according to the articles 23, 24 of the Code of civil procedure of the Russian Federation, it is the district court, which carries children disputes (Гражданский процессуальный кодекс..., 2002. №46.). In the Russian Federation there are no special family courts, which discuss family disputes. More than that there are no special courts, solving the disputes, where children take part or their interests are under discussion (juvenile courts).

The creation of such kind of special courts leads to a great money loss of the government. Besides, a lot of new laws, regulating the work of such kind of courts are to be established. But, on the other hand, more time could be spent by the judge on each case, more attention paid. That would help the judgment to be more objective.

Before the decision is made by the judge, a lot of different work is to be done by the guardianship and trusteeship bodies. The guardianship and trusteeship bodies are to inspect the life conditions of the child and of the person (the persons), claiming his upbringing, and to present an act on the inspection and the conclusion based on it to the court. So they examine the conditions, in which the child lives, the attention which is paid to the child by all the members of the family, the relationship between the child and both parents. Also the guardianship and trusteeship bodies are to find out the opinion of the child on the question who it is better for him to live with. It is necessary to point out that the opinion of the child is to be taken into account, but not be the model of the final decision. This conclusion is based on the analyses of the article 57 of the Family Code of the Russian Federation, where the cases, in which the decision may be made by the court only under the acceptance of the child who has reached the age of 10, are enumerated. The case we are speaking about is not included into the list.

The problem is, that it is not so easy to find out the opinion of the child, as the influence on the child by one of the parents may take place. Toys and presents work greatly when the parent wants to get the vote of the child, when in reality his main aim is to make his wife or husband suffer. That is why the motive of the child to live with this or that parent is to be specified. That may be

done with the help of the psychological research. According to the article 79 of the Code of civil procedure of the Russian Federation, carrying out the research may be initiated by each of the parties, or by the court. The court is to take into account the results of the research. That is another reason why it is better to have special courts introduced in this sphere – more attention is to be paid when the destiny of the child is under discussion.

One of the ways of finding out who the child is going to live with when his parents live separately was recommended by V. Legenin. He suggested the courts not to dissolve the marriage of a couple, that has non-adult children before parents reach the agreement about the place of the children's residence in the guardianship and trusteeship bodies. And only if the guardianship and trusteeship bodies fail to help the parties to make the agreement, the latest got the opportunity to terminate their marriage (Леженин, 1992, С.103-104).

From our point of view this procedure is the great limitation of people's rights to have their marriage dissolved. Besides, it could lead to the blackmail. The party, who is in more need of divorce, may become a victim of the other side. So it is contradictory to the principle of the civil litigation, which guarantees competitiveness and equality of the parties.

The next problem, which should be discussed, is the problem of lengthening the time of solving children's disputes and possible consequences of it. In the article 154 of the Code of civil procedure of Russian Federation it is said that civil cases are to be solved in two months after the application is brought to the court.

It is a great problem, that there is no special time limit for such kind of disputes, as children grow quickly. If one of the parents does not let another one to see the child, the latest can easily forget his poor second parent, who can't do anything before the judgment is announced.

But still nowadays there is a way out of the situation. Before the decision is made by the court, during the period of trial the place of the child's residence can be announced if the parents ask the court for it.

One more problem is connected with the sanctions for the parents, who don't follow the decision of the court. Article 112 of the Federal law "About execution" tells that if there happens the violation of the judgment or of the agreement, which has the non – property character, the violator is to pay the collection in amount of 5000 rubles. This sum is to be paid after the violator refuses to execute his obligation voluntarily. After the collection is paid for the first time, another period for the execution of the obligation is introduced. If the resolution is not fulfilled for the second time special sanctions, which are written in the Code of administrative violations of the Russian Federation will be applied. So a special fine in amount of two – three thousand rubles will be collected for the first time, and up to 5 thousand rubles – if it was violated for the second time (Кодекс..., 2002. №1 (ч.1). Ст.1.).

Only after these procedures the child may be taken away from the parent – violator. The thing is that there are no time limits for all these payments. It may happen that all this procedure will take a great amount of time, during which the child and the parent will be separated. We believe that such kind of sanctions are not effective. May be it will be better to invent criminal sanctions for such kind of deeds.

So, today there are a lot of problems and questions in the sphere of children disputes: there are no special court procedures, no special time limits, no special sanctions. Still we must not forget that children need special protection, and the general rules are to be specified. That is why all these gaps are to be filled.

Литература

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №46.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. №1 (ч.1). Ст.1.

Леженин В.Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж, 1992. – С.103-104.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. – №1. – С.16.

Федеральный закон от 2.10.2007 №229-ФЗ "Об исполнительном производстве" // СЗ РФ. 2007. – №41. – С.4849.

КУЛЬТУРНЫЕ ДИМЕНСИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Лейиня Л., Мартинсоне К., Левина Е.
Рижский университет им. П. Страдыня, Латвия

В настоящее время стремительно происходит развитие и увеличивается использование информационных и коммуникационных технологий, включая интернет. Однако в мире, в разных странах степень использования технологий не одинакова. Одним из возможных объяснений этих различий может быть влияние культуры. В данной статье изучаются различия культурных дименсий и показателей использования интернета в постсоветских странах и “старых” странах Европы. В качестве теоретической основы была использована модель культурных дименсий Г.Хофстеде. Результаты исследования свидетельствуют о том, что существуют различия в культурных дименсиях, а именно, в показателях маскулинности и потворства желаниям, а также существуют различия в показателях использования интернета в постсоветских странах и “старых” странах Европы.

Ключевые слова: культура, культурные дименсии, использование интернета, постсоветские страны, “старые” страны Европы.

THE CULTURAL DIMENSIONS AND THE USAGE OF INTERNET IN POST-SOVIET COUNTRIES

Lejiņa L., Mārtinsonē K., Ļēvina J.
Riga Stradiņš University, Latvia

Currently, the development and the usage of information and communication technology incorporating the Internet is increasing sharply. Yet, the diffusion of the usage of technology is not equal worldwide. As a possible explanation of this inequality the impact of the culture had been considered. In this paper, the differences of cultural dimensions and the indicators of the usage of Internet in post-soviet and old European countries are explored. As the theoretical framework of this research Hofstede`s model of cultural dimensions is used. The results revealed that there were differences between post-soviet and old European countries, firstly, in cultural dimensions, namely, masculinity and long-term orientation, and secondly, in the indicators of the usage of Internet.

Keywords: culture, cultural dimensions, Internet use, post-soviet countries, old European countries.

The usage of information and communication technology (ICT) expands rapidly yet unequally across countries all over the world. Evidently, the economical wealth of the country is a factor in this inequality, nevertheless, according to Hofstede, culture has a crucial role in the acceptance and usage of technology (Hofstede, 2001). There is little evidence showing a relationship between culture and the usage of ICT worldwide (Musambira, Matusitz, 2015).

Currently, cross-cultural researches are exceedingly evaluated in psychology, as culture had been admitted to be an essential variable for the researches of all aspects of human nature (Matsumoto, Yoo, 2006). Due to the increasing process of globalization, knowledge and use of cross-cultural diversity becomes a necessity. For cross-cultural researches Hofstede`s model of cultural dimensions is widely used, particularly because the measurements of these cultural dimensions are considered to be stable in time (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). Nonetheless, these considerations had been criticised by several authors (e.g. Ailon, 2008), which had also drawn attention to the impact of globalization on culture and therefore on cultural dimensions. Evident contributor to the globalization is ICT, especially the Internet, therefore, it can be argued about the relationship between culture and the Internet.

There are several conceptions of Europe – political (e.g. European Union) and geographical (as a continent, incorporating in European countries also, e.g. Norway, Russia, Turkey), to name a few. Throughout the paper, the term post-

soviet countries will refer to the countries which were a part of the Soviet Union, and the term old European countries will refer to the countries which had joined European Union before 1991.

No previous studies have reported evidence of comparison of post-soviet countries and old European countries, which can be contrasted on the base of different developments in history, transformations and social values. Therefore, the aim of this paper is, first, to investigate the differences in the ranking of cultural dimensions between post-soviet and old European countries, and second, to determine the difference in the usage of Internet between post-soviet and old European countries, thus, the relationship between culture and the usage of Internet can be possibly established.

Cultural dimensions. As Hofstede states, culture is “the collective programming of the mind that distinguishes the members of one group or category of people from others” (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010, 6). Hofstede’s latest model for comparing national societies contains six independent dimensions which are based on the differences between national cultural values: individualism, power distance, uncertainty avoidance, masculinity, long-term orientation, and indulgence.

Individualism/ collectivism is identified by the extent of the integration of the individuals in the groups (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). In individualistic cultures (e.g. the Netherlands, United Kingdom), the connections between individuals are loose, the focus is on individual needs and goals, challenge, autonomy, and independence. Conversely, in collectivistic cultures (e.g. Portugal, Greece), individuals are involved into strong in-groups, the needs and goals of which prevails the interests of the individuals. Since individuals of individualistic cultures are encouraged to express their own views, innovate and adopt new ideas and products, previous studies have found that highly ranked countries in individualism also rank high in the ICT adoption and penetration (Erumban, De Jong, 2006; Hofstede, 2001) and in the Internet use (Lejiņa, Mārtinsons, Ļevina, 2016; Musambira, Matusitz, 2015).

Power distance refers to the extent less powerful individuals of society accept and expect the uneven distribution of power (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). In cultures with large power distance (e.g. Russia, France), inequality is accepted by the less powerful people, meeting their needs of a dependence. In cultures with low power distance (e.g. Estonia, Luxembourg), there is a presumption that inequality among people should be decreased. As a result of unequal distribution of resources along with access to the Internet, previous studies have reported that countries with high power distance score show low score in the Internet use (Matusitz, Musambira, 2013) and low rate of ICT adoption and penetration (Erumban, De Jong, 2006; Hofstede, 2001).

Uncertainty avoidance is characterized by the extent of tolerance of society towards ambiguity, uncertainty and by the efforts of trying to avoid them (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). In cultures with strong uncertainty avoid-

ance (e.g. Belgium, Spain), uncertainty is perceived as a threat which raises anxiety therefore should be escaped. Still, familiar hazards can be accepted. In cultures with weak uncertainty avoidance (e.g. Denmark, United Kingdom), uncertainty is acceptable and it does not cause stress and anxiety, contrary, what is different raises curiosity. Since individuals of cultures with high uncertainty avoidance tends not to tolerate life-changing novelties, a number of researchers have reported that countries ranking high in uncertainty avoidance rank low in ICT adoption (Erumban, De Jong, 2006) and in the Internet use (Matusitz, Musambira, 2013). Nevertheless, this effect is missing when the usage of product becomes traditional (Hofstede, 2001).

Masculinity/ femininity refers to the distribution of the emotional roles between genders (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). In masculine cultures (e.g. Latvia, Lithuania), emotional gender roles are diverse. In feminine cultures (e.g. Germany, United Kingdom), it is accepted for men and women to have the same qualities. Individuals of masculine and feminine cultures can likely use the Internet for different purposes (Erumban, De Jong, 2006), hence, no significant differences were found in previous researches between masculine and feminine cultures in the quantitative use of the Internet (Musambira, Matusitz, 2015) or in the ICT adoption (Erumban, De Jong, 2006).

Long-term orientation is defined by the focus on the values rewarding in the future (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). In long-term orientation cultures (e.g. Belarus, Kyrgyz Republic), as they have future perspective, thrift, perseverance, adaptiveness, pragmatism, and self-discipline are valued. In opposite, in short-term orientation cultures (e.g. Ireland, Georgia), with their focus on the values related to the past and present, traditions, national pride, thinking of oneself, spending, and quick results are appraised. However, few studies have investigated the relationship between long-term orientation and the Internet use. A recent study by Lejiņa, Mārtinsone and Ļevina found that highly ranked countries in long-term orientation also rank high in the Internet use (Lejiņa, Mārtinsone, Ļevina, 2016).

Indulgence/ restraint is the most recent cultural dimension characterized by the attitude towards the fulfilment of desires related to enjoying life (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). Happiness, importance of leisure and having friends, and freedom of speech is highly appreciated in cultures with high indulgence scores (e.g. the Netherlands, Denmark). On the contrary, restraint cultures (e.g. Moldova, Azerbaijan), value moral discipline, maintenance of order, and strict social norms. There has been little quantitative analysis of the relationship between indulgence and the Internet use.

Taken together, several studies (Musambira, Matusitz, 2015; Matusitz, Musambira, 2013; Erumban, De Jong, 2006; Hofstede, 2001) have documented the relationship between cultural dimensions and the usage of ICT, including the Internet. In the light of the observations mentioned above, the following questions of research are formulated:

Question 1. Is there a difference in the ranking of cultural dimensions between post-soviet and old European countries?

Question 2. Is there a difference in the usage of Internet between post-soviet and old European countries?

Methods. The subjects of further analysis are nations that were considered as post-soviet and old European countries and were incorporated individually in both data sources, described further. That produced data on 23 countries – eleven post-soviet and twelve old European countries. Two tertiary sources were used to gather data: World Values Survey (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010) and ICT Indicators Database (International Telecommunication Union, 2015). Dimensions of culture, based on World Values Survey, are (a) individualism, (b) power distance, (c) uncertainty avoidance, (d) masculinity, (e) long-term orientation, and (f) indulgence. It should be considered that data about individualism, power distance, uncertainty avoidance, and masculinity was available and included in the analysis only from four (Estonia, Latvia, Lithuania, and Russia) of eleven post-soviet countries. Data about indulgence was from ten out of eleven post-soviet countries, excluding Armenia, and about long-term orientation – from all eleven post-soviet countries, included in this analysis.

For the analysis of the Internet use, the indicators drawn from the ICT Indicators Database are (a) Internet users (percentage of individuals using the Internet), and (b) households with Internet access (percentage of households with Internet access), all for year 2014.

Results. To answer the first question of research, a Mann-Whitney test was used, investigating the differences between post-soviet and old European countries in the ranking in cultural dimensions (Table 1).

Table 1. Differences between post-soviet and old European countries in the ranking of cultural dimensions

	<i>z</i>	<i>p</i>
Individualism	-1.16	.248
Power distance	-.67	.504
Uncertainty avoidance	-.18	.855
Masculinity	-2.06	.039
Long-term orientation	-1.94	.052
Indulgence	-3.76	.000

Results indicate that old European countries were ranked higher in masculinity than post-soviet countries ($p < .05$), and in indulgence ($p = .000$). No significant differences were found between post-soviet and old European countries in the ranking of individualism, power distance, uncertainty avoidance, and long-term orientation.

To answer the second question of research, a Mann-Whitney test was used, in order to investigate the differences between post-soviet and old European countries in the usage of Internet (Table 2).

Table 2. Differences between post-soviet and old European countries in the usage of internet

	<i>z</i>	<i>p</i>
Internet users	-3.14	.002
Households with Internet access	-3.26	.001

Results show that there are statistically significant differences in the indicators of the usage of Internet between post-soviet and old European countries. The indicators of the number of Internet users and households with Internet access are higher in old European countries ($p = .002$; $p = .001$).

Discussion. The purpose of the current study was to investigate the differences between post-soviet and old European countries in the cultural dimensions and in the usage of Internet. Results show the tendency of post-soviet countries to rank lower in masculinity and indulgence than old European countries. No significant differences were found in the ranking of individualism, power distance, uncertainty avoidance, and long-term orientation. If mentioning the usage of Internet, there was observed tendency of post-soviet countries to rank lower than old European countries in both selected indicators of the usage of Internet. Taken together, these results suggest that, using the particular sample of subjects for analysis, there are differences between post-soviet and old European countries in two out of six cultural dimensions as well as in the usage of Internet.

As previous researches suggest (Musambira, Matusitz, 2015; Matusitz, Musambira, 2013; Erumban, De Jong, 2006; Hofstede, 2001), high ranking in individualism, long-term orientation, and indulgence and low ranking in power distance and uncertainty avoidance are linked with the high ranking in the Internet use. Therefore, contrary to expectations, this study did not discover affirmation to the previous findings. The results of this study indicate that post-soviet countries which are ranked lower in the Internet use than old European countries, do not differ in individualism and long-term orientation, rank lower in indulgence, not differ in power distance and uncertainty avoidance, if compared with old European countries. Consequently, on the basis of these results, it can be thus suggested that culture tends not to play a relevant role in the usage of Internet, and this can be considered as an important issue for future research.

These findings may be somewhat limited by the use of tertiary data as well as the small size of the sample of measurements of the cultural dimensions. Notwithstanding these limitations, these findings raise intriguing questions worth of discussion in the future regarding the nature and extent of relationship between cultural dimensions and the Internet use. The current findings add to a growing body of literature on relationship between culture and the usage of ICT.

References

Ailon G. Mirror, mirror on the wall: Culture's consequences in a value test of its own design // *Academy of Management Review*. 2008. – №33(4). – P.885-904.

Erumban A.A., De Jong S. B. Cross-country differences in ICT adoption: A consequence of Culture? // *Journal of World Business*. 2006. – №41(4). – P.302-314.

Hofstede G.J. Adoption of communication technologies and national culture // *Systèmes d'information et management*. 2001. – №6(3). – P.55-74.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival. McGraw-Hill, 2010.

International Telecommunication Union (ITU), ITU World Telecommunication/ ICT Indicators Database. Individuals using the Internet (%), world // ICT-EYE. Key Data and Statistics. Retrieved from <http://www.itu.int/net4/itu-d/icteye/AdvancedDataSearch.aspx>

International Telecommunication Union (ITU), ITU World Telecommunication/ ICT Indicators Database. Households with Internet access at home (%), world // ICT-EYE. Key Data and Statistics. Retrieved from <http://www.itu.int/net4/itu-d/icteye/AdvancedDataSearch.aspx>

Lejiņa L., Mārtinsons K., Ļevina J. Relationship between cultural dimensions and the individual usage of information and communication technology in different countries. Presented at the 74th University of Latvia Conference, Riga, Latvia, 2016, February.

Matsumoto D., Yoo S.H. Toward a new generation of cross-cultural research // *Perspectives on Psychological Science*. 2006. – №1(3). – P.234-250.

Matusitz J., Musambira G. Power distance, uncertainty avoidance, and technology: Analyzing Hofstede's dimensions and human development indicators // *Journal of Technology in Human Services*. 2013. – №31(1). – P.42-60.

Musambira G., Matusitz J. Communication technology and culture: Analysing selected cultural dimensions and human development indicators // *International Journal of Technology Management & Sustainable Development*. 2015. – №14(1). – P.17-28.

ОТ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ К КИБЕРФИЛИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ИНТЕРНЕТЕ

Булков А.А.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье проведён теоретический анализ интернет-зависимости. Проанализированы отечественные и зарубежные подходы к проблеме интернет-зависимости.

Ключевые слова: интернет-технологии, интернет-сообщества, интернет-среда, «виртуальное» сообщество, субкультура, мотивационная регуляция, эффект идентичности, Интернет-аддикция.

FROM INTERNET ADDICTION TO CYBERPHILIA: A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF MEMBERS OF SOCIAL COMMUNITIES ON THE INTERNET

Bulkov A.A.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

In the article the theoretical analysis of Internet addiction. Analyzed the domestic and foreign approaches to the problem of Internet addiction.

Keywords: Internet technologies, the Internet community, the Internet environment, «virtual» community, subculture, incentive regulation, the effect of identity, Internet addiction.

Развитие интернет-технологий привело к тому, что многие, особенно в подростковом и юношеском возрасте, уже не мыслят себя и своего времяпрепровождения без интернета, что, несомненно, не может не повлиять на развитие человека.

В современной социологии тема влияния членства в интернет-сообществах на психику и личность человека освещена крайне скудно. Исследователи в основном изучают смежные понятия – интернет-зависимость, зависимость от компьютерных игр, влияние компьютерных технологий на психику, личность и отношения с окружающими.

Сообщество интернет-пользователей образует своеобразную социальную систему со своими внутренними нормами, ценностями и стандартами. Постороннему человеку или новичку крайне сложно добиться членства в ней. Будучи принятым в такую группу, человек, не добившийся значительного социального статуса в реальной жизни, ощущает значи-

тельное удовлетворение от идентификации себя с позитивно воспринимаемым им социальным сообществом

По мнению ряда исследователей, интернет-среда однозначно не определяет характера влияния на личность (Иванов, 2004). Она является лишь средством опосредствования взаимодействия личности с реальным миром. Специфика влияния среды зависит от системы социально-психологических отношений, которые сложились у конкретной личности с социальным окружением. Эта система определяет смысл активности личности в Интернете и формирует две тенденции:

а) воздействия личности с помощью Интернета на материальный мир;

б) взаимодействия личности с помощью Интернета со своим социальным окружением, то есть с другими людьми.

В обоих случаях интернет-активность пользователей следует рассматривать как определенный аспект их жизнедеятельности, играющий важную роль в процессе формирования и развития личности.

Принято выделять два типа сообщества, которые формируются в ходе активности пользователей в интернет-среде (Иванов, 2003; Иванов, 2004). Первое - это «информационное» сообщество, которое использует Интернет для достижения своих научных и образовательных целей. Интернет-среда в этом случае серьёзно не затрагивает смысловую сферу личности и способствует лишь продолжению естественного процесса её развития. К «информационному» сообществу, как показало исследование относятся респонденты, существенно ориентированные на ценности бизнеса, профессии и образования (Иванов, 2004).

Второе - это «виртуальное» сообщество, в котором активность личности серьёзно затрагивает мотивационную направленность личности, включает в себя факторы «личная жизнь» и «свобода и развлечения». Оно связано с неудовлетворенностью личности своими социально-психологическими отношениями, в связи, с чем чрезвычайно актуальной становится потребность в общении и создании социальной среды, компенсирующей недостатки реальной социальной структуры.

Научно-информационные сайты порождают сложные социально-психологические объединения, члены которых проявляют широкий спектр видов сетевой активности (Волков, 2008). Анализ видов сетевой активности, реализуемых пользователями, позволяет выделить три категории личности пользователей. Большая часть из них может быть отнесена к «смешанному» типу сообщества, во многом отражающему процессы, происходящие в естественных сообществах людей. Эта часть представляется наиболее адаптированной в реальной жизни и гибко использующей средства Интернета для достижения своих личных целей. Вторая категория может быть отнесена к «информационному» типу сообщества, использующему Интернет преимущественно как образовательную базу и являю-

щимся потребителем научной информации. Третья категория принадлежит в основном к «виртуальному» типу сообщества, то есть сообществу людей, имеющих проблемы с реализацией своих социально-психологических отношений в реальном мире. «Виртуальное» сообщество закономерно положительно связано с акцентуированностью психики и мотивацией и отрицательно, в аспекте развлечений, с самоактуализацией. «Информационное» сообщество закономерно положительно связано со степенью осознания личностью жизненных целей, самоактуализацией и отрицательно связано, в аспекте образования, с акцентуированностью психики.

Проведённые исследования показали различия причин использования интернет-среды пользователями мужского и женского пола (Войсунский, 2000). Наиболее явные различия проявляются в «информационном» сообществе в связи с профессиональной и образовательной активностью пользователей. Так, например, у мужчин профессиональная активность сопровождается повышенным осознанием жизненных целей, а у женщин - наоборот. Кроме того, у женщин образовательная активность связана со степенью акцентуированности психики и личности.

Исследование динамики структуры личности обнаружило, что «смешанное» сообщество в целом оказывает смягчающий эффект на акцентуированность индивидуально-психологических свойств (Войсунский, 1991). Осознанность жизненных целей и потенциал для их реализации, в целом, также имеют позитивную тенденцию к росту. В то время как пребывание в «информационном» и «виртуальном» сообществах имеет в большинстве случаев противоречивые, встречные тенденции для мужчин и женщин. Причем интегрированное воздействие «информационного» сообщества более благоприятно для женщин, а «виртуальное» сообщество более благоприятно для мужчин. Так, например, у женщин «информационного» сообщества происходит позитивная динамика мотивационной направленности практически по всем показателям, в то время как у мужчин, в сравнении с мужчинами «виртуального» сообщества, отмечаются более низкие показатели стремления к активным социальным контактам и общественной жизни при увеличении удовлетворенностью семьей и физической активностью, ниже показатели самоактуализации, но выше — социальная интроверсия.

Одновременно с учётом специфики воздействия на личность типа сообществ целесообразно учитывать вид активности, который проявляет личность в конкретном сообществе. Исследование показало, что рост профессиональной активности в «информационном» сообществе ведет к снижению осознания жизненных целей у женщин и, наоборот, к повышению их осознания у мужчин (Богров, 2009).

В последующем были выявлены следующие особенности сети Интернет как фактора субкультуры виртуального сообщества (Богров, 2009):

- интерактивность: возможность взаимодействия пользователей друг с другом в режимах on-line или off-line;
- анонимность ("невидимость") коммуникатора: при виртуальной коммуникации пользователи преимущественно обмениваются текстовой информацией; анкетные данные, которые возможно узнать о собеседнике, недостаточны для реального адекватного восприятия личности;
- возможность самопрезентации: более подробную информацию каждый пользователь предоставляет остальным коммуникаторам исключительно по своему выбору (пол, возраст, социальный статус и др.);
- возможность решения проблем, связанных с кризисом идентичности: самореализация личности, проигрывание ролей, которые в реальной жизни недоступны;
- отсутствие правового регулирования, приводящее к информационной неподконтрольности и безцензурности;
- полифункциональность сети Интернет: это и самое большое хранилище электронных документов, превышающее 100 млн. единиц, и всемирная библиотека, и архив, и информационное агентство, доступное всем пользователям без учета пола, возраста, образования и проч.

Общность сети Интернет неоднородна (Иванов, 2004). Не существует единой, монолитной сетевой субкультуры. Носителями (субъектами) субкультуры виртуального сообщества являются пользователи сети Интернет.

Психологическая и социально-культурная природа данного интернет-сообщества заключается в интенсификации межкультурных контактов и кризисе идентичности определенной части молодежи (Богров, 2009). У неё в крайней степени развито чувство принадлежности к виртуальному сообществу, которое является для них одной из важнейших сфер самореализации личности.

Сопоставляя демографические характеристики пользователей Интернета и соотношение этих параметров в городском населении, установлено, что российский субъект субкультуры виртуального сообщества - это, как правило, молодой человек в возрасте от 16 до 35 лет, при этом наиболее характерно посещение web-страниц для возрастной группы 20-24 года; имеет высшее образование или учится в вузе; если работает, то, как правило, специалистом или менеджером среднего звена в коммерческой структуре, связанной с такими отраслями, как финансы, наука, СМИ и реклама, образование, органы администрации (Богров, 2009).

При анализе вопросов, выявляющих наиболее значимые жизненные ценности субъектов субкультуры, удалось установить следующее: большинство опрошенных представителей субкультуры виртуального сообщества высоко оценили Интернет как свободную, либеральную среду, которая предоставляет возможность доступа к любой информации и возможность самореализации личности (Богров, 2009). Для многих большое зна-

чение имеет возможность приобщения к мировой культуре (библиотеки, музеи, СМИ, образование, наука, искусство и проч.). Общение посредством Интернета для большинства членов виртуальной группы также является значимым. Члены виртуальной группы четко осознают свою принадлежность к виртуальному сообществу. Исходя из полученных результатов предполагается, что по шкале распределения ценностей субъекта субкультуры виртуального сообщества ориентация смещена в сторону виртуального общения (Богров, 2009).

Одним из важных аспектов представления портретной характеристики субъекта субкультуры является изучение его мотивационной регуляции. Полученные в результате анализа проведённых исследований данные позволили разработать следующую предварительную классификацию мотивов субъекта виртуального сообщества (Богров, 2009):

- мотив общения (коммуникативный мотив);
- мотив самоутверждения;
- мотив рекреации;
- игровой мотив;
- мотив аффилиации;
- мотив самореализации и развития личности;
- деловой мотив;
- познавательный мотив;
- мотив сотрудничества (корпоративный).

Для того чтобы отличать особенности времяпрепровождения людей, страдающих или свободных от интернет-аддикции, необходимо знать общие характеристики зависимости и зависимого поведения. Главным его показателем является стремление уйти от реального решения проблемы путем изменения своего психического состояния (Иванов, 2004). В некоторой мере аддиктивное поведение присуще практически любому человеку; оно проявляется, например, в умеренном употреблении алкоголя или увлечении азартными играми. Человек стремится перенести проблемы, требующие разрешения, на потом, достигая внутреннего комфорта другими путями. О наличии патологической зависимости можно судить, если стремление отложить проблемы и уйти в интернет-общение становится преобладающей идеей, нарушающей нормальное течение жизни человека. При этом происходит не только постоянное накопление проблем, но и остановка в личностном развитии.

Таким образом, изучение субкультуры виртуального сообщества и виртуальной коммуникации находится лишь на самом начальном этапе. Необходим детальный анализ и наблюдение за особенностями формирования и развития виртуальных групп, за влиянием, которое оказывает опосредованно через субъектов виртуального сообщества интернет на реальное общество в целом. Рассмотренные тенденции развития деятельности

человека в киберпространстве в условиях современного научно-технического прогресса требуют дальнейшего детального изучения.

Литература

Богров А.Г. Психологический феномен интернет-аддикции. Волгоград, 2009.

Войскунский А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопросы психологии. 1991. – №6.

Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000.

Волков А.Н. Стратегии преодоления Интернет-зависимости в подростковой среде // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2008.

Иванов М.С. Личностные предпосылки формирования игровой компьютерной аддикции // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2. Кемерово, 2004.

Иванов М.С. Направленность на развитие как особенность системы ценностей увлекающихся компьютерными играми // Наука и образование: материалы Всерос. науч. конф. Белово, 2003.

Иванов М.С. Ролевая компьютерная игра как особый вид деятельности // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Кемерово, 2004.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ»

КОНЦЕПЦИИ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ В ТРУДАХ ПЛАТОНА

Алексейчикова Н.Н.

Белорусско-Российский университет, Могилев, Беларусь

Философия призвана объяснить социальное бытие, ей принадлежит прерогатива в разработке всеобъемлющих концепций интеграции и консолидации человеческого общества. Семья же является неотъемлемой частью общества. Вопросы создания и функционирования семьи во все времена вызывали большой интерес. Одними из первых обратились к этой проблеме древнегреческие философы, в том числе и Платон, разработавший ряд концепций идеальной семьи.

Ключевые слова: Платон, общность жен и детей, брак и государство, патриархальная семья, уважение и почитание родителей, функции семьи.

CONCEPTIONS OF IDEAL FAMILY BY PLATO

Aliakseichykava N.N.

Belarusian-Russian University, Mogilev, Belarus

The purpose of philosophy is to explain social existence; its prerogative is to develop comprehensive concepts of integration and consolidation of human society. The family is an essential part of society. The process of creation a new family and functioning of the family at all times have been of great interest. Among the first people to address this issue were the ancient Greek philosophers, including Plato, who developed a series of concepts of the perfect family.

Keywords: Plato, community of wives and children, marriage and state, patriarchal family, respect and reverence for parents, functions of family.

Философия призвана объяснить социальное бытие, ей принадлежит прерогатива в разработке всеобъемлющих концепций интеграции и консолидации человеческого общества (Семенов, 1974, с. 23). Семья же является неотъемлемой частью общества. Она во все времена была важным инструментом социализации, передачи обычаев, традиций, стереотипов, определенных мировоззренческих установок из поколения в поколение. Поэтому не удивительно, что уже античные философы в своих произведениях среди множества проблем поднимали и вопросы устройства семьи.

Одни из первых концепций «идеальной семьи» были разработаны Платоном. Древнегреческий мыслитель, создавая свои проекты идеального государства, не мог обойти стороной и проблему семьи.

Первая попытка разработки концепции «идеальной семьи» была предпринята Платоном в труде «Государство». Создавая общество, разделенное на три сословия философов, стражей и ремесленников и земледельцев¹, Платон предлагает отказаться от института семьи в традиционном его виде, при этом не отвергая необходимости заключения брака. Мыслитель считает, что семья будет отвлекать воинов и философов от их прямых обязанностей, а потому они не должны иметь жен и детей, т.е. семьи. Брак рассматривается Платоном как соединение мужчин и женщин для продолжения рода, после чего они расходились и уже позже могли вступить в другой «брак» с другим партнером (Платон, 1971, с. 254–255). С целью получения пользы для государства заключение брака должно было осуществляться под полным контролем со стороны государства в лице правителей-философов, который бы путем жеребьевки определял будущих партнеров, не позволяя «негодным» людям вступить в брак (Платон, 1971, с. 257). Брак должен был основываться на социальном равенстве партнеров, т.е. стражи-мужчины должны были «соединяться» с женщинами-стражами и т.д. Это обусловлено тем, что в этом случае увеличивается возможность рождения детей, которым будут присущи те же свойства, что и их родителям (Платон, 1971, с. 252), что будет приносить пользу государству. Более того, дети, рожденные от неравного брака, признавались незаконнорожденными (Платон, 1971, с. 300). Также правитель определял и количество браков, что должно было с одной стороны, позволить иметь государству необходимое количество воинов, а с другой – контролировать прирост населения. Последний, по мнению Платона, должен находиться на постоянном уровне (Платон, 1971, с. 257). Необходимость контроля за воспроизводством населения государства обусловлена теми историческими условиями, в которых проживал сам мыслитель (История Древней Греции, 1986, с. 139). Заключение брака должно было осуществляться в строго определенные государством дни, во время которых сводились вместе юноши и девушки, достигшие брачного возраста (для женщин с 20 до 40 лет, а для мужчин – 30 до 55 лет) с целью зачатия и рождения детей (Платон, 1971, с. 257–258). Граждане, перешагнувшие указанные возрастные рамки, получали возможность вступать в интимные отношения с лицами противоположного пола, также вышедшими за пределы этого возраста, и не являющиеся родственниками. При этом от подобных «браков» не должны появляться на свет дети, а если все-таки *«ребенок рождается, пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать»*.

¹ Данное разделение Платон проводит в связи с тем, что люди от рождения наделены теми или иными задатки, у них есть склонность к тому или иному делу, а потому они и должны заниматься только тем делом, которое им более присуще от рождения (Платон, 1971, с. 146).

Таким образом, Платон оправдывал как убийство нежелательных детей, так и аборт или применение противозачаточных средств, о чем свидетельствует фраза: *«они должны особенно стараться, чтобы ни один зародыш не вышел на свет»* (Платон, 1971, с. 259).

Неоднозначной выглядит позиция, высказанная Платоном, по отношению к кровнородственным бракам. Так с одной стороны, философ, считает необходимым запретить кровнородственные браки (Платон, 1971, с. 259), которые могли привести к появлению детей с какими-либо отклонениями. С другой – он отмечает возможность создание семьи, где брачными партнерами будут выступать брат и сестра. Это обусловлено тем, что правители не будут обладать достоверной информацией о кровнородственных связях граждан государства, т.к., согласно взгляда Платона, дети являлись детьми всего государства, и не знали кто их биологические родители, и наоборот: *«всякий будет называть своими детьми тех, кто родился на десятый или седьмой месяц от дня его вступления в брак»* (Платон, 1971, с. 254, 259). В связи с чем, правитель мог посчитать, более подходящей парой действительно родных брата и сестру.

Рожденных младенцев должны были забирать у матерей и передавать специальным должностным лицам (женщинам или мужчинам), которые относят их либо в ясли к кормилицам, живущим в части-города, специально для этого отведенной, если это дети, рожденные от хороших родителей; если же это новорожденные от худших родителей, или от родителей, обладающих телесными недостатками, то их скрывают в каком-нибудь недоступном месте. После этого женщин, у которых есть молоко, приводят в ясли в качестве кормилиц, причем ни одна из них не должна догадываться, где ее ребенок, чтобы одинаково относиться ко всем детям. Забота матерей о своих детях должна ограничиваться только кормлением, все остальное возлагается на плечи нянек и других родителей (Платон, 1971, с. 258). Новорожденные дети отнимаются у матерей и отдаются на попечение нянечкам и воспитателям также и для того, дабы их матери не были обременены заботой о своих детях и могли участвовать в охране государства в мирное время, и принимать участие в войне, во время военных конфликтов (Платон, 1971, с. 186). Таким образом, и здесь на первый план выдвигается государственная польза.

Общность детей, по мнению Платона, должна способствовать единству государства, т.к. родители, не зная в точности, кто их дети будут одинаково заботиться и защищать всех детей, а те в свою очередь почитать и уважать своих родителей, а когда те станут стариками также проявлять о них заботу. Таким образом, приоритетное место занимают не родственные отношения, а воля правителя, который поступает, сообразуясь с пользой для государства.

Таким образом, в данной концепции Платон допускает брак, но выбрасывает из него всякое духовное и личностное содержание. Плато-

низм признает необходимость физического рождения детей, но тут не должно быть ничего другого, кроме факта рождения. Брачный союз не предполагал проявления каких-либо эмоций со стороны мужчины и женщины, признавалась только та доля «любви», которая необходима для того, чтобы мужчина и женщина сошлись, и женщина родила младенца (Лосев, 1930, с. 849), принеся тем самым пользу государству.

Несколько с иных позиций подходит Платон при создании концепции «идеальной семьи» в своем труде «Законы». Данная концепция не отрицает институт семьи как таковой, но, как и раньше, он обязательно должен приносить пользу государству: *«каждый человек должен заключать брак полезный для государства, а не только очень приятный для себя...»* (Платон, 1972, с. 249). Прежде чем заключить брак и создать семью, молодые люди должны были составить себе представление о своем будущем партнере, дабы убедиться в том, что он подходит для рождения и совместного воспитания детей. С этой целью юноши и девушки, достигнув определенного возраста должны принимать участие в хороводных играх, устройство которых ложится на плечи законодателя, как и в концепции, созданной в трактате «Государство», на плечи правителя. Такой «смотр» невест допускался, после того как юноша достигал 20 летнего возраста, а сам брак должен был состояться не позднее, чем мужчине исполниться 35 лет (Платон, 1972, с. 248–249). Одновременно, будущие супруги не обладали самостоятельностью при выборе брачного партнера. Решающая роль в этом вопросе отводилась родителям или лицам их заменяющим, в качестве таковых выступали преимущественно родственники-мужчины, и только при их отсутствии родственники по женской линии (Платон, 1972, с. 251). Таким образом, согласно созданной Платоном, концепции «идеальной семьи», она должна была носить патриархальный характер.

Платон также отмечает, что в создаваемой семье желателен средний достаток, имущественное равенство. С целью достижения такого равенства, наилучшими считались неравные браки, когда состоятельный мужчина вступал в брак с девушкой из бедной семьи и наоборот. Однако, осознавая, что такой подход к созданию семьи может вызвать недовольство в современном ему обществе, философ выдвигает данное условие только в качестве рекомендации, обосновывая его целесообразность (Платон, 1972, с. 249–250). С этих же позиций решается вопрос о приданном. Согласно воззрениям Платона, бедные в виду своего имущественного положения должны не брать и не давать приданного за своими дочерьми (Платон, 1972, с. 51). Выступает Платон и за умеренность при проведении самой брачной церемонии, при этом должно учитываться имущественное положение, вступающей в брак, пары (Платон, 1972, с. 251).

Молодые люди, создавшие семью, должны были жить в браке около десяти лет, исключение составляют те случаи, когда на протяжении этого времени у них не рождаются дети. В том случае, если семья по каким-либо

причинам не выполняла свою основную функцию – воспроизводство населения, то супругов могли развести (Платон, 1972, с. 262). В этом случае мужчина и женщина обязаны были вступить в повторный брак с целью появления нового поколения. Развод мог состояться и по причине несовместимости характеров супругов. Если же супружеская пара имеет достаточное количество детей по государственным масштабам², но супруги не находят общего языка, то их разводят и они вступают в новый брак для того, чтобы спокойно встретить старость (Платон, 1972, с. 432).

С этой же целью, согласно представлениям Платона, интимная жизнь супругов также должна находиться под строгим контролем специально избранных женщин, в обязанность которых входит наблюдение за тем, чтобы молодые люди не отвлекались от своей основной задачи – рождения детей, а также помощь в виде советов. Если молодые люди не будут прислушиваться к даваемым им советам, то смотрительницы могут прибегать к угрозам и даже помощи стражей. Последние в свою очередь принимают меры по исправлению непослушных граждан. Если и они оказываются не в состоянии справиться с этой проблемой, то против таких молодых людей возбуждается уголовное дело и проходит суд. Во время судебного заседания обвиняемый должен убедить своих обвинителей в своей правоте, и если ему это не удастся, то он лишается всех гражданских прав (Платон, 1972, с. 261–262).

Как и в предыдущей концепции, большую роль в воспитании детей берет на себя государство. Дети также находятся на попечении кормилиц, которые ухаживают за ними и занимаются их воспитанием (Платон, 1972, с. 266). Несмотря на то, что большая часть обязанностей родителей, как и в предыдущей концепции, находится в ведении государства, после появления в семье детей, супружеская пара должна была проживать в собственном доме (Платон, 1972, с. 251). В результате чего, не только родители знают кто их дети, но и дети знают кто их родители, бабушки и дедушки. По мнению Платона, дети должны с уважением относиться к своим родителям, а также своим бабушкам и дедушкам, и проявлять о них заботу (Платон, 1972, с. 433). Родители причислялись к святыне и должны были почитаться, а потому если кто-либо из детей поднимал руку на мать или отца, или оскорбил их, то его ждала смерть, да и та не была, по мнению Платона, достаточной карой за подобное злодеяние (Платон, 1972, с. 372). Кроме того, свидетельством в что концепции «идеальной семьи», выстроенной в труде «Законы», Платон отказывается от обобществления детей, является регламентация наследования имущества, разработанная им. Согласно представлениям мыслителя, гражданин должен оставить свое недвижимое имущество одному из своих сыновей, причем здесь не имеет значения страшим или младшим является сын, которому отец оставит недвижимое

² По Платону в семье должно было быть не менее двух детей: «Один мальчик и одна девочка считаются по закону уже достаточным количеством детей» (Платон, 1972, с. 432).

имущество. Другого же сына может усыновить кто-либо из граждан и отписать ему свое имущество в качестве наследства, как приемному сыну. При наличии более двух сыновей отец имеет право выделить сыну в качестве наследства что-либо из движимого имущества (Платон, 1972, с. 424). Сын, у которого на момент составления завещания уже имеется свой дом и свой надел, не имеет права быть наследником своего отца. Более того, сын обязан отказаться от своих наследственных прав, если во время составления завещания у него не было недвижимого имущества, а на момент смерти отца появилось. Дочери же, которые обручены и собираются вступить в брак, не могут быть наследницами своего отца вообще (Платон, 1972, с. . 424). Дочери не могли выступать в качестве наследниц недвижимого имущества. Только в том случае, если у гражданина не было ни собственных, ни приемных сыновей, то дочь, становясь наследницей надела отца должна выйти замуж за кого-либо из родственников, по отцовской линии (Платон, 1972, с. 425). Таким образом, трактате «Законы» Платон попытался представить государственное устройство, отличное от идеального общества, описанного им в «Государстве», но доступное, как он думал, для понимания людям, жившим в его время (Лосев, Тахо-Гади, 1977, с. 92). Создание нового государственного устройства не могло не привести к созданию и новой концепции семьи, согласно которой семья является довольно устойчивым союзом, находящимся под контролем государства, целью которого является рождение и воспитание нового поколения и носит патриархальный характер свидетельством чему является система наследования имущества и процедура заключения брака.

Литература

История Древней Греции /Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. школа, 1986.

Лосев А.Ф., Тахо-Гади А.А. Платон. Жизнеописание. М.: «Детская литература», 1977.

Платон. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3 (1) /Пер. с древнегреч. Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971.

Платон. Собрание сочинений 3-х т. Т. 3 (2) /Пер. с древнегреч. Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1972.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Андреева Л.А.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассмотрен вопрос о роли культуры индивида, участвующего в процессе модернизации, роли образования и его гуманистической составляющей как неперемennого условия формирования современной личности, а также соответствия молодежи требованиям модернизации.

Автор обращает внимание на проблему преподавания культурологии как важнейшей дисциплины гуманитарного цикла.

Ключевые слова: гуманитаризация, культура, культурология, личность, модернизация, молодежь, образование, реформирование.

THE ROLE OF CULTURE IN MODERNIZATION OF PERSONALITY

Andreeva L.A.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

The main problem of the article is the importance of the culture of personality especially concerning the person participating in modernization in Russia. The meaning of education and its humanitarization is also at the center of attention. The next problem is accordance of youth, students to the process of modernization. Author points out to the meaning of culturology as a general subject of humanitarian cycle.

Keywords: humanitarization, culture, culturology, personality, modernization, youth, education, reformation.

О необходимости модернизации - целостного обновления общества и вывода его на современный уровень в России постоянно говорят последние два десятилетия. Исторически сложилось так, что из двух основных моделей модернизации (вестернизация и догоняющая) России достался второй вариант. Модернизация предполагает постоянное изменение и усложнение социальных, политических, экономических и культурных структур в соответствии с задачей рационального и эффективного функционирования общества.

Модернизация не может не затронуть культуру общества, в котором она происходит, и человека. Общественная модернизация требует модернизированной личности, способной встроиться в многообразные процессы, происходящие в этом обществе. Модернизации требуется личность, которая может проявить себя в самых различных сферах модернизирующегося общества. А для этого необходим соответствующий уровень культуры, обеспеченный воспитанием, образованием, сформированными знаниями, понимание, умения.

В литературе, посвященной проблеме модернизации исследуются различные ее модели, варианты осуществления системных изменений. (Бермус, 2008) Особое внимание авторы уделяют проблеме культуры и образования, как решающих условий развития личности, являющихся главной силой модернизационного процесса (Додедьцев, 2014; Федотова, 2016).

В данной работе автор пытается ответить на вопрос, какой человек соответствует требованиям модернизационного процесса и какова роль культуры и образования в формировании участника этого процесса? Каковы характеристики культурного уровня личности? Это образование, культурные запросы, ориентации, способы их удовлетворения. Эти показатели помогают оценить уровень культурного развития индивида.

Качества, необходимые личности, участвующей в модернизации: "...открытость новой практике, как в отношении с людьми, так и в освоении новых производственных навыков; вера в действенность науки, стремление достичь более высокого профессионального и образовательного статуса; возрастание интереса к социальной и политической жизни, принятие в ней активного участия, стремление быть в курсе новостей, отдавая предпочтение новостям общенационального и международного масштаба; планирование дел и действий заранее, на перспективу; уважение точности во времени" (Федотова, 2012, с. 140).

Определяющая роль в модернизации безусловно принадлежит молодым. Вопрос о том, как они представляют свое будущее и участие в решении проблем, стоящих перед страной, был им задан в ходе опроса, в котором приняли участие студенты-первокурсники МГУДТ (возраст 17-18 лет). Ответы юношей и девушек отличались. Юноши показали себя прагматиками, девушки - как реалисты и романтики.

По вопросу об образовании юноши ответили, что рассматривают его, как условие для того, чтобы "занять место под солнцем", для получения престижной и высокооплачиваемой работы. Девушки считают, что образование необходимо для приобретения профессиональных навыков. Они рассматривают учебу как условие будущей самореализации. При этом в перспективе подразумевают возможность получения второго образования, постоянное повышение квалификации, обучение за границей. Будущая работа представляется средством интеллектуального самосовершенствования. Образование девушки считают условием служения людям и стране, во имя укрепления ее мирового престижа, что как раз и является одной из задач модернизации.

Разным оказалось отношение юношей и девушек к культуре и духовной жизни.

Юноши из своих предпочтений назвали музыку, чтение, общение с интересными людьми. Девушки продемонстрировали большую разносторонность, подчеркнув стремление к воспитанию в себе творческих начал, отметив любовь к чтению, причем классической литературы, изобразительному искусству, кино, фотографии, таким образом показав понимание, что жизнь - это не только удовлетворение материальных потребностей.

И юноши, и девушки подчеркнули отсутствие интереса к политической жизни, но при этом и те, и другие, понимают, что их судьба зависит

от происходящего в стране и в мире. Пока же их интерес к политике проявляется в чтении газет и в просмотре соответствующих телепередач.

Что касается планирования жизни, то опрошенные выразили уверенность, что все получится, что необходимо уважение пунктуальности в других, воспитание этого качества в себе, но при этом подчеркнули, что планы в силу объективных обстоятельств не всегда выполняются и нужно жить настоящим.

Итоги данного опроса показали, что молодёжь как сила модернизационного процесса, нуждается в повышении образовательного и культурного уровня. Между тем реформирование системы образования в России, происходящая в настоящее время, ведет к снижению его качества. Неправильный урон образованию наносит резкое сокращение бюджетного финансирования, увеличение платных образовательных услуг, превращение образования в привилегию для избранных, распродажа имущества ВУЗов, новый передел собственности т.п. Все это может разрушить российское образование в ближайшем будущем. Это не означает призыва к отказу от реформы образования, но подчеркивает необходимость эволюционных изменений в сочетании с бережным отношением к опыту прошлого в образовательной политике страны.

Образование формирует и развивает интеллектуальный, духовный, нравственный и человеческий капитал общества. Образование стабилизирует общество и служит одним из гарантов национальной безопасности. "Какое в стране образование - таковы народ, государство и общество". (Ерасов, 2000, с. 249)

Принципиальная корректировка государственного курса в образовании способна превратить российское общество в среду, формирующую духовность, соединив этот процесс с внедрением новейших технологий. Только в этом случае отечественное образовательное и научное сообщество смогут стать действенным субъектом модернизации страны.

Важная составляющая современного образования - его гуманизация и гуманитаризация. Гуманитарное образование, являясь частью общего образования, способствует воспитанию полноценной личности. Оно должно сформировать человека, активно участвующего в социокультурном процессе, адекватно воспринимающего различные интерпретации явлений культуры и точки зрения. Гуманитарное образование подразделяется на специальное образование для будущих специалистов гуманитариев, а также для людей, получающих технические профессии. Ведущим принципом современного гуманитарного образования должен быть "авторский подход" со стороны педагога и "гуманитарное самоопределение" со стороны учащихся. Преподаватель должен не просто излагать какие-то представления, но и демонстрировать свой взгляд, а студент должен вырабатывать собственное отношение к взглядам педагога и других участников гуманитарного процесса. Гуманитарное познание должно быть ориентировано

прежде всего на ценности и видение самого исследователя, а также отношение других участников гуманитарной коммуникации, а затем на разрешение гуманитарных проблем и, наконец, на логику и особенности гуманитарного познания. Таковы пути вхождения студента в гуманитарную сферу. Но никакие занятия или другая совместная деятельность с преподавателем невозможна, если студент изначально не приучен читать, слушать серьезную музыку, посещать выставки, музеи, знать произведения и позицию основных деятелей культуры. К сожалению, современная российская молодежь, поступающая в высшие учебные заведения, почти полностью отчуждена от гуманитарной практики жизни. Между тем любые реформы в современной России могут рассчитывать на успех только тогда, когда они инициируют участие субъектов культуры, соединяются с их активными действиями. В утверждении гуманизации и гуманитаризации важную роль играет культурология, являющаяся основой гуманитарного цикла. Эта дисциплина - связующее звено между прошлым и будущим. Её изучение призвано передавать культурные ценности от поколения к поколению.

Изучение культурологии предполагает усвоение субъектом историко-культурного опыта прошлого, духовного наследия в процессе воспитания человека и гражданина. Культура - единственная сфера, "растящая и питающая личность" (П. А. Флоренский), поэтому миссия образования обучать человека культуре.

Образование XXI века должно основываться на гуманистической и гуманитарной доктрине, что подразумевает присутствие в образовании гуманитарного знания, а само образование должно базироваться на культурологической основе. Она позволяет интегрировать данные различных гуманитарных наук при разработке единой концепции культуры. Она может стать междисциплинарной основой любого направления высшего образования. Культурология призвана воспитывать мировоззренческую позицию, ценностные ориентиры, предотвращая превращение субъекта в "одномерного человека" (Г. Маркузе), делая его активным участником модернизации.

Актуальной задачей культурологии является определение путей преодоления современной дезинтегрированности общественно-гуманитарного и естественно-научного процесса, а также дисциплинарной расколотости российского образования.

Приоритетными направлениями выступают: "1. Осмысление исторически меняющегося места в российской и русской культуры в глобальном мире, становление и трансформации российской культурной идентичности; 2. В центре культурологических исследований должно быть изучение человека как творца и творения культуры, способов формирования нравственной, ответственной, интеллектуальной и творческой личности на основе использования его активного потенциала культуры... Необходимо понимание системы образования как важнейшего канала трансляции культуры, как ничем незаменимого способа инкультурации и социализации лич-

ности, как наиболее эффективного механизма внедрения знаний и ценностей в массовое общественное сознание" (Науки о культуре..., 2014).

Подводя итоги, следует отметить, что успех модернизации напрямую зависит от субъекта - личности, воспитанной, образованной, высококультурной. Семья, школа, ВУЗ - те институты, которые формируют подобную личность, чья миссия заключается не только в участии в обеспечении технологического прорыва страны, но и в утверждении в обществе высокой духовности, толерантности, порядочности, понимания и сострадания. В настоящее время много говорят и пишут о мифических "скрепах", забывая о патриотизме, уважении к традициям и обычаям своей страны, ответственности перед социумом, семьей, заботе о стариках и детях. Только тогда, когда эти ценности станут доминирующими, общество начнет динамично развиваться, станет цивилизованным, современным, что и составляет сущность модернизации.

Литература

Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика, культура. М.: Канон+, 2008.

Додельцев Р.Ф. Введение в науку о науке. В 3 ч. Ч. 3. Культура, познание, личность: учебное пособие. М.: МГИМО - УНИВЕРСИТЕТ, 2014.

Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000.

Науки о культуре и культурологическое образование: время стратегических решений. // Вопросы культурологии. 2014. – № 8. – С. 6-11.

Федотова В.Г. Модернизация и культура. //Знание. Понимание. Умение. 2012. – № 4. – С. 139-147.

Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс - Традиция, 2016.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Аполлонов И.А.

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

В статье рассматриваются особенности деконструкции социокультурной идентичности человека в философии постмодернизма. Показана взаимосвязь «Протеевой идентичности» и рассубъективации человека в «машинах желания» общества всеобщего потребления. Вскрыта проблематичность постмодернистской идеологии освобождения человека от репрессивных форм культуры.

Ключевые слова: постмодернизм; «машины желаний»; деконструкция; идентичность; «Протеева идентичность»; апофатический холизм.

THE PROBLEM OF PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF POSTMODERNISM

Apollonov I.A.

Kuban state technological University, Krasnodar, Russia

The article discusses the features of deconstruction of social and cultural identity of man in the philosophy of postmodernism. It shows the relationship of "Proteios identity" and a subjective person in the "machines of desire" the society of total consumption. Opened the problematic post-modern ideology of man's liberation from oppressive forms of culture.

Keywords: postmodernism; «desiring machines»; deconstruction; identity; «identity Proteau»; apophatic holism.

Одним из ярких событий философии рубежа тысячелетий становится проект постмодернизма, направленный на разрушение онтологического статуса логоцентрических структур и связанного с этими структурами принципа самотождественности. При этом постмодернизм является не только и даже не столько философским течением, сколько методологической парадигмой широкого круга социальных и гуманитарных наук. К примеру, на этих принципах основан конструктивистский подход в социологии и этнологии, рассматривающий любые социокультурные общности в качестве воображаемого конструкта, т.е. симулякра; в психологию внедряется «шизоанализ», исследующий расщепленность человеческого «Я»; широко распространены разного рода гендерные исследования, построенные на отрицании объективности половой принадлежности человека.

Широкая востребованность эпатажных и провокативных идей постмодернистов связана с попыткой осмыслить тектонические трансформации общественной жизни, которые, в свою очередь, изменяют и человека в той мере, в которой он является «общественным животным». Подобная трансформация связана с переходом от индустриального общества к постиндустриальному, где на первое место выходит потребление и имманентное ему производство желаний. Такое производство приобретает конститутивные черты машинного производства, «растворяющего» субъектность человека в потоке потребления и символического обмена. Здесь можно заметить (и скорее всего это сознательная аллюзия Делеза и Гваттари) зеркальную проекцию описанных К. Марксом автоматических процессов машинного производства промышленной эпохи, где происходит аналогичная рас-субъективация рабочего, который становится необходимым придатком машины, деятельность которого абстрагируется от целостности технологического процесса и «всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот» (Маркс, 1969, с. 121).

Но, в отличие от марксизма, где подобная рассубъективация рассматривается как антигуманное отчуждение человека от человеческой сущности, которое должно быть преодолено в формировании гармонической личности - субъекте коммунистического общества, идеологи постмодернизма именно с такой рассубъективацией связывали проект нового человека, точнее, постчеловека, освобожденного от пут идентичности с человеческой, а также и любой другой сущностью. Такая борьба против социокультурных форм, определяющих самоощущенность человека, принимает ярко выраженную этическую окраску. Постмодернисты рассматривают себя в качестве идейных наследников антифашистского сопротивления. В частности, М. Фуко определяет в качестве стратегического противника постмодернизма фашизм, «который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, — фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» (Фуко, 2007, с. 9).

Преодолеть репрессивные структуры идентичности призвана деконструкция, которая из литературно-критической практики превратилась в универсальную критику реалистического принципа восприятия и рациональной трактовки любого культурного явления с целью децентрирования структуры этого явления и деиерархизации его смыслов: ведь «абсолютность духа, ореол культуры и был тем принципом, который, не переставая, служил насилию» (Адорно, 2003, с. 329). При этом идеологи постмодернизма рассматривают деконструкцию не как шаг на пути к новой структуре, а в качестве самодостаточной процедуры. В отличие от метода Сократа, ирония, разрушающая самоочевидные смысловые структуры, становится целью, а не средством майевтики: того, что помогает рождению определенной осмысленной целостности собственного «Я», способного различить в себе подлинное от мнимого. В этом пространстве вопрос о фиктивности личности и подлинности в самом широком смысле снимается (Манакова, 2012, с. 146). Показательна резкая критика Т. Адорно ключевого для философии М. Хайдеггера принципа подлинности в его противопоставлении неподлинному существованию. В таком противопоставлении, равно как и в восхвалении «позитивного» и «благого» Адорно усматривает мощный идеологический подтекст, направленный на идеализацию и оправдание существующего или даже устаревшего социального порядка (Кречетова, 2011, с. 126).

Соответственно, деконструкция, отрицающая сам принцип структурной целостности, отрицает высший сакральный уровень бытия, с которым связан принцип подлинности. В таком отрицании происходит отрыв онтического от онтологического: предметно-чувственный мир сущего теряет свою бытийную основу, и в аспекте причинности, и в аспекте цели. В действительности остается отрицающая всякие разумные основания безосновная и беспричинная фактичность, которая и становится абсолютным

онтологическим свойством (Meillassoux, 2008, p. 58). При этом онтологическое отсутствие общего основания бытия обуславливает умножение онтических оснований, что определяет множество в качестве единственного онтологического атрибута, исключающего редукционизм во всех его формах.

Логическим продолжением подобных взглядов является концепция множественной идентичности, символом которой становится Протей – мифологическое существо, способное принимать различные образы. Метафора Протея предполагает возможность существования одновременно нескольких Я, вплоть до полностью противоположных друг другу, но каждое из которых постоянно готово вступить в действие (Труфанова, 2008, с. 100). Данную метафору вводит американский психиатр Р. Дж. Лифтон, который рассматривает подобную форму идентичности как преодоление идентификационного кризиса в ситуации «бездомности» и «безотцовства», возникающих вследствие релятивизации социокультурных норм и ценностей, повышении социальной мобильности современного человека, ощущении им постоянной тревоги в мире нестабильности и рисков. Формирование ширящегося разнообразия идентичностей человека Е.О. Труфанова связывает с практикой эскапизма – бегства от рутины реального, повседневного мира в мир грез, фантазий, иллюзий. В этом мире человек создает виртуальные Я-образы, погружающих его в карнавал ролевых персонификаций, посредством которых человек может «прожить» множество виртуальных жизней (Труфанова, 2010, с. 16). Для человека гиперреальность виртуального мира, наполненного яркими и насыщенными симулякрами, становится важнее обыденной реальности. Впрочем, подобный феномен бегства в мир грез далеко не нов. Н.М. Бахтин и вовсе считал такое бегство, расщепляющее человеческое Я на внешнее и внутреннее, основной чертой человека XIX века, который связывает свое настоящее «Я» с пленительным и призрачным внутренним миром, всецело покорным его капризному произволу (Бахтин, 2008, с. 74-76). В ситуации постмодерна этот внутренний мир всего лишь перестаёт быть чем-то приватным. Он выворачивается наизнанку, выплескивается вовне, становится интерактивным и неопределенно множественным. Его иллюзорная гиперреальность поглощает саму действительность. Так что эскапизм протеевой идентичности становится основным средством присутствия человека в мире: уединение в мире симулякров оборачивается самовыражением в них. Здесь идентичность становится средством артикуляции самости, формой притязания человека на значимость, при которой самовыражение доминирует над отождествлением (Гречко, 2009, с. 45).

В данном контексте происходит онтологическое измерение идентичности «Быть кем-то» перестает быть объективной данностью, социокультурной вменённостью человека, имплицитно содержащей в себе нормативную заданность и ценностную перспективу. Такая данность отождествляется с соответствующей идеологемой и, тем самым, объявляется иллюзией, навязанной человеку и устанавливающей господство над его личностью. К при-

меру, объявить себя русским мужчиной значит быть уличенным в шовинизме и фаллоцентризме. Поэтому в постмодернизме идентичность строится на протеевском ускользании из социокультурной заданности так называемых «больших нарративов» в ризоматическую череду ситуативных ролей, стилей и имиджей, в пространстве которых происходит самоутверждение и манифестация собственной значимости, подтверждение некоего самостояния (Гречко, 2010). Я идентифицирую себя не с мужчиной, а с метросексуалом или хипстером; не с русским, а болельщиком «Спартака» или слушателем «Радио Шансон»; не с человеком, а с эльфом или гоблином. Идентичность здесь сводится к аватарам и профилям социальных сетей, которые можно самостоятельно выстроить, достроить или перестроить; изменять и менять по собственному капризу или произволу.

Таким образом, идентичность перестает быть Словом о человеке, в котором открывается горизонт его подлинности. Она превращается в иероглифы, штампы, коды, пароли, которые проверяются не на истинность, а на эффективность; которыми пользуются, а не понимают. Постмодернистская идентификация, поэтому, перестаёт быть способом освоения социального отношения, а становится способом ситуативного употребления этого отношения (Терещенко, 2009, с. 80). Собственно идентичность и превращается в групповой стиль потребления, при котором группы предоставляют человеку набор мотивированных желаний.

В данном контексте возникает вопрос: а насколько постмодернистский проект протеевского постчеловека освобождает этого постчеловека от фашистского диктата репрессивной самоидентичности социокультурных форм? Ведь контркультурный пафос постмодернизма парадоксальным образом совпадает со взглядами главного эстетика Третьего Рейха Х. Йоста, его крылатой фразой: «когда я слышу слово «культура», рука тянется к пистолету». Да и сам термин «Протеева идентичность» Р. Дж. Лифтон вводит в контексте исследования расщепленного сознания нацистских врачей, ставивших бесчеловечные опыты в фашистских концлагерях.

Подобные совпадения, на наш взгляд, вполне закономерны. Ведь проект постмодернизма являет саморазрушающую противоречивость: борьба против порабощающей индивида власти идеологии и универсальных ценностей сама предполагает идеологию, однозначно предпочитающую принципам тождественности и рационального самоосознания ценность различия и бессознательных желаний. Разрушение логоцентризма во имя освобождения человеческой индивидуальности от традиционных социокультурных форм ведет к растворению оной во всевозможных знаковых формах массового сознания и массовой культуры, в которой рулевые «машин желания» эксплуатируют сферу жизненных интересов и устремлений человека.

Образ человека, который неявно присутствует в постмодернистских разработках, - это образ человека, не способного достичь самоидентификации, подчиняющегося страстям и аффектам, но не разуму, не способного контролировать свои чувства и живущего в симулякрах – фантазмах, далеких от реальности, не прозрачных и все более отдаляющихся от реальности (Огурцов, 2002, с. 308-309). И в этом призрачном мире, точнее, умножающей себя серии призрачных миров, где «в бесприютности нигилизма слепо блуждает не человек, а человеческое существо (Хабермас, 2008, с. 176). Поэтому «смерть субъекта» не устраняет господство над человеком дискурсивных практик, но наоборот, умножает их, усиливая власть над человеком.

Вместе с тем, обнаружение тупика деконструкции в подходе к осмыслению личностной идентичности не отменяет тех острых проблем, которые привели стольких блестящих и неординарных мыслителей к критике принципа субъекта и его самотождественности. Подобные проблемы, с одной стороны, связаны с опасностью отчуждения, потери себя, собственной самостоятельности в идентификациях с надсубъективными по своей природе социокультурными общностями. Заявляя о принадлежности к нации, классу, конфессии, партии, формальным и неформальным объединениям, индивид может потерять свою индивидуальность в обезличивающей унификации социально одобряемых образцов, стать частью целого, что, в свою очередь, грозит потерей личностной вменяемости и распространением тоталитарной идеологии.

Таким образом, проблема личностной идентичности оборачивается поиском соотношения индивидуального и внеиндивидуального в человеческом Я: где я как собственно я, а где я лишь как представитель какой-либо общности, единица определенной серии, носитель внеличных свойств, звено в безликой цепи традиции? И решение данной проблемы связано с поиском себя имманентного в контексте наличной социокультурной данности, преодоление собственного отчуждения в различного рода общностях и культурных смыслах.

В данном контексте видно, что идеологи постмодернизма критикуют не столько культурную традицию модерна (который в качестве такового был обозначен задним числом), сколько ими же созданный миф о логоцентризме модерна.

В этом мифе они видели лишь власть законченной структуры, но не замечали ресурса роста, выхода к апофатическим горизонтам смыслов и ценностей, в пространстве которых обретается подлинная целостность, как социальных форм культуры, так и человеческой личности. Путь к этому горизонту указывают культурные нормы и образцы, чья строгость не парализует человека, но напротив, является условием его свободы в том родовом усилии, в котором человек обретает неповторимый лик своей личностной самотождественности.

Литература

- Адорно Т.В.* Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- Бахтин Н.М. Разложение личности и внутренняя жизнь //Н.М. Бахтин. Философия как живой опыт. Избранные статьи. М.: Лабиринт, 2008.– С. 73-82.
- Гречко П.К.* Идентичность – современные перспективы //Ценности и смыслы. 2009. – № 2. – С. 38-53
- Гречко П.К.* Идентичность – постмодернистская перспектива //Вопросы социальной теории. 2010. – Т. 4. – С. 171-190.
- Кречетова М.Ю.* Вопрос о подлинности: Т. Адорно versus М. Хайдеггер //Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2011. – № 2(14). – С. 122-129.
- Манакова И.Ю.* О фиктивности, подлинности и симуляции //Вестник ВГУ. Серия: Философия, 2012. – № 2. – С. 144-151.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 гг. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2 изд. т.46, ч. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
- Огурцов А.П.* Постмодернистский образ человека и педагогика //Субъект, познание, деятельность. М., 2002. – С. 297-327.
- Терещенко Н.А.* Парадоксы социально-философской мысли (о мерцающей субъективности в живом объективном) //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. – № 5 (73). – С. 74-81.
- Труфанова Е.О.* Идентичность и Я //Вопросы философии. 2008. – № 6. – С. 95-105.
- Труфанова Е.О.* Человек в лабиринте идентичностей //Вопросы философии. 2010. – № 2. – С. 13-22.
- Фуко М.* Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» //Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2008.
- Meillassoux Q.* After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency //Q. Meillassoux. London: Continuum, 2008.

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

Зорина Е.В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва

Анализируются проблемные точки преподавания философии, связанные с формированием социального опыта у студентов. Социальный опыт представлен как современная гуманитарная практика.

Ключевые слова: конструктивизм, философия, педагогика, коммуникация, диалог.

THE TEACHING OF FILOSOPHE AS A MEANS OF CONSTRUCTING SOCIAL EXPERIENCE

Zorina E.V.

State Financial University, Moscow, Russia

The author analyzes the problem of teaching philosophy, which relate to social experience of students. Social experience is presented as a modern humanitarian practice.

Keywords: constructivism, philosophy, education and communication, dialogue.

Отечественная социально-философская методология находится в состоянии трансформации. Ресурсы ее изменения, как правило, находятся в междисциплинарных областях, откуда приходят не только методы, но и схемы, понятия, элементы нефилософского мировоззрения, такие, как, например, синергетическая парадигма, конструктивистский подход. Более того, «популярность конструктивистских идей сегодня во многом связана с особенностями современной социальной жизни и с ролью в ней виртуальной реальности и новых информационных технологий, которые в некотором смысле творят повседневную реальность» (Конструктивизм, 2008, с. 5). Конструктивизм вырастает из того факта, что линейного пути от теоретического знания к жизненному миру нет, как его нет от эмпирического опыта к теории. Так как же проявляется философский конструктивизм в высшем образовании, какие плюсы и минусы несет с собой?

Некоторая размытость смысловых трактовок конструктивизма в эпистемологии и философии науки связана с тем, что познавательные процедуры включают и образы, и понятия, и суждения, и схемы мышления. Иными словами, мыслительные конструкции (от лат. *constructio* — построение) используются в самых разных аспектах разными областями знания. Философский конструктивизм опирается на представления об активности познающего субъекта, проявляющейся в деятельности, а сама эта деятельность – не что иное, как специфически философское выражение культурных схем социально-гуманитарного знания. Философские конструктивизм проявляет себя и в создании особых конструкций – концептов (Ж. Делез), таких как эйдосы Платона, «*cogito*» Декарта и др.

Философия с момента своего возникновения несла в себе ярко выраженный элемент конструктивизма, проективности; она была нацелена на преобразование мира человеческой мысли, отличалась ориентацией на отклик аудитории. От античного идеального образа, от инструментального проекта непрерывного преобразования эпохи Модерн, от кантианского принципа активности познающего субъекта, погруженного в рациональные структуры разума, в марксистской философии произошел переход к

активности субъекта в деятельности, причем сама эта деятельность была обоснована как практически-преобразовательная, проективно-коммуникативная. В философии Г. Абеля и Х. Ленка методологическое конструирование рассматривается как «креативный процесс интерпретации» (Abel G, 1994), включающий и уровень восприятия и уровень концептуализации, где происходят процессы разграничения, ассоциации, различения, анализа, предпочтения, синтеза, проектирования. В этом смысле преподавание философии в ВУЗе представляет собой организацию философского опыта, закладывающего основы ориентировочной активности не только в образовательном процессе, но и в самой жизни. Этот опыт приобретает существенно новые черты, поскольку он соприкасается с «техноландшафтом» в виде современных информационных систем. И, таким образом, общая социокультурная ситуация способствует тому, что повышается значение конструктивистских элементов в контексте преподавания философии.

Через интеграцию специального и философского содержания возникает интеллектуальная конструкция, рациональный образ объекта изучения, обладающего чертами уникальности, неповторимости. Философия существует только во множественном числе, поэтому в учебной практике достигается не «последняя истинная конструкция» (Т.И. Ойзерман), а сравниваются системы и методологии. Изменяется также и характер субъектности учебного процесса, связанный с переносом центра обучения в сферу самостоятельной работы студентов.

Как элемент образовательного процесса, конструктивизм имеет свою "зону приложимости", которая, на наш взгляд, охватывает собой исследовательский ракурс обучения. Именно такой ракурс позволяет соединить философию, обучение и повседневность, причем постепенно формирующийся жизненный мир, как мир социальных отношений студента, «выступает в качестве особого символического пространства, становящегося преимущественной действительностью современного человека и определяющего стилистику его конструктивной активности» (Кожевников, 2008, с.138).

Конструктивистский элемент в преподавании философии в жизненном мире с частицей «пост» (постнеклассика, постсовременность, постиндустриализм, постмодернизм, постхристианство) состоит, на наш взгляд, в трех основных тенденциях. Первая: введение в философский обиход для студентов, магистрантов и аспирантов нефилософских специальностей терминов и образов, характеризующих время «пост» - от неклассической философской аналитики (постпозитивистской) до деконструктивного метода.

Вторая: использовать для повышения исследовательских навыков широкую вузовскую дисциплинарную палитру. Тогда преподавание философии оказывается профилированным, но этот специализированный профиль несет в себе гуманитарные смыслы, за логику формирования которых

отвечает не только историческое время, но и масштаб личности самого преподавателя. Классическая функция образования – адаптация учащегося к окружающему миру, неклассическая – система «студент-преподаватель» - равноправие диалогического участия (Хуторский, 2008). Философия как раз и нацелена на формирование способности к непрерывному самоизменению как студента, так и преподавателя.

Третья: неизбежное возрастание образовательного эклектизма. Эклектика здесь выступает далеко не в негативной форме, поскольку не всегда она указывает на заимствования и потерю стиля. Эклектика может обозначить себя в своеобразной роли креативного конструктора, рождающего новые повороты мысли и обогащающего и студента, и преподавателя. В конечном итоге, если преподавателю философии удастся операция «парадигмальной прививки» философского черенка на дисциплинарное древо, то от этого выиграют только студенты.

Переход от классического преподавания философии к более современным формам с явным конструктивистским элементом, (презентации, кейсы, диспуты, дискуссии, ролевые игры, мозговые штурмы и т.п.), имеет как достоинства, так и недостатки. Преимущество состоит в том, что конструктивизм расширяет пространство возможного. Он позволяет студентам свободно играть с реальностью и со своим опытом (кантовская продуктивная способность), открывать средствами воображения нюансы, оттенки, перспективы. Философия помогает нащупать правила и нормы перестраивания смыслов дисциплинарной реальности. Тем самым студенты учатся на современном материале пробовать, испытывать, а не ждать одобрения «так надо, а так – неправильно». В конце концов, прав М.К. Мамардашвили, считавший, что «философия – это судьба». Если преподнести ее талантливо, то многие студенты поймут, что выбранная ими профессия – это тоже судьба.

Многомесячный марафон изучения философии переписывает биографии преподавателей, может быть, даже сильнее, чем студентов. Так происходит, потому что преподавателю приходится преодолевать диссонансы прежнего и текущего педагогического опыта. Этот процесс, по большому счету является «социальным конструированием реальности» (у П. Бергера и Т. Лукмана есть одноименная работа), затрагивающим тот «контрапункт», где сообщество индивидуальностей – преподаватель и студенты, вместе учатся оценивать, думать, интерпретировать. Если в философском процессе ничего не происходит с самим преподавателем, то это – диагноз.

Конструктивизм нацеливает преподавателя философии и студента на диалогическое коммуникативное действие, в котором отношение внутри маленького научного сообщества - преподавателя и студентов, - играет большую роль, чем содержание передаваемого. Возьмем для примера теорию отражения, базовую для классической гносеологии. Счи-

тается, что психика отражает реальность ("теория отражения"), уподобляется ей в деятельности. "Принцип отражения" (интерпретированный материалистически или реалистически) называется западными учеными "копирующей теорией истины". В этих условиях выдвижение эвристических гипотез, фантазия, проблематика общения, становление и самоактуализация личности (и преподавателя, и студента) ограничены, потому что для них заданы жесткие параметры. Конструктивизм же принципиально плюралистичен, а пристрастность субъекта познания - не досадное искажение "объективного знания", а необходимый компонент позиции исследователя, задающей мотивы и направленность исследования, его цели, характер отбора эмпирического материала, ценность факта общения.

Включение конструктивистского элемента в преподавание философии не чуждосинергетической методологии, особенно в форме "конструктивистского реализма", восходящего к профессору Г. Хакену, основателю синергетики. С точки зрения философии, окрашенной в синергетические тона, реальность не бесконечно пластична, и любая творческая, в том числе и образовательная деятельность, чтобы быть успешной, должна ориентироваться на естественные ограничения в виде собственных путей трансформации, связей с социальным устройством, культурной матрицы. Преподавание философии должно быть таким, чтобы студент понял: философия не изобретает теорию в уютной тиши кабинета, а анализирует различные типы социокультурного опыта, осуществляя теоретические обобщения в соответствии с процедурными нормами своей науки. Изучается по сути дела процесс освоения человеком не объективного мира, а практики социального взаимодействия, где знание является средством конструирования социального опыта. Особенно важен акцент на активности метального мира в жизни человека и социума. И этот акцент вполне созвучен духу времени: чем больше человек обретает независимость от природы, тем большую роль играет созданный им ментальный мир.

Для характеристики преподавания философии в высшей школе в нашу историческую эпоху особое значение имеет когнитивный конструктивизм, основанный на идее готовности к саморазвитию, самоотнесенности, самореферентности (Конструктивистские концепции, 2003, с.159). Интеграция новых философски профилированных конструктов в педагогический процесс в высшей школе поддерживается компьютерными технологиями, доступностью для студенческой аудитории большого массива материалов по самым разным отраслям знания. На наш взгляд, конструктивистский элемент в философском знании в его прямом значении – создания новых открытых диалогических смыслов, - не просто методологически оправдан, но он служит одним из оснований в процессе формирования у студенческой аудитории навыков социального и инновационного мышления. В этом значении элементы философского конструктивизма в преподавании являются формой социального конструирования, формируя скопированный с общества образ научного сообщества. В этом случае препода-

вание философии – это не преподавание истин разных систем, а установка на жизнеспособность философских знаний. Студенты учатся оформлять свой философский опыт так, чтобы он встраивался в восприятие и освоение экзистенциальной сложности мира.

Литература

Кожевников С.Б. Эвристические горизонты концепции жизненного мира. //Вопросы философии. 2008. – № 11.

Конструктивизм. Материалы Круглого стола. //Вопросы философии. 2008. – №3.

Конструктивистские концепции образования. //Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.

Хуторский А.В., Король А.Д. Диалогичность как проблема современного образования (философско-методологический аспект). //Вопросы философии. 2008. – № 4.

Abel G. Was ist Interpretations philosophie? //Simon. (Hg.) Zeichen und Interpretation. Frankfurt a. M., 1994. – S. 16f.

РАЗВИТИЕ «СИММЕТРИЧНЫХ ОНТОЛОГИЙ» КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Ильюшенко Н.С.

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск

В статье представлена характеристика «симметричных онтологий» как методологического направления, снимающего ряд противоречий конструктивистского подхода (радикальной и социальной версий). Рассмотрены основные положения данной методологии. Определены темы, требующие дальнейшей разработки в контексте исследования проблем социального развития с позиций данного подхода.

Ключевые слова: «симметричные онтологии», принцип симметрии, конструктивизм, гибрид, сеть.

DEVELOPMENT OF "SYMMETRIC ONTOLOGIES" AS WAY TO OVERCOME CONTRADICTIONS OF CONSTRUCTIVIST APPROACH IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Ilyushenko N.S.

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

The article considers the characteristics of "symmetric ontologies" as a methodological approach, which removes a number of contradictions of constructivism (in its radical and social versions). The key provisions of this meth-

odology have been taken into consideration. In addition, the article aims to determine the trends and issues, which require further investigation.

Keywords: "symmetric ontologies", principle of symmetry, constructivism, hybrid, network.

Вопросы общественного развития традиционно выступали и продолжают являться предметом исследовательского интереса представителей различных социально-гуманитарных наук: социологов, историков, философов. Однако ряд аспектов современной социальной динамики (траектории и закономерности общественных изменений, перспективы и следствия использования коммуникационных и информационных технологий, специфика формирования идентичности индивидов, входящих в то или иное общество), делают востребованным поиск ответа на вопрос о методологии, с позиций которой сам социум описывается и анализируется.

Известно, что в ходе своей эволюции конструктивистский подход, получивший широкое распространение в социально-гуманитарном знании в последние десятилетия, столкнулся с рядом противоречий (нерешенность вопроса об онтологическом статусе познаваемых социальных объектов (радикальная версия конструктивизма); требование объяснять социальное социальным, приводящее в итоге к тому, что объяснительные модели выстраиваются путем замещения одного социального конструкта другим социальным конструктом (социальный конструктивизм)). Необходимость преодоления данных методологических трудностей, желание найти точки соприкосновения «конструкции» и «реальности» способствовали появлению «симметричных» концепций, в которых учитывались и снимались указанные противоречия, таким образом, расширяя и углубляя понимания феномена социального.

Термин «симметрическая онтология» вводится в качестве обобщающего понятия для обозначения широкого спектра разнообразных по своему содержанию и приложению теоретических подходов внутри конструктивистской парадигмы, имеющих в качестве общего момента методологическую установку на преодоление ограничений тех традиций, с которыми они генетически и идейно связаны, а также акцентирующих внимание не на эпистемологической, но на онтологической проблематике. Важно отметить, что в теоретической литературе уже сложилась, пока не до конца оформившаяся и не получившая окончательного закрепления, но явно обнаруживающая себя тенденция использования данного словосочетания применительно к ряду концепций. В частности, данным термином пользуются Э. Пикеринг, Дж. Вайер, Т. Вестермайер для определения реляционной онтологии Б. Латура. В качестве обобщающего понятия, обозначающего онтологические построения представителей акторно-сетевой теории в целом (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло), данным термином пользуются Г.К. Гобрусенко, Е.В. Середкина и И.В. Черникова, О.Е. Столярова и др.

Данное понятие может быть экстраполировано и использовано в качестве синонимического для обозначения не только «реляционной онтологии» и фиксации сущности акторно-сетевой теории Б. Латура, М. Каллона, но также включить в свой объем онтологические разработки «конструктивного реализма» таких исследователей как Ф. Валлнер, К. Грайнер, Дж. Капчик, Г. Ленк и др., а также позицию, высказываемую и защищаемую В.А. Лекторским и др. Такое расширительное толкование, на ваш взгляд, возможно, поскольку данные позиции содержат в себе необходимый элемент «симметрии», а значит, должны быть включены в рассмотрение.

Прежде чем характеризовать установки и принципы «симметричных онтологий» представляется важным осуществить терминологическое прояснение самого понятия симметрия. Несмотря на длительную традицию его использования в истории философии в качестве фундаментальной категории (ее можно встретить при описании гармонии сфер Пифагором, а также у мыслителей Нового Времени) (Ягафарова, 2008), в интересующем нас смысле он был предложен социологом знания Д. Блуrom.

Д. Блур определил симметрию в качестве фундаментального принципа разработанной им сильной программы социологии (Блур, 2002, с. 1-22). В контексте проводимых им исследований требование симметрии означало, что при анализе научного знания необходимо уделять равное внимание, как содержанию, так и контексту науки, а при изучении конкретных научных объектов следует практиковать предварительный отказ от выделения в исследуемом феномене или процессе главного и второстепенного, истинного и ложного, рационального и иррационального, придерживаясь использования одинакового языка описания этих крайностей. Однако внутренние ограничения разработанной им программы заставили следующих за Д. Блуrom теоретиков переосмыслить данный концепт, предложив его расширительную трактовку.

К числу наиболее значимых затруднений следует отнести то, что хотя Д. Блур обосновал необходимость анализа не только контекста выработки, но и содержания научного знания «без каких-либо ограничений» (Блур, 2002, с. 1), тем не менее, теоретические сложности в его подходе могут быть соотнесены с теми, которые испытывает ученый, когда пытается объяснить интересующий его объект сведением к детерминирующим его функционирование факторам: историческим, биологическим, психологическим. Ограничивая область объяснения социальными факторами Д. Блур, по сути, также осуществляет редукцию. При этом без ответа в его теории остается вопрос о самой сущности знания как такового, природе познавательного процесса и его соотношения с такой категорией как истина.

Помимо прочего, ключевыми вопросами, требующими своего решения стали: вопрос об онтологическом статусе познаваемых объектов и их природе; вопрос о сущности и процессе реализации познавательной деятельности субъекта как специфическом взаимодействии с познаваемыми

объектами; вопрос об адекватных методах и инструментах описания данного взаимодействия. В результате в качестве задачи была осознана необходимость выведения из своеобразного «забвения» онтологической проблематики, поскольку длительное время интерес ученых концентрировался вокруг эпистемологических вопросов; преодоления границ субъект- и социентризма; разрушения «пропасти» между объектом и субъектом познания в пользу выстраивания ценностной, «синтетической» онтологии, вернув при этом в трактовку взаимодействия реальности и знания диалектическое начало, связывающее воедино субъекта и познаваемый им объект.

Для преодоления обнаруживших себя трудностей, основатели акторно-сетевой теории Б. Латур и М. Каллон, предприняли попытку переосмысления понятия «симметрии», предложенное Д. Блуром. В частности, М. Каллон также возвел данный термин в ранг принципа своего научного исследования, дав ему предварительно расширительную трактовку. Говоря о процедурах разработки и создания новых научных технологий, он определил в качестве «симметрии» «равноправное участие» рыболовов, биологов и моллюсков в процессе формирования знания или некоторой теории (Callon, 1986, pp. 196-233), таким образом, признавая необходимость учета при формировании теоретических построений влияния не только социального контекста знания, но и самого исследуемого объекта. Б. Латур также переосмысливает понятие симметрии, дополняя его, расширяя до так называемой генерализованной симметрии, предполагающей требование уделять равное внимание как субъективному, так и объективному началу, то есть не только человеку, но и непосредственно вещам, взятым в полноте их материального присутствия в процессе познавательной активности (Латур, 2014).

Введение принципа симметрии привело к переинтерпретации сущности субъекта и объекта, а также к порождению новой трактовки реальности, взаимосвязи «природы» и «общества». Введение данного принципа преследовало цель иллюминации дихотомии между позитивистски ориентированными теориями, стремящимися свести все многообразие мира, в том числе и социального, к набору естественных, природных, объективных и независящих от субъекта сущностей. Также оно должно было препятствовать процессу тотальной социологизации любых объяснений с утверждением примата социальных конструкций в качестве единственно доступной индивиду «реальности».

Расширительная трактовка симметрии позволила перевести внимание с субъекта на объект, который утратил свою автономию и начал трактоваться также предельно широко, заняв равноположную и равновесную позицию по отношению к субъекту. Однако Б. Латур пошел дальше простого утверждения о равноценности данных компонентов реальности, внеся в их понимание принципиально новые смыслы. Так, согласно Б. Латуре, субъект и объект никогда не обнаруживаются в реальности в «чистом»

виде, взятые сами по себе и отдельные друг от друга. Как таковые они оформляются и существуют исключительно во взаимодействии и взаимовлиянии, не представляя до этой «встречи» никакой изначально предзаданной им сущности. И субъект, и объект реально существуют, не сводясь друг к другу, но их природа может выявиться лишь в ситуации их соотнесения друг с другом.

Поскольку мир не содержит в себе существующих отдельно друг от друга субъектов и объектов, постольку в «симметричной» онтологии особый статус приобретает категория *взаимодействия* индивида и «вещей». Две реальности – реальность субъектов и реальность вещей – оказываются не двумя противостоящими друг другу сферами бытия, но тесно связанными и определяющими друг друга. Так, реальность вещей есть реальность, окружающая человека и включающая его в качестве своего составного элемента, давая основу, или базис для межличностного взаимодействия. Интерсубъективная же реальность служит основанием обретения вещами их смысла и значения. Таким образом, Б. Латур указывает на реальность и одновременную конструируемость вещей в процессе взаимодействия с ними.

Двойственную, синтетическую природу вещей позволяет схватить введенное им понятие «гибрида», под которым необходимо понимать как субъекта, так и всякую вещь, относительно которых возможны какие-либо знания, и которые одновременно выступают и реальными (имеющими объективную природу) и конструируемыми (имеющими социальную размерность). Гибриды делятся на квази-субъекты (акторы) и квази-объекты (актанты), чьей характеристикой выступает то, что они есть результат взаимодействия их субъективной и объективной природы. Гибриды обретают свою сущность лишь в результате обретения ими определенной позиции в структуре создаваемых ими взаимодействий. Их онтологической характеристикой, таким образом, выступает не объективность или субъективность как таковые, а сама способность вступать в отношения, обнаруживать себя в ситуации «встречи».

Иллюстрирующим примером может выступать описание Б. Латуром взаимодействие человека с пистолетом: «С пистолетом в вашей руке – вы другой человек. Сущность есть существование, а существование есть действие. Если я определяю вас посредством того, что у вас есть (пистолет), и посредством серии ассоциаций, в которые вы вступаете, когда используете то, что у вас есть (когда вы стреляете из пистолета), тогда пистолет изменяет вас – в большей или в меньшей степени, в зависимости от веса других ассоциаций, которые вы за собой тянете. Этот перевод целиком и полностью симметричен. Вы – другой с пистолетом в руке; пистолет – другой с вами, держащим его в руках. Вы – другой субъект, потому что держите пистолет; пистолет – другой объект, потому что он вступил в отношения с вами» (Latour, 1994, p. 33). <...> Убивают не люди и не пистолеты. Ответ-

ственность за действие должна быть разделена между различными актантами» (Latour, 1994, p. 34).

Переплетения всех существующих взаимодействий и взаимовлияний квази-объектов и квази-субъектов между собой образуют своего рода *сеть*, где каждому элементу отведено определенное место в порядке установленных связей. Сетевая организация реальности, таким образом, определяется Б. Латуром в качестве того онтологического базиса, на основе которого акторы и актанты могут существовать.

При такой трактовке как социальное, так и природное утрачивают свои свойства метареальностей, требуя построения новых стратегий познания и исследования мира, где бы имел место учет не только субъективной компоненты знания, но и непосредственной реальности материальной данности вещей. В таком отказе познания от субъект-центристской, так и объективистской позиции исследователя и заключается значение философской позиции Б. Латура.

В результате «симметричные онтологии», снявшие онтологический барьер между субъектом познания и познаваемым им объектом, с одной стороны, преодолевают отмеченные в начале статьи противоречия конструктивистской парадигмы, а с другой стороны, ставят перед исследователями новые вопросы и открывают новые перспективы для будущих теоретических построений. В числе таких новых вопросов, в первую очередь, попадают вопросы роли и влияния информационных технологий на социальное развитие, перспектив формирования индивидуального и коллективного самосознания, если в число факторов, оказывающих воздействие на данные процессы, оказываются включены сами вещи и практики взаимодействия с ними. Также данный подход актуализирует потребность в развитии междисциплинарного знания, направленном на преодоление жестких границ между различными течениями социально-гуманитарного знания, а также между естественными и гуманитарными науками как таковыми, что способно значительно обогатить арсенал исследовательского инструментария представителей обеих областей. В заключение следует сказать, что перспективы таких преобразований и их влияние на социальное развитие пока не поддаются однозначному определению и должны быть исследованы в будущем.

Литература

Блур Д. Сильная программа социологии знания. Логос. 2002. – № 5–6 (35). – С. 1-22.

Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: ГУ ВШЭ, 2014.

Ягафарова Х.Н. Симметрия и самоорганизация: от античной натурфилософии к современной науке: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. Уфа, 2008.

Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay. Power, action and belief: a new sociology of knowledge? Sociological review monograph 32, London, 1986.– PP. 196-233.

Latour B. On technical mediation. Common knowledge. 1994. – Vol. 3. – № 2. – PP. 29-64.

ГУМАНИТАРНЫЕ РИСКИ И РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Ковалева О.В.¹, Добрякова О.Б.²

¹Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

²Колледж Московского гуманитарного университета, Россия

В данной статье акцентируется внимание на трудность идентификации гуманитарных рисков. Ценностная установка на приоритет целеполагания над смыслопоиском рассматривается как признак рисковенной ситуации. Философия представлена как сфера человеческого духа, в которой обнаруживаются гуманитарные риски и мобилизуются возможности нейтрализации их последствий.

Ключевые слова: общество риска, гуманитарные риски, целеполагание, поиск смыслов, самоидентификация, интеграция, дезинтеграция, латентная функция, дисфункция.

HUMANITARIAN RISKS AND THE ROLE OF PHILOSOPHICAL EDUCATION IN THEIR NEUTRALIZATION

Kovaleva O.V.¹, Dobryakova O.B.²

¹Moscow state University of design and technology, Russia

²College of Moscow University for the Humanities, Russia

This article is focused on the difficulty of identifying the humanitarian risks. Value target at the priority of the goal setting over the search for meaning is seen as a sign of risky situations. Philosophy is presented as the sphere of the human spirit, with humanitarian risks and opportunities that mobilize and neutralize their consequences.

Keywords: risk society, humanitarian risks, goal setting, search for meaning, identity, integration, disintegration, latent function, and dysfunction.

Характеризуя современное состояние общества, в попытках обнаружения его сущностной специфики, ученые гуманитарной сферы называют его "постиндустриальным" (Белл, 2004), "сетевым" (Кастельс, 2000), "обществом спектакля" (Дебор, 2000). И этот ряд не окончателен. Всякое определение служит методологической посылкой, задающей ракурс иссле-

дования. Отсюда каждое из определений имеет право на существование, поскольку акцентирует внимание на значимые стороны современного бытия. Развернутые из этих посылок исследования в своей совокупности дают объемную социокультурную картину. Пожалуй, метатеоретическим, непротиворечиво вбирающим все выше обозначенные, может быть признан подход У. Бека, Э. Гидденса и других теоретиков рефлексивной модернизации, предостерегающих об опасностях, порождаемых "автодинамизмом модернизационного процесса", чреватых рисками и непредсказуемыми последствиями.

Введя новое сущностное определение современного состояния общества как "общества риска", немецкий экономист У. Бек, опираясь на понятие риска как "события или ситуации, в которых нечто ценное для человека, включая его собственную жизнь, поставлено на карту и последствия этого события (ситуации) неопределенны" (Бек, 2000), делает акцент на то, что современное общество активно продуцирует риски, а сами риски являются всеобщим уделом. В начале нашего тысячелетия, выступая в Государственной Думе Российской Федерации, У. Бек уточняет понятие "общество риска" до "глобального общества риска", тем самым наряду уже с общепризнанным выделением трех измерений угроз, которые несет в себе общество риска (экологические кризисы, глобальные финансовые кризисы, террористические угрозы), выходит на проблематику социальных и гуманитарных рисков. Т.е., в контексте уточненного понятия пытается заново осмыслить не только такие феномены как террор, война, экономическая глобализация, но и неолиберализм (идейное образование), государство (система отношений), суверенитет (форма бытия).

В современной гуманитарной науке все перечисленные аспекты не единожды проанализированы. Общеизвестно, что гуманитарные риски социальной модернизации труднее поддаются схватыванию и исчислению, чем любые иные. Проблема в том, что "подверженность опасности, – пишет У. Бек, – отнюдь не всегда выливается в осознание риска, она может спровоцировать нечто прямо противоположное – отрицание опасности... Голод нельзя утолить утверждением, что ты сыт; опасность, напротив, можно интерпретировать так, будто её не существует (пока она не проявит себя)... То, что для голода пища, для осознания риска – его устранение или интерпретация, ведущая к вытеснению из сознания" (Бек, 2000). Очевидным для XX в. становится (после З. Фрейда) и тот факт, что неосознанная опасность представляет наибольшую угрозу и для тех, кого она затрагивает и для тех, кто упускает её из виду. Потребление риска ведет к его накоплению, росту "массы" риска, аккумуляции. Неосознаваемые риски накапливаются в геометрической прогрессии, поскольку не вырабатываются механизмы их нейтрализации. Только постоянный дискурс о грозящих опасностях может поддерживать мобилизационную готовность общественного сознания к их нейтрализации. Именно "общественного созна-

ния", поскольку у продуцируемых рисков нет конкретного виновника—это "риски коллективной безответственности".

Попробуем обозначить риск, с нашей точки зрения, требующий вербализации: это перекокс в ценностных установках "целеполагания" и "поиска смыслов", а именно, приоритетность первого.

И способность к целеполаганию и потребность обнаружения смыслов мы позиционируем как феноменообразующие механизмы человека. То есть, это те потребности и способности, которые ещё до их артикуляции и вербализации, будучи реализованными, делают человека человеком (человеком культурным, творящим культуру через объективацию своего феномена).

Для мифологического сознания характерен синкретизм целей и смыслов и их неартикулированность. Как артикулируемые и вербализуемые цели и смыслы становятся достоянием философского сознания. Осмысляя бытие как целое, осознавая свои границы, человек обозначает перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. С этого начинается и история поиска смыслов. Немецкий философ экзистенциалист К. Ясперс дает довольно точное название этому периоду – осевое время. С тех пор человечество осознанно ищет смыслы, ставит перед собой цели.

Диалектика целей и смыслов (как содержание сознания индивидуального человека, так и напряжение культуротворческого процесса) в разные периоды становления человечества различна.

Современная культурная ситуация, как мы уже отметили, тяготеет к приоритету целеполагания над смыслопоиском: тиражирование смыслов, свойственное цивилизационному периоду развития (Шпенглер, 1998), принципиальная установка постмодернизма на игру смыслами. В процессе социализации молодежи делается акцент на способность целеполагания. Более того, молодежь призывают ставить перед собой амбициозные цели, видимо, упуская из виду толкование этого понятия В. Далем в словаре живого великорусского языка ("амбиция— ...самолюбие, спесь, чванство; требование внешних знаков уважения, почета...амбициозный—себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей, похвал, поощрений наградами и отличиями" (Даль, эл. ресурс).

Для осознания опасности несбалансированности обозначенных ценностных установок, актуально уточнение феноменологии целей и смыслов (сущностных характеристик того и другого). Цели – субъективны, инициированы человеком; результат напряжения рассудка и воли; направлены на преобразование окружения; определяются ценностями; их достижение не обеспечивает гармонии с миром... Смыслы – объективны, человек их обнаруживает; обнаруженные смыслы – результат напряжения разума, духа; их поиск – процесс самосознания, самоидентификации (направлено вовнутрь); обнаруженные смыслы встраиваются в иерархию ценностей;

обретенный смысл гармонизирует бытие человека в мире... Очевидно, что приоритет целеполагания над смыслопоиском – воспроизводство рискогенного контекста, затрудняющего способность считывания смыслов. Человек не только забывает о том, "что он есть", но и забывает о возможности постановки этого вопроса. Утрачивается напряжение, поиск, направленные вовнутрь.

Ещё один акцент: не воспринимаемые органами чувств, гуманитарные риски "воспринимаются и осмысливаются только через знание" (Бек, 2000).

Где, на какой территории обозначенный риск идентифицируется и мобилизуются возможности его нейтрализации? С нашей точки зрения, это философия во всех своих структурных составляющих. По определению, философия – территория смыслов, территория разума – саморефлексирующего рассудка (Кант, 2015).

Философия как учебная дисциплина активизирует процесс самоидентификации не только в социуме, но и, прежде всего, в мире, в контексте Универсума. Конечно, только в том случае, если преподается не как набор мировоззренческих установок, окончательно извлеченных смыслов, а как процесс их извлечения, напряжения духа, направленного на уяснение человеческого и на обнаружение человеческого в себе.

С нашей точки зрения, сверхзадачей освоения курса философии является акцент на то, чтобы ни один из элементов значения, вводимый в учебную ситуацию, не выпадал из поля смыслов. В процессе курса обучающийся должен овладеть культурой философского мышления, преодолеть отчуждение, имеющееся сегодня между знаниями, системой ценностей, научными представлениями и самими учащимися. То есть, знание должно стать личностным, пережитым и при этом подвергнутым рациональному анализу.

Компетентностный подход в образовании – тенденция, адекватная специфике бытия в культуре XXI в.. Нововременная установка образования на приобщение к нормативному знанию нереализуема и неконструктивна в эпоху перепроизводства информации. Но среди предлагаемых компетенций нет тех, которые учитывали бы специфику философского знания. Для других гуманитарных дисциплин(социологии, политологии, правоведения) компетенции прописаны, поскольку знания в этой области выполняют прагматическую функцию, что вписывается в современную образовательную политику. Непрописанность компетенций не снижает значимости философии в процессе высшего образования. Скорее это говорит о недопустимом упущении, недооценке интегрирующей, методологической функции философского образования, задающего смысловой фон бытия. Что само по себе является ещё одним свидетельством рискогенной ситуации.

Ещё раз: философия – это поле не целей и задач, а смыслов и ценностей. К её вечным вопросам, а значит и к актуальным сегодня, мы относим осмысление таких дилемм, как Судьба и Свобода воли (выбора), Свобода и Ответственность, Свобода "от" и Свобода "для", Мораль и Нравственность... Кто мы? Зачем мы? Что в этом мире зависит от меня?

Прагматическая установка образования на специализацию, вымывание из образовательного процесса философских дисциплин (сокращение курса философии, культурологии как философии культуры, социальной философии, логики...) усугубляет дезинтегративные тенденции, осложняет процесс самоидентификации. Одним из первых об опасности дезинтеграции человечества в ситуации усложнения культуры предупредил немецкий философ В. Виндельбанд: "... обществу грозит опасность распасться на группы и атомы, связанные уже не духовным пониманием, а внешней нуждой и необходимостью..." (См. М. Эпштейн, эл. ресурс). Путем интеллектуального вымирания человечества называет Р. Бакминстер Фуллер путь специализации: "...все известные случаи биологического вымирания были вызваны избытком специализации, избирательной концентрацией немногих генов за счет общей адаптации..." – его аргумент. И делает вывод, что "только полный переход от сужающейся специализации ко все более всеохватному и утонченному всечеловеческому мышлению... может повернуть вспять курс человека на самоуничтожение в тот критический момент, когда еще сохраняется возможность возврата"(См. М. Эпштейн, эл. ресурс). Всеохватное, утонченное всечеловеческое мышление – это и есть философское мышление. Хочется верить, что точка не возврата ещё не пройдена.

Проблема ещё в том, что даже если значимость философии и философского образования, признается, и компетентностный подход не противоречит их сущностной специфике, то предлагаемая система контроля знаний, практически полностью нивелирует ценность компетентностного подхода.

Что мы имеем в виду? Что, с нашей точки зрения, представляется, препятствием к выполнению философией своей функции в образовательном процессе, и с реализацией которой мы связываем нейтрализацию гуманитарного риска снижения способности к смыслопоиску?

Первым препятствием, пожалуй, является ограниченный ресурс времени, большая часть которого традиционно отводится на репродуктивное обучение. Во-вторых, государственными образовательными стандартами, диктуется и отслеживается избыточный объем обязательной для усвоения информации. Но самым очевидным препятствием является содержание и направленность предлагаемых оценочных средств (тестирование), ориентированных на воспроизведение и использование типовых алгоритмов действий, т.е. закрепление механической памяти. С позиции концепции явных и латентных функций социальных институтов, разработанной аме-

риканским социологом Р. Мертоном, явные функции современного образования находятся в противоречии с утверждаемыми нормами и технологиями высшего образования, которые позиционируются как инновационные. Следствия применения указанных норм и технологий приводят не столько к увеличению латентных функций образования, сколько к его дисфункции.

Из всего вышеизложенного мы делаем следующие выводы:

В объективно сложном, многомерном культурном пространстве задача философии и философского образования видится в способствовании формированию гуманитарного мировоззрения студентов, их эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру, другому человеку, самому себе, через совместный опыт репродуктивной, продуктивной и креативной деятельности педагога и студента. Погружение студента в контекст смыслов и ценностей мировой (художественной, философской, интеллектуальной) культуры, способствует конструированию персонализированного механизма овладения ими. Задача философского образования – вдохновить на поиск смыслов и воспитать способности к их обнаружению, сохраняя собственную цельность при непротиворечивой, органичной связи с Универсумом. Это тот путь, на котором прерывается круг производства и воспроизводства рискогенной среды, вызываемой перекосом в ценностных установках между целеполаганием и поиском смыслов.

Стоит постоянно держать в сознании, что неидентификация гуманитарного риска или недооценка механизмов страхования общества от его последствий, ведут не к техногенным катастрофам, а к таким состояниям как "ценностный вакуум", "утрата потребности самоидентификации", "демографическая яма"... В условиях масштабных трансформаций избежать подобных процессов вряд ли возможно, тем не менее, работать на накопление ресурса (интеллектуального, компетентностного) для их нейтрализации необходимо. Как минимум, задача современности – исключить участие фундаментальных сфер жизнедеятельности общества в активном производстве гуманитарных рисков.

Литература

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. [эл.ресурс] <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-283.htm> (20.02.2026)

Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2015.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М: ГУ ВШЭ, 2000.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории.1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998.

Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна. [эл. ресурс] <http://old.russ.ru/journal/travmp/98-10-29/epsht.htm> (19.03.2016)

«МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА» СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Коржановская Л.Г.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье рассматриваются наиболее значимые подходы к выявлению определяющих качеств человека развитого индустриального и постиндустриального общества, анализируются особенности бытия личности как субъекта культуры и истории и уточняются перспективы существования и развития человека в информационном обществе.

Ключевые слова: личность, информационное общество, субъект, активность, творчество, свобода, ценности.

«THE MODEL OF A PERSON» IN MODERN EPOCH

Korzhanovskaya L.

The Moscow State University of design and technology, Russia

This article considers most significant approaches in detection of defining personal skills of a person in developed industrial and postindustrial society, analyzes features of being of a person as a subject of culture and history, also the article specifies the perspectives of person's being and developing in informational society.

Keywords: personality, informational society, subject, activity, creation, freedom, and values.

Современная эпоха – время глубоких и радикальных изменений мира. Сейчас особое значение приобретает осознание человеком перспектив своего существования и формирование тех качеств и ценностей, которые составят основу для дальнейшего развития общества и создания условий саморазвития и самореализации личности.

В XX веке значительное внимание было уделено анализу модели (идеи) Homo faber (человек делающий, человек умелый). А. Бергсон, например, полагал, что наиболее справедливой характеристикой человека является именно Homo faber, поскольку его интеллект постигает главным образом отношения между вещами и порождает знания ради практики. Человек создает замечательные машины, замысловатые приборы, разнообраз-

разные орудия, но остается узким специалистом. Научно-технический прогресс и интеллект способствуют росту «тела человеческого», приводят его к единообразию, создают искусственные потребности, но «в этом непомерно возросшем теле душа осталась такой же, как была, уже слишком маленькой, чтобы его наполнить, слишком слабой, чтобы им управлять» (Бергсон, 1994, с.337).

Значительное место идея Homo faber занимает в творчестве М. Шелера. Этот тип человека, по мнению философа, представляет животное, наделенное техническим интеллектом и использующее особые знаки (язык) и орудия. Homo faber хорошо приспосабливается к нетипическим ситуациям, но не может «взлететь на головокружительную и гордую высоту» (Шелер, 1992, с.93). Философ анализирует и критикует различные теории Homo faber и приходит к выводу, что именно такой человек есть «чудовище, которое опустошило мир». Конечно, такой вывод выглядит как излишне строгий и несправедливый, но многие исследователи отмечают особую черту современного Homo faber. Э. Юнгер (Сидорина, 2015) еще в 1932 году констатировал формирование человека, который создает новый мир, трансформирует и выравнивает все сферы деятельности и систему отношений. Как следствие, изменяется «язык работы», которая перестает быть индивидуальной и становится функцией, тотально включенной в систему отношений. Изменяется и облик человека: его лицо неподвижно и словно покрыто гальванической пленкой. Такой человек стал формироваться еще на полях сражений, когда был вынужден смотреть на мир из-под каски, но и после Второй мировой войны, отмечает Юнгер в 1946 году (Сидорина, 2015), вернувшись к мирной жизни с жаждой деятельности, он остался техническим человеком, мало отличающимся от воюющего, он привык быть в маске и она становится значимой при любой работе и в повседневной жизни.

О наступлении эпохи политического и духовного уравнивания писали М. Шелер и Х. Ортега-и-Гассет, а Г. Маркузе, оценив опасную тенденцию, вводит понятия «одномерное общество» и «одномерный человек» - «One-dimensional man». Он отмечает, что в условиях радикальных перемен человек перестает быть участником исторического процесса, теряет точку опоры, лишается творческой инициативы и самостоятельности, но сохраняет иллюзию свободы. Человек получил такие материальные и культурные блага, которые не знал раньше, но стал заложником своих достижений. Духовные потребности смещаются на второй план и формируется одномерное мышление и поведение. Ложные потребности принимаются за истинные, наличие товаров и услуг не только приносит удовлетворение, но воспринимаются как счастье, которое помогает «забыть» об отсутствии личного пространства, внешней и внутренней свободы. Человек даже испытывает определенную эйфорию, не понимая, что это восторженность в условиях несчастья. Общество навязывает ему определенные потребности,

и по мере того, как разнообразные товары, неисчерпаемые развлечения, технологии становятся доступными для многих социальных групп, они перестают быть просто внешними факторами и становятся образом жизни. Более того, отмечает Маркузе, чем больше человек становится объектом манипулирования и внушения, тем меньше возможность критики общества «изнутри» и у него вырабатывается лояльность обществу и любым социальным изменениям. Тип одномерного человека становится массовым.

Определив XX столетие как «век самодовольных недорослей», Х. Ортега-и-Гассет констатировал широкое наступление масс и захват ими общественной жизни и обосновал условную модель человека – *Massman*. Массовый человек зауряден, не способен к созиданию, озабочен только собственным благополучием и ни при каких обстоятельствах не в состоянии увидеть свою второсортность. Философ отмечает врожденную неблагодарность массового человека ко всему, что облегчает ему жизнь и утверждает, что человек не справился с достижениями общества: «новоявленный варвар с хамскими повадками – закономерный плод нашей цивилизации», для человека «мир и жизнь распахнулись настежь, душа его для них закрылась наглухо» (Ортега-и-Гассет, 1997, с.100,79). Варварами мыслитель называет даже ученых и инженеров, поскольку они стали жертвами специализации – знают лишь «мизерный клочок мироздания», их нельзя считать по-настоящему знающими и нельзя считать невеждами, поэтому Ортега-и-Гассет называет их сведущими невеждами. «Интеллект интеллектуала» беден сильными чувствами, он ограничен и абстрактен. Массовый человек – «тяжелый случай» и, по мнению философа, он отражает необратимые социокультурные изменения современного мира.

«Новый человек» угрожает будущему человечества и в теории Ф. Мюрэ. В своей книге «После истории» он делает вывод о гиперфестивальности современной эпохи и доказывает, что в современном мире праздник уже не противопоставляется повседневной жизни, праздник и будни неразличимы и вся деятельность общества и отдельного человека направлена на создании иллюзии различия. Но, как не парадоксально, замечает автор, в этом мире нет праздничных дней и праздничного настроения, здесь не смеются, а борются, причем всегда и со всем. Мюрэ утверждает, что гиперфестивальная система – альтернатива язвам нашей эпохи. Новая эра рождает нового человека – *Homo festivus* (человек развлекающийся). Главная черта этого человека – гордость и довольство собой, он не нуждается в словах, с недоверием относится к живой речи и избегает ее. Ему нужны только действия, и чем меньше в них смысла и больше автоматизма, наглядности, тем лучше. *Homo festivus* – проявление коллективного нарциссизма, утверждает Мюрэ, человек гордится тем, что находится в едином потоке со всеми, что неразличим, он воодушевлен также тем, что он такой большой и важный. Фестивизм (новая идеология) нивелирует

личность, устраняет мораль и возвращает человека к животному состоянию, полагает мыслитель (Мюрэ, 2001).

«Дух парадов и маршировок», захвативших весь мир, отмечает и Й. Хёйзинга. «Целая нация выстраивается в одну шеренгу, как оловянные солдатики... Какие грандиозные зрелища, какая мощь...! Все это ребячество» (Хёйзинга, 1992, с.330). Блеск формы вызывает иллюзию полноценного содержания и такая позиция общества не отвечает уровню разумности и зрелости, все принесено в жертву тщеславной игре, не имеющей ничего общего с культурой или мудростью, доказывает он. Хёйзинга определил позицию общества как пуерилизм: деятельность человека лишается высоких ценностей и подлинной состязательности, игра теряет необходимые качества непринужденности и радостного оживления, она становится чрезмерно технически организованной и никогда не кончается. И образованные и необразованные люди культивируют состояние духа, «которое можно было бы назвать перманентным отрочеством... Масса чувствует себя просто замечательно в состоянии полудобровольного оглупления» (Хёйзинга, 1992, с.333).

Каждая модель человека, хотя и в упрощенном виде, отражает действительность и полезна для понимания реальных социокультурных процессов. Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Мюрэ и Й. Хёйзинга констатируют наличие серьезных проблем бытия общества и вносят значительный вклад в создание обобщенного образа человека.

В научной литературе уделено серьезное внимание исследованию характерных черт человека постиндустриального общества, но единства взглядов по этому вопросу нет. Анализируя реальности второй половины XX века, С. Смирнов полагает, что прежние проектные идеи человека исчерпаны и должны быть осмыслены принципиально новые феномены и найдена «форма возможного человека». В современном мире, отмечает автор, «мы имеем предельные культурные формы пространства. С одной стороны это принципиально открытая и бесконечная мировая сеть, которая может стать и паутиной, и местом гибели, и производством для самовосстановления. С другой стороны, это атомарная личность, которая может стать и террористом, и узурпатором власти, но и показать подвиг подвижничества» (Смирнов, 2006, с.56). Исследователь полагает, что современное общество находится в пограничной ситуации – своеобразной культурной паузе, когда человек как субъект устремлений и желаний уже умер, т.е. «после» уже есть, а «начало еще не наступило», поэтому единственно возможной моделью человека может быть только «человек перехода». Смирнов предлагает такие «фигуры идентичности». Человек-челенджер, принимающий вызовы современности и претендующий на принципиально новые ответы; человек-чойсер, делающий выбор в нулевой ситуации; человек-сетевик, собирательный образ людей, обитающих в виртуальных пространствах, которые живут в одной стране, а зарабатывают в другой; чело-

век-понтифик (самый сложный и проектный образ идентичности), который не только обустроивает переход к новому обществу, но и творит его; человек-навигатор обеспечивает сам акт перехода (Смирнов, 2006, с.57-58).

Д. Боровинская справедливо полагает, что сегодня ведущая роль отводится человеку, способному привести к прогрессивному развитию общества и определяет основные свойства, которые ему необходимы для реализации этой задачи и для развития личности как высшей ценности. Автор выделяет такие универсальные, взаимодополняющие, значимые как для общества так и для отдельного человека, качества. Прежде всего это креативность как личный творческий потенциал, как способность к принятию неординарных решений, умение рисковать и уверенность в своих силах. Аргументируя свою позицию, исследователь соглашается с утверждением А. Дж.Роу: «задача креативно мыслящих людей заключается сегодня в том, чтобы постоянно изобретать нечто, в чем мир нуждается, но не подозревает об этом» (Боровинская, 2009, с.65).

Активность как способность к саморазвитию – еще одна составляющая современной модели человека. В сочетании с креативностью она составляет основу для восходящего развития человека, обеспечивает продуктивное участие личности в общественном диалоге, возрастанию ее роли во взаимодействии с обществом. Активность стимулирует проявление интереса к тем видам деятельности, которые помогают выразить свое «Я» и развить творческие потенциальные возможности личности. Способность генерировать и усваивать информацию – третье актуальное качество современного человека, отражающее новую систему ценностей.

Действительно, для постиндустриального человека, который подвергается мощному давлению окружающей среды и должен определиться с системой ценностей, норм и правил существования в новой реальности, эти качества могут стать основой гармоничного развития личности. Они помогут человеку стать свободным, определять стратегию своей жизни, нивелировать чувство отчужденности и одиночества, но при его неумении использовать свои идеи и возможности по назначению, при определенной абсолютизации им любого из качеств велика опасность нисходящего развития человека. Это признает и сам автор интересной модели.

Можно говорить о формировании нового субъекта деятельности и общения, о повышении роли и значения человека в информационном обществе. Многие исследователи «сверхиндустриальной цивилизации» отмечают высокий уровень ее инновативности и сложности. Современное общество, по их мнению, характеризуется «демассификацией и дестандартизацией всех сторон политической и экономической жизни, трансформацией характера труда и межличностных отношений», персонализацией – ориентацией культуры на каждого человека, который утрачивает черты «массовидного индивида»; информационное общество становится «бога-

тейшим источником созидательной, диверсифицированной, обогащающей и демократизирующей коммуникации» (Костина, 2009, с.39,40).

К. Колин, признавая наличие угроз для дальнейшего устойчивого развития общества и проблем, с которыми сталкивается человек, приходит к выводу, что в целом «совокупность тех гуманитарных процессов, которые происходят в современном обществе, следует квалифицировать как новую гуманитарную революцию» (Колин, 2010, с.14). Он убежден, что она приведет к формированию нового типа цивилизации и человека - *Homo informaticus*. Этот тип человека умеет ориентироваться в информационном пространстве, реализует свою собственную активность, обладает способностью к саморазвитию и творчеству, филологической культурой, отмечает он.

Как представляется, современная эпоха – время преобразования человека, трансформации классического *Homo faber* в *Homo informaticus*. Информатизация общества и новая технологическая революция действительно меняют облик мира и открывают широкие возможности интеллектуального и личностного развития. Но и современная массовая культура превращается в феномен глобального масштаба и по-прежнему играет решающую роль в обществе, демассификация, о которой говорят многие исследователи, остается поверхностной, культура нередко только имитирует креативную активность. Мощное информационное поле затрагивает все стороны жизни человека, поэтому в значительной степени познавательный процесс становится плоскостным и схематизированным, структура потребностей формируется через создание имиджа, человек строит свои отношения с другими людьми через компьютерное опосредование, а СМИ развивают идеи пассивного очевидца и усиливают «модели молчания человека» (Некрасов, Макатов, 2009, с.202).

Чтобы формирующийся *Homo informaticus* не превратился в духовно деформированный антропологический тип, в «человека кликающего», человека альтернативного, который находит себя, только погружаясь в виртуальную реальность, в «пост-человека» (не нового, а «пост-прежнего»), кроме таких личностных качеств, как мотивированность, целеустремленность, рациональность, последовательность и т.п. (Моргунов, 2013), современный человек должен осознать, что ему угрожает опасность утратить свою человечность, перестать быть самим собой (Ортега-и-Гассет). Человек – любящее бытие, утверждает М. Шелер, в любой деятельности он должен чувствовать сопричастность всему и вступать в «контакт-переживание с миром», «любовь всегда пробуждает к познанию и волеию, любовь – мать самого духа и разума», она не создает ценностей, но способствует постижению высших ценностей. (Шелер, 1994, с.352). Современный человек должен развить также интуицию как мирозерцание, как способность видеть мир, жизнь и себя в подлиннике, как гармоническое целое (Бергсон, 1994).

Литература

- Бергсон А.* Два источника морали и религии. М: Гнозис, 1994.
- Боровинская Д.Н.* Новая «модель человека» //Вестник Томского государственного университета. 2009. – № 323. – С.63-66.
- Колин К.К.* Гуманитарные проблемы формирования информационного общества //Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2010. – № 12. – С.8-19.
- Моргунов А.А.* Homo informaticus как эвристическая модель //Вестник Самарского государственного университета. 2013. – № 1. – С.158-162.
- Мюрэ Ф.* После истории//Иностранная литература. 2001. –№4. –С.224-241.
- Некрасов С.И., Макатов З.В.* Человек в системе информационного общества как основы глобализирующегося мира //Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. – № 9. – Том 10. – С.198-208.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М.: Москва, 1997.
- Сидорина Т.Ю.* «Homo faber» как символ эпохи труда. К истории эволюции понятия //Вопросы философии. 2015. – № 4. – С.14-23.
- Смирнов С.А.* Человек перехода //Модели человека в современной философии и психологии. Новосибирск: НГУ, 2006.
- Хёйзинга Й.* Homo Ludens. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

ОРГАНИЦИСТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

Органицистские представления о развитии общества в российской духовной культуре опираются на принципы целостности, естественности и гармонии. Тесная генетическая связь органицизма с современными и постсовременными концепциями, учитывающими внутренние причины развития, делает идею развития общества по законам природы, Космоса и Вселенной неожиданно актуальной и востребованной.

Ключевые слова: органическое целое, социальный организм, органическая концепция общества, законы общественного развития.

ORGANICISTIC IDEAS ABOUT SOCIAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE

Cuzmina G.P., Gavrilova N.G.

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Organicistic ideas about social development in the Russian spiritual culture are based on the principles of wholeness, naturalness and harmony. This

close genetic relation of an organicism with modern and post-modern concepts, which consider the internal reasons of development, does idea of development of society in laws of the nature, space and the Universe unexpectedly actual and demanded.

Keywords: organic unity, social organism, organic concept of society, and the laws of social development

Культура, включающая в себя в качестве составляющих ее элементов науку, искусство, философию, религию, образование, правовое сознание и морально-этические нормы, представлена в каждом отдельно взятом человеке, являясь важной составляющей его духовности. При этом личность проходит на пути своего становления весь путь, пройденный обществом в целом. В своих представлениях о мироустройстве мы исходим из того опыта, который был накоплен до нас, и имеем возможность углублять или расширять знания о мире. Поэтому обращение к духовному опыту российских мыслителей всегда актуально и требует серьезного исследования и осмысления.

Поскольку сторонники органицистского подхода исходят из представлений об обществе как социоприродном целом, им свойственно представление об эволюционном развитии. Но на современном этапе можно говорить не только о наследовании последующим поколением генетического кода, но и о передаче культурного кода, через воспитание, образование и другие составляющие культуры. Причем эти процессы происходят в неразрывной связи между собой.

В своей статье «Общество, население, этнос» современный философ Ю.И. Семенов, который ввел в научный оборот термин социально-исторический организм, пытаясь выразить содержание термина «культура» дает два определения, которые тесно взаимосвязаны, но не тождественны друг другу и потому говорит о необходимости их различать. «Культура есть опыт деятельности людей, имеющий в конечном счете жизненное значение для всей какой-то конкретной их общности в целом» (Семенов, 2015, с. 55), а также «все явления, в которых воплощается этот общезначимый опыт» (Семенов, 2015, с. 55). С точки зрения ученого такой социально значимый опыт отражается и закрепляется в системе языка, структурах и образах мышления, способах действий, зданиях и сооружениях.

В связи с этим следует отметить, что русский язык стойко сохраняет свой синтетический характер, несмотря на то, что общей тенденцией в развитии языков является стремление ко все большему аналитизму. С нашей точки зрения не случайно языком современной высокотехнологичной науки является аналитический по своему строению английский язык, утративший флективность латыни, на основе которой был создан английский алфавит. Многообразие понятийного мира, культурное осознание действительности, отражаемое в русском языке, значительно изменилось вслед-

ствии отмены в советскую эпоху преподавания Закона Божия и замены христианских ценностей идеологическими, ибо вытесненные понятия были преимущественно понятиями нравственными. В связи с тем, что язык и мышление тесно и неразрывно связаны, «болезненные и разрушительные процессы в современном русском языке есть не что иное, как симптомы болезни самого российского общества. В сложившихся обстоятельствах, несомненно, возникает необходимость в "экологии языка"» (Сидоренко, Гаврилова, 2013, с. 109).

Экоцентричность, природосообразность, привязанность к земле, включенность в окружающий мир естественны для российского крестьянского мироощущения, которое сопоставимо с восточным отношением к природе и пониманием места человека в ней. Именно поэтому, с нашей точки зрения идеи западного позитивизма были творчески переосмыслены российскими социологами-органиками и вылились в теоретико-методологическую основу органицизма. А органицизм как мировоззрение, основанное на принципах естественности, гармонии, целостности, оказалось вновь востребованным, когда на новом витке развития науки произошел поворот от западноевропейского механицизма к теориям, учитывающим внутренние законы развития.

В связи с этим обращение к аутентичным восточным культурам с присущим им миропониманием рассматривается как возможность обогатить привычное представление о мире и расширить границы познания. Наглядный пример различий в структурах мышления западной и восточной ментальности, отражающихся в языковых различиях, был продемонстрирован в докладе Смирнова А.В. «Пропозиция и предикация: о логических основаниях различий западной и арабо-мусульманской интеллектуально-духовных традиций», представленном на VII Российском философском конгрессе. Было показано, что в арабском языке не существует аналитической конструкции «S есть P», так как в языке отсутствует глагол «быть». Осознание столь существенных различий в структурах и образах мышления – первый шаг к преодолению сложностей во взаимопонимании представителей различных культурных миров, шаг навстречу Всеединому человечеству.

Градостроительная традиция, которая, по мнению Ю.И. Семенова, также является отражением мировоззрения, может быть ярко проиллюстрирована на хрестоматийном примере стихийной радиальной застройки Москвы и планомерном строительстве Санкт-Петербурга. В то же время, академиком Д.С. Лихачевым отмечалось, что церковь при постройке всегда вписывалась в ландшафт так, что являлась его естественным продолжением, и в русской традиции соблюдался принцип сохранения обзора из окон уже существующих зданий при возведении новых.

В настоящем культуры всегда содержит не только прошлое, но и потенция для будущего развития. Усвоенные нами нормы задают опреде-

ленные способы и направления деятельности. Накопление можно рассматривать как форму прогресса в отношении многих явлений культуры и искусства, ибо происходит обогащение культуры путем приращения количества уникальных произведений музыкального, изобразительного искусства и литературы. Именно поэтому, понятиями тесно связанными с культурой являются также, по мнению Ю.И. Семенова, программа деятельности, преемственность и накопление.

Д.С. Лихачев в статье «Культура как целостная среда» отмечает, что принципиально важно рассматривать культуру как «некое органическое целостное явление» (Лихачев, 2006, с. 381). Как в любом живом организме, где утрата любой части приводит к упадку организма в целом, утрата любой части культуры ведет к её гибели в целом. Это происходит постепенно. И хотя сложно доказать влияние упадка музыкальной культуры на развитие физики, следует избегать пренебрежения какой-либо частью культуры. По мнению Д.С. Лихачева умирание культуры может быть вызвано национальной закомплексованностью. В статье «Экология культуры», впервые опубликованной в 1980 году, он также исходит из органических представлений о мире и о культуре, но отмечает недостаточность для создания философии и этики экологии мировоззренческой стороны книги Н.О. Лосского «Мир как органическое целое». Эсхатологическое развитие событий не только в отношении культуры, но применительно к человечеству и природе, возможно с точки зрения культуролога в результате действия двух, казалось бы различных, причин: «Погибнуть человечество и природа в целом могут не только биологически вместе с уничтожением всего живого, но и духовно, вследствие гибели культуры» (Лихачев, 2000, с. 98). Однако возможность избежать неблагоприятного исхода – общая, и связана она с тем, что человек равно принадлежит и миру природы, и миру культуры, вследствие чего «и отношение к природе, и отношение к культуре требуют общих правил нравственности» (Лихачев, 2000, с. 98). Культура и природа не противопоставляются друг другу, а тесно взаимосвязаны между собой.

Акцентирует внимание на значимости нравственности на современном этапе и петербургский исследователь российского органицизма и космизма О.Д. Маслобоева, с точки зрения которой «постнеклассическая наука окончательно «снимает» постулат нравственной нейтральности научного познания» (Маслобоева, 2011, с. 262) и необходимо ставить вопрос о экологизации научного познания. При более широком рассмотрении современного этапа развития человечества философ отмечает, что условие самовозрождения человечества заключается «в синергии всех элементов духовной культуры» (Маслобоева, 2014, с. 124).

В настоящее время «многие современные направления в области социально-гуманитарных дисциплин обращаются к идеям органицизма в интерпретации общественного развития» (Гаврилова, Кузьмина, 2015). Ха-

рактологическая креатология, неовсеединство, теория социального иммунитета, теория органической логики, биокосмологический подход, деятельностный подход к анализу человека, общества и истории – вот далеко не полный список современных направлений социально-философского познания общества на основе теоретико-методологических принципов органицизма.

Тесная генетическая связь органицизма с современными и постсовременными концепциями, учитывающими внутренние причины развития, делает идею развития общества по законам природы, Космоса и Вселенной актуальной и востребованной. Российские социологи-органики XIX века П. Лилиенфельд, А. Стронин, Я. Новиков, пытались моделировать реальность в соответствии со своими мировоззренческими установками. Общественное развитие рассматривалось органиками как в целом эволюционное, а «органическая концепция была использована ими как новая оптимистическая идеология будущего общества» (Кузьмина, 2010, с. 45). П.Ф. Лилиенфельд утверждал, что человек может направлять, но не может изменять или уничтожать естественные связи между явлениями, а также значительное место отводил духовности, которая не может быть осмыслена в рамках науки. В работе «Органическая концепция развития общества в работах российских социологов-органиков» отмечается, что с точки зрения Лилиенфельда «чем выше уровень духовности в обществе <...>, тем совершеннее человечество» (Кузьмина, 2010, с. 38-39), а основой духовности являются религиозные нравственные ценности. Он высказывает мысль о том, что народ, лишенный идеи Бога, непременно сделается нравственным уродом.

Исследователями российского органицизма не раз отмечалось, что идеи органиков во многом существенно опережали свое время. Представление Лилиенфельда о том, что часть работы по удовлетворению потребностей человека «будут выполнять по мере развития культуры компоненты окружающей человека среды, но никогда нельзя будет привести к нулевой точке механическую и физиологическую работу, выполняемую собственно человеком» (Кузьмина, 2007, с. 2018) сегодня воспринимается нами как очевидное. Живя в третьем тысячелетии, мы можем наблюдать, как многие бытовые задачи решаются нажатием одной кнопки, как развиваются идеи управления на расстоянии «умным домом». И если прежде кормилицы решали проблему грудного вскармливания младенца в случае отсутствия у матери такой возможности, сегодня не только разработаны искусственные смеси, заменяющие грудное молоко, но стало возможным вынашивание суррогатной матерью, которая выполняет функцию живого инкубатора, генетически чужого ребенка. Ввиду достижений науки еще более естественным представляется нам преодоление механистического мировоззрения и идея устойчивого развития.

Продуктивное развитие идеи российского органицизма получили и в рамках русского космизма, одной из основных особенностей которого является проективизм. С точки зрения современного исследователя русского космизма З.Н. Хабибуллиной «основным ориентиром в человеческой преобразующей деятельности должно стать ее соответствие объективным природным законам и закономерностям. Одной из важнейших задач в этом плане становится последовательное формирование экологического сознания у человека, осознание собственной причастности и ответственности за судьбы природы» (Хабибуллина, 2012, с.23). То есть проективизм должен носить черты природосообразности и эоцентричности.

Таким образом, можно согласиться с О.Д. Маслобоевой, которая говорит о том, что российский органицизм и русский космизм предлагают нам «созидательный философско-антропологический проект разрешения апокалипсической альтернативы современности посредством духовного братского единения человечества» (Маслобоева, 2015, с. 193). Мы также считаем, что российский органицизм стал для современных исследователей парадигмой научного познания социальной реальности.

Литература

Гаврилова Н.Г., Кузьмина Г.П. Органическая концепция общественного развития в исследованиях современных ученых-обществоведов //Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2; URL: www.science-education.ru/129-22923

Кузьмина Г.П. Идеи органицизма в русской социальной философии Дис. ... докт. филос. наук. Чебоксары, 2007.

Кузьмина Г.П. Органическая концепция развития общества в работах российских социологов-органиков //Соловьевские исследования. 2010. – № 1(25). – С. 36-51.

Лихачев Д.С. Культура как целостная среда //Лихачев Д.С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб: Изд-во СПбГУП, 2006. – С. 379-393.

Лихачев Д.С. Экология культуры //Русская культура. М.: Искусство, 2000. – С. 91-101.

Маслобоева О.Д. Органическая концепция истины как основание культурной идентичности //Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. – № 4 (208). – С. 119-128.

Маслобоева О.Д. Теоретико-методологический потенциал российского органицизма и космизма в контексте современной научной картины мира //Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Выпуск 4. – 2011. – Том 2. – С. 256-263.

Маслобоева О.Д. Философско-антропологический проект российского органицизма и русского космизма в современной исторической ситуации //Вече. 2015. – № 27-2. – С. 187-195.

Семенов Ю.И. Общество, население, этнос //Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования /Науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 42-72.

Сидоренко Л.П., Гаврилова Н.Г. Необходимость «экологии языка» как естественное следствие развития российского общества //Вестник Чувашского университета. 2013. – № 4. – С. 105-110.

Хабибуллина З.Н. Мировоззренческая парадигма русского космизма: социально-философский анализ. автореф.дис. ... докт. филос.наук. 2012.

ОРГАНИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Кузьмина Г.П., Антюшев И.И.

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
Чебоксары, Россия

Идеи органицизма до сих пор оказывают значительное влияние на исследование общественного развития. В современных исторических исследованиях большой популярностью пользуется цивилизационный подход, в содержании которого отражаются идеи органицизма. Цивилизация понимается как единый социоисторический организм, проходящий в своем развитии через несколько стадий. Каждая из цивилизационных концепций указывает на цикличность развития общественных структур. Поэтому, можно утверждать, что органицизм не теряет своей актуальности и в современной науке, оставаясь основополагающим принципом в исторической науке.

Ключевые слова: органицизм, социоисторический организм цивилизация, цивилизационный подход, культурно-исторический тип, органический подход.

THE ORGANIC PRINCIPLE IN THE CIVILIZATION APPROACH OF SOCIETY'S HISTORICAL DEVELOPMENT

Cuzmina G.P., Antyushev I.I.

Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

The ideas of organicism still render considerable impact on researches of social development. In modern historical researches civilization approach in which content are reflected to idea of organicism enjoys wide popularity. The concept «civilization» is considered as the unified sociohistorical organism which passes several stages in the development. Each of civilization concepts indicates to recurrence of social structures development. Therefore, it is possible to claim that organicism doesn't lose the relevance in modern science, remaining the fundamental principle in historical science.

Keywords: organicism, sociohistorical organism, civilization, civilization approach, historical-cultural type, organic way.

Для современной исторической науки характерно многостороннее рассмотрение процесса развития общества, что проявляется в существовании огромного количества концепций, с помощью которых исследователи пытаются проанализировать исторический процесс. Данные концепции по своему содержанию зачастую противоречат друг другу. Построение единой теории, способной объяснить в целом закономерности исторического развития, практически не возможно, что является специфичным признаком исторической науки.

В современных исторических исследованиях большой популярностью пользуется цивилизационный подход, рассматривающий процесс общественного развития как смену цивилизаций, в частности в работе Г.Ю. Канарша «Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества» (Канарш, 2015, с. 57) и др. Сама цивилизация проходит в своем развитии несколько стадий: от возникновения до исчезновения. Она представляет собой целостную совокупность разнообразных компонентов, которые имеют тесную взаимосвязь между собой. Данные компоненты не могут существовать каждый по отдельности, их взаимодействие является основой функционирования единой системы. Более того, каждый элемент выполняет особую, только ему одному присущую функцию. На наш взгляд, такие представления позволяют заключить, что цивилизационные подходы близки идеям органицизма.

Органицизм как теоретико-методологическая концепция развития общества предполагает рассмотрение объекта исследования как целостного организма, системы взаимосвязанных элементов. Каждый из этих элементов выполняет определенные функции, без которых не представляется возможным деятельность целостной системы. Такими элементами в обществе являются социальные, политические и экономические институты, составляющие его структуру. Особенности развития данных институтов значительно влияют на исторический процесс. В статье «Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания российских мыслителей» отмечается, что «для методологии органицизма характерно стремление к созданию обобщенных теорий, опирающихся на эмпирический материал, а также стремление к синтетическому подходу в исследовании социально-гуманитарных знаний» (Кузьмина, Гаврилова, 2014, с. 870).

Немецкий философ и историк начала XX века Освальд Шпенглер в своем фундаментальном труде «Закат Европы» рассматривал исторический процесс как развитие своеобразных мировых культур или «духовных эпох». Он обратил внимание на то, что «у каждой культуры имеется свое детство, юность, возмужание и старость» (Шпенглер, 1998, с. 115). Более

того, он противопоставлял смену этих культур классической периодизации истории, поскольку она не является подходящей для рассмотрения неевропейских обществ. Его концепция основана на сравнении культуры и цивилизации, которые в большей степени противоположны друг другу. «Духовные эпохи» рассматриваются Шпенглером как уникальные органические образования. В процессе общественного развития исследователь выделяет восемь основных «духовных эпох», то есть культур, которые достигли полноты своего развития. Это античная культура, западноевропейская культура, арабская культура, древнеегипетская культура, ассирийско-вавилонская культура, индийская культура, китайская культура и культура майя. Согласно современному исследователю Ю.И. Семенову, О. Шпенглер стремился дать ответ на вопрос «что происходит с западноевропейским миром вообще и западноевропейской культурой прежде всего» (Семенов, 1999, с. 104). По Шпенглеру каждая культура погибнет, как погибает все живое.

Следует отметить, что в концепции Шпенглера отсутствует преемственность культур, свой конечный пункт развития они находят именно в формировании цивилизации. Термином «цивилизация» обозначается заключительная стадия развития «духовной культуры». Цивилизация как определенно механико-техническое явление противопоставлена «духовной культуре» как совокупности органических элементов. Цивилизация, имея одни и те же схожие характерные черты во всех культурных общностях, в своей сущности определяется как отражение дезинтеграции целостности организма, угасание одухотворяющей его культуры, возвращение в культурное «небытие». Каждая культура отличается от других подобных ей уникальностью «души», под которой понимается специфический способ мышления, ментальность. Уникальность каждой культуры приводит к их равнозначности для исторического процесса в целом. Закат культуры означает появление цивилизации. Выделяются также культуры «обыкновенные» и «великие». Под «великими» понимаются те, которые завершили свое развитие и достигли цивилизации. Достижение же фазы цивилизации означает то, что культура исчерпала свой творческий потенциал и не имеет тенденций к развитию. Основными факторами, указывающими на это, Шпенглер называет следующее: научно-технический прогресс, преобладание научного мышления во всех сферах жизни, урбанизацию населения. На наш взгляд, им была сделана попытка рассмотреть процесс общественного развития в его универсальной целостности, проводя аналогию с жизнедеятельностью организма.

Взгляды Шпенглера во многом оказали существенное влияние на английского историка Арнольда Тойнби, сформулировавшего теорию локальных цивилизаций. В своем рассмотрении общественного развития он отказывается от противопоставления культуры и цивилизации. Взгляды Тойнби основываются на допущении существования культурной диффе-

ренциации, каждая отдельная культура имеет свою собственную истину. Следовательно, каждая культурная общность обладает определенной обособленностью, однако степень коммуникации между культурами гораздо более обширная, нежели в концепции Шпенглера. Тойнби отказывается от объяснения истории как изначально определенной цепи событий. Он полагает, что «исторический процесс представляет собой постоянную смену цивилизаций» (Тойнби, 2001, с. 15). Цивилизация, в свою очередь, предстает им как циклическое явление. В своем развитии она проходит через несколько стадий, таких как: зарождение, развитие, надлом и разложение. Данный процесс, в сущности, имеет сходство со стадиями развития живого организма. Явление «цивилизации» представляет собой целостную самоорганизующуюся систему, которая состоит из цепи взаимосвязанных элементов. Невозможно нормальное функционирование подобной целостной системы без данных элементов. Каждая из цивилизаций представляет собой специфическую структуру, отличающуюся от остальных по ряду признаков. Главными критериями, отличающими цивилизации друг от друга, Тойнби считает принадлежность к религии и территориальную дифференциацию. Цивилизации находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, между ними происходят коммуникация и конкурентная борьба. Таким образом, можно сделать вывод, что Тойнби характеризует цивилизации как социоисторический организм. Этот организм имеет определенную территориальную локализацию, он является приоритетным субъектом истории. Границами социоисторического организма можно считать территориальные рамки воздействия какой-либо публичной власти. Не менее важным разграничительным критерием подобных организмов может считаться культурно-мировоззренческая дифференциация, которая и отличает цивилизации друг от друга.

Разработкой цивилизационной концепции занимался также и российский социолог Н. Я. Данилевский. В своей теории он определяет цивилизации как «культурно-исторические типы». В процессе своего развития культурно-исторические типы проходят несколько стадий, которые Данилевский определяет как рост, расцвет и увядание. Общественное развитие в целом понимается им по аналогии с органическим развитием. Стадии развития характерны для каждого из культурно-исторических типов. Основным положением его концепции становится отказ от общепринятого рассмотрения исторического процесса как включающего все государственные образования и этнические общности всеобщего эволюционного развития. Он также является противником рассмотрения европейской культуры как наиболее развитой, эталонной для остальных. Данилевский отрицает общепринятую тенденцию, свидетельствующую об отсутствии мотивации к развитию у восточной цивилизации. Специфическим является отказ Данилевского от циклической трактовки исторического процесса. Каждый культурно-исторический тип определяется им как целостное обра-

зование, состоящее из различных элементов. Общественное развитие определяется как смена культурно-исторических типов, которые могут существовать как последовательно, так и параллельно. Данилевский выделяет двенадцать подобных типов, полностью или частично прошедших весь цикл развития, о чем пишет в работе «Россия и Европа : взгляд на культур. и полит. отношения славян. мира к германо-романскому» (Данилевский, 1871, с. 23). Также он выделяет обособленно мексиканский (ацтеки) и перуанский (инки) типы, погибшие в результате открытия европейцами Нового Света. Этносы, которые сумели создать цивилизации, Данилевский называет положительными. Лишь небольшая группа народов способна к культурной эволюции. Творчество Данилевского представляет собой синтез биологии и социологии. Он развивал идею о подчиненности исторического процесса тем же закономерностям, каким подчиняется природа в целом.

Синтезом рассмотренных ранее цивилизационных концепций выступает мировоззрение американского социолога С. Хантингтона. Он представляет цивилизацию как органическую систему, имеющую тенденцию к постоянному развитию. Основным критерием, способствующим усложнению структуры цивилизации, Хантингтон считает столкновение интересов цивилизаций. В его представлении цивилизация предстает не локальным образованием, а глобальным. Мировое развитие зависит от исхода противоборства ведущих цивилизаций, которые пытаются превзойти друг друга. Также одним из важнейших факторов развития цивилизаций, по его мнению, является процесс их коммуникации друг с другом. Концепция Хантингтона основывается на описании противоборства СССР и США в период Холодной войны. Каждая цивилизация представляет собой конгломерат наций, синтез их ценностных ориентаций. Общественный прогресс зависит от «столкновения» социоисторических организмов. Хантингтон предрекает смену ведущих цивилизаций в XXI веке, который должен стать периодом «тотального столкновения культурно-мировоззренческих ориентаций» (Хантингтон, 2003, с. 115). Данная концепция особенно актуальна в связи с тем, что с начала нового века обостряются противоречия между Западом и Востоком, что проявляется в противоборстве концепций мультикультурализма и традиционализма. Мир разделяется на два лагеря – сторонников и противников глобализации. Западное общество как единый социоисторический организм противостоит разнообразным антиглобалистам, пытающимся сохранить свою самобытность.

В заключении можно отметить, что органический подход, в сущности, является основой цивилизационных концепций. Цивилизация понимается как единый социоисторический организм, проходящий в своем развитии через несколько стадий. Каждая из цивилизационных концепций, в той или иной степени, указывает на цикличность развития общественных структур. Данные концепции основываются на органическом принципе,

рассматривая процесс взаимодействия цивилизаций по аналогии с жизненным циклом органических систем. Поэтому, можно утверждать, что органицизм не теряет своей актуальности и в современной науке, оставаясь основополагающим принципом не только в сфере социальной философии, но и в исторической науке.

Литература

Данилевский Н.Я. Россия и Европа : взгляд на культур. и полит. отношения славян. мира к германо-романскому. СПб.: Обществ. польза, 1871.

Канарш Г.Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества //ЗПУ. 2015. № 2. С.50-60.

Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания российских мыслителей //Фундаментальные исследования. 2014. – № 6 (часть 4). – С. 867–870.

Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.: Изд-во Московского университета, 2013.

Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999.

Тойнби А. Постигание истории. Сборник. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Шпенглер О. Освальд Шпенглер: [Сочинения /пер. с нем. Н.Ф. Гарелин; авт. коммент. Ю. П. Бубенков, А.П. Дубнов]. Минск: Попурри, 1998.

МНОГОФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

Михайлова Е.Е.

Тверской государственной технической университет, Россия

Стратегии социокультурного развития, представленные в статье, демонстрируют динамику социально-философской мысли конца XIX – начала XX века. В работах Н.И. Кареева мы находим выдержанную в многофакторном ключе линию социокультурного прогресса. В.О. Ключевский и его ученики конструируют матрицу многообразных цивилизных форм. Социокультурное развитие, в интенции Р.Ю. Виппера, уже выглядит как поле волнообразных излучений социальных форм, стянутых между собой силой культурного взаимодействия. Рецепция многофакторной модели социокультурного развития в современном знании выглядит противоречивой: с одной стороны, она позволяет видеть поливариантное развитие

культуры и общества, с другой стороны, ограничивает исследователей только миром фактов.

Ключевые слова: история, культура, общество, прогресс, русская философия, позитивизм, многофакторный анализ.

MULTIFACTOR MODEL OF SOCIAL-CULTURAL DEVELOPMENT AND ITS RECEPTION IN MODERNITY

Mikhaylova E.

Tver State Technical University, Russia

Strategy of social-cultural development, presented in the article, shows the dynamics of social and philosophical thought in the late XIX - early XX century. In the works of Nikolay Kareev we find a line of social and cultural progress created in multivariate key. Vasily Klyuchevsky and his students constructed a matrix of diverse civilized forms. Social and cultural development, in the intention of Robert Wipper, already looks like a field of undulating radiation social forms, strapped together by force of cultural interaction. Reception of multifactor model of social-cultural development in the modern knowledge seems contradictory: on the one hand, it allows you to see multivariate development of culture and society, on the other hand, it restricts the researchers only the world of facts.

Keywords: history, culture, society, progress, Russian philosophy, positivism, and multivariate analysis.

Современный кризис концепции единой истории, а также вытекающий из него кризис идеи прогресса порождается переменами теоретического порядка, например, той критикой, которой был подвергнут историзм девятнадцатого века – идеалистический, позитивистский, марксистский в своих основаниях. Есть и другой фактор, который является определяющим для размывания таких больших нарративов, как идея истории и идея прогресса, – это факт формирования «общества коммуникации», в котором масс-медиа играют достаточно противоречивую роль: с одной стороны, они характеризуют современное общество как общество более «прозрачное», больше осознающее себя, более «просвещенное», с другой – как общество более сложное, даже хаотичное.

В статье предлагается проследить за развитием историко-философской стратегии социокультурного развития конца XIX – начала XX века и посмотреть, какие идеи уже утратили свою значимость, а какие остались по-прежнему продуктивными, созвучным современности.

Русские дореволюционные историки-позитивисты создали многофакторную модель социокультурного развития. Как известно, в программу позитивистского исследования входила задача выявления многообразия

комбинации факторов, которые на определенном этапе развития существенным образом влияют на ход исторического процесса. Решение этой задачи включало в себя два этапа: во-первых, собрать и обработать как можно большее количество фактов, обобщить их, классифицировать, выявить общие тенденции развития; во-вторых, на основе фактологического материала вывести законы социокультурного развития, подобно тем законам, которые действуют в естественно-научной сфере.

Первая часть программы позитивистам более чем удалась, а вот в решении второй задачи они встали в тупик. Русские позитивисты оказались в глубине пластов кризиса философского знания, обострившегося на рубеже XIX-XX веков. Стало нарастать осознание того, до какой степени человек многомерен и противоречив, как трудно поместить его историческое прошлое, выраженное в культурных и социальных константах, в научно-эмпирические рамки. В поисках «закономерностей» истории, культуры и общества оказалось недостаточным учитывать только многообразие факторов и условий, их порождающих. Ограниченность позитивистского мировоззрения, выраженная в исключительном доверии фактам, не позволяла учитывать социокультурную обусловленность самого познающего субъекта, его вовлеченность в мир человеческих ценностей, его способность к воображению и интуиции. Таким образом, методология многофакторного анализа на деле оказалась продуктивным для своего времени, но ограниченным ресурсом, не способным составить столь гармонизирующего единства, как это изначально декларировалось позитивистами (Михайлова, 2004).

В творческом наследии Н.И. Кареева культура предстает как источник и одновременно как результат психического взаимодействия людей в контексте их духовного и социального обогащения (Кареев, 1915, с. 259-260). Понятие культурного, в интенции Кареева, гораздо шире социального. Социальное для него – это мир многократно повторяющихся известных фактов и отношений, принимающих со временем некие устойчивые формы (Кареев, 1897, с. 257). Культура же выступает как основополагающий принцип человеческого бытия, высвечивающий уникальность каждой личности (Кареев, 1897, с. 260).

В сравнении с социальным признаком, культурный усиливает потенциал человека как носителя языка, идей, верований, традиций, поведения и деятельности, выраженных в форме права, этики, научных представлений, техники, искусства. Народ, согласно такой логике, выступает коллективным носителем своей культуры, которая существует только «через него, в нем и для него» (Кареев, 1915, с. 116).

В сочинениях Кареева проблема взаимосвязи культуры и прогресса приобрела особую рельефность. Традиционно определяя прогресс как «движение вперед, улучшение и совершенствование», Кареев не был склонен разделять оптимистические прогрессистские идеалы просветителей.

Развитие человечества, по мнению ученого, «есть громадная совокупность одновременных и последовательных эволюций и кризисов», и задача философа истории заключается в умении проследить «судьбу» этих изменений (Кареев, 1897, с. 367). Кареев выделил пять главных элементов культуры, каждый из которых оказывает динамизирующее воздействие на других: мирозерцание, этика, политическое устройство, право и экономическая кооперация. Эволюционное развитие не следует рассматривать как прямолинейное движение, оно сопряжено с кризисами и революционными переворотами (Кареев, 1915, с. 302). Во всемирной истории постоянно совершается соединение и разъединение культурных и социальных образований. Первый процесс именуется автором как «прогрессивный», второй – как «регрессивный» (Кареев, 1902, с. 8). Эволюция в таком контексте может совпадать с понятием прогресса, а может и не совпадать.

В определении прогресса Кареев исходит из тезиса: прогрессивно все то, что повышает общий уровень культуры. В связи с этим прогресс представляется ему как «постепенное возвышение уровня общечеловеческого развития», в котором культурные и социальные блага оказываются доступными наибольшему количеству людей и складывается справедливое разделение труда (Кареев, 1911, с. 26). Конструируя линию прогресса, российский теоретик выделяет в нем пять составляющих – умственный, нравственный, политический, правовой, экономический. Умственный прогрессом понимается как количественное накопление новых знаний и идей и их критическое осмысление; нравственный – воспитание способности действовать по убеждению; политический – улучшение государственного устройства; правовой – расширение пространства свободы и равенства; экономический – «развитие солидарности и улучшение способов совместного добывания средств к существованию» (Кареев, 1897, с. 389-399).

Исследователи считают, что Кареев создал многомерную мыслительную конструкцию всемирного прогрессивного развития, подчеркивающую самостоятельность культурных и социальных организмов и их взаимообусловленность на основе целого комплекса причин: интеллектуальных, политических, нравственных, психологических, правовых, социально-экономических и других (Иванова, 2012).

Схожие воззрения на идею прогресса в истории проявляются и в сочинениях В.О. Ключевского. Задаваясь вопросами о том, как осуществляется механизм исторического процесса, русский историк обнаруживает в нем базовые элементы для трансформации социокультурной традиции, которые способны преодолеть конфликт политического, общественного, экономического и духовного характера (Ковалева, 2014). В его трудах отчетливо звучит суждение о том, что сохранять социокультурные традиции способна лишь гармонично развитая личность, т.е. свободный и образованный индивид, стремящийся к критическому осмыслению действительности и ее преобразованию.

Социокультурный прогресс видится возможным через совершенствование способов коммуникации между поколениями, через критическую рефлексию опыта старшего поколения, через реформирование системы образования, путем разумного использования уже выработанных временем культурно-исторических форм.

Ключевский разграничивает понятия «историческое движение» и «исторический прогресс». Движение, в его интенции, есть простое механическое понятие, прогресс же предполагает стремление к лучшему, «последовательный успех человеческого общежития» (Ключевский, 1989, т.6, с. 66). Совершенствование жизни человека можно «измерить» степенью общественной свободы и зрелостью общественного сознания. Эти процессы сложны и противоречивы: в них нет линии прогресса, наоборот, им свойственна постоянная прерывность. Пространство общественной свобода может расширяться и сужаться, а самосознание – усиливаться и снижаться. К исторической передаче, по наблюдениям Ключевского, наиболее восприимчивыми оказываются те культурные и социальные формы, которые вырабатываются непосредственно в ходе повседневных коммуникаций. Такие культурные и социальные образования, как формы правления, правовой режим, обычаи, предания и т.д., требуют длительных временных пределов.

Ученик Ключевского Р.Ю. Виппер в своих размышлениях о содержании исторического процесса оценил трудность задачи построения модели прогрессивного развития. Она заключается в том, что вниманию исследователя не могут быть представлены одновременно все элементы исторического процесса в их строгой последовательности и упорядоченности. Напротив, всякий раз имеется спутанный, смешанный подбор фактов разного происхождения и давности (Виппер, 1911, с. 232). Кроме того, трудность исследования культуры состоит в том, что она полна пережитками, стереотипами, противоречивой динамикой. «Условия культуры по большей части остаются между собой несогласованными, и жизнь всякого поколения и всякой среды является в высокой мере несистематичной или, иначе говоря, состоит из множества иррациональностей» (Виппер, 1911, с. 239).

Последствия Первой мировой войны дали почву для пессимистических настроений Виппера как исследователя исторического процесса. Культура, по его мнению, как совокупность человеческих усилий, «стала сама себя уничтожать» (Виппер, 1918, с. 4). Опрокинулась гордыня целого культурного века, верившего в близкое и окончательное торжество прогресса. Называя новейшую культуру «односторонней», с ее верой в близкое и окончательное торжество прогресса, философ призывает обратиться к гармонизации прошлого и настоящего опыта (Виппер, 1918, с. 79).

В сочинениях Виппера социокультурный прогресс рисуется как результат культурного взаимодействия. В связи с этим, автор критически

оценивает учения о прогрессе, выработанные в Новое время. Согласно его наблюдениям, теория прогресса стала складываться в конце XVIII века. В Германии ее популяризаторы, объединенные в общества с характерными названиями – «перфектибилисты», «иллюминаторы», «просветленные», верили, что просвещение способствует нравственному совершенствованию человека. Причины всплеска веры в прогресс Виппер находит в пластах социокультурных изменений. Интенсивный торговый обмен способствовал формированию в общественном сознании людей образа земного шара как «великой мастерской», в которой народы работают в известной гармонии, согласно общей цели. Вера в прогресс иницировалась достижениями в области естествознания, физики и химии, актуализирующими мысль о том, что в природе существует «единство движущих жизненных начал» (Виппер, 1913, с. 85). Сам Виппер рисует прогресс не линейно, а как волнообразное поле излучения многообразных культурных и социальных форм.

Как видим, идея прогресса в трудах русских позитивистов переплетена с осмыслением трансформации культурных и социальных образований. Стараясь уйти от умозрительных построений прогресса, авторы рисовали его как сложно структурированное единство бесконечно многих эволюций. Критический взгляд позитивистов на теории прогресса не означал их полного отказа от самой идеи. Речь шла о критике односторонних интерпретаций со стороны философов-просветителей с их безотчетной верой в совершенствование человечества, и марксистов с их умением выстраивать утопические субстанциональные схемы прогрессивистской истории (Михайлова, Косарская, 2015).

Рецепция многофакторной модели социокультурного развития в современном знании выглядит противоречивой: с одной стороны, она позволяет видеть поливариантное развитие культуры и общества, с другой стороны, ограничивает исследователей только миром фактов. Время показало, что мыслить бытие как основание, а реальность как разумную систему причин и следствий, означает распространять на все бытие модели «научной» объективности. Способ мышления, согласно которому «все» измеряется, оказался несостоятельным, т.к., конечно, нельзя свести к уровню «всеизмеряемости» самого человека, его внутренний мир и его историчность. Нет единой истории и, соответственно, нет единого прогресса.

Во взглядах позитивистски настроенных авторов есть очень важная, созвучная современности, идея: социальный прогресс возможен на базе равноправного культурного взаимодействия. Продуктивность такового, согласно выводам авторов, может быть достигнута при условии внутренней и внешней «готовности» всех участников понимать друг друга и взаимобогащаться. Не противостоять, а коммуницировать, не считать одним-единственным европейский идеал человечества, а признавать важность

многополярности идеалов – в этом видится продуктивность многофакторной модели социокультурного развития для современной ситуации.

Литература

Бельчевичен С.П. Теория прогресса в философском наследии Н.К. Михайловского // Система ценностей современного общества. 2010. – №10-1. – С. 59-63.

Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. М.: Изд-во «Знание – сила», 1918.

Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII-XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М.: Тип. И.Н. Кушнерев и К, 1913.

Виппер Р.Ю. Очерки по теории исторического познания. М.: Тип. И.Н. Кушнерев и К, 1911.

Иванова Е.С. Социокультурная типология Н.И. Кареева // Глобальный научный потенциал. 2012. – № 15. – С. 48-50.

Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915.

Кареев Н.И. История с философской точки зрения // Собр. соч. в 4-х тт. Т.1. СПб.: Изд-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1911.

Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. 3-е изд., сокращ. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.

Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории Нового времени. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902.

Ключевский В.О. Методология русской истории // Соч. в 9-ти т. Т. 6. /под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. – С. 5-89.

Ковалева Е.О. Культурная традиция и конфликт поколений в трудах В.О. Ключевского и Н.К. Михайловского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2014. – № 2. – С. 175-185.

Михайлова Е.Е. Русский позитивизм на рубеже XIX-XX веков: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2004.

Михайлова Е.Е. Особенности философии истории русского позитивизма // Вече: СПб. Филос. общество. 2015. – № 27-2. – С. 48-57.

Михайлова Е.Е., Косарская Е.С. Типология культуры и общества в философии Нового времени: от метафизики к позитивизму // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: Сборник научных трудов преп., асп., маг., студ. фак-та упр-я и соц.ком-ций /отв. за вып. О.Ю. Ильин; под ред. И.И. Павлова. Тверь, 2015. – С. 71-81.

УТОПИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МОДЕЛЬ VS ФУНКЦИЯ

Паниотова Т.С.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

В статье раскрывается отличие утопии как модели и проекта от утопической функции; дается авторское понимание утопии и характеризуются черты ее классической модели. Причины устойчивости утопической функции в истории автор видит в ее критическом импульсе и постоянном поиске альтернативного, более совершенного мира.

Ключевые слова: утопия, утопическая функция, классическая модель утопии, альтернативность, идеал.

UTOPIA AS A FACTOR OF SOCIAL CHANGE: MODEL VS. FUNCTION

Paniotova Taisia S.

Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

The article reveals the difference between Utopia and the project and a model of utopian function; given the author's understanding of utopia and are characterized by the features of its classic model. The reasons for the stability of the utopian function in history author sees in its critical impulse and constant search for alternative, better world.

Keywords: utopia, the utopian function, the classical model of utopia, alternatives, and ideal.

Утопия принадлежит к числу тех феноменов культуры, интерес к которым вряд ли когда-нибудь исчезнет. Вопреки устоявшемуся мнению о «конце утопии» возрастает ее роль, прежде всего, в регионах неевропейского мира, находящихся за пределами царства стабильности, прагматизма и политического реализма; у народов, предрасположенных в силу своего менталитета и особенностей психического склада к социальному изобретательству, у социальных слоев, одержимых мессианской верой в спасение человечества. Проблематика утопического актуализируется и в странах постсоциалистического пространства, переживших крушение одной из наиболее грандиозных утопий современности. Новые возможности для утопического дискурса открывает переживаемый современной техногенной цивилизацией глобальный кризис, неразрывно связанный с поиском путей дальнейшего исторического развития, качественно иных ценностных ориентиров. Поэтому не случаен вывод испанского исследователя Ф. Аинсы о том, что «кризис еще недавно прочных утопических *моделей*

не следует считать отмиранием *утопической функции*, которая позволяет в мире, претендующем на разрешение всех вопросов, подвергать сомнению установленный порядок вещей и разрабатывать альтернативные предложения» (Ainsa, 1999, с. 13-14).

Но что собой представляет «утопическая модель» и каково содержание «утопической функции»? Как соотносятся между собой две эти стороны утопии? Полагая, что в отечественной литературе имеет место абсолютизация видовых признаков утопии как модели и их отождествление с родовыми признаками утопии, в настоящей статье мы попытаемся развести эти понятия и предложить свое виденье проблемы. Под утопией мы будем понимать универсальную культурную форму чувственно-рационального освоения социальной реальности в образах-концепциях, синтезирующих представления о счастье и гармонии и отвечающих человеческой потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития.

Многие западные авторы, пишущие на тему утопии, различают утопию проект/модель и утопическую функцию (сознания). Их родство состоит в том, что утопическая функция, может объективироваться в моделях, не исчерпывая, при этом, однако, всей полноты своего «взрывного» содержания. «Утопическая функция», «утопическое напряжение», «утопический разум» - это все различные наименования утопии как проявления универсальной «антропологической структуры воображения» (Ж. Дюран), как «умонастроения», связанного с намерением изменить существующий мир. В этом своем качестве утопия становится синонимом бунтующего сознания. Артуро Андрес Роиг, который ввел в научный обиход понятие «утопическая функция», считал, что она локализована в самой структуре языка, в дискурсах как символическая функция. По его мнению, существуют три важнейшие функции утопического дискурса: "Одна функция «критически регулирующая», другая - функция освобождения от господствующего детерминизма..., третья - антиципирующая функция, или функция предвидения будущего... Всякий дискурс соответствует тому или иному типу деятельности, импульсу или потребности человека, утопический дискурс отвечает на потребность, которая состоит в «страсти границы», «периферии», «края», «импульсе бегства» «как можно дальше» от всех угнетающих форм... Из этого импульса рождается все многообразие форм утопического дискурса» (Roig, 1987, р. 20). Утопическая функция может быть обозначением многовековой мечты о счастье; воплощаться в различных феноменах культуры, или существовать как феномен сознания, и хотя начиная с эпохи Возрождения, находит адекватное воплощение именно в *утопических моделях*.

Традиционно место утопии в истории тем и определялось, что она создавала модели общественного устройства, воплощавшие представления об идеале гармонии и совершенства. Как писал еще в 1910 году

А. Свентоховский «Утопия, как идеал общественных отношений, представляет собой наиболее всеобщий элемент в духовном мире. Входит она в состав всех религиозных верований, этических и правовых теорий, систем воспитания, поэтических произведений - одним словом всякого знания и творчества, дающего образцы человеческой жизни... Через всю историю культуры проходит целая лестница самых различных видов утопий – от представлений дикого кочевника до размышлений современного философа...» (Свентоховский, 1910, с.5).

Попытку реконструкции классической модели утопии одним из первых предпринял Ф. Аинса, обративший внимание на такие характеристики классического утопического жанра как изолированность, ахрония, автаркия, урбанистическая планировка, регламентация (Ainsa, 1990, с. 41-46). Оттолкнувшись от этого перечня, попытаемся раскрыть и дополнить черты классической модели.

Начиная с Мора сущностной характеристикой утопии и непременным условием успеха утопического проекта является его *изолированность, обособленность, недоступность*. Изолированность пространства обеспечивается надежностью границ. Границей может выступать лабиринт, сложный обряд инициации, непроходимый лес, скалы, договор о неразглашении тайны местонахождения идеального места, сакральные запреты. Предпочтение, отдаваемое утопией таким топосам идеального пространства, как остров, вершина горы, изолированная от мира часть суши, недоступная территория- связано с необходимостью реальных или символических границы, чтобы избежать разлагающего влияния хаоса, буйствующего за пределами мира совершенства. Именно последнее обстоятельство объясняет размещение идеальных островов где-то вдали, за линией горизонта. И так же, как последняя постоянно отодвигается и никогда не достигается, не обнаруживает себя и утопия.

Изоляция неразрывно связана с *автаркией*, представляющей собой следующую характеристику классической утопии. Вне фактора автаркии обособленное существование обречено на неудачу. Автаркия - это также своего рода граница, поскольку в силу самодостаточности и самообеспечения отпадает необходимость в каких бы то ни было международных контактах. Богатая природа, благоприятный климат, всеобщий труд и ограничение потребностей обеспечивают человеку некий «средний достаток» и не ставят под вопрос возможность изолированного выживания.

Важной характеристикой классической утопии является *ахрония*, или отсутствие в ней исторического времени. Классических произведения этого жанра предлагают планы не частичного и временного, а полного и окончательного разрешения природных, социальных и вообще всех и всяческих противоречий. Данная «раз и навсегда» система не может трансформироваться, т.к. она совершенна. Отсутствие изменений исключает историческую случайность и лишает остроты проблему путей перехода к бу-

дущему обществу по той простой причине, что будущего (внутри утопического царства) нет, а есть одно лишь настоящее, спроецированное в вечность.

Еще одной сущностной характеристикой утопии является *регламентация*. Утопия возникает как бы на разломе двух пространств: реального хаотичного пространства, в котором человек живет, и желанного, упорядоченного пространства. В конечном счете утопическая направленность мышления состоит в создании собственного, *качественно иного* гармоничного пространства. Средством упорядочивания, перевода общества из дисгармонии в состояние гармонии и выступает *регламентация*. Регламентация как характерная черта классической утопии с экономической точки зрения объясняется низким уровнем развития материальной базы, ограниченностью ресурсов, средств существования в тот исторический период, когда утопия возникла. Но в социокультурном плане регламентация – это стремление к рационализации и упорядочиванию общественных связей на основе общей социальной теории, которая стремится предусмотреть все организационные аспекты коллективной и частной жизни в социуме.

Утопия стремится к гармония, а последняя неразрывно связана с *красотой*. Отсюда следует такая характеристика социальной утопии как *калокагатия*, выражающаяся в стремлении построить мир, который был бы не просто лучше или рациональнее нашего, но и во всех отношениях добродетельнее и прекраснее. Изобретая фантастические условия освобождения человечества, утопист уподобляется художнику, но только занят он сочинением не художественной, а жизненной реальности.

Высокая идеальность искусства позволяет усматривать в нем аналог утопии, а иногда ставить между ними знак равенства. Подобно искусству, утопия тяготеет к предельности идеальной цели, а утопический максимализм содержит допущение чуда, сказочности, что также сближает его с искусством. Образность утопии близка художественному образу. Художественная структурированность утопического сознания проявляется, в частности, в том, что в ряде классических утопий процветание обеспечивается не только преобразованием экономических отношений или системы власти, но и эстетикой порядка, совершенных форм. Так, в европейской культурной традиции круг, подобный диску солнца как воплощение совершенной формы, издавна является важнейшим конструктивным началом. Практически все архитектурные и живописные утопии эпохи Возрождения основываются на геометрических формах круга или квадрата.

Классическая утопия по преимуществу *урбанистична*, иначе говоря, ее типичный образ – это образ города. Начиная с Мора городской план становится постоянным спутником социальной утопии. Геометрический план выражал социальную гомогенность, ратифицированную законом и властью правительства. По сути дела в классических утопиях Возрождения мы впервые встречаем объективацию духа и замысла законодателя не в

виде абстрактных норм и законов, а в виде упорядоченного пространства и плана градостроительства.

Наконец, следует выделить и такую сущностную характеристику классической модели утопии как *эвдемонизм*. По сути все, что не предпринимает утопист, подчинено достижению одной цели - сделать человека счастливым. Абсолютно прав А. Петруччани, утверждая, что «загадка всеобщего счастья - вот движущая сила интереса к утопии, спасающая ее несмотря на то, что оперирует она повествовательными конструкциями, достаточно проржавевшими» (Петруччани, 1991, с. 111). Достаточно весьма беглого обзора, чтобы убедиться в этом. Так, у жителей утопии Мора «первый изо всех и главный у них спор о том, в чем состоит человеческое счастье – в чем-нибудь одном, или же во многом», для Г.Бабефа «цель общества - всеобщее счастье». «Цель всех человеческих усилий заключается в достижении счастья», - считал Р. Оуэн, и т.д. И хотя в чем состоит счастье, и как его достичь, каждый утопист понимал по – своему, ориентация на земное, а не небесное, на служение людям, а не Богу, на наслаждение жизнью, а не на умерщвление плоти, была всеобщей.

Классическая модель утопии эволюционирует от утопии места- к утопии времени, от романа-путешествия - к «правовой» утопии (представленной в виде свода законов), а затем - к утопии, претендующий на статус научной теории. При этом одни черты классической модели становятся более выпуклыми, заметными, другие, напротив, обретают меньшую значимость, или трансформируются таким образом, что становятся трудно узнаваемы, но окончательно не исчезают. И тем более не прекращается пульсация «утопической функции», подвергающей сомнению установленный порядок и выражающей стремление к другому миру.

В числе специфических характеристик утопической функции следует назвать *альтернативность*. Утопия - это *Другое истории*, контр - образ реальности, качественно иное бытие. Как «намерение изменить существующий порядок вещей», она противостоит однозначности и предопределенности исторического развития, отстаивая право на вариации, неопределенность, корректировку процесса.

Но утопия – это не любое Другое истории, а *Другое, наделенное признаками совершенства*. Это образ совершенства, в котором аккумулируется проблематика смысла истории как человеческой деятельности, и указывается, каким должно быть бытие, достойное человека. Утопия в качестве образа совершенства *делает* идеал *зримым*, но не воплощает все его черты и возможности в полном объеме. Присутствующий элемент невозможного необходим как условие реализации возможности. Утопия раскрывает перед реальностью широкие перспективы, именно тогда, когда с позиций недостижимого демонстрирует содержащиеся в ней возможности. Это предполагает усилие субъекта «сократить расстояние» между совершенством и

реальностью, преобразовать ее с точки зрения тех возможностей, которые в ней имеются.

Утопическая функция, помимо того, что она имеет дело с ориентирующим идеалом, является одновременно критической инстанцией по отношению к настоящему. В силу этой двойственности она не только принцип или регулятивная идея праксиса, но и критерий этического выбора образа жизни для индивидов или политического выбора для сообщества, а также критерий соответствия преобразовательной деятельности самому идеалу. Здесь «должное бытие», являясь этическим импульсом, указывает путь существующему бытию, заставляет почувствовать разницу между «миром, каков он есть» и «миром, каким он должен быть». Утопия, таким образом, учитывает опыт прошлого, выдвигает альтернативы настоящему, и всегда обращена в будущее, которое она идентифицирует с должным и желанным. Утопическая функция - это не просто Другое истории, но Другое, качественно иное и более совершенное, рассматриваемое в модусе возможного.

Таким образом, утопия как горизонт, как условие возможности, как исторический идеал, как критическая инстанция, как регулятивная идея создает точки опоры для радикальной трансформации общества. Утопическая функция выступает в культуре в качестве смыслового горизонта или ориентирующего историческую индивидуальную и коллективную практику идеала. Она представляет собой не некий предопределенный финал, а цель реальной истории, придающая ей смысл.

И в этом плане «утопическая функция» так же константна, как неодолимы человеческие надежды обрести счастье и заглянуть в будущее. Этим и объясняется глубинная укорененность утопии в человеческом сознании, культуре и ее связь с исторической практикой. Глубинные причины устойчивости «утопической функции» нам видятся, прежде всего, в наличии у человека своеобразной потребности не только «грезить о несбывшемся», но и *надеяться* на лучшее и «*желать невозможного*».

Литература

- Аинса Ф.* Реконструкция утопии. М., 1999.
Петруччани А. Вымысел и поучение. // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991.
Свентоховский А. История утопий. М., 1910.
Ainsa F. Rekonstrukcija utopii. М., 1999.
Ainsa F. Necesidad de la utopia. Buenos Aires-Montevideo, 1990.
Petruchchani A. Vymysel i pouchenie / Utopija i utopicheskoe myshlenie. М., 1991.
Sventohovskij A. Istorija utopij. М., 1910.
Roig A.A. La utopia en el Ecuador. Quito, 1987.

ОБ ОСНОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОСТИ

Пурынычева Г.М.

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола,
Россия

В статье рассматривается понятие «социальности», его трансформация в различные исторические эпохи. Специальное внимание уделено конструктивистской концепции социальности Б. Латура.

Ключевые слова: социальность, техникосзнание, социальная инженерия.

ON THE BASIS OF SOCIALITY

Purynycheva G.M.

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia

The article discusses the concept of “sociality”, its transformation in different historical epochs. Special attention is given to B.Latour constructivist concepts.

Keywords: sociality, technical knowledge, social engineering.

Понятие социальности интересует многочисленных исследователей, предлагающих свои концепции, проясняющие в той или иной мере его сущностные характеристики.

Социальность как сущность, феномен, понятие, конструкция (трактуются в зависимости от методологического выбора ученого) требует серьезных теоретических исследований. Представляется, что социально-философское знание содержит потенциал для междисциплинарных подходов по теоретизации данной проблемы (Шабалин, Пурынычева, 2014, с.67-83). Как показывает анализ историко-философских источников, на всех этапах становления и развития учений об обществе социальная объективность оказывается базисным основанием эпистемологических систем. Философская рефлексия социальности предстает теоретической формой знания об обществе и жизнедеятельности человека. Накоплен значительный объем знаний в этой области, демонстрирующий трансформации образа социальности в контексте исторических обстоятельств и общих оснований философии.

В античные времена представления о социальности строились вокруг понятия «государство», поскольку именно государство играло ведущую роль в организации жизнедеятельности (общество еще не рассматривалось как самостоятельный феномен). В учениях Платона и Аристотеля жизнь социума представлена как размышления об идеальном государстве и как бытие рабовладельческого государства. «Государство» и «общество» не

тождественны по смыслу, хотя это безусловно взаимосвязанные социальные феномены.

В средние века «социальность» кроме земной реальности, устройства повседневной жизни дополняется «небесным измерением», божественным волеизъявлением. В теологических построениях основание социальности определяется Богом и человек – тоже его творение. Все зло, грехи, несовершенства идут от человека, совершившего грехопадение, отошедшего от божественной благодати. Значительно влияние образа Спасителя, его воскресения; грядущий приход преобразит социальное. Социальность развертывается линейно, необратимо: от прошлого к будущему, допускается «конец времен». В этих теологических концепциях есть место будущим действиям и состояниям (Фан, 2007, с.30-47).

Мыслители Возрождения, Нового времени, Просвещения создали предпосылки для рациональных системных представлений о социальности, однако и у них эта тема не была самостоятельно значимой. Чаще всего она возникала в контексте дискуссий о прогрессе, государстве, социальной деятельности и т.д. Хотя методологический уровень осмысления социальности, конечно, продвинулся. Так, Т. Гоббс указал на иные параметры социальности на уровне государства, обозначил в качестве импульса общественного развития естественную реальность (состояние) людей – «война всех против всех». А Ж.Ж. Руссо выдвинул идею общественного договора как условие перехода от естественного, природного к социальному состоянию. Этот особый тип социальности снимает противоречия, обеспечивает стабильность, равенство по закону. Мыслитель верил в силу человеческого разума, в просветительский потенциал образования и воспитания (Руссо, 1998).

Отметим, что в эпоху Нового времени появляется важнейший фактор социальности в культуре человечества – техника и техникосзнание, от которых во многом зависит благосостояние гражданского общества. Ф. Бэкон в «Новом органоне» проводит различие в истории «диких» и развитых народов по линии наук и искусств. Социальность в это время понималась как исследование законов природы, увеличивающее могущество человека, его нарастающую независимость от «почвы и климата». Хотя, конечно, человек и общество трактовались как вполне природные явления. Познание природных закономерностей дало практический результат в виде машин, механизмов, создаваемых для удовлетворения человеческих потребностей и развития производства. Заложен был тот особый тип социальности, который в своей эволюции привел к современному техногенному обществу. Появилась иллюзия, что социальные проблемы – свободы, счастья, благоденствия, упорядочения жизнедеятельности человека возможно разрешить на основе техники и путем создания новых технологий.

В парадигме Гегеля философия должна исследовать социальность как разумное и действительное. Этот двойной принцип гласит: познавая

законы права и нравственности, следует быть уверенным, что они реализуются и в наличной действительности (Мотрошилова, 2010, с. 491).

Системный анализ социальности был осуществлен в марксизме, который четко обозначил ее базовое основание – способ производства материальных благ. Социальность в историческом материализме приобрела самостоятельный статус, стала исследоваться как автономный, специфический объект.

В материалистической модели социальности, ее синонимом оказывается социальная реальность, детерминированная целенаправленной деятельностью людей. Это сложно структурированная, упорядоченная система отношений. Общество, по Марксу, есть «продукт взаимодействия людей».

Эти идеи получили развитие в учениях о социальности XX века. У Дюркгейма основные характеристики социальности сводятся к признанию устойчивой природы и собственных законов общества, его специфики и отличия от природной реальности. Утверждая, что социум есть вне и надындивидуальная реальность, Э. Дюркгейм полагал – жизнь человека детерминирована обществом. По его мнению, социальность должна изучаться социологией через непосредственный анализ исторических факторов (Дюркгейм Э., 1996. с.256-309).

Французский социолог Б. Латур с позиций критики традиционных представлений об обществе фактически предложил конституировать новую социальную реальность (Латур, 2014). Он полагает, что социальное трудно выявляемо: «Нет ничего труднее, чем уловить социальные связи. Их можно проследить только тогда, когда они изменяются (Латур, 2014, с.152). Познать социальное средствами естественно-научного знания (когда «социология пыталась подражать естественным наукам») нельзя. В традиционном подходе социология трактует общество законосообразно», при этом знания предзадают его образ. Б. Латур считает важным «непредпосылочное мышление» для осмысления реальных социальных феноменов. По его мысли, социология оказалась втянута в социальную инженерию, с середины XIX века она взяла на себя задачу политиков..., втянувшись в процессы модернизации. «Социальные теоретики принялись разыгрывать из себя законодателей. К тому же такое поведение могло восприниматься как подтверждение креативности, поскольку ученые со времен Канта «должны были» конструировать свой объект» (Латур, 2014, с. 61-62).

Более глубокий анализ новых методологических решений по объяснению социального, предпринятый Б. Латуром, еще будет осуществлен специалистами. Однако, очевидно, что он описывает социальную реальность, одновременно распредмечивая, реконструируя ее, а затем заново ее собирает (в текстах или в схемах), участвуя в процессах трансформации социальной реальности. В такой форме исследователь участвует в жизни

общества, в манипуляции социальным знанием. Задачи установления закономерностей, определения социальных механизмов развития не ставится.

Таким образом, тезисный анализ подхода к социальности показывает значительные сложности в теоретической рефлексии этого понятия, в определении его категориального статуса. Новые исследователи возможно предложат свои интерпретации в контексте динамично развивающейся социальной реальности.

Литература

Дюркгейм Э. Метод социологии //Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. – С. 256-309.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М., 2014.

Мотрошилова Н.В. Гегель //Новая философская энциклопедия. Т.1. М.: 2010. – С. 491.

Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права //Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер с фр. М.: Канон-Пресс, 1998.

Фан И.Б. Модель западноевропейского гражданина позднего Средневековья //Известия Уральского государственного университета. 2007.– № 54. – С. 30-47.

Шабалин Д.Г., Пурнычева Г.М. Социальность в философской рефлексии //Исторический процесс: истоки, перипетии, перспективы. Межвузовский сборник статей. Вып.13 /Под общей ред. М.Ю. Билаоновой. Й-Ола: ПГТУ, 2014. – С. 67-83.

ПЕРСПЕКТИВЫ НРАВСТВЕННОГО ПРОГРЕССА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Пухир В.М.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

В статье представлены возможные ответы на вопрос о перспективах нравственности в постсовременном мире: диаметрально противоположные точки зрения интегрального традиционализма и холизма; прогрессистские взгляды марксизма и технократизма; традиционная религиозная точка зрения и современная нравственная парадигма – «физика морали». Автор анализирует кризис разума и нравственности с оптимистической точки зрения.

Ключевые слова: постсовременность, нравственный прогресс, традиционализм, холизм, моральный ландшафт, физика морали.

PROSPECTS FOR MORAL PROGRESS IN THE POSTMODERN WORLD

Puhir V.M.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

In the article there are possible answers to the question about the perspectives of morality in the post contemporary world. There are: the point of view of integral traditionalism and holism; progressives views of Marxism and technocracy; traditional religious view and moral paradigm – physics of morality. The author analyses the crisis of reason and morality with optimistic point of view.

Keywords: post contemporary, moral progress, integral traditionalism, holism, moral landscape, physics of morality.

Вторая половина XX века и уже начавшийся XXI век составляют единую эпоху, которую в западной культуре называют «постсовременностью». Этот термин означает период, когда прежние представления о нравственных устоях человеческой жизни канули в прошлое, а новые еще не сложились полностью. По сути, это эпоха сокрушения традиций, разрушение идеалов и смешения стилей, массового отхода от тех ценностей, которыми руководствовалось человечество на протяжении многих веков. Конечно, капиталистические рыночные идеалы появились гораздо раньше, они формировались на протяжении нескольких столетий, но все же качественный перелом (не в лучшую сторону) в массовом сознании происходит в наше время. Современный человек не стал менее жестоким, более добрым, справедливым и честным. Чаще всего он следует морали из-под палки (пусть даже экономической), а не по собственной доброй воле. Массовая мораль, к сожалению, лучше не стала. Большинство современных людей отнюдь не являются образцами для подражания, ибо в условиях рыночных отношений, слишком часто бывают жадными, жестокими и несправедливыми, обуреваемыми своими низменными страстями и безразличными к чужому горю. Люди в массе своей не знают (или не хотят знать), что такое истинная *любовь*, сводят ее смысл лишь к физическому наслаждению или безудержному утверждению своего «Я».

Именно поэтому многие видные современные философы и культурологи бьют тревогу и определяют наличное бытие общества как кризис культуры, цивилизации, разума и нравственности. Однако как воспринимать такой кризис? Что последует за ним – смерть или выздоровление человечества? И существуют ли те социокультурные «лекарства», которые помогут больному человечеству выжить и выздороветь? Или же эти «лекарства» предстоит еще изобрести? Чтобы попытаться ответить на этот

вопрос, необходимо рассмотреть различные точки зрения на современный нравственный процесс.

Одним из возможных ответов на вопрос о перспективах нравственного прогресса является точка зрения основоположника *интегрального традиционализма*, французского мыслителя *Рене Генона* (1886-1948). Он пришел к выводу об исчезновении в западном обществе т.н. «посвященческих» организаций, способных обеспечить законную передачу духовных влияний, способных изменить нравственность в лучшую сторону. И мыслитель обратился к восточным учениям – суфийским, даосским, индуистским. В 1912 г. Генон принял ислам и стал крупным мусульманским эзотериком. Его соратником и последователем был итальянец *Юлиос Эвола* (1898-1974).

Интегральный традиционализм строго ортодоксален и стремится возродить истинность божественного знания в современном безбожном мире. Согласно концепции Генона, деградация современного мира проявляется в западном рыночном обществе, породившем массовое потребление, массовую культуру, демократию, скептицизм и атеизм. Кроме того, западное общество XX века отличается индивидуалистической направленностью сознания, все более удаляющего людей от Единого Целого, т.е. от Вечной Мудрости. Начало т.н. «*новой эпохи*» уничтожит уравнивательность, господство светского мировоззрения и эгоцентрических потребностей. На все планете установится некое *теократическое правление*; в обществе установится строгая иерархия и кастовость, власть возглавят «посвященные» жрецы, а все науки и искусства из профанных (безрелигиозных) сделаются сакральными (священными). Будут царствовать высокий Дух и истинная справедливость, при которой каждый должен знать свое место.

Как видим, интегральный традиционализм не предвещает нам, людям «темного века» («железного века») ничего для нас положительного. Нравственность будет исправляться исключительно радикально – через гибель нынешнего «закатного» человечества. Однако не все мыслители смотрят на перспективу нравственного прогресса так мрачно.

Лучшее будущее для человечества предвещал марксизм. К. Маркс утверждал, что наемный труд, эксплуатируемый капиталистами в целях получения прибыли, частная собственность отрицает в человеке личность, изнуряет его физически, приводит к деградации человека в духовном и моральном отношении. Только при коммунизме технический прогресс приведет к господству общественной собственности на средства производства. С ее утверждением должны разрешиться все сложнейшие проблемы человечества: должны исчезнуть ненависть и зависть, классовая вражда, все виды отчуждения. Коммунистическая нравственность должна стать самой гуманистической в истории человечества. Она не просто провозглашает своим основным принципом любовь и уважение человека к человеку, но и

ставит вопрос о создании истинно человеческих условий в самом обществе, необходимых для гармонического развития личности. История реального социализма пока, к сожалению, не подтвердила оптимистического прогноза К. Маркса.

В XX веке наряду с философией марксизма, характерной для социалистических стран, появились прогрессистские технократические теории, распространенные в капиталистическом мире - такие, как теории Дж. Нейсбита или О. Тоффлера. Они прогнозировали перспективное развитие науки, техники и технологии, которые способны помочь искоренению веками существовавшего зла в мире, связанного с неразвитостью знаний и опыта. На базе высоких технологий будет создано новое информационное, гармоническое общество. Так, известный английский футуролог Джон Нейсбит утверждает: «Открывая свой человеческий потенциал, мы участвуем в развитии человеческой нравственности. Мы вырабатываем в себе внутреннее знание, мудрость, чтобы направлять наши исследования в область техники. Следовательно, технический прогресс способствует душевному комфорту» (Нейсбит, 2003, с.112).

Однако, время, порой называемое футурологами-технократами, уже наступает, а «всеобщего счастья и душевного комфорта» все нет. Люди становятся все более беспощадными, а социальные конфликты – более острыми и непримиримыми, чем в прежние времена.

И марксизм, и технократизм, обращая внимание на развитие знаний, умений, навыков и совершенствование производства материальных благ, упускают из виду такой немаловажный фактор, как специфика человеческого *сознания*. Конечно же, аморальность общества во многом связана с ограниченностью предметов потребления, с необходимостью более сильных выживать (и даже процветать) за счет более слабых. И все же нравственное зло не следует сводить только лишь к таким причинам, как нехватка продуктов питания, пространства для жилья и предметов потребления. Даже если представить, что существует полное изобилие материальных благ, нравственное зло не исчезнет полностью, люди не станут менее завистливы, не научатся бескорыстно любить, не смогут постигнуть суть добродетелей, свободно, исходя из доброй воли, дарить радость другим, заботиться о природе. Все дело – в способе *мировосприятия* человека, который не формируется непосредственно их технико-экономического и материального благосостояния.

Кроме того, марксистская материалистическая традиция рассматривала человека, его мораль, философию, представления о красоте в связи с его животным происхождением и материалистической эволюцией. Но ведь человек – не просто высший род живого существа на Земле, имеющего родственные связи со всем остальным органическим миром. Человеческое призвание - прежде всего быть на Земле *духовным существом*.

Русские мыслители Серебряного века Л.С. Франк, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин показали в своих работах, что духовность – это религиозность, и именно она является первоосновой истинной культуры. И.А. Ильин писал, что в человеке крепнет творческая энергия, энергия любви и воли, направленная в будущее, нацеленная на предстоящие позитивные свершения. И эта творческая энергия дает высшее счастье на Земле: духовное достоинство и призвание. «В глубине души человека строится как бы Храм, а в Храме этом утверждается алтарь и престол с неугасающим светильником» (Ильин, 1993, с.302-303). И именно в этом Ильин видел «последний и безусловный» корень духовной ответственности, а значит, и прогресс морали.

В 20-е годы XX века сформировался принцип холизма, усматривающий культурные и нравственные перспективы человечества в изменении установок *сознания*. Основатель холизма, другими словами, «философии целостности», южноафриканский ученый, философ и политический деятель Ян Кристиан Смэтс (1870-1950) ввел в философскую речь термин «холизм» (от др.греч. «holos» - «целый», «цельный»), опираясь на слова Аристотеля из его «Метафизики», что «целое больше, чем сумма его частей», а также на слова Г. Гегеля о том, что «только целое имеет смысл». Мир есть целостность, а люди – тоже целостности, *единые личности*, органически связанные со всем миром, открытые ему, отражающие мир в себе как целое. Поэтому перестройка сознания каждого человека должна происходить в направлении восприятия себя как естественного звена всего мироздания, а восприятие других людей – как находящихся с каждым из нас в неразрывной связи. Принцип целостности, глубокой связанности людей друг с другом и с универсумом должен стать определяющим фактором новой «коммуны» - всепланетарного человеческого братства.

Представители холистической философии настроены весьма оптимистично: они верят, что тяжелые времена пройдут, конфликты, агрессия и зависть останутся позади – надо только неумолимо работать с человеческим *сознанием* таким образом, чтобы оно было открыто миру. Главная ошибка человечества – самозамкнутость индивидов на самих себе, их неумение быть в нерасторжимой связи со всем мирозданием. В будущем человечество ждет «эра расцвета».

Важной позицией холизма является *снятие противоречий* в чувствах и в мышлении. Холизм, так же, как и традиционализм, исходит из древней идеи о том, что первоосновой мира является Абсолют, который может быть как в проявленном, так и в непроявленном состоянии. Проявление Абсолюта означает мгновенное возникновение противоположностей: верха и низа, конечного и бесконечного, женского и мужского, добра и зла. Мир принципиально двойственен, и каждая противоположность находится в единстве с другой. Мы бы не знали, что такое добро, если бы не было зла. Поэтому мы не можем просто «побороть» и выбросить на свалку истории

«уродливую» половину мира, оставив только «хорошую, добрую» для пользования. Как только эта сторона победит, наименьшее добро уже будет казаться злом. Таким образом, смысл добра и зла мы придаем противоположностям сами. Поэтому в реальной жизни всегда сочетаются любовь и эгоизм, разум и страсти, духовность и чувственность. Разумеется, это рассуждение вовсе не означает, что надо «приветствовать» зло. Человек всегда нуждается в том, чтобы «положительные» стороны действительности были всегда хотя бы немного сильнее «отрицательных». Однако (и в этом можно согласиться с этикой холизма) не стоит раздувать ненависть, стремясь искоренить «темные силы» в самой их основе. Ненависть в ответ порождает только ненависть, что увеличивает количество зла в мире. Гораздо мудрее постараться принять мир в целостности его противоречий и, по возможности, гибко и плавно подстраиваться к естественному ходу событий. Это сделает человека справедливее и добрее, поможет ему стать действительно нравственным.

О необходимости *совершенствования сознания* в своей фундаментальной книге «Мораль XXI века» (2014 г.) написал латиноамериканский философ и общественный деятель Дарио Салас Соммер (род. в 1935 г., Чили). Эта книга является учебным пособием по этике для Федеративных Университетов РФ и пользуется заслуженным вниманием во многих университетах мира. В сентябре 2015 г. указом Президента РФ Дарио Соммер был награжден государственной наградой РФ – «Орденом Дружбы». Вышеназванная книга Соммера - не сборник «моральных рецептов» или готовых понятий, для восприятия которых не требуются умственные усилия. В книге представлена совсем иная парадигма, выходящая за пределы простой передачи информации. Она призывает обрести прекрасное искусство глубокого *размышления*, позволяющего проникнуть на уровень *смысла*. Это – способность, которая в настоящее время находится на грани исчезновения.

Соммер – автор нового научного направления «*Физика морали*», согласно которому мораль объективна и может быть описана законами квантовой физики. Она представляет собой «совокупность неизменных законов природы, соблюдение которых способствует развитию *высшего сознания*, а их нарушение вызывает падение жизненной энергии и духовную деградацию человека» (Соммер, 2014, с.112). В отличие от традиционной морали, основанной на вере, физика морали основана на добровольном ментальном позиционировании человека внутри *К о с м о с а*, чего можно достичь только путем развития более высоких уровней сознания. Автор подробно объясняет, как соблюдение норм морали ведет к истинному успеху и гармонии. К примеру, физика морали, в отличие от традиционной морали, позволяет человеку не подавлять инстинкты, а познать их, удерживать в своем сознательном «Я», согласиться с тем, что они существуют, хотя и не соответствуют моральному поведению. Необходимо очищать эти импуль-

сы через процесс внутреннего глубокого *размышления*. Чем яснее мы их будем видеть, тем меньше будет их власть над нами. В этом случае у человека не появится чувство вины, повысится самооценка, что неизбежно приблизит его к нравственному прогрессу. Безусловно, такая позиция автора не вызывает возражений.

Также вызывает уважение точка зрения современного американского философа и публициста Харриса Сэма о том, что « стоит говорить о *прогрессе морали*, даже понимая, что большинство людей запутались в том, что такое добро и что такое зло» (Харрис, 2015,с.218). Философ обосновывает необходимость создания *универсальной концепции общечеловеческих ценностей* и связывает ее с т.н. *моральным ландшафтом*, на котором могут сосуществовать прогрессивные способы духовного развития и процветания.

По мнению автора настоящей статьи, когда речь идет о возможности противостоять нравственным болезням современного общества, трудно переоценить *роль образования*. Оно должно быть нацелено на то, чтобы не только помочь молодому человеку сформировать правдивую нравственную картину мира, но и выработать у него устойчивый иммунитет к наиболее распространенным нравственным «вирусам» - жадности, высокомерию, зависти, равнодушию, безответственности, унынию. Не следует тратить свою жизнь на вечные жалобы. Лучше сделать жизнь радостным восклицанием, нежели скучным опровержением!

Этика, ведающая изучением совести, справедливости, счастья, любви, смысла жизни, призвана не только объективно отражать действительность, но и предугадывать возможные изменения, помогая человеку сохранить и реализовать самые лучшие качества в жизненных испытаниях, исканиях, борениях.

Литература

Голубев В.С. От общества потребления к обществу социального гуманизма. М.: ООО «Ленанд», 2015.

Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.

Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: АСТ, 2003.

Соммэр Дарио Салас. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2014.

Харрис Сэм. Моральный ландшафт. М.: Карьера Пресс, 2015.

ТРАДИЦИИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Соколов А.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

В статье рассматривается вопрос о связи традиции и новации. Автор отвергает как упрощение противопоставление традиции новациям, трактовку традиции как социального механизма, лишь сохраняющего

старое. Выделяются традиции стабилизирующие и трансформирующие. Первые нацелены на сохранение наследия. Однако и традиции этого типа обеспечивают обновление через рекомбинацию наследия. Трансформирующие традиции возникают вследствие социальных кризисов и девальвации старых ценностей. Они утверждают новые ценности, формируя новое наследие, укореняя его в обществе.

Ключевые слова: традиция, история, преемственность, наследие, ценности, субъект.

TRADITIONS AND HISTORICAL DEVELOPMENT

Sokolov A.V.

Lomonosov Moscow State University, Russia

The question about the relations of traditions and innovations is examined in the article. The author rejects as a kind of simplification contraposition of tradition and innovation, understanding of a tradition as a past keeping social mechanism. Stabilizing and transforming traditions are distinguished. The former are pointed at the maintenance of some legacy. However even traditions of this kind provide renewal by recombination of legacy. Transforming traditions arise as a result of social crises and depreciation of old values. They establish new values by way of new legacy formation, by way of implanting it in society.

Keywords: tradition, history, continuity, legacy, values, subject.

В обыденном мышлении укоренилось представление о традиции как об устойчивой, неизменной, идущей из прошлого преемственности, которую противопоставляют (как в положительном, так и в отрицательном смысле) всяким реформам и новациям. Подобное же понимание традиции с давних пор присутствует и в литературе научной (Энгельс, 1882), восходя своими истоками к рационализму Нового времени. (Шацкий, 1990, с. 222-227) Однако, в 70-80 гг. прошлого века в общественном сознании обозначилась тенденция к преодолению трактовки традиций как социального механизма, лишь сохраняющего старое и исключаящего новации, тенденция рассматривать такой подход к традиции как односторонний и упрощенный. (Власова, 1981; Маркарян, 1981; Спиркин, 1978; Чистов, 1981)

Как любое другое явление, традиция при ближайшем ее изучении, анализе обнаруживает свою разнородность. Существуют разные виды традиций, характеризующиеся различным – до противоположности – отношением с новациями. Суть одной из разновидностей традиции состоит в сохранении в неизменном насколько это возможно облике (форме) какого-то наследия. Эти традиции объективно направлены на сохранение существующего общественного порядка. Назовем такие традиции *стабилизирую-*

щими. Именно они полностью соответствуют вышеупомянутому укоренившемуся представлению о традиции.

Стабилизирующие традиции тоже не одинаковы и могут быть разделены на два подвида, которые выделяются при наложении на одно дихотомическое деление понятия «традиция» (выше осуществленное) другого, где основанием для деления служит отношение к ценностям субъекта традиции. Ценности есть ключевой элемент традиции. Они определяют отношение к наследию субъекта традиции, которое может быть положительным или отрицательным. Разуется, сохранение, передача наследия осуществляется субъектом традиции только тогда, когда это отношение положительное, то есть когда наследие воспринимается субъектом как ценное. Так вот, по отношению к ценностям все традиции могут быть поделены на *рефлексивные*, то есть сознающие ценности, и *нерефлексивные*, субъект которых передает наследие, не сознавая ценностей, формирующих у него положительное отношение к наследию.

Таким образом, мы имеем дело как с рефлексивными стабилизирующими традициями, субъект которых намеренно передает какое-то наследие, отдавая себе отчет в ценности его, так и с *нерефлексивными*, когда наследие передается как бы автоматически, в силу привычки. В таких случаях чаще всего и говорят, что то-то и то-то делается «по традиции». Приведем примеры таких традиций: застегивание одежды мужчинами слева-направо, женщинами справа-налево, ношение юбок мужчинами в Шотландии, ношение этого вида одежды только женщинами во многих других странах. Некоторые религиозные по своему происхождению обряды (крашение яиц, выпечка куличей на Пасху) продолжают исполняться людьми нерелигиозными, не понимающими их религиозного ценностного смысла. Осуществление *нерефлексивной* традиции субъектом происходит в подобных случаях ради поддержания заведенного общественного порядка, который субъект принимает.

Несмотря на свою нацеленность на консервацию какого-то общественного порядка (ведь традиции всегда действуют в границах каких-то общественных групп и сегментов общества), стабилизирующие традиции незаметно для своего субъекта-носителя производят и общественные перемены. Дело в том, что передача наследия в абсолютно неизменном виде практически неосуществима. Как писал Е. Шацкий, «вера в возможность сохранения *in toto* верности «отцам» иллюзорна, так как это потребовало бы невозможного: жить в точно таком же, как они, мире. Речь не идет о том, будет ли это религиозная доктрина или политическая организация, орудие труда или оружие, сказка или обряд; любой факт культуры продолжает существовать лишь постольку, поскольку он изменяется. Передача общественного наследия – это метаморфоза» (Шацкий, 1990, с. 300). Изменение наследия в ходе его передачи стабилизирующей традицией мы назовем рекомбинацией традиции. Особенно интенсивно рекомбинация

идет в бесписьменных, устных традициях, ибо наследие никак не канонизировано и нигде не закреплено, нет его образца. В исключительных случаях сохранение устного наследия в максимально аутентичном виде обеспечивалось разработкой особой техники, как это было сделано брахманами в древней Индии в отношении Вед. В письменных же традициях рекомбинация идет значительно медленней, но и с ними она осуществляется, так как происходит интерпретация первичного образца наследия. Так, в рамках схоластики из античного Аристотеля развился постепенно схоластический аристотелизм, а в Советском Союзе из марксизма основоположников вышел советский марксизм. В обоих случаях интерпретация классиков производилась ради сохранения первичного образца и без сознательного намерения его изменить.

Итак, через рекомбинацию стабилизирующие традиции приспособляются к меняющимся социальным условиям, модернизируются. Но вечно это продолжаться не может, и однажды для каждой стабилизирующей традиции бьет свой час – и тогда она прерывается, гибнет. Механизмы гибели стабилизирующих традиций разнообразны: они могут быть связаны с судьбой субъекта (разложение, распад субъекта), с исчезновением объекта традиции – наследия, его важной части (например, вымрут куры, или люди перестанут употреблять в пищу яйца). Но главной причиной прекращения подобных традиций всегда становится изменение ценностей, определяющих отношение субъекта к наследию – их девальвация, обесценивание. Девальвация ценности находит свое выражение в снижающейся оценке субъектом традиции наследия, и однажды он прекращает деятельность по сохранению и передаче его. Так, например, прервалась схоластическая традиция преподавания философии в России в середине XVIII века: церковное руководство разочаровалось в схоластическом аристотелизме и прервало вековую преемственность преподавания основанных на Аристотеле курсов философии, заменив их вольфианством (Соколов, 2015).

Но главные испытания для стабилизирующих традиций приходят с наступлением общественных катаклизмов – кризисов, революций, войн. Они всегда связаны с девальвацией всего ценностного строя общества, с изменением многих ценностных значений в отрицательную область, то есть с превращением их в антиценности, вредности. И если девальвированное наследие просто постепенно прекращают передавать, то наследие, вдруг ставшее вредным, уничтожают. Вспомним, как после Октябрьской революции 1917 года многие традиции русского общества, например, связанные с религией и церковью, были объявлены вредными пережитками, подлежащими искоренению.

Однако, время кризиса это не только время уничтожения старых стабилизирующих традиций, но и время рождения традиций новых – *трансформирующих*. Трансформирующие традиции всегда только рефлексивные. Субъект традиции трансформирующей активно-избирательно отно-

сится к наследию, осуществляет его селекцию. На основе неких новых ценностей, а нередко и ревальвированных старых субъект-учредитель традиции формирует новое наследие или радикально реформирует старое, стараясь вовлечь в процесс воспроизводства этого обновленного наследия другие общественные группы. Так революционеры учреждали новые праздники взамен отмененных. Так христиане инкорпорировали в свой культ языческие обряды, придав им новое содержание – например, Масленицу.

Очень часто для укоренения новых трансформирующих традиций их представляют в качестве традиций древних, но «искаженных», «испорченных». Субъект трансформирующей традиции предстает в своих глазах и старается предстать в глазах всего общества не как новатор, учредитель нового, а как реставратор, восстановитель старого. Например, основатели протестантизма отнюдь не обновляли христианство – они старались «очистить» его от скверны, привнесенной Римом, и вернуться к «подлинному», «исконному» христианству апостолов. А в России в XVII веке царь Алексей Михайлович сотоварищи, затеявая церковную реформу, делали это во имя восстановления «древнего благочестия».

Судьба трансформирующих традиций различна. Многие из них просто не укореняются – не получают сколь-нибудь значительного распространения и гибнут вместе со своим субъектом-носителем. Так произошло с движением коммун в раннем советском обществе. Это движение полностью прекратилось, коммунары тихо вымерли, не оставив почти после себя следа. Но если трансформирующей традиции суждено будет распространиться и укорениться, то она постепенно превратится в традицию стабилизирующую. Субъект-носитель будет тщательно оберегать наследие от изменений, в то же время рекомбинируя его. Так будет продолжаться до тех пор, пока не наступит новый кризис, который обесценит наследие.

Литература

Власова В.Б. Об исторических типах традиционной ориентации //Советская этнография, 1981. – № 2. – С. 112-116.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции //Советская этнография, 1981. – № 2. – С. 78-96.

Соколов А.В. Философия в системе схоластического образования в России и на Украине в XVII – первой половине XVIII вв. //Вопросы философии, 2015. – № 8. – С. 76-86.

Спиркин А.Г. Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры /Отв. ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1978. – С. 5-14.

Чистов К.В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования //Советская этнография, 1981. – № 2. – С. 105-107.

Шацкий Е. Утопия и традиция. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1990.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

СРАВНЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМЬИ

Ташлыкова Н.Ю.

Московский государственный институт музыки им А.Г. Шнитке, Россия

Семья утрачивает признаки социального института, превращаясь в свободную ассоциацию партнеров, взаимодействующих ради реализации личных желаний и потребностей. Формируется новый тип брачно-семейных отношений, соответствующий постиндустриальному немассовому обществу. Основным капиталом современной экономики становится информация, интеллектуальная собственность, т.е. продукт личностного развития.

Ключевые слова: философия, функции семьи, ценности, личность, род, супружеские отношения.

COMPARISON OF SOCIOLOGICAL, PSYCHOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL APPROACHES TO RESEARCH OF THE FAMILY

Tachlikova N.

Moscow state institute of music named after A.G. Schnittke, Russia

The family loses signs of social institute, turning into free association of the partners interacting for the sake of realization of personal desires and requirements. The new type of the matrimonial relations corresponding to post-industrial not mass society is formed. Information, intellectual property, i.e. a product of personal development becomes capital of modern economy.

Keywords: philosophy, functions of the family, value, personality, matrimonial relations, reproduction.

Семья одновременно является и социальным институтом, и малой группой. Как социальный институт, семья реализует жизненно необходимую функцию самосохранения общества, воспроизводства новых поколений. Как малая группа, в рамках которой индивиды вступают в первичные межличностные отношения, семья удовлетворяет их фундаментальные социально-психологические потребности.

Специфические функции вытекают из сущности семьи как социального института, выполнение их присуще только семье. Неспецифическими являются: экономическая, связанная с накоплением и передачей наследства, аскриптивная (передача социального статуса по наследству), производственная, потребительская, рекреационная (досуговая), антистрессовая и многие другие.

Благодаря исторически конкретному характеру неспецифических семейных функций, изменения семьи как социального института, прежде всего, выражаются именно в изменении этих функций. Историческая тенденция изменения неспецифических функций семьи состоит в том, что последние перехватываются другими социальными институтами – государством, системой образования и т.д.

Среди современных социологов можно выделить тех, которые ставят на первое место экономическую функцию. Все ранние формы семьи (до нуклеарной) являются производственными единицами. Социологом Вишневым А.Г. выделяется производственная функция в обществе. Ученый подчеркивает встроенность членов семьи в систему общественного производства. Важной экономической семейной функцией А.Г. Вишневский считает потребительскую функцию, о чем умалчивают другие социологи. Речь здесь идет о затратах семьи на иждивенцев и прежде всего – на детей в потреблении ими различных благ и услуг. После экономической А.Г. Вишневым называются демографические функции семьи: прокреативная (поддержание должного уровня рождаемости) и жизнеохранительная (сохранение жизни и здоровья родившихся детей, поддержание и восстановление здоровья всех других членов семьи) (Карцева, 2003, с.59-61). А.Г. Вишневский отдельно обозначает функции психологические и социокультурные. В типологии семейных функций М.С. Мацковского это функции воспитательная, духовного общения, эмоциональная, сексуальная, досуговая, социально-статусная и первичного социального контроля.

М.С. Мацковский в «Социологии семьи» предлагает еще одну, более близкую философскому подходу классификацию основных функций семьи, отличающуюся от упомянутой выше, а именно: функции общества по отношению к семье, семьи по отношению к обществу, семьи по отношению к личности и личности по отношению к семье (Мацковский, 1989, с. 42).

В целом по вопросу о функциях семьи позиции наиболее авторитетных и известных российских социологов совпадают при всех их внешних различиях. Подход российских социологов к семейным функциям отличается общественным подходом. Разновидностью общественного подхода выступает функционализм. Выдающимися представителями функционализма стали П. Сорокин, Р. Мертон, Т. Парсонс. С точки зрения функционализма, семья – стабильный элемент общества, тесно связанный своими функциями с обществом как целым. Т. Парсонс считал, что все социальные системы, включая семью, обладают набором из четырех основ-

ных функций. Во-первых, любая социальная система приспосабливается или адаптируется к изменениям как внутреннего, так и внешнего порядка. Вторая универсальная функция, связана с целедостижением. Эта функция обеспечивает саморазвитие системы, ее дееспособность. Интеграционная функция связывает все свои компоненты и функции между собой в систему. Последняя функция – удержание образца. Эта функция делает семью агентом передачи культурной традиции, обычаев от поколения к поколению, обеспечивая их преемственность. Семья как социальная система должна быть так организована, чтобы совмещаться с другими системами. В классификационной схеме Т. Парсонса одно из первых мест занимают система родства, контроль сексуальных отношений и социализация.

Т. Парсонсом обосновывалось, что семья утрачивает или разделяет с обществом все большее число своих функций в русле общего потока все более специального и узкого разделения труда и возникновения все большего количества особых институтов и структур, предназначенных для их выполнения.

Функциональный подход в изучении трансформации семьи критикуется сторонниками *теории конфликта*. Сторонники теории конфликта придают главное значение изучению возникающих конфликтов между членами семейного союза, с одной стороны, и семьей, и обществом, с другой: семья рассматривается как микрокосмос, отражающий общественные конфликты. При распределении материальных благ внутри семьи происходит столкновение интересов между ее членами. По мнению представителей конфликтологических теорий избежать конфликта невозможно. Теория конфликта ввела в социологическую науку проблему власти в семье. Анализ властных механизмов в семье опирается на концепцию авторитарной личности, разработанную Э. Фроммом. Изучение природы семейных конфликтов вывело культурную антропологию семьи на гендерные исследования. В последние десятилетия социальные роли и гендерные идеалы изменились в связи с массовой занятостью женщин в общественном производстве. Возникло новое направление в культурной антропологии – феминизм.

Четвертое направление исследований семьи связано с символическим интеракционизмом, изучающим поведение личности. Интеракция – взаимодействие. Это важнейшая категория социологии. Основатель интеракционистской теории Герберт Мид считал, что общество и его компоненты можно изучать только через поведение людей. В рамках этого направления была разработана современная социологическая теория обмена. Согласно этой теории, взаимодействие людей есть обмен ценностями, имеющими социальную значимость. Тот, кто обладает более высоким статусом социальной привлекательности, принимает «плату» со стороны партнеров, обладающих меньшими ценностями. В сфере межличностных

отношений высокую цену имеют богатство, красота, интеллект, удачная карьера и т.д.

Э. Берджес выдвинул идею о том, что утрата семьей ее защитных, экономических, образовательных, религиозных и рекреационных функций компенсируется более интенсивным развитием функций, удовлетворяющих эмоциональные и культурные запросы. Развитие именно этих сторон семейной жизнедеятельности способно укрепить как институт в целом, так и союз конкретных пар.

Чем же отличается групповое общение от брачного и семейного? О затруднениях в определении семьи говорят и исследователи, и практические семейные психотерапевты, которым необходимо работать только с семьей, а не вести индивидуальные сеансы. Для этого семейным психотерапевтам очень важно понять – из каких членов состоит данная семья, чтобы сохранить именно эту семью. «У нас нет жесткого мнения по поводу того, что представляет собой семья и из кого она должна состоять, - отвечают на вопрос о семье известные семейные психотерапевты О. Нейпир и К. Витакер, - хотя всегда довольно трудно определить, кто должен присутствовать на сеансах семейной терапии. Обычно мы начинаем работать непосредственно с первичным клиентом – группой людей, живущих под одной крышей» (Нейпир, Витакер, 2005).

Без участия всех членов первичной семейной группы психотерапевты обычно не начинают работать. И это важное профессиональное условие успешной работы с семьей. Считается, что индивидуальная терапия может отделить человека от семьи. Любая асимметрия в личностном росте супругов может усилить отчуждение. В семейной психотерапии брак определяется как очень деликатная и сбалансированная система, и одновременно, очень жесткая и крепкая система. Когда же семья считается излечившейся? По высказываниям психотерапевтов признаком совершенной семьи является ее независимость от других поколений (Нейпир, Витакер, 2005, с. 324). Специфическая сложность семейной терапии заключается в том, что изменения каждого члена семьи происходит не в каком-то направлении вообще, а в направлении по отношению к членам семьи. Члены семьи должны *избавиться от обид и стать психологически уравновешенными индивидуальностями в общении между собой*. Конечно, не каждая группа людей является семьей. Грань тут действительно есть. И психологическим центром внутрисемейных отношений являются супружеские отношения. *Человеческая семья держится на половой любви супругов*. Этой гармоничной общностью и ценны семейные отношения для всех членов общества.

Хотя и нет точного строгого научного определения здоровой семьи, но в семейной терапии существует положение, что здоровая семья – это «система в движении» (Шапино, 2005). В здоровой семье не возникает чувства ревности, она может поделиться ценностью свободы и общности одновременно. Общность и свобода развиваются параллельно. Семья от-

крыта обществу, друзья, соседи свободно входят в семейное пространство, не боясь быть оскорбленными. Известный семейный психотерапевт Фроме Волш определяет потенциал семьи как систему позитивных ценностей взаимодействия с миром (Walsh, 1998).

Философами утверждается экзистенциальный подход, ими выделяется главное антропологическое противоречие – это противоречие между целью личности и целью рода, затрагивается проблема становления внутреннего мира человека, утверждается реальность любви. Каждая личность состоит из подобного противоречия в разной степени. Это противоречие фундаментально определяет индивидуум, оно онтологично. Осознание идеала и стремление к нему – сущностные характеристики индивидуума. В течение жизни индивидуум решает задачу приближения к идеалу. Но постепенно становится ясным несоответствие между идеалом и живым человеком, происходит переоценка собственной души и возлюбленного, осмысливается онтологический статус идеала. В дальнейшем цели индивидуума осознаются более отчетливо, выясняется несоответствие между интересами юных влюбленных. Но эта первая влюбленность необычайно важна в жизни индивида, эту влюбленность испытывает каждый индивидуум, он в своем чувстве прикасается к Абсолюту, который проявляется в бесполезной и бескорыстной влюбленности.

К внутреннему личностному противоречию добавляются противоречия с инстинктом размножения, выживания и целями рода, общественными институтами. Эти противоречия приобретают трагический характер для личности. Индивидууму для осуществления целей рода приходится вступать в брак, который должен быть построен на экономических принципах. К этим противоречиям прибавляется противоречие между личными интимными отношениями и кровнородственными отношениями, целями рода. На эти противоречия накладывается противоречие между полом и личностью, получившее сегодня осмысление в рамках гендерной проблемы.

В социологии и культурологии идет полемика об определении произошедших изменений. Одни исследователи называют современные формы брачно-семейных отношений кризисом, другие – эволюцией. Надо отметить, что в брачно-семейных отношениях изначально заложено противоречие между личным, субъективным и общим, общественным.

Современный американский социолог Элвин Тофлер в работе «Третья волна» обосновывает тезис, что проблема стабильности брачных отношений в современном постиндустриальном обществе неразрешима, поэтому можно пытаться решать только вторую проблему, связанную с материальным благополучием семьи (Тофлер, 2010). Он перечисляет все основные причины кризиса, обычно фигурирующие в докладах государственных структур власти. Так в распадае семей обвиняют распространителей порнопродукции, деятелей массовой культуры, рок-музыкантов, выдвигаются требования запретить аборты, отменить сексуальное образова-

ние в школах, ввести курсы «научного семейного образования». Всех государственных лидеров, обвиняющих СМИ, сферу массовой культуры, образования в кризисе института семьи, исследователь определяет как незнающих особенностей современного этапа развития производства. По Тофлеру, основным фактором изменения семейных отношений является развитие технологий, создающих более мобильные, рассредоточенные по месту, производственные организации, порождающие более свободные и мобильные половые отношения. Чтобы сохранить современный нуклеарный тип семьи, обществу нужно отказаться от экономической независимости женщин, от роста уровня жизни, свободы передвижения, развития и доступности образования, развития информационных технологий.

Очевидно, что этот сложный выбор будет сделан не в пользу нуклеарной семьи. По-видимому, действительно, формируется новый тип брачно-семейных отношений, соответствующий постиндустриальному немассовому обществу. Культурологи обосновывают положение, что замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации. Обществу необходимо развиваться в направлении свободы. Новые формы брачно-семейных отношений дают индивиду возможность стать личностью, не подавляют его потенциала к развитию. Основным капиталом современной экономики становится информация, интеллектуальная собственность, т.е. продукт личностного развития.

Литература

Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе. Казань: КГЭУ, 2003.

Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989.

Нейпир О., Витакер К. Семья в кризисе. М.: «Когито-Центр», 2005.

Тофлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.

Шатира А.З. Трудности перевода в семейно-терапевтическом контексте: от негативности к позитивности. //Нейпир О., Витакер К. Семья в кризисе. М.: «Когито-Центр», 2005.

Walsh F. Strengthening family resilience. New-York: Guilford Press. 1998.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Федотова Ю.А.

Калужский институт повышения квалификации педагогических работников,
Россия

В статье рассматривается проблема теоретического обоснования критериев оценки социальных изменений в системе координат «развитие – деградация».

Ключевые слова: социальное развитие, критерии оценки социальных изменений, социальный порядок, социальная система, социальная информация.

TO THE QUESTION OF CRITERIA OF SOCIAL DEVELOPMENT

Fedotova Y.A.

Kaluga Institute of Advanced Training of teachers, Russia

The problem of theoretical justification of the evaluation criteria of social change in the coordinate system "development - degradation."

Keywords: social development, evaluation criteria of social change, social order, the social system, social information.

Концепции социального развития, более или менее конвенционально приемлемые в современных условиях, могут проследить свою родословную от эпохи Просвещения. Убежденность в том, что рациональность организации социальной жизни будет нарастать, предполагает в качестве важной пресуппозиции утверждение о том, что история не является случайным процессом. Хаотичность изменений в общественной жизни является видимостью, обусловленной сложностью общества как системы, включенной как подсистема в более сложные образования. Кроме того, предполагается, что в этой сложности может быть обнаружена некоторая линейная тенденция, которая предполагает возможность ее интерпретации как временной оси. Формируется представление о социальном времени, то есть о специфических темпоральных характеристиках социальной системы. В сопоставлении с историческим временем обнаруживалось, что их векторы в определенных случаях выглядят как однонаправленные, а в других – нет. Таким образом, формируется концепция социального прогресса и регресса. Если вектор социальных изменений совпадает с вектором исторического времени, то следует говорить о социальном прогрессе, если нет, то – о регрессе. Но прогрессистские концепции практически сразу после их появления подвергались довольно обоснованной критике, указывающей на субъективный характер механизмов выявления вектора исторического времени. Вопрос о ритмах и направлении истории делал прогрессистские

концепции социального развития крайне уязвимыми. В силу данного обстоятельства предпринимались попытки методологически усилить концепции социального развития путем введения более или менее измеримых критериев, позволяющих дать оценку социальным изменениям, рассмотрев их как признак развития или деградации.

Очень условно все подходы к теоретическому обоснованию таких критериев можно разделить на несколько групп. Первая группа может быть связана с эволюционным подходом, в котором понятие развития соотносится с уровнем адаптивности. Социальные изменения, с этой точки зрения, могут рассматриваться как признак развития в том случае, если они ведут к качественному усложнению системы, повышающему его устойчивость и степень адаптации к меняющимся условиям. Элегантность этого подхода состояла в элиминации субъективности и ценностных суждений. Но, к сожалению, этот подход не позволял избежать родовой травмы всех социальных дисциплин: невозможность контролируемого и воспроизводимого эксперимента. Грубо говоря, устойчивость социальной системы к внешним и внутренним вызовам может быть оценена только в бинарной размерности: справилась или не справилась, выжила или не выжила. Но в этой системе координат невозможно установить отношения «более и менее». То есть, при оценке социального развития мы не могли обоснованно выдвинуть суждение о том, что система стала более устойчивой, только о том, что она устойчива.

Вторая группа подходов акцентирует внимание на субъектности процесса социального развития. В некотором смысле в их основе лежит именно моральная посылка, утверждающая, что социальное пространство существует как «дом человека», а не как нечто самодостаточное. В данном случае критерий для оценки социальных изменений может быть только объективированным переживанием субъекта, являющегося участником процесса социальных изменений. Здесь мы видим обращение к попыткам найти выражение таким сложным состояниям как, например, счастье, самореализация, удовлетворенность и пр. В настоящее время данный проект реализуется многими исследователями, предлагающими разнообразные варианты интегрированных индексов, позволяющих выносить оценочные суждения на основании данных подобных критериев. Тем не менее, использование данных индексов не может быть основанием для выявления сколько-нибудь устойчивых закономерностей социального развития. Многочисленные исследования колебаний подобных индексов демонстрируют отсутствие статистически значимых тенденций (Семенков, 2012, с. 142). Такое положение вещей дает основание предполагать, что социальные изменения по отношению к субъекту, чье мнение учитывается при формировании индексов, являются слишком сложным процессом, что препятствует учёту всех факторов, влияющих на изменения индекса. «...сама процедура оценки предполагает, что субъект, принимающий решение о приобретении

того или иного знания, достаточно информирован о степени его полезности» (Вознякевич, 2010, с.58). Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией разрыва при переходе от одного уровня к другому. Те критерии, которые выглядят вполне работоспособными на микроуровне, не могут рассматриваться как информативные на макроуровне. Подобный парадокс объясняется тем, что система взаимодействия больших социальных обществ подчиняется более простым принципам, чем на микроуровне. Попытка установить какие-то общие закономерности социального развития, которые были бы общими для всех уровней социального взаимодействия, обречена на неудачу. «Однако закономерности социальной эволюции, обладающие достаточным уровнем строгости для того, чтобы их можно было бы назвать именно законами социальной эволюции, законами истории, по всей видимости, обнаруживаются только на том уровне, до которого у математически ориентированных историков, судя по всему, до сих пор не доходили руки, на уровне Мир-Системы в целом» (Коротаев, 2007, с.146).

Таким образом, сегодня складывается довольно противоречивая теоретико-методологическая ситуация, в рамках которой, с одной стороны мы имеем множество концептуальных схем объяснения социального развития, понимаемого как переход к всё более высоким степеням организации, сопровождаемый увеличением степени устойчивости и адаптивности общества к внешним и внутренним вызовам, а с другой – более или менее применимыми критериями оценки социального развития, которые используются при измерении в конкретных ситуациях, например, при оценке результатов конкретного проекта по социальному развитию региона. В силу данного обстоятельства представляется крайне затруднительным не только экстраполировать результаты региональных исследований и использование успешно реализованных методик в близких по многим параметрам регионах, но и даже простой перенос технологий социального развития.

В этом случае одной из самых актуальных задач в исследовании социального развития является не поиск решений частных вопросов о вариантах дивергентных и конвергентных процессов социальных изменений, а поиск единой системы критериев, применимых для иерархических, антропомерных систем. «Ранее считалось необходимо найти ряд процедур в целом образующих универсальный метод, формальная структура этого метода такова, что он должен приводить к истине любые подставленные, замещающие переменные значения. Это соответствовало в общих чертах понятию о «рациональном» или «рациональности», на универсальности и единственности которой в любое время и в любом месте базировалась ее общезначимая преемственность, всеобщность и необходимость, достигаемая так же единством использования понятий их ясностью и общепонятностью. Все это служит гарантом того, что метод будет пониматься и употребляться всегда и везде одним и тем же образом» (Вознякевич, 2007, с.173).

Третья группа подходов к теоретическому обоснованию критериев для оценки социального развития может быть описана как информационный подход. Дело в том, что социальные связи и отношения, обуславливающие само существование общества как субстрата, даны и самому участнику процесса социальных изменений, и исследователю, занимающему теоретически отстраненную позицию, прежде всего, в форме определенного знания. В собственном смысле слова социальная информация, будучи ситуативно организована, выступает как определенный социальный порядок, который, в самом общем виде, и претерпевает изменения. Изменение степени информированности субъекта о социальном порядке ведет к изменению тех параметров, которые используются в интегративных единицах измерения социального развития таких, как, например, индексы. С другой стороны, исследователь в ходе обработки социально значимой информации, также производит знание о социальном порядке. Более того, любая социологическая теория, в том числе и теории социального развития, носят перформативный характер, то есть, собственно концептуализация социальных изменений сама производит изменения. «Драматургическая модель, основанная на метафоре «общество как театр», в попытках найти компромисс между текстуальной и прагматической составляющими социальной реальности развилась в более широкий подход, трактующий социальную деятельность как культурный перформанс» (Дудина, 2012, с. 43). Собственно, изменение знания о социальном порядке является основой субъективных переживаний участников конкретных изменений социальной ситуации. Таким образом, можно говорить о том, что увеличение степени упорядоченности социальной информации с которой сталкиваются все участники, и представляет собой основной мотив в оценке того или иного изменения как развития или деградации. Данный подход не противоречит первым двум, скорее дополняя их. Но, в то же время свободен от их ограничений. Этот аспект можно отнести к числу базовых методологических преимуществ информационной парадигмы, поскольку она позволяет вводить единообразие измеряемых и оцениваемых сущностей. С другой стороны, эта группа подходов часто дает выход в две крайности. С одной стороны попытки свести социальное развитие к росту упорядоченности социальной информации в форме концептуальных схем и объяснительных конструкций ведет к сциентизации социального знания, выдвигая на первый план именно научное знание. Само по себе это явление не может быть названо чем-то негативным, но нивелирование иных, вне научных, форм знания как способа организации социальной информации, формирует некоторые предпосылки для технологизации процесса управления социальным развитием. Если упростить данную схему, то речь идет об утрате телеологического аспекта социальных изменений, где социальное развитие того или иного сегмента социальной системы становится самоцелью.

С другой стороны, подобный подход чреват стремлением к виртуализации социального развития, где социальные изменения рассматриваются только как процессы, происходящие в сознании. Более того, вводятся дополнительные концептуальные конструкции, такие как «общественное сознание», «социальный контроль», «социальное программирование». Все эти конструкции, будучи полезными для описания информационных процессов, проходящих в обществе, выступают как избыточные при исследовании социальных изменений в контексте из оценки в координатах «развитие – деградация».

Итак, на основании вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что в сложившихся условиях необходимо обращение к исследованию, которое будет направлено на теоретическое обоснование и концептуализацию критериев социального развития в контексте информационного подхода. Наиболее продуктивным полем здесь представляется концептуализация процессов циркуляции социальной информации в ходе ее оформления в знание, принимаемое как субъективная оценка изменений социального порядка с точки зрения и конкретной ситуации, и социальной системы в целом.

Литература

Семенов Ю.А. Международный индекс счастья и индекс качества жизни в зеркале макроэкономических показателей. М.: Скимень, 2012.

Вознякевич Е.Е. Проблема формирования научной рефлексии в ходе подготовки молодых ученых //Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2010. – № 3. – С. 56-61.

Коротаев А.В. Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007.

Вознякевич Е.Е. Дискуссия о новой парадигме гуманитарных наук (о книгах издательства "Алетейя", вышедших в серии "Тела мысли") //Вопросы философии, 2007. – № 12. – С. 171-175.

Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности //Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. – № 3. – С. 35-50.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Цибизова Л.А.

**Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова,
Москва, Россия**

Социальная неоднородность нашего общества, отсутствие стабильности, кризисные явления – всё это порождает различные попытки

одновременной социальной и культурной самоидентификации с дореволюционным и советским периодами отечественной истории, что порождает нежизнеспособные конструкты, включающие в себя внутренний мировоззренческий конфликт.

Ключевые слова: самоидентификация, социальная идентичность, миф, советское, система ценностей.

SOCIAL IDENTITY IN XXI CENTURY

Tsibizova L.A.

**Russian State Institute of Cinematography named after S. Gerasimov,
Moscow, Russia**

Social dissimilar of our society, absence of stability, crisis phenomenon's create various attempts of synchronous self identity with pre-revolutionary and soviet periods of native history, which create not viable constructs, including in-ideology conflict.

Keywords: Self-identity, social identity, myth, soviet, and system of values.

Начиная с самых давних исторических времён человеку всегда важно было ощущать, чувствовать, а потом и знать «кто он есть?». Если древним людям для ответа на этот вопрос достаточно было осознавать свою причастность племени или роду, то современному человеку, социальной группе или гражданам большого государства таких чувств сегодня недостаточно. Особенно сильно возрастает тяга к самоопределению в условиях неопределённости. Когда у человека буквально «земля уходит из-под ног», ему, как никогда, необходимо «ощущать себя частью более широкого множества и воспринимать такую принадлежность как ценность» (Кнабе, 2006, с. 1108).

Если говорить о нашей стране, где дискретность общества всё больше и больше обнаруживала себя в последние десятилетия, то об общепринятых ценностях и нормативных моделях можно говорить только в прошедшем или будущем времени. С чем же тогда сегодня можно соотносить персональные системы ценностей в кардинально меняющихся социальных обстоятельствах?

В конце прошлого века В.В. Бибихин уже обращал внимание на необходимость внимательно подходить к вопросу идентичности и видел в этом особую метафизику: «Кто мы – слишком большой вопрос, к которому трудно даже подойти... Особенность нашего государственного существования сказалась с самого начала и продолжает давать о себе знать в том, что за человеком у нас мало признаётся право на частное, по своему человеческому разуму обустройство на земле. Причина запрета... в мудром знании, что никакое самоустройство человека на земле всё равно по-

настоящему не устроит. Отсюда, возможно,.. и наша уникальная централизация...» (Бибихин, 2003, с. 265).

В истории постсоветской России мы наблюдаем совершенно разновекторные попытки самоидентификации. Конечно, в любом случае, необходимо опираться на какие-либо исторические реалии, которые и станут основой для построения идентификационных кодов. Здесь же и первые проблемы. Г. Кнабе отсылает нас к Титу Ливию, создавшему «Историю Рима от основания Города». Оказывается, нужна вовсе не история, как таковая, а её интерпретация. «Здесь нет никакой фальсификации. Просто отобран и усилен объективный материал, иллюстрирующий силу и роль...национальной идентификации в жизни римлян и в их истории – в минуты опасности сплочение гражданского коллектива на защиту Города, а в минуты победного торжества или всеобщей благодарности богам за дарованный успех радостное чувство всенародной солидарности...Воспитательная и нравственная задача преобладает над объективной всесторонностью изложения». (Кнабе, 2006, с. 1114-1115). В нашем случае – история дореволюционной России буквально обросла всевозможными интерпретациями и постепенно стала мифом, а иногда и просто примитивной копией реально имевших место исторических фактов.

Не менее серьёзная проблема возникла с другим историческим периодом отечественной истории – советским. От такого наследства не столь отдалённого прошлого тоже решили не отказываться, не вникая в специфику неоднородности этой эпохи.

Ранние периоды молодого советского государства, несмотря на жесткость межгрупповых отношений (возможно, именно поэтому), «определялись идеалом сплочения человеческих масс вокруг некоторого круга идей ценностей, суть которых сводилась к переустройству общества на основах прогресса и классовой, социальной справедливости в рамках государственных, национальных, партийно-политических, идеологических единств. Выраженная очевидно и прямо в официальной идеологии и пропаганде СССР и в государствах, близких к марксистским программам, она проявлялась в распространенных умонастроениях и во многих культурных ориентирах» (Кнабе, 2006, с. 1107).

Начиная с оттепели 60-х годов, единение и энтузиазм уходят в начале на второй план, а потом и вовсе вытесняются цивилизацией постмодерна, а потом и вовсе безграничностью информационного пространства, с которым мы имеем дело и сейчас.

Сегодня мы ностальгируем по «светлому» советскому времени, его людям, системе ценностей, стабильности и безопасности. На экраны массово выходят фильмы и сериалы о людях того времени. Ведутся дискуссии о возможностях возврата к тем временам. «Советское» предстаёт в его «парадном» придуманном варианте, о котором мечталось, но чего просто не было.

Строится новая-старая система ценностей, в которой активно принимают участия СМИ. Так, например, Р.А. Борецкий отмечает необычайно возросшее влияние телевидения на процессы массовой самоидентификации больших социальных групп. «Экранный персонаж давно уже стал образцом для массового подражания. Как вести себя, как произносить слова и строить речь, искать и находить выход из непростых ситуаций,... как и для чего жить в этом...реально осязаемом мире» (Борецкий, 2002, с. 38), миллионы наших соотечественников учатся (сами того не осознавая) у телевизионных персонажей.

Но и в этом случае мы имеем дело не с историческим материалом, а его видением из другой эпохи. Опять ««копия стремится занять место оригинала, присвоить его себе, объявить себя оригиналом» (Софронова, 2006, с. 17).

Следовательно, и в первом, и во втором случае мы интерпретируем реально происходившие события. Перед нами два мифа, два образца для подражания. И оба используются сегодня в масштабной самоидентификации наших соотечественников. И неважно, что в первом случае мы имеем дело с ценностями христианского мира, где система добродетелей определяется Создателем, и принцип загробного воздаяния никто не отменял. В другом случае, энтузиазм и переделка мира основываются на самопровозглашённом всемогуществе человека и отрицании «небесного» как такового. Самоидентификация, основывающаяся на обоих этих мифах принципиально невозможна, так как они находятся в отношениях противоречия.

Г. Кнабе выделяет также макро- и микро- уровни идентификации. «В первом случае человек осознаёт себя частью такого широкого и исторически устойчивого объединения, как племя, народ, нация, государство». Военные победы, великие стройки, освоение космоса – всё это порождает чувство солидарности, а также «приобщения...к высоким сферам духовного и исторического бытия, ощущение его возвышенной надбытовой природы, и удовлетворение этих чувств служит стимулом самой идентификации и источником положительной эмоции, ею вызванной» (Кнабе, 2006, с. 1109).

Микроидентификация также отталкивается от масштабных событий, но исследует при этом внутреннее содержание индивидуальных человеческих переживаний, на экзистенциальном или психологическом уровне.

Продолжая историю с двумя мифами, можно сказать, что их симбиоз невозможен и в этой системе. На макро-уровне необходимо определиться, частью какого исторического государства мы являемся – Российской Империи или СССР. Не формально, конечно, а на уровне духовной преемственности.

На микро-уровне определиться ещё трудней, так как здесь спектр различных предпочтений гораздо шире.

Примиришь с будущим нас сможет только совершенно иной подход к вопросам самоопределения, основанный на анализе современной политической, социально-экономической и культурной ситуации. Более того, учитывая, что мир к XXI представлен не только разными, но, порой, и несовместимыми системами ценностей, частичной заменой традиционных социальных связей виртуальными (и эта тенденция только набирает силу), всё чаще под сомнение ставится сама идея «самоотождествления через социальную идентичность» (Вяткин, 2014, с. 5). Следовательно, необходимы и новые алгоритмы для самоидентификации, ориентированные на будущее, а не на прошлое.

Литература

Бибихин В.В. Наше место в мире //Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003.

Борецкий Р.А. Осторожно, телевидение! М.: ИКАР, 2002.

Вяткин А.П. Кризис социальной идентичности и личностное конструирование экономических ролей //Психология в экономике и управлении. 2014. – № 2. – С. 5-13.

Кнабе Г.С. Жажда тождества //Кнабе Г.С. Избранные труды: Теория и история культуры. М.: Росспэн, 2006.

Софронова Л.А. О проблемах идентичности //Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРИЗАЦИИ МЫШЛЕНИЯ

Шестакова М.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Социальные науки выполняют функции формирования мировоззрения. Обратной стороной этой функции является дисциплинаризация ума. Наукометрия может способствовать усилению дисциплинарной функции.

Ключевые слова: реформа образования, социальные науки, наукометрия.

SOCIAL SCIENCES AND SOCIAL REALITY. DISCIPLINE OF THE MIND

Shestakova M.A.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Social sciences serve as forming worldview. The downside of this feature is a discipline of the mind. Scientometrics can enhance this downside.

Keywords: reform of education, social sciences, scientometrics.

Российская реформа образования поставила гуманитарные и социальные науки в сложное положение. Это, прежде всего, выражается в том, что к ним по умолчанию предъявляются те же требования, что и к естественнонаучным дисциплинам: вхождение в мировую науку, повышение индексов цитирования в Web of Science и Scopus. В сложившейся ситуации назрело обсуждение ряда вопросов, касающихся специфики гуманитарных и социальных наук, их места в системе образования и перспектив выхода на мировой уровень.

История гуманитарных и социальных наук показывает, что их цели не сводятся к получению и передаче знания. Аристотель относил такого рода дисциплины не к теоретическим, а к практическим наукам. Первые нацелены на производство знания (эпистеме). Последние же преследуют иные цели. Так, например, он писал о том, что медицина как практическая наука имеет своей целью здоровье, а не знание о болезнях (Аристотель, 2005, с. 17). Аналогичным образом можно рассматривать и социо-гуманитарные дисциплины. Их цели не ограничиваются познанием. Они в значительной степени являются технологиями, вырабатывающими ценностные установки, нормы мышления и социального поведения. В этом качестве они востребованы и в системе образования, и за ее пределами. Здесь уместно вспомнить о том, что традиция социально-гуманитарного образования восходит к греческой пайдеи – софистической системе воспитания «человека политического», подготовке к государственной деятельности (Йегер, 2001, с.368). Уже в модели пайдеи обнаруживается двойственный характер социально-гуманитарных дисциплин. Во-первых, они циркулируют преимущественно в сфере образования, в современных условиях – в университете. Во-вторых, они нацелены на социализацию индивида, на социально-политическое воспитание. «Прикладная» специфика социо-гуманитарных наук, присущая им с рождения, сохраняется, на наш взгляд, и сегодня. Это обстоятельство следует, на наш взгляд, учитывать при анализе той ситуации, в которой оказались сегодня российские социально-гуманитарные науки.

Местом обитания социально-гуманитарных дисциплин является главным образом университет, который, будучи социальным институтом, выполняет ряд функций. Одна из них – это воспроизводство интеллектуальной элиты. С нашей точки зрения, социо-гуманитарные науки и сегодня непосредственно втянуты в процесс этого воспроизводства, как и во времена греческой софистики. Поэтому методологические и философские проблемы этих дисциплин напрямую связаны с теми процессами, которые происходят в университете, и с теми функциями, которые выполняет этот социальный институт. В данном случае нет необходимости рассматривать все функции университета. В целях нашего исследования стоит сосредоточиться на одной – социализации индивида, приобщении его к научной и

общественной деятельности. Эта функция имеет свою негативную сторону, на которую много обращали внимание, в частности, постмодернисты — это дисциплинаризация ума.

Уже Г. Гельмгольц, сравнивая университетские традиции Англии, Франции и Германии, подчеркивал зависимость «свободы мысли» от академической свободы, предоставляемой университетами в соответствии со сложившимися традициями. Так, например, Оксфорд и Кембридж, с его точки зрения, воспитывают образованных людей, не переступающих заданных границ, положенных их политической или церковной партией. Французы и англичане, как он пишет, «вполне способны — и, по видимому, совершенно искренне — удержать мысль от исследования положений, которые они считают не подлежащим обсуждению незыблемым фундаментом политической, социальной и религиозной организации; они не желают переступить определенных границ и полагают вполне правомерным запрещать это молодым людям» (Гельмгольц, эл. ресурс). Г. Гельмгольц, на наш взгляд, напрямую подошел к постановке проблеме дисциплины ума, которую в дальнейшем разрабатывал М. Фуко и другие мыслители второй половины XX века. Так, например, М. Фуко неоднократно поднимал вопрос о взаимоотношении интеллектуала и власти. Он правомерно ставил вопрос о том, что производство знания, воспроизводство интеллектуала в системе образования — это социальные процессы, в котором существенную роль играют властные отношения. В связи с этим он развивал идею дисциплинаризации мышления и дисциплинарной власти. Последняя действует незаметно, как бы изнутри индивида, оставляя ему возможность считать себя свободным (Фуко, 1999, с. 248-285). Стоит, на наш взгляд, согласиться с постановкой вопроса о существенном влиянии властных отношений на интеллектуальную деятельность. С тем, что привычки ума, сформированные в социальной среде, пронизанной отношениями господства-подчинения, в значительной степени определяют продукт интеллектуального производства. Возвращаясь к замечанию Г. Гельмгольца и рассматривая университет под углом зрения дисциплинарной власти, можно определить его как социальный институт, вырабатывающий определенную дисциплину ума, регулиующую в том числе постановку вопросов и способов их решения в социо-гуманитарных науках. Тем самым обеспечивается производство знания, «гармоничного» социально-политической атмосфере.

Вернемся к анализу современного положения российских социальных и гуманитарных наук. Их недавнее прошлое, как настоящее, показывает, что и по выбору проблем и по ракурсу рассмотрения этих проблем, они следуют за идеологическими изменениями, сопутствующими реконфигурации политической власти. Если в советские времена они «послушно» ограничивали себя парадигмой схоластицированного марксизма, то сегодня они «послушно» отказались от нее в пользу «неидеологизированно-

го» мышления, не задаваясь вопросом о том, что за ним тоже скрывается определенная идеология. Вопросы, связанные с объективностью, научностью в этих дисциплинах, также как и «левые» социальные проблемы - революция, прогресс, классовая борьба, неравенство и пр. - оказались на периферии академической науки, а то и вовсе за ее пределами. Исследование «внутренней дисциплины», свойственной российскому социально-гуманитарному академическому сообществу заслуживает отдельного внимания. Здесь же подчеркнем лишь, что наш недавний опыт показывает, к чему приводит такое послушание – как минимум, к неадекватной репрезентации социальной реальности, что ставит под вопрос научную и общественную значимость этих дисциплин.

В условиях реформы российского образования к социогуманитарным дисциплинам предъявляются общенаучные наукометрические требования. Речь идет, прежде всего, о публикационной активности и научных конференциях. Сегодня стало очевидным, что помимо положительного смысла наукометрия имеет и ряд существенных недостатков: она способствует бюрократизации научного сообщества и часто используется как инструмент государственного и финансового регулирования научной деятельности. Применительно к российским социально-гуманитарным наукам наукометрия, на наш взгляд, зачастую выступает как средство, усугубляющее их традиционные проблемы, в том числе и проблему «дисциплины ума». Так, например, наукометрические индикаторы используются для стимулирования выхода российской науки на мировой уровень. Однако что такое мировой уровень для социально-гуманитарных дисциплин остается неясным. По умолчанию в качестве мирового уровня *defacto* принимаются различные доктрины, как, например, неоинституционализм в экономической теории. Совершенно очевидно, что доктрина имеет свои идеологические основания. Она базируется на модернизированном макиавеллистском понимании природы человека. Так, например, О. Уильямсон показывает эту предпосылку, цитируя Р. Коуза: «современная институциональная экономическая теория должна изучать человека таким, какой он есть на самом деле, действующим в рамках ограничений, налагаемых реальными институтами. Современная институциональная экономическая теория – это экономическая теория, какой ей следовало бы быть» » (Уильямсон, 1993, с. 39). Далее в этой же работе О. Уильямсон прямо отсылает читателя к Макиавелли, который первым начал рассматривать человека, «каким он есть на самом деле» (Уильямсон, 1993, с. 44). Эта сформулированная в явном виде предпосылка, как нам кажется, показывает, что неоинституциональная теория имеет собственную ограниченность, как и, например, марксистская теория прибавочной стоимости. Здесь правомерно поставить вопрос о том, что заставило российскую экономическую мысль качнуться в сторону неоинституционализма: теоретические проблемы экономики или социально-политический заказ? И не играют ли в этом случае

наукометрические показатели негативную роль, стимулируя публикационную активность, а попутно и распространение идеологии неоинституционализма?

Делая вывод, отметим, что в современных условиях проводимая реформа науки и образования фактически поставила перед социально-гуманитарными науками задачу осмысления их научного статуса и места, как в системе образования, так и в российском обществе в целом.

Литература

Аристотель. Евдемова этика. М.: ИФ РАН, 2005.

Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах. /Отечественные записки. № 6 (15). 2003. <http://www.strana-oz.ru/2003/6/ob-akademicheskoy-svobode-v-nemeckih-universitetah>. Дата обращения 20.03.2016.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. В 3 тт. Том 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.

Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. /THESIS, 1993. – Вып. 3. – С. 39-49.

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ГУМАНИЗМА: БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Россия

От знания того – что есть, к вере в то – что должно быть: от истины бытия и природы – к истине воплощения и жизни. Производство жизни в ее совершенстве и полноте – главная задача человеческого существа – как домашний урок Бога.

Ключевые слова: истина, вера, любовь.

THEOLOGICAL ORIGINS OF HUMANITY: GOD IS LOVE

Yakovleva L.E. , Kolomeyzev A.E.

Moscow State University of Design and Technology, Russia

From the knowledge of what is – in the belief that it should be: the truth of being and nature – the embodiment of truth and life. Production of life in its fullness and perfection – the main task of the human being – as a home lesson of God.

Keywords: truth, faith, love.

Субъект отличается от объекта наличием воли. «Голая субъективность человека, - пишет классик идеализма Гегель, - единственно выражается тем обстоятельством, что он обладает волей» (Гегель, 1935, т.3, с.197). Всеобщей задачей психологического синтеза, по мысли русского философа Вл. Соловьева, является согласование моментов человеческой индивидуальности с принципами целостной организации человечества, живущего в миру со своими элементами. «Все человеческие элементы, – пишет он, – образуют такой же цельный, вместе и универсальный и индивидуальный организм – организм всечеловеческий» (Соловьев, 1911, с.127). Мир – это состояние воли и ее установка – на симпатию и синергию как формы сотрудничества и сотрудничества. «Душа мира или идеальное человечество, – пишет В.С. Соловьев в развитие своего понятия «всечеловеческого организма», – содержит в себе и связывает все живые существа или души» (Соловьев, 1911, т.3, с.140). Единая воля на почве единой совести и веры. Коллективное бессознательное соответствует яви коллективного сознания – совести народа. Человеческая воля идентифицируется должным образом с волей человечества. «Бытие отдельного лица в трансцендентной сфере, – читаем у Соловьева, – не есть индивидуальное в смысле здешнего реального бытия. Там, т.е. в истине, индивидуальное лицо есть только луч живой и действительный, но нераздельный луч одного идеального светила – всеединой сущности. Отдельное лицо есть только индивидуализация всеединства, которое неделимо присутствует в каждой из своих индивидуализаций» (Соловьев, 1912, т.7, с.45). «Надо, – уточняет несколько далее автор, – чтобы мы относились к социальной и всемирной среде как к действительному существу» (Соловьев, 1912, т.7, с.58).

Вся история человечества в философии В.С. Соловьева представляется как восхождение к Богу. На этом основании строится и этика Соловьева, в которой «любовь» и «добро» суть некие идеальные сущности и главные принципы человеческого существования. Человек и его личностные качества – на первом плане мировидения философа. Он представляет этическую теорию «семьи», в которой единичность личности реализует себя как целое только наряду с другими личностями, а целостность согласованной совместности организует семью как этическую «клеточку» духовного тела народа. Половая любовь вполне оправдана, но она не довлеет, а содержит в себе и многое другое. Деторождение – благо, но тоже не единственное. «Личность есть полнота, но для завершения этой полноты она нуждается в обществе. Общество есть полнота, но завершение этой полноты не просто в обществе, а во всем историческом процессе, т.е. в человечестве. Экономическая и политическая жизнь, государство и право – это неотъемлемые моменты исторического стремления человечества к правде и добру. Но и самая общая нравственная организация человечества, считает Вл. Соловьев, еще должна быть религиозной и завершаться во вселенской церкви» (Лосев, 1994, с.174-175). Истина и вера, правда и добро, красота и

любовь – главные интенции и детерминанты человеческого духа. Человечество есть множество, мыслимое как единое и целое. Оно есть живой организм и как таковой обладает волевыми желаниями – стремлениями и разумными теологически целесообразными и аксиологически осмысленными установками и действиями. «Субъектом исторического развития является человечество, как действительный, хотя и собирательный организм» (Соловьев, 1911, т.1, с. 255).

Свобода как мера выбора дана человеку Богом. Быть плохим или хорошим, полезным или вредным, добрым или злым – дело ума и воли самого человека: его установок и стремлений, интенций и потенций, намерений и замыслов. Свободу человеческой воли можно понимать и как ее произвол: «моя воля есть произвол»: чистое бытие воли как ее пустая свобода и ничтожный выбор. Но лишь «когда самостоятельная воля получает форму всеобщности и если ее цели соответствуют разумности, - пишет Гегель, – только тогда ее можно понимать как свободу человека вообще» (Гегель, 1935, т.11, с.197). Гуманистическая личность, таким образом отличается от эгоистического «я» тем существенным обстоятельством, что свобода воли в ней ограничена необходимостью и долгом и направляется мудростью божественного разума. Поэтому представление «мировой всеобщности» как «всечеловеческого организма» эволюционирует в воображении Соловьева до уровня «всеединой личности» (Соловьев, 1911, т.3, с.163). Организм (жизнь) – существо (субъект) – личность (я=ум+воля) – сверхличность (светлый ум+благая воля = истина божества). «Человечество как целое, человечество истинное, чистое и полное – есть высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенное и во временном процессе соединяющееся с Богом и соединяющее с Ним все, что есть». Это есть «София – великое, царственное и женственное Существо» воспринимающее Божество» (Зеньковский, 2001, с.491). Порождающая мудрость: идеи и цели, оценки и смыслы. София: именно персонификация мудрого лика Человечества. Человечество как организм и живое существо обладает не только позитивной волей как экстравертной интенцией, но и воспринимающей мудростью как интровертной потенцией творчества идей и переживаний сердца. София (греч.= мудрость) суть «творческая премудрость Божия, в которой заключены все мировые идеи и которая носит в своем сердце всю природу и одновременно является вечной идеей самого человечества» (Философский словарь, 2003, с.416). Всепонимающий ум + всепрощающая воля = мудрость человечества: София. Ум – в голове, а совесть – в сердце. Народная совесть=сердце Народа. Любовь-добро-красота, истина-правда-справедливость – арсенал Софии в завоевании сердец человечества: все есть Бог. Каноны совести суть заповеди Божии. София есть имя и форма, а как содержание «софийного идеализма» она суть мудрость Человечества и совесть Мира.

Истинное – знают, в должное – верят. Божественное есть истина знания и предмет веры. Как деятельная совесть Бог определяет сферу долга. Должное есть духовное переживание необходимости как нравственно нормированной свободы. Истина совести как почвы общественного сознания воспитывает и возвращает чувство долга как опоры и основы общественного блага. Атеизм уничтожает совесть, эгоизм разрушает нацию. Софийный идеализм Владимира Соловьева – это форма помыслов и действий благородного духа. Жизнь как живая любовь. «Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью» (Соловьев, 1988, т. 2, с. 505). Ложное самоутверждение здесь понимается философом как действие принципа эгоизма. Эгоизм, по мысли, Соловьева, есть ложное утверждение индивидуальности, отрицающее на деле равноценность, равновесность других индивидуальностей в их существовании, что противоречит самому факту бытия и истине его сознания. Сущность истины – в понимании действительности. Понимание – это переживание самой истины как действительности. Слово изреченное есть ложь. Истина слова – в распространении звука. Понимание есть молчаливое слово. Разумеется, отмечает Вл. Соловьев, в отвлеченном, теоретическом, логическом сознании всякий эгоист, не помешавшийся в рассудке, всегда допускает полную равноправность других с собою; но в сознании жизненном, в своем внутреннем чувстве, на деле он утверждает бесконечную разницу, совершенную несоизмеримость между собою и другими: он сам по себе есть все, они сами по себе – ничто. «Между тем именно при таком исключительном самоутверждении человек и не может быть в самом деле тем, чем он себя утверждает. То безусловное значение, та абсолютность, которую он вообще справедливо за собою признает, но несправедливо отнимает у других, имеет сама по себе лишь потенциальный характер – это только возможность, требующая своего осуществления. Бог есть все, т.е. обладает в одном абсолютном акте всем положительным содержанием, всею полнотою бытия. Человек (вообще и всякий индивидуальный человек в частности), будучи фактически только этим, а не другим, может становиться всем, лишь снимая в своем сознании и жизни ту внутреннюю грань, которая отделяет его от другого. «Этот» может быть «всем» только вместе с другими, лишь вместе с другими может он осуществить свое безусловное значение – стать нераздельною и незаменимою частью всеединого целого, – самостоятельным, живым и своеобразным органом абсолютной жизни» (Соловьев, 1988, т.2, с.506). Себялюбие эгоиста делает его «богом» но лишь в своем больном воображении и губительном самомнении. Существование вопреки общественной совести обречено на отчуждение и неодобрение, презрение и ненависть. Нет людей, которые тебя любят, нет тех – кто тебе верит, никто не связывает с тобой свои надежды. Сообщество циников – греч.= рус. – стая собак: зависть и злоба, жадность и страх, грызня за власть как произ-

вол воли. Духовный мрак. Этическая жуть. «Как ни парадоксально, – комментирует позиции В.С. Соловьева профессор А.В. Гулыга, – но эгоизм несет гибель личностному началу. Утверждая по видимости свою персону, эгоизм на самом деле губит ее, выдвигая на первый план животное или житейское начало в ущерб духовному» (Гулыга, 1988, с. 33-46). «Утверждая себя вне всего другого, – пишет сам Вл. Соловьев, – человек тем самым лишает смысла свое собственное существование, отнимает у себя истинное содержание жизни и превращает свою индивидуальность в пустую форму. Таким образом, эгоизм никак не есть самосознание и самоутверждение индивидуальности, а напротив – самоотрицание и гибель» (Соловьев, 1988, т. 2, с. 507).

«Мы знаем, – пишет Соловьев, – что человек кроме своей животной материальной природы имеет еще идеальную, связывающую его с абсолютной истиной или Богом. Помимо материального или эмпирического содержания своей жизни каждый человек заключает в себе образ Божий, т.е. особую форму абсолютного содержания. Этот образ Божий теоретически и отвлеченно познается нами в разуме и через разум, а в любви он познается конкретно и жизненно» (Соловьев, 1988, т. 2, с. 516). В разуме божественное открывается нам как истина, в жизни реализуется – как любовь. Любовь к другому согревает душу, любовь к Богу воодушевляет разум, пробуждение любви суть просветление души: не люди – в жертву идеям, а идеи – в радость людям. Найти и различить себя в другом – божественная задача любви. «Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение, – раскрывает смысл любви Вл. Соловьев. – Отсутствие самоотрицания, или любви, то есть эгоизм, не есть действительное самоутверждение существа, это есть только бесплодное, неудовлетворенное стремление или усилие к самоутверждению, вследствие чего эгоизм и есть источник всех страданий; действительное же самоутверждение достигается только в самоотрицании, так что оба эти определения суть необходимо противоположные себя самих. Итак, когда мы говорим, что абсолютное первоначало по самому определению своему есть единство себя и своего отрицания, то мы повторяем, только в более отвлеченной форме, слова великого апостола: Бог есть любовь» (Соловьев, 1988, т. 72, с. 234).

В своей божественной положительности любовь являет нам пример плодотворной силы и живородного начала. В любви как стремлении – человеческая воля выражена как в своем интенциале – любовь «к». Любовь к истине творит науку, любовь к Богу укрепляет веру. Вера в Бога и свои силы вселяет в душу надежду. Надежда на лучшее в жизни и на успех в деле воодушевляет волю. «Сила любви, переходя в свет, преобразуя и одухотворяя форму внешних явлений, открывает нам свою объективную мощь, но затем уже дело за нами: мы сами должны понять это откровение и воспользоваться им, чтобы оно не осталось мимолетным и загадочным проблеском

какой-то тайны» (Соловьев, 1988, т. 2, с. 516). Должное видится нами в примере образца, любовь высвечивается в призме идеала. Идеальное и божественное в основании любви объединяет ее с долженствованием: как и функции долга – «дело истинной любви прежде всего основывается на вере» (Соловьев, 1988, т. 2, с. 531). Любовь есть труд и основа могущества человечества, а вера людей в лучшее будущее есть ее фундамент. Истина и вера, любовь и труд являют нам необходимые условия для единства человеческого рода и его счастья.

Литература

Гегель. Сочинения: В 14-и т. – Т.11. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935.

Гулыга А.В. Философия любви //Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. – Т.1. М.: Мысль, 1988.

Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001.

Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. М.: Мысль, 1994.

Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 10-и т. – Т.1. СПб.: Просвещение, 1911.

Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 10-и т. – Т.3. СПб.: Просвещение, 1911.

Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 10-и т. – Т.7. СПб.: Просвещение, 1912.

Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1988.

Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. М.: Республика, 2003.

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ СМЫСЛАХ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Якушкина Н.В.

Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова, Россия

Социальные процессы современной российской действительности, так же как и прошлых эпох, не могут быть осмыслены без обращения к особенностям мировоззрения, организующим русскую культуру и русское общество. Среди наиболее характерных явлений, конституирующих философские смыслы русской социальности, в первую очередь следует назвать стремление к общему благу, поиск путей к нему, готовность отказаться от индивидуалистичности во имя целостности.

Ключевые слова: социальные процессы, идеократия, мировоззрение, русская культура, русское общество.

ABOUT THE QUESTION OF PHILOSOPHICAL SENSES OF RUSSIAN SOCIALITY

Yakushkina N.V.

Ivan Fedorov Moscow state university of a printing art, Russia

Social processes of the modern Russian validity as well as the last epoch cannot be comprehended without the reference to features of outlook, which are constructing Russian culture and Russian society. Among the most typical phenomena, determined philosophical senses of Russian sociality, first of all it is necessary to name aspiration to general welfare, search of ways to it, readiness to refuse from individualistic values in the name of integrity.

Keywords: social processes, ideocracy, outlook, Russian culture, Russian society.

Конец XX и начало XXI века стали для нашего Отечества временем больших испытаний и серьезных катаклизмов, периодом, в котором надежды сменялись разочарованиями, за которыми вновь брезжили новые чаяния. Процессы, происходившие в эти годы в государственном и социальном устройстве России, в различных областях ее культуры весьма нередко наталкивали мыслителей на определенные исторические аналогии, заставляя вспомнить, к примеру, революционные годы прошлого столетия или Смутное время. При всей естественности такого рода аналогий, тем не менее, следует хорошо давать себе отчет в том, что внешнее сходство может быть присуще различным по своей сути явлениям. Перестройка социальной системы, включенная в процессы государственных трансформаций эпохи петровских реформ или начала XX века, проходила в контексте развития, характерного для русского общества на протяжении многих столетий. Изменения, которые претерпевает российское общество в последние два-три десятилетия можно по праву назвать крупнейшим переворотом со времен принятия Русью христианства.

Петровские реформы, используя западный опыт и западные культурные формы, были призваны решать иные государственные и социальные задачи, нежели западноевропейские государства. Отсюда и Западе - формирование в своей базовой основе гражданского общества со свойственными ему ценностями и культурными приоритетами, в России – укрепление идеократической государственности в новых по сравнению со средневековьем формах. При этом обновленная идеократия по-прежнему сохраняет преобладание начала общего, государственного, коллективистского над личным, частным, индивидуальным. различия в результатах, которые видны к концу эпохи Просвещения. Преобразовательная деятельность Петра Алексеевича привнесла в российскую действительность новые формы государственной, общественной и культурной жизни, но не изменила

ядро российской культуры как культуры традиционной с центральным представлением о России и русском народе как субъекте исторического процесса, имеющем свою историю, свою судьбу, свой путь.

Социальные смыслы этих мировоззренческих оснований хорошо видны в "Табели о рангах", которая выстраивала социальную структуру в соответствии с желанием и возможностями каждого человека служить государству, то есть общему, самому важному делу в жизни каждого человека. В то же время четкая социальная структура позволяла на регулярной основе включить подданных огромной страны в общие процессы созидания, чрезвычайно актуальные для России того времени. Как отмечал Лотман, "идея порядка, "регулярного государства"... - это был вопль земли, которая еще не залечила раны "бунташного века"(Лотман, 1994, с. 22).

По-своему преломилась идея общего пути в дискуссиях, вошедших в историю русской мысли под названием спора западников и славянофилов. Как одна, так и другая сторона этой полемики исходила из стремления понять и увидеть путь, по которому должна пойти Россия как субъект исторического развития, включающий в себя весь русский народ вне социальных различий. Западники, критически взирая на российскую действительность, хотели видеть для России другую траекторию развития, выстроенную по аналогии с западноевропейской моделью, которая по сути была лишь некоторым мифом. Как отмечал Лотман, "русский западник был очень мало похож на реального человека Запада своей эпохи и, как правило, очень плохо знал Запад: он конструировал его по контрасту с наблюдаемой им русской действительностью" (Лотман, 1992, с. 117).

Вместе с тем, славянофилы в своих размышлениях о России тоже исходили из своего понимания специфики западного общества, с которым многие из славянофилов были знакомы достаточно хорошо. Их представление "об особом славянском существе русской культуры построено ... по аналогии или даже по модели романских и германских культур, которые уже достигли расцвета; задача русской культуры опять-таки сводится к тому, чтобы догнать их на своем особом, славянском пути, стремясь к равноценному или, в идеале, еще более высокому расцвету" (Кожин, 2009, с. 8).

События начала XX века при всей их радикальности не вывели Россию за рамки идеократии как ведущего принципа государственного и социального устройства. Изменилась лишь оболочка, внутри которой российское общество продолжило свое существование как общество традиционного типа. Как и прежде в системе ценностей сохранялся приоритет ценностей духовных над материальными, провозглашался духовный статус коллективизма, поддерживалась вера в силу Слова и мысли.

Великий русский философ Н.А. Бердяев отмечал, что "целостность христианского Востока противопоставляется рационалистической раздробленности и рассеченности Запада". И это стремление к целостности, став-

шее "основным русским мотивом", он обнаруживает и в строителях новой русской государственности XX века. "Русские коммунисты-атеисты утверждают целостность, тоталитарность не менее православных славянофилов" (Бердяев, 1990, с. 24).

Перемены, произошедшие в российском обществе в последние два с половиной десятилетия, в первую очередь определяются переходом к иной культурной и социальной модели, которая постепенно, но неуклонно вытесняет многовековые устои. Фундаментальность этих изменений связана с иным пониманием философско-мировоззренческих основ жизни человека в обществе. Смысл человеческой жизни в этой модели все больше оказывается связан с получением набора определенных благ, преимущественно материальных, а труд из творческого процесса, самовыражения, служения государству становится средством для получения жизненных благ.

Новая социальная и культурная модель не предполагает и утверждения общей судьбы, поскольку декларирует преобладание ценностей индивидуального порядка. Соборность и коллективизм, понимаемые как важнейшие ценности русского общества, позволяющие ему совместно двигаться по общему пути, уступают место так сказать "ячеистой" структуре, где миром семьи и ближайших знакомых исчерпывается круг, в котором человек заинтересован и к которому готов проявлять заботу. В этом смысле чрезвычайно интересны с мировоззренческой точки зрения "всплески" коллективизма и социальной солидарности, которые мы наблюдали в последние два года. Большая часть российского общества продекларировала готовность сознательно отказаться, пусть даже частично, от некоторых благ по имя общих смыслов и ценностей, которые до сих пор видятся как базовые, играющие решающую роль в сплочении общества.

Не менее показательным может быть сравнение отечественной социальной истории с западноевропейской. Существенные различия хорошо видны в тех ситуациях, где есть переходные процессы. К примеру, своеобразной "лакмусовой бумажкой" может стать анализ эпохи позднего средневековья, а также периода перехода от средневековья к новому времени. В исследованиях по истории культуры, искусствоведению, культурологии нередко проводят параллели между русской культурой XV-XVI веков и европейским Предвозрождением, между культурой Руси XVII и даже XVIII века и эпохой Возрождения в Западной Европе. Справедливо отмечают множество сходных черт, хотя и представленных в различных пропорциях. Среди самых заметных характеристик называют становление новых социально-экономических реалий, усиление индивидуального начала в культуре, нарастание светской составляющей, отход от превалирующего прежде традиционализма, появление критического отношения к незыблемым прежде ценностям, ширящееся распространение рационализма, поиск новых культурных и социальных смыслов. Принято указывать и на различия, среди которых на первом месте оказывается укрепление типичных для

средневековья принципов хозяйствования, а также – новое утверждение централизованной власти. Тем не менее, далеко не всегда причины этих различий усматривают в принципиальном различии философского понимания картины мира. И еще реже отмечают то, что внешне сходные социальные процессы могут базироваться на принципиально разных философских основаниях.

С некоторой степенью условности можно сказать, что в западной традиции вечное, общее оказалось побеждено временным, частным. Несмотря на то, что наступающая идеология нового времени несла в себе важные для человечества смыслы и по сей день именно она отождествляется с общечеловеческими смыслами, она, так сказать, бросила вызов вечности и провозгласила ценность преходящего, индивидуального.

Совсем иную картину мы наблюдаем в отечественной культуре. Конфликт старого, уходящего, и нового, его вытесняющего, нередко может восприниматься как противостояние различного понимания вечности. Но то, что на первый взгляд выглядит непримиримой борьбой различных социальных сил, нередко оказывается общим поиском вечных истин, в котором противоборствующие стороны чрезвычайно близки друг к другу. Хорошо заметно это на примере социальных и культурных процессов XVII века. Никониане и поборники старых обрядов, традиционалисты и латинствующие ведут поиск истины и аргументов, доказывающих их правоту, в древности и традиционности устоев, понимая это по-разному, но, не сомневаясь, что именно в этом и должна состоять правота. Несмотря на различия в позициях каждой из сторон, можно утверждать, что ожесточенность дискуссий была связана с мировоззренческим характером этих диалогов. Как писал блестящий знаток русской культуры этой эпохи А.М. Панченко, это был спор "об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоящем и будущем" (Панченко, 2008, с.124).

В уже упоминавшейся полемике западников и славянофилов оппоненты оказались ближе друг другу, чем многие идеологические соратники ныне. И та, и другая сторона исходит из идеальной модели, стремясь в первую очередь найти истину, а последует ли из этой истины преобразование реальности, становится не так важно. Можно вновь обратиться к словам Бердяева о том, что "русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному" (Бердяев, 1990, с.19).

В стремлении понять и осмыслить окружающую нас российскую действительность, изменить жизнь наших современников, нельзя не учитывать основополагающие основы русского миропонимания.

Литература

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Кожин В.В. Красная сотня. М.: Алгоритм, 2009.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.

Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур //Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т.1. Таллинн: "Александра", 1992. – С.110-120.

Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ //Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб.: ЗАО "Журнал "Звезда", 2008. – С.79-330.

Международная научно-практическая конференция

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА:
РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(25-27 апреля 2016 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЧАСТЬ 4

Научное издание

Печатается в авторской редакции